

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., О. А. Козадеров, д-р хим. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ.-мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С.А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., Сирота А.А., д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А.Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); И. А. Стернин, д-р филол. наук, проф.; О. Н. Чарыкова, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Акованцева Н. В.</i> МЕТОД СУБЪЕКТИВНОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИКИ В ПРАКТИКЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	5
<i>Баева Е. И., Суханова М. В.</i> НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ИСПАНСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ).....	9
<i>Белякова Г. В.</i> ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ ИНТЕРНЕТА ДЛЯ ДЕРИВАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
<i>Бобровская П. В.</i> ПОДРОСТКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	16
<i>Булавина М. О.</i> ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ КИНОИНТЕРПРЕТАЦИЯХ.....	21
<i>Верховых Л. Н.</i> РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНТРОПОНИМОВ XIX ВЕКА.....	25
<i>Долженков П. Н.</i> ОБЛОМОВ И ШТОЛЬЦ: РОССИЯ И ЗАПАД В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ».....	29
<i>Завьялова А. И.</i> «ИОАНН, ИЛИ ВЗЯТИЕ КАЗАНИ» М. С. РЫБУШКИНА: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ПЬЕСЫ И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.....	35
<i>Козельская Н. А., Стернин И. А.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ З. Д. ПОПОВОЙ.....	41
<i>Комарова М. М.</i> КОНЦЕПТ «НЕНАВИСТЬ» В СКАЗОЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК).....	45
<i>Митина Г. В.</i> ЗАКАТ И РАССВЕТ: СИСТЕМА ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА.....	50
<i>Неровная Н. А., Колтакова С. В., Коробко Л. В.</i> ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» ЭПОХИ ПЕТРА I В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	56
<i>Никонова Т. А.</i> О СЮЖЕТЕ, НАЗВАНИИ И КОНТЕКСТАХ ПЕРВОЙ КНИГИ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА».....	60
<i>Ряжских Е. А.</i> «ИЗВЕСТНАЯ БЛОГЕР»: О ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛОВОГО СОГЛАСОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА, ИМЕНУЮЩИХ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА (ИЗ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ СТУДЕНТАМ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ).....	65
<i>Саломатина М. С., Лазоренко А. Ю.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ РЕЦЕПТИВНЫХ СХЕМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА.....	68
<i>Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В.</i> УЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ХРИСТИАНСТВЕ И ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («БЕСЫ»).....	71
<i>Соловьева О. А.</i> СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ АНДРЕЯ НОВИКОВА «КОМБИНАТ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА».....	75
<i>Тернова Т. А., Насонов А. Л.</i> НЕОРЕАЛИЗМ КАК СМЫСЛОВАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА.....	78

<i>Торосян А. С., Зайцева И. А., Сатина Т. В.</i> ПРОЦЕСС МИФОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	82
<i>Динь Тхи Хонг Тхам, Чарыкова О. Н.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГРУППЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С ФОРМАНТОМ -СЯ.....	86
<i>Удодов А. Б.</i> ПЬЕСА М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: 120 ЛЕТ В ДИНАМИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ	89
<i>Аль-Рубаиави Хуссейн Шайяль.</i> ТИХОТВОРЕНИЯ И. А. БУНИНА О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ.....	92
<i>Черноусова И. П., Яссин Сарханг Раи Яссин.</i> ЭТНОНИМЫ В БЫЛИННОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ БЫЛИНЫ «ДОБРЫНЯ ЧУДЬ ПОКОРИЛ»).....	96
<i>Шестакова Е. Ю.</i> ПРИРОДНЫЙ МИР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ДЕТСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА (1907–1915 ГГ.).....	100

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Евдокимов В. А.</i> СИСТЕМА СООБЩЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ	106
<i>Ерицян А. Е.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ ..	111
<i>Кажикин А. А.</i> ОБРАЗ СОВРЕМЕННОКА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВЫПУСКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «КОММУНА»	114
<i>Карпий С. В.</i> МЕДИА В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ.....	117
<i>Колобов В. В.</i> ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ»: ПРИНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ОТКЛОНИТЬ	122
<i>Корнилова К. С., Царикова В. С.</i> РЫНОК РЕКЛАМЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19.....	125
<i>Короченский А. П.</i> ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ЖУРНАЛИСТСКУЮ НАУКУ БЕЛОРУССИИ.....	130
<i>Кульнев В. В., Масалыкин А. И.</i> ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕСКОВ И ВОРОНЕЖСКИЙ ЗАПОВЕДНИК.....	132
<i>Марчан К. В., Тулунов В. В.</i> ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ДАВЛЕНИЯ — К ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ.....	135
<i>Ничеговская М. А.</i> «БЛОКНОТ СТАВРОПОЛЬ» КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ В ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ	141
<i>Олешко В. Ф.</i> ТВОРЧЕСТВО КАК ЛИНИЯ ЖИЗНИ	144
<i>Петросян Д. В.</i> ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	147
<i>Романова С. В. А.</i> ЭКЗЮПЕРИ КАК ПИСАТЕЛЬ-ГУМАНИСТ НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА ОЧЕРКОВ О МОСКВЕ 1935 ГОДА.....	151
<i>Тюрина Е. В.</i> К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ И ФОРМАТАХ В ЖУРНАЛИСТИКЕ.....	156
<i>Федотова Л. Н.</i> ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НАДЕЖДЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИИ?.....	160
<i>Хань Цзясин.</i> ОСОБЕННОСТИ, РОЛЬ И СТРАТЕГИИ МЕСТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯНЬ).....	165
<i>Чайковская К. Б.</i> «НУВЕЛЛИСТ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	172
<i>Чжу Бокунь.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТЕЛЕСЕРИАЛА «ИМЕНЕМ НАРОДА».....	175
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	179

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2022. № 1. January – March

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Akovantseva N. V.</i> SUBJECTIVE EXPLICATION METHOD IN THE PRACTICE OF SEMANTIC RESEARCH	5
<i>Baeva E. I., Sukhanova M. V.</i> NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION IN PHRASEOLOGY (BASED ON RUSSIAN, SPANISH AND ITALIAN LANGUAGES).....	9
<i>Belyakova G. V.</i> ABOUT THE EXPERIENCE OF USING INTERNET SEARCH ENGINES FOR DERIVATIONAL RESEARCH.....	12
<i>Bobrovskaya P. V.</i> YOUNG-ADULT LITERATURE OF THE POST-SOVIET PERIOD	16
<i>Bulavina M.O.</i> GOGOL'S CREATION IN POSTMODERN FILM INTERPRETATIONS.....	21
<i>Verkhovykh L. N.</i> REVISE CENSUS DOCUMENTS AS A SOURCE OF STUDYING DIALECT FEATURES OF VORONEZH ANTHROPONYMS OF THE XIX CENTURY.....	25
<i>Dolzhakov P. N.</i> OBLOMOV AND STOLZ: RUSSIA AND THE WEST IN I. A. GONCHAROV'S NOVEL «OBLOMOV»	29
<i>Zavyalova A. I.</i> «IOANN, OR THE KAZAN SIEGE» BY M. S. RYBUSHKIN: A HISTORY OF PLAY'S PUBLICATION AND IT'S LITERARY SOURCES.....	35
<i>Kozelskaya N. A., Sternin I. A.</i> RESEARCH OF MODERN SPEECH PRACTICE AT SCIENTIFIC SCHOOL OF Z. D. POPOVA	41
<i>Komarova M. M.</i> THE CONCEPT OF "HATRED" IN THE FAIRY-TALE WORLD VIEW (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN FOLK TALES)	45
<i>Mitina G. V.</i> SUNSET AND SUNRISE: THE SYSTEM OF FIGURES AND MOTIVES IN I. A. BUNIN'S POETRY	50
<i>Nerovnaya N. A., Koltakova S. V., Korobko L. V.</i> THE BORROWED WORDS OF THE "MILITARY ART" THEMATIC GROUP OF PETER I EPOCH IN THE RUSSIAN LANGUAGE.....	56
<i>Nikonova T. A.</i> ON THE PLOT, TITLE AND CONTEXT OF THE FIRST BOOK OF SHOLOKHOV'S NOVEL "THE RAISED VIRGIN LAND"	60
<i>Ryazhskikh E. A.</i> THE PROBLEM OF SEMANTIC AGREEMENT OF MASCULINE NOUNS NAMING FEMALE PERSONS (FROM THE PRACTICE OF TEACHING STUDENTS OF THE FACULTY OF JOURNALISM)	65
<i>Salomatina M. S., Lazorenko A. Yu.</i> THE USING OF RECEPTIVE SCHEDULE PROCEDURE IN THE LINGUISTIC EXPERTISE OF THE TEXT	68
<i>Satarova L. G., Styuflyayeva N. V.</i> THE DOCTRINE OF TRUE CHRISTIANITY AND THE IMAGE OF ST. TIKHON OF ZADONSK IN THE WORKS OF F. M. DOSTOEVSKY ("DEMONS")	71
<i>Soloveva O. A.</i> THE SOCIO-HISTORICAL CONTEXT OF ANDREY NOVIKOV'S NOVELLA "THE COMBINE OF PUBLIC IMPROVEMENT"	75
<i>Ternova T. A., Nasonov A. L.</i> NEOREALISM AS A SEMANTIC AND AESTHETIC DOMINANT IN THE LITERATURE OF THE TWENTIETH CENTURY	78
<i>Torosyan A. S., Zaitseva I. A., Satina T. V.</i> THE PROCESS OF MYTHOLOGIZATION IN MODERN LITERATURE.....	82
<i>Din Thi Huong Tham, Charykova O. N.</i> RUSSIAN VERBS WITH THE FORMANT -СЯ IN THE MIRROR OF THE VIETNAMESE LANGUAGE	86

<i>Udodov A. B. M. GORKY'S PLAY "AT THE BOTTOM" AS AESTHETIC REALITY: 120 YEARS IN THE DYNAMICS OF PUBLIC RECEPTION</i>	89
<i>Al-Rubaiawi Hussein Shayal. I. A. BUNIN'S POEMS ABOUT THE MUSLIM EAST: CULTURAL CODES AND SEMANTICS OF IMAGES</i>	92
<i>Chernousova I. P., Yassin Sarhang Rash Yassin. ETHNONYMS IN THE EPIC TALE PICTURE OF THE WORLD (CASE STUDY: THE EPIC TALE "DOBRYNYA CONQUERS THE CHUDES")</i>	96
<i>Shestakova E. Yu. THE NATURAL WORLD IN THE WORKS ABOUT I. S. SHMELEV'S CHILDHOOD (1907-1915)</i>	100

JOURNALISM

<i>Evdokimov V. A. THE MESSAGE SYSTEM OF REGIONAL NETWORK NEWS AGENCIES</i>	106
<i>Yeritsyan H. E. FORMATION AND DEVELOPMENT TRENDS OF NEW GENRES OF JOURNALISM IN ONLINE MEDIA</i>	111
<i>Kazhikin A. A. THE IMAGE OF A CONTEMPORARY IN THE ILLUSTRATIONS OF POST-WAR ISSUES OF THE VORONEZH REGIONAL NEWSPAPER «COMMUNE»</i>	114
<i>Karpiy S. V. SPEAKING OF MEDIA IN THE CONTEXT OF STATE SELF-IDENTIFICATION</i>	117
<i>Kolobov V. V. FEDERAL LAW «ON POLITICAL ADVERTISING». ACCEPT CAN NOT BE DENIED</i>	122
<i>Kornilova K. S., Tsarikova V. S. ADVERTISING MARKET DURING THE COVID-19 PANDEMIC</i>	125
<i>Korochensky A. P. THE IMPORTANT CONTRIBUTION TO THE BIELORUS SCIENCE ON JOURNALISM</i>	130
<i>Kul`nev V.V., Masalykin A.I. VASILY MIKHAILOVICH PESKOV AND THE VORONEZH NATURE RESERVE</i>	132
<i>Marchan K. V., Tulupov V. V. FROM INFORMATION CONFRONTATION AND PRESSURE – TO THE INFORMATION WAR</i>	135
<i>Nichegovskaya M. A. «NOTEBOOK STAVROPOL» AS AN INFORMATION RESOURCE ABOUT THE SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION IN EVERYDAY DISCOURSE</i>	141
<i>Oleshko V. F. CREATIVITY AS A LIFE LINE</i>	144
<i>Petrosyan D. V. TRANSFORMATIONS OF PERSONAL IDENTITY IN VIRTUAL REALITY</i>	147
<i>Romanova S. V. THE HUMANISTIC POSITION OF A. DE SAINT-EXUPERY ON THE EXAMPLE OF SERIES OF ESSAYS ABOUT MOSCOW IN 1935</i>	151
<i>Tyurina E. V. ON THE QUESTION OF GENRES AND FORMATS IN JOURNALISM</i>	156
<i>Fedotova L. N. PUBLIC OPINION POLLS: HOPES OR ILLUSIONS?</i>	160
<i>Han Jiaxing. FEATURES, ROLE AND STRATEGIES OF LOCAL MASS MEDIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF NATIONAL UNITY (USING THE EXAMPLE OF XINJIANG PROVINCE)</i>	165
<i>Chaikovskaya K. B. «NOUVELLIST» AND ITS SIGNIFICANCE FOR RUSSIAN MUSIC JOURNALISM</i>	172
<i>Zhu Bokun. FEATURES OF THE LANGUAGE OF THE TV SERIES «IN THE NAME OF THE PEOPLE»</i>	175
<i>SUBMISSION GUIDELINES</i>	179

МЕТОД СУБЪЕКТИВНОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИКИ В ПРАКТИКЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. В. Акованцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 31 декабря 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является описание семантики слова *ОТДЫХ* экспериментальным методом субъективной экспликации семантики. Показана методика описания и оцениваются результаты описания, обсуждается их перспективность.

Ключевые слова: семантика, эксперимент, субъективная экспликация значения.

Abstract: the purpose of this study is to describe the semantics of the word *ОТДЫХ* by the experimental method of subjective explication of semantics. The method of description is shown and the results of the description are assessed, their prospects are discussed.

Keywords: semantics, experiment, subjective explication of meaning

Метод субъективной экспликации семантики является одним из антропометрических методов экспериментальной семасиологии, предполагающей постановку перед группой испытуемых задачи – вербально сформулировать собственное понимание значения интересующего исследователя слова. Испытуемый в ходе ответа на поставленный вопрос создает собственный экспликативный (объяснительный) текст (минисочинение, эссе), который потом изучается и интерпретируется исследователем [1, 41] в целях формулирования психолингвистического значения исследуемого слова.

Нами было исследовано методом субъективной экспликации значение слова *ОТДЫХ* в современном языковом сознании носителей языка. Испытуемыми явились студенты медико-биологического факультета Воронежского государственного университета — 131 человек. Опрос проводился осенью 2021 года при помощи платформы дистанционного обучения Moodle в рамках преподаваемой дисциплины «Деловое общение и культура речи».

Испытуемые получили следующую инструкцию:

Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы изучаем, как понимают значения слов современные носители русского языка. Просим Вас написать небольшое эссе, начинающееся со слов «Отдых для меня — это...». Объем текста — не более 1 с.

Все ваши ответы будут правильными. Нас интересует ваше личное мнение.

В качестве примера приведем некоторые полученные ответы:

Для меня же отдых также, как и для большинства, является возможностью восстановления эмо-

ционально и физического состояния, после определенной работы. Во избежание информационного перенасыщения и последующих за ним ментальных расстройств я предпочитаю проводить свободное время 3 разными способами.

1. Активный отдых. На мой взгляд, наилучший вариант для тех, кто долгое время занимался умственным трудом. *Прогулка по парку, езда на велосипеде, катание на коньках* — все это позволяет отдохнуть нашему мозгу, дает нашему телу нагрузку, без которой трудно чувствовать себя здоровым человеком.

2. Встреча с друзьями. *Времяпровождение с близкими людьми* помогает мне эмоционально разрядиться, дает возможность обсудить и решить какие-либо проблемы, а также услышать совет. Встречи с друзьями можно совмещать с *прогулками на природе, по городу, ужином* и многим другим, что непременно будет *отвлекать нас от насущных дел*.

3. Сон. Самое простое, что я могу дать своему организму после усердной работы — это сон. Многие люди, а в большинстве своем — подростки, пренебрегают им, надолго погружаясь в интернет или допоздна занимаясь уроками. Но это категорически неверно, ведь *только во время сна организм восстанавливается, и происходит упорядочивание мыслей*. Лично я после полноценного ночного отдыха чувствую себя бодрой, готовой к решению новых задач. В заключение хочу сказать, что отдых — это ценное время, необходимое нашему организму для восстановления, поэтому распределять такой ресурс нужно с умом, не растрчивая минуты на социальные сети.

***

Отдых для меня — это *смена рода деятельности*. Во-первых, это доказано биологически: за выполнение разных видов деятельности отвечают разные

отделы головного мозга. Например, занятие математикой нагружает левое полушарие мозга, а рисование — правое. Несложно догадаться, что при последовательном занятии математикой, а затем рисованием, полушарие, ответственное за точность вычисления, в это время будет отдыхать. Во-вторых, я думаю, каждый знаком с чувством тяжести, которое возникает, когда приступаешь к работе после длительного отдыха. Поэтому гораздо лучше во время отпуска позаниматься чем-то ещё, не дать организму растерять форму. Например, позаниматься делами, которые в рабочее время постоянно откладывали на потом. В-третьих, если заниматься одним и тем же с периодическими перерывами, мозг начнёт уставать от однообразности сферы деятельности, что в последующем может привести к потере интереса к этой сфере. Например, невозможно постоянно заниматься изучением учебников по биологии. Даже при условии изучения разных тем, сама сфера биологических наук теряет свою увлекательность. Я сам столкнулся с подобной проблемой ещё на стадии обучения в колледже. Поначалу — первые два курса — всё казалось невероятно интересным и необычным, но со временем изучаемые темы приелись, и только один-два предмета из всех новых в каждом семестре представляли интерес. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что лучший отдых — это *смена рода деятельности*, ведь только в таких условиях возможно сохранить прежний уровень работоспособности.

***

Отдых для меня — это *род деятельности, во время которой сознание переключается на что-то другое*. Для каждого понятие «отдыха» различно. Для одних — это занятие спортом, для вторых — спокойная прогулка, третьи же предпочтёт прочесть книгу в тишине. Чаще всего мой отдых заключается в том, что я *слушаю музыку, смотрю фильмы или провожу время с друзьями*. Отдых — неотъемлемая часть жизни каждого человека, поскольку все люди периодически нуждаются в расслаблении, отвлечении от повседневных забот, работы, учебы и многих других проблем. Именно он очищает сознание и помогает забыть о тревогах. Без отдыха человек быстро теряет силы и утомляется, а иногда даже выгорает. Для того чтобы восстановить силы, люди занимаются любимым делом. Например, мой дед увлекается рыбалкой. Данный процесс его расслабляет, приводит мысли в порядок. Наслаждение природой оказывает положительный эффект на организм человека. На природе человек чувствует прилив сил, бодрости. Недаром говорят, что лучше всего отдыхать на лоне природы. И. П. Павлов говорил: «Отдых — это перемена вашей деятельности». И правда, с его высказыванием нельзя не согласиться, ведь чередование умственного и физического труда поочередно

задействует органы и из системы в работу, давая другим передышку для восстановления. Смена занятий очень полезна для человека. Она помогает взбодриться, улучшает обмен веществ и поднимает настроение. Таким образом, отдых — это *временное проведение, целью которого является восстановление сил, время, свободное от работы*. Он позволяет нам *привести сознание в порядок, расслабиться и хорошо провести время*.

Из полученных мини-сочинений были выделены конкретные признаки отдыха, выделенные испытуемыми (*смена видов деятельности, состояние покоя, прогулка, чтение книг, рисование, побыть наедине с собой, слушать музыку, смотреть фильмы, провести время с друзьями и близкими* и т.д.), которые затем методом семантической интерпретации были описаны как компоненты семантики слова-стимула *ОТДЫХ* в языковом сознании испытуемых, из которых далее было сформулировано психолингвистическое значение слова *ОТДЫХ* в языковом сознании испытуемых.

Психолингвистическое значение слова — это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [1, 97]. Психолингвистическое значение описывается методом семантической интерпретации результатов психолингвистических экспериментов как актуализации отдельных семантических компонентов семантики слова [1, 139–164].

Индекс яркости семы ИЯ (термин введен в [2, с. 96]) и вычисляется как отношение количества актуализировавших данный семантический компонент в эксперименте информантов к общему числу участников эксперимента. Совокупный индекс яркости значения (СИЯ) — сумма индексов яркости образующих значение сем.

ОТДЫХ

131 ии

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

1. Развлечения

Развлекаться — 0,05, например, приятное времяпрепровождение в компании с друзьями, близкими людьми — 0,54, читать книги — 0,27, гулять на свежем воздухе — 0,27, смотреть фильмы, сериалы — 0,27, занятие любимым делом, хобби — 0,23, слушать музыку — 0,22, рисовать — 0,17, заниматься рукоделием — 0,07, играть в компьютерные игры — 0,05, играть на музыкальном инструменте — 0,03, сидеть в интернете — 0,03, играть в настольные игры, пазлы — 0,02, смотреть видеоролики 0,02, заниматься домашними животными 0,02 (наедине с собаками — 2, дрессировка — 1), посещать достопримечательности — 0,02, посещать музеи, выставки — 0,02, ходить в театр — 0,02, играть в компьютерные игры по сети,

общаясь с друзьями (новый вид игр и общения одновременно) — 0,02, создание 3D-моделей, игр, артов с помощью компьютерных программ (творчество при помощи компьютера) — 0,02, (проводить время) в кафе 0,02 (в кофейне, в кафе — 1), танцевать — 0,01, писать стихи — 0,01, ездить на рыбалку — 0,01, заниматься радиотехникой — 0,01, смотреть соревнования по киберспорту — 0,01, петь — 0,01
СИЯ — 2,41

2. Пребывание в одиночестве, в тишине и покое, чтобы подумать и отвлечься от дел и волнений

Пребывание в одиночестве, в уединении с собой, в тишине, ничегонеделание, пребывание в покое, чтобы подумать — 0,37, отвлечься от дел и волнений — 0,27, расслабиться — 0,14, лежать в ванне — 0,05, заниматься йогой, медитировать — 0,02, расслабиться и быть собой — 0,01
СИЯ — 0,85

3. Смена видов деятельности для восстановления сил

Смена рода деятельности — 0,19, для восстановления сил — 0,16, чтобы зарядиться положительной энергией — 0,03, повысить работоспособность — 0,02
СИЯ — 0,40

4. Время, свободное от работы, учебы

Время, свободное от работы, учебы — 0,27, побыть (остаться) дома — 0,02
СИЯ — 0,30

5. Спать, лежать

Спать — 0,19, лежать — 0,09
СИЯ — 0,28

6. Заниматься спортом

Заниматься спортом — 0,16, кататься на коньках — 0,02, кататься на сноуборде — 0,01, футбол (смотреть, играть) — 0,01, кататься на велосипеде — 0,01, играть в волейбол — 0,01
СИЯ — 0,21

7. Заниматься домашними, повседневными делами

Делать уборку в доме — 0,05, вкусно поесть — 0,03, готовить еду — 0,01, поесть в кровати — 0,01, пить кофе, варить кофе — 0,01, ходить в ТЦ, покупать что-то — 0,02, провести косметические процедуры — 0,01
СИЯ — 0,12

8. Проводить время на природе

Находиться на природе — 0,06, на море — 0,02, ходить в горы — 0,02, лежать на пляже — 0,01
СИЯ — 0,11

9. Путешествовать

Путешествовать — 0,08
СИЯ — 0,08

То же, что: перерыв — 0,01

Фразы: награда за наш труд — 0,01

Не интерпретируются: о необходимости отдыха — 0,01, занятие, приносящее пользу — 0,01, увлечение — 0,01, приятная обстановка — 0,02, плакать (снять эмоциональное напряжение) — 0,01, любоваться салютом — 0,01.

Отказы — 0

Результаты эксперимента позволяют сделать как лингвистические (семантические), так и когнитивные выводы.

Полевая структура семантики лексемы ОТДЫХ включает 9 значений.

Ядерным является значение *Развлечения*, оно имеет наиболее высокий совокупный индекс яркости — первое (наиболее высокий СИЯ — 2,41).

К ближней периферии относится значение *Пребывание в одиночестве, в тишине и покое, чтобы подумать и отвлечься от дел и волнений* (СИЯ — 0,85).

Дальнюю периферию образуют значения *Смена видов деятельности для восстановления сил* (СИЯ — 0,40); *Время, свободное от работы, учебы* (СИЯ — 0,30); *Спать, лежать* (СИЯ — 0,28); *Заниматься спортом* (СИЯ — 0,21).

Крайняя периферия — *Заниматься домашними, повседневными делами* (СИЯ — 0,12); *Проводить время на природе* (СИЯ — 0,11); *Путешествовать* (СИЯ — 0,08).

Наиболее яркие семы психолингвистических значений лексемы ОТДЫХ: пребывание в одиночестве, в уединении с собой, чтобы подумать — 0,37, приятное времяпрепровождение с друзьями, близкими людьми — 0,54, время, свободное от работы, учебы — 0,27, читать книги — 0,27, гулять на свежем воздухе 0,27, смотреть фильмы, сериалы — 0,27, занятие любимым делом, хобби 0,23, слушать музыку 0,22.

Выявляются три основных когнитивных аспекта осмысления отдыха испытуемыми в эксперименте:

— определение (СИЯ — 0,39) (*время, свободное от работы, учебы; смена рода деятельности; перерыв*).

— виды отдыха (СИЯ — 3,82) (*приятное времяпрепровождение в компании с друзьями, близкими людьми; пребывание в одиночестве, в уединении с собой, в тишине, ничегонеделание, пребывание в покое, чтобы подумать; читать книги; смотреть фильмы, сериалы; гулять на свежем воздухе; заниматься любимым делом, хобби; слушать музыку; рисовать; заниматься спортом; лежать; спать; путешествовать; заниматься рукоделием; находиться на природе; развлекаться; играть в компьютерные игры; лежать в ванне; делать уборку в доме; вкусно поесть; играть на музыкальном инструменте; сидеть*

в интернете; побыть (остаться) дома; играть в настольные игры, пазлы; смотреть видеоролики; заниматься йогой, медитировать; на море; ходить в горы; наедине с собаками; готовить еду; играть в компьютерные игры по сети, общаясь с друзьями (новый вид игр и общения одновременно); создание 3D-моделей, игр, артов с помощью компьютерных программ (творчество при помощи компьютера); ходить в ТЦ, покупать что-то; посещать достопримечательности; кататься на коньках; посетить музеи, выставки; сходить в театр; пребывать в приятной обстановке; танцевать; поехать в кровати; провести косметические процедуры; увлечение; в кофейне, в кафе; пить кофе, варить кофе; писать стихи; ездить на рыбалку; дрессировка; кататься на сноуборде; заниматься радиотехникой; футбол (смотреть, играть); смотреть соревнования по киберспорту; плакать (снять эмоциональное напряжение); лежать на пляже; любоваться салютом; кататься на велосипеде; играть в волейбол; петь).

— цели отдыха (СИЯ — 0,68): (для восстановления сил; различный вид деятельности в удовольствие, развлечения; чтобы зарядиться положительной энергией; для повышения работоспособности; чтобы не думать ни о чем, отвлечься, не думать о делах, проблемах, не волноваться; расслабиться; расслабиться и быть собой).

В эксперименте выявляются дефиниции слова «отдых», относящие отдых к смысловым категориям — время, свободное от работы, учебы; восстановление сил, смена рода деятельности.

Выявляется достаточно много конкретных способов развлечения как проведения отдыха (38 видов — читать книги, заниматься йогой, медитировать, смотреть видеоролики, сходить в театр, петь, танцевать, делать уборку в доме, заниматься рукоделием, путешествовать и др.), а также несколько видов спорта, которыми можно заниматься на отдыхе (кататься на коньках, кататься на сноуборде,

футбол (смотреть, играть), кататься на велосипеде, играть в волейбол).

Очень яркой оказалась тема «одиночество» — побыть с самим собой, чтобы подумать — 0,64. Достаточно ярко представлены темы спать, слушать музыку; новые признаки — йога и медитация.

Результаты эксперимента по субъективной дефиниции значения позволяют предположить, что предлагаемое испытуемым задание ориентирует испытуемых на собственное осмысление отдыха, что приводит к более концептуальному описанию смысла слова. Результаты скорее описывают представления испытуемых о том, каким должен быть идеальный, «правильный» отдых. Они стараются себя приукрасить, описывая свой отдых как реализацию некоторых задач и своих принципов. В результатах нет симиляров и всего один опозит; удивительно, что практически нет темы море, мало путешествий, зато есть очень яркое значение побыть одному; представлены виды интеллектуальных развлечений (театр, выставки, музеи), нет пребывания в учреждениях отдыха (типа турбаза, санаторий); мало готовых фраз. Отказов нет. В целом можно сделать вывод, что отдых в дефиниционном эксперименте предстает в более идеализированном и концептуальном виде.

Практическая значимость подобного исследования — возможность понять, как сейчас отдыхает молодежь, какие способы, виды отдыха предпочитает, дать совет о том, как провести свободное время, чем заняться на отдыхе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернин И. А. Психолингвистическое значение и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — 2011: LAP LAMBERT Academic Publishing. — 192 с.
2. Левицкий В. В. Экспериментальные методы в семиологии / В. В. Левицкий, И. А. Стернин. — Воронеж: Изд. ВГУ, 1989. — 194 с.

Воронежский государственный университет
Акованцева Н. В., старший преподаватель кафедры
общего языкознания и стилистики филологического факультета
E-mail: nadin@phil.vsu.ru

Voronezh State University
Akovantseva N. V., senior teacher of the chair of general
linguistics and stylistics of philological faculty
E-mail: nadin@phil.vsu.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ИСПАНСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Е. И. Баева, М. В. Суханова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.

Аннотация: в работе производится семантический анализ итальянских, испанских и русских фразеологизмов, внутренняя форма которых основана на жесте. Изучается связь между семантикой фразеологизма и соответствующего жеста. На примере толкований русского фразеологизма *махнуть рукой* проиллюстрированы разнообразные типы соответствий в испанском и итальянском языках.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, фразеологизм, жест, внутренняя форма, семантика, жестовая идиома.

Abstract: the paper is devoted to semantic analysis of Italian, Spanish and Russian phraseological units, depicting gestures in their inner form. The relationship between the meaning of a gesture and that of the corresponding phraseological unit is examined. Using the example of the interpretation of the Russian idiom (*«махнуть рукой»* - wave the hand), various types of translation in Spanish and Italian are illustrated.

Keywords: contrastive analysis, phraseological unit, gesture, inner form, semantics, gesture idioms.

В данной работе мы затрагиваем проблему отражения невербальных компонентов коммуникации в семантике фразеологизмов. Мы ставим целью сопоставить семантику русских фразеологизмов с невербальной внутренней формой с их испанскими и итальянскими соответствиями.

При сопоставлении целесообразно «идти» от родного языка. «Родной язык в качестве исходного удобнее в связи с тем, что исследователю легче выделять в своем родном языке стилистические семы, легче определять степень актуальности используемой единицы, её относительную употребительность в языке, легче выделить эмоциональные и оценочные коннотативные семы, а также легче обнаружить периферийные семы денотативного значения в силу собственной языковой интуиции» [1, 53–54].

В качестве материала для контрастивного анализа мы избрали русскую фразеологическую единицу «махнуть рукой». Рассмотрение фразеологии в контрастивном аспекте является одним из новых направлений в лингвистике, вызывающим всё больший интерес исследователей [1, 58]. В статье используются контрастивные методы, предложенные в монографии М. А. Стерниной и И. А. Стернина «Сопоставление как лингвистическая методология».

Фразеологизмы являются культурно-специфическими единицами, которые трудны для усвоения даже носителями языка, не говоря уже об инофонах. Поэтому их неверное использование нередко становится причиной коммуникативных неудач. Многие жесты, используемые носителями одного языка,

можно «перевести» на соответствующий вербальный язык, и на другой, «иностранный» жестовый язык. Г. Е. Крейдлин утверждает, что проблемы перевода, связанные с жестовыми языками, примерно те же, что и проблемы, касающиеся перевода с одного естественного языка на другой [2, 49]. Согласно Т. Е. Акишиной, если человек не владеет иностранным языком, он особенно внимательно следит за неязыковыми знаками, пытаясь их «прочитать». Из-за того, что человек не знает национальной специфики этого языка, он может «читать» их неверно [3, 143].

«В русском языке есть фразеологические единицы, восходящие к свободным словосочетаниям, называющим конкретные физические движения человека: сделать большие глаза, раскрыть глаза («удивиться»), указать на дверь («выгнать»), опустить руки («отчаяться») и т.п. Свободное сочетание того же словесного состава называет действительный жест, произвольный или производимый с разными целями (Когда он махнул рукой, все встали; он махнул рукой, и огонь погас). Фразеологическое значение у сочетания возникает в том случае, когда физическое действие является характерным внешним проявлением определенного внутреннего состояния человека (махнуть рукой — «выразить чувство безнадежности»). Очень часто свободное значение сочетания (обозначение действительного жеста) и фразеологическое значение сосуществуют (говорится о жесте, выражающем внутреннее состояние» [4, 94].

Жест «махнуть рукой» передает эмоциональное проявление русского фаталистического начала: **махнул рукой**, и наступает принятие и смирение.

Проанализировав русские фразеологические словари, мы выделили следующие значения данного фразеологизма: «подать знак рукой», «перестать заниматься, интересоваться кем-чем-н., убедившись в бесполезности своих усилий» и «перестать обращать внимание на кого, что-л., прекращать заниматься кем-, чем-л.» [5,6,7,8]. Также «махать рукой» может означать «приветствие» как жест.

В качестве эмпирического материала в данной работе используются выражения «махать/махнуть рукой», зафиксированные в словарях, а также в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [10] и его переводах на итальянский [11] и испанский [12] языки.

В таблице 1 рассмотрено выражение *махнуть рукой* как свободное сочетание:

Таблица 1.

Русские, испанские и итальянские примеры в сопоставлении

Русский язык	Итальянский язык	Испанский язык
И всё, что мне нужно сделать... махнуть рукой ... и она вас пристрелит.	E tutto ciò che devo fare... è alzare la mia mano ... e lei ti sparerà	Todo lo que tengo que hacer... es mover mi mano ... y ella te disparará.
Мы провели несколько экспериментов, мы опутали бедных пациентов сетью электродов и заставили выполнять наши задания, согнуть палец, махнуть рукой , потянуться за чем-нибудь, и записали всю информацию.	Abbiamo eseguito degli esperimenti in cui abbiamo sommerso di elettrodi i nostri poveri pazienti e poi abbiamo assegnato loro tanti compiti diversi — dalla contorsione di un dito all'estensione di tutto il braccio per raggiungere un oggetto — e abbiamo registrati tutti i dati.	Hicimos algunos experimentos en los que saturamos a los pobres pacientes con millones de electrodos para que hicieran más de veinte tareas diferentes; desde encorvar un dedo hasta mover todo el brazo para alcanzar algo; y registramos la información

Выражение *махнуть рукой* не несет здесь никакого дополнительного смысла, однако направление движения (*alzare* (поднять), *muovere* (двигать), *mover*) в переводах отличается, и русскому слову *рука* в его основном значении соответствуют по два итальянских (*mano*, *braccio*) и испанских (*mano*, *brazo*).

Рассмотрим это выражение в значении *прощания*.

При расставании русские, испанцы и итальянцы машут рукой как знак прощания, но делают это разным образом. Русские: ладонь обращена от себя и раскачивают ее вперед и назад. Итальянцы и испанцы при прощании машут рукой таким же образом, как и русские, только ладонь у них направлена на себя. Стоит обратить внимание, что в России данный жест означает «иди сюда». Можно представить, что при коммуникации русских и итальянцев произойдут недоразумения, т.к. русские, когда зовут подойти, поворачивают руку ладонью к себе, а при прощании руку разворачивают от себя [13, 105].

При переводе на итальянский и испанский языки не уточняется, какой именно жест используется:

«Вдруг он остановился и увидел, что на другой стороне улицы, на тротуаре, стоит человек и **машет ему рукой**». (значение — «дать знак») [10, 246] «A un tratto si fermò e vide dall'altro lato della strada, sul marciapiede, un uomo che gli faceva dei **cenni con la mano**» («делать знаки рукой») [11, 190].

De pronto se detuvo y miró a un hombre que desde la otra acera **le llamaba con la mano** [12, 189].

При анализе переводов романа Ф. М. Достоевского мы выделили большое количество примеров с выражением «махнуть рукой» в значении выражения определенных чувств (пренебрежения, раздражения, нетерпения, стыда). При переводе на испанский и итальянский языки используются следующие трансформации:

— замещение *il gesto* (жест) + прилагательное (*stizzito*, *infastidito*, *irritato*, *seccato*, *rassegnato*); *il gesto + Di + (esasperazione, insofferenza)*; глагол (*agitare*, *scuotere*) + *la mano* (рукой).

Исп: *hacer un gesto para rechazar; repetir el gesto de rechazar a alguien;*

sacudir la mano con ademán desdenoso; (пренебрежение)

con un ademán violento; (раздражение)

hacer un ademán de impaciencia, incluso de cólera; (нетерпение)

avergonzar de su brusco ademán (стыд)

— отсутствие эквивалента « — После, — слабо проговорил он, — ступай! — и **махнул рукой**» [10, 65]. «Dopo,» mormorò a stento, chiudendo di nuovo gli occhi e voltandosi verso la parete [11, 37]. Данный прием чаще встречается в испанском, например: Не понимаете вы меня! — раздражительно крикнула Катерина Ивановна, **махнув рукой** [10, 167]. - ¡No me comprende usted! - exclamó Catalina Ivanovna con una mezcla de irritación y desaliento [12, 126].

Не во всех примерах номинация жеста сопровождается выполнением самого жеста. Данное выражение со значением безразличия может употребляться в тексте и не сопровождаясь соответствующим жестом. Тогда используются следующие выражения: **lasciar perdere, non volere più sapere di, dire addio (ит)**; и испанские выражения «отмахнуться от чего-либо»: **hacer un gesto para rechazar; repetir el gesto de rechazar a alguien.**

В настоящее время фразеология становится актуальным предметом исследования в связи с повышением интереса лингвистов к языковой картине мира — фразеология составляет яркую и национально-своеобразную часть языковой картины мира любого народа [1, 57]. «Обычно языковая кар-

тина мира, рисуемая тем или иным языком, связывается с его лексикой, что совершенно естественно: именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности системной организацией лексики, не допускающей наложение одной системы на другую. Поэтому семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением, пожалуй, некоторых терминологических образований), а имеются лишь различного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе» [14, 10].

Соответствия в русском, итальянском и испанском языках совпадают по семантической структуре, то есть имеют одно и то же значение, но синтаксическая структура фразеологизмов разная, то есть лексические составляющие не совпадают. В итальянском и испанском языках мы не всегда находим соматический элемент (рука), чаще он заменяется на "gesto" или отсутствует. Это связано прежде всего с тем, что жест «махнуть рукой» национально специфичен для русского народа.

Жестовый язык представляет собой ярко выраженный этнокультурный пласт явлений в поведении представителей конкретного языкового сообщества, в частности русских, испанцев и итальянцев. Что касается непосредственно сферы употребления жестов рук, то их ведущая функция — коммуникативная. Они используются для привлечения внимания человека и установления с ним коммуникативной связи, для последующего воздействия на партнёра. Они могут выражать чувства и отношения адресанта к другому человеку.

Адекватное владение невербальным языком включает в себя не только использование жестов как элементов семиотического кода, но и знание средств их словесного описания. Вербализация компонентов, связанных с жестами рук, характеризует коммуникативный процесс и является языковой фиксацией культурного опыта. Фразеологизмы с жестовой внутренней формой в ряде случаев проявляют свои специфические национальные особенности, что отражается и в художественном тексте.

Воронежский государственный университет

Баева Е. И., доцент кафедры романской филологии факультета романо-германской филологии

E-mail: katybaev@yandex.ru

Суханова М. В., доцент кафедры романской филологии

факультета романо-германской филологии,

E-mail: suhmarina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Стернина М. А. Сопоставление как лингвистическая методология / М. А. Стернина, И. А. Стернин. — Воронеж: РИТМ, 2021. — 215 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
3. Акишина А. А. Жесты и мимика в русской речи: лингвострановедческий словарь / А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. — М.: Рус. яз., 1991. — 14 с.
4. Валюсинская-Донскова З. В. К вопросу об отношениях фразеологизма и словосочетания / З. В. Валюсинская-Донскова // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц / Издательство и типография газеты «Коммунар». — Тула, 1968. — С. 93–95.
5. Лопатин В. В. Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35000 слов / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — М.: Рус. яз., 1990. — 704 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1998. — Т. 2. 2.
7. Жуков В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков. — М.: Русский язык, 1987.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1989.
9. Черданцева Т. З. Итальянско-русский фразеологический словарь = Dizionario fraseologico italiano-russo: около 23000 фразеологических единиц / Т. З. Черданцева, Я. И. Рецкер, Г. Ф. Зорько; ред. Я. И. Рецкер. — М.: Русский язык, 1982. — 1056 с.
10. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Роман / Ф. М. Достоевский. — М.: Дрофа, 2002. — 637 с.
11. Martini Mauro Delitto e castigo. — Roma: Newton Edizioni, 1997. — 560 p.
12. Rafael Cansinos Assens Crimen y castigo. — Madrid: Edición de Rafael M. Cansinos Galán, 2015. — 367 p.
13. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1983. — 269 с.
14. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю. А. Рылов; Воронеж. гос. ун-т. Каф. роман. филологии; Науч. ред. В. Б. Кашкин. — Воронеж, 2003. — 272 с.
15. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография. — 2-е изд., сокр. — СПб.: Книжный дом, 2015. — 236 с.

Voronezh State University

Baeva E. I., Senior Lecturer of the Department of Romance Philology

E-mail: katybaev@yandex.ru

Sukhanova M. V., Senior Lecturer of the Department of Romance Philology

E-mail: suhmarina@mail.ru

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ ИНТЕРНЕТА ДЛЯ ДЕРИВАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. В. Белякова

Астраханский государственный университет

Поступила в редакцию 7 декабря 2021 г.

Аннотация: использование статистических данных «Яндекса» и Google позволило определить способность смоделированных суффиксальных *nomina loci* конкурировать с существующими дериватами, обладающими периферийной мотивацией. Привлечение к исследованию обширного лингвистического материала даёт возможность сделать обоснованные выводы о востребованности того или иного производного с локативным значением.

Ключевые слова: *nomina loci*, производные слова, периферийная мотивация, словообразовательное моделирование, деривация.

Abstract: the using of statistics from Yandex and Google makes possible to determine the ability of the modeled suffix *nomina loci* to compete with the existing derivatives with peripheral motivation. Involvement of extensive linguistic material gives reasonable conclusions about the demand for one or another derivative with a local meaning.

Keywords: *nomina loci*, derivative words, peripheral motivation, word-formation modeling, derivation.

Лингвисты (в особенности дериватологи), проводя исследование, нередко прибегают к моделированию не зафиксированных в словарях языковых единиц той или иной заданной структуры с тем или иным искомым значением (в том числе — словообразовательным). При этом для верификации, как правило, проводятся опросы некоторого (обычно — не очень значительного) числа респондентов. Подобный способ подтверждения гипотез, безусловно, имеет право на существование, но его использование вряд ли позволит получить полную и объективную деривационную картину.

Решением подобной проблемы может стать привлечение данных поисковых систем Интернета, представляющих собой «новый лингвистический источник с большими возможностями» [1, 101]. Признание интернет-ресурсов полноценной составляющей источниковой базы деривационного исследования обусловлено согласием с тем, что «...интуитивный принцип должен и может на практике быть дополнен объективистским принципом, а эвристический («встретилось — зафиксировали») — системным, подразумевающим поиск дериватов в направлении «от единиц словообразовательной системы к их лексической реализации» [1, 101].

Нами была изучена конкуренция производных слов с периферийной мотивацией (ПМ) посредством использования возможностей поисковых систем Интернета.

При анализе способов восполнения лакун словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных мы пришли к выводу,

что вид ограничений, связанный с отношениями ПМ, «занимает промежуточное положение между отталкивающими и неотталкивающими ограничениями: существующее производное занимает пустую клетку, но при этом занимает не полностью, оставляя место для «соседей-конкурентов» [2, 111].

В ряде случаев образование «параллельных» дериватов представляется весьма сомнительным в связи с действием различного рода ограничений. При этом немало производных с ПМ практически провоцируют появление дериватов с тем же лексическим значением. Восполняются ли подобные лакуны? Все ли потенциальные дериваты образуются и, главное, используются? Вытесняют ли новые производные существующие?

Объектом данного исследования стали две группы суффиксальных локативов, зафиксированных поисковыми системами «Яндекс» и Google (дата обращения — 14 мая 2021 года). В обоих случаях основным словообразовательным формантом является суффикс *-ниц(a)*, а частным словообразовательным значением — «место, где хранится то, что названо производящей основой».

Первая группа включает суффиксальные *nomina loci*, называющие вместилище для хранения обуви.

Лексикографическую фиксацию в толковых словарях, по нашим наблюдениям, имеет только локатив *галошница*: «шкафчик или полочка для галош, уличной обуви» [3, 125]; «шкафчик или полка для галош, уличной обуви» [4, 359]. Вариант *калошница* обнаружен лишь в некоторых орфографических словарях.

Основываясь на этих данных, можно предположить, что *галошница* является хронологически первым дериватом со значением «предмет мебели

для хранения обуви». Ещё одним доказательством «недавности» появления этого локатива, думается, может служить тот факт, что в Национальном корпусе русского языка представлено несколько иллюстраций к слову *галошница* со значением женскости из текста первой трети XX века и одна — со значением «место» из текста начала XXI века.

В данном случае в качестве исходного был выбран один из согипонимов. Таким образом, лакуна

была восполнена частично: в качестве потенциальных производящих могли выступить гипероним *обувь* либо согипонимы.

Эту гипотезу мы решили проверить с помощью поисковых систем Интернета. Для анализа было использовано слово *галошница* (*калошница*), а также смоделированные нами слова, производящими для которых стали наименования различных видов обуви.

Таблица 1.

Количественная характеристика представленности дериватов в поисковых системах Интернета (первая группа дериватов)

Производное слово	Количество веб-страниц	
	Яндекс	Google
обувница	18 000 000	766 000
галошница + калошница	8 000 000 + 5 000 000	64 700 + 12 100
тапочница	12 000 000	2 530
ботиночница	1 000	8
туфельница	12 000 000	286

Данные табл. 1 показывают весьма интересную картину лексической реализации потенциала исследуемой группы.

Появление деривата *галошница* (*калошница*), находящегося в отношениях ПМ со своим производящим («вместилище для хранения обуви, в том числе галош (калош)»), ограничило, но не закрыло возможность к образованию локативов с тем же лексическим значением от других производящих основ — согипонимов, гиперонима. Лексической реализацией потенциала (по данным поисковых систем) стали *nomina loci* *обувница*, *тапочница*, *ботиночница*, *туфельница*: **Галошница** (или **калошница**) — это **обувница**, дверцы которой снабжены специальным механизмом в виде кармана для хранения обуви (<http://mebelord.ru/Catalog/Galoshnicy>). **МЕБЕЛЬ ДЛЯ ПРИХОЖЕЙ: САМОДЕЛЬНАЯ ТУФЕЛЬНИЦА**. Эта удобная подставка для туфель может располагаться в прихожей, где вы переобуваетесь, придя домой или уходя на работу, или в шкафу, где обычно хранится обувь, — в любом месте она приносит порядок и аккуратность (http://mebel.masteraero.ru/prishozhaya_mebel-7.php). **Идеальное решение для хранения тапочек в прихожей — тапочницы** (<http://ironmall.ru/sneaks>). **Сын не отличается аккуратностью с курткой, но его ботинки служили в семье лакмусовой бумажкой. Если он получает в школе пятерку, то аккуратно ставит обувь в ботиночницу** (<https://ficbook.net/readfic/4506651>).

Статистические данные Интернета показывают, что одним из наиболее частотных у пользователей является производное, образованное от родового понятия *обувь*. Именно этот дериват вызывает минимальные сомнения говорящего (либо не вызывает их вовсе) в правильности выбора производящего для образования требуемого локатива: *Мебель для обуви, помещаемая в прихожую, может быть самой*

разной. Мы условно объединяем все возможные варианты под одним названием — обувница. Иными словами, обувница — это шкаф, тумба и тумбочка, комод или полка для обуви, на которой можно компактно расставить башмаки, сапоги, тапочки и туфельки в прихожей (<http://howmweb.com/prihozhaaya/obuvnitsyi/ponyatie-tseny-vidy.html>).

Впрочем, и остальные локативы (кроме, пожалуй, деривата *ботиночница*) активно используются интернет-пользователями.

Поисковые системы зафиксировали также слова *туфельница*, *тапочница* и *ботиночница* со значением женскости: *Таня — туфельница. Она может часами бродить по обувному и глазеть на изящные колодки. А я ботиночница. Хватаю приглядевшиеся мне ботинки, а дальше идёт процесс «кручу, верчу, купить хочу»* (<http://desire-designer.livejournal.com>). *Поскольку я великая тапочница (в моей коллекции работ больше 50 пар вязаных оригинальных тапочек), открываю тему вязания фриформ для ножек* (<http://club.osinka.ru/topic-191200?p=18667731>). Как видится, появление подобных *nomina femina* в некоторой степени уменьшает востребованность омонимичных *nomina loci*. Причём об архаизации феминитивов, как в случае с *галошницей* «работницей галошного производства», здесь вряд ли можно говорить.

Анализ контента позволил обнаружить некоторую «сегментированность» употребления рассматриваемых локативов. Так, дериваты *обувница* и *галошница* (*калошница*) преимущественно используются на специализированных веб-ресурсах (сайтах мебельных магазинов, сайтах по изготовлению мебели и т.п.), например: *Установка калошницы (заголовок). Теперь нам нужно будет установить механизмы для обувницы, крепятся они на боковины* (<http://mebsam.com/obuvnica-svoimi-rukami-foto>

chertezh.html). Как выбрать удобную **обувницу** для обуви (заголовок). В закрытых моделях обувь не проветривается, в узкие **галошницы** не влезают сапоги и туфли на каблуках. (<http://mebeos.ru/article/203/undefined>). Заметим, что на сайтах по продаже мебели нередко в одном тексте используются все указанные локативы. Думается, разработчики контента таким образом стремятся привлечь максимальное число пользователей. Подобная «подстраховка» есть не что иное, как стремление откликнуться на все возможные запросы потенциальных покупателей, в том числе — сомневающихся в правильности выбора наименования для искомого. Другие локативы данной группы обычно встречаются в объявлениях о продаже квартир (при описании интерьера) на различных интернет-форумах и т.п.

Итак, данные поисковых систем Интернета показали, что в качестве наименования предмета мебели для хранения обуви используется несколько производных, причём лексическая реализация деривационного потенциала данной группы продолжается. На одном из интернет-форумов находим запись

от 3 апреля 2014 года: *Калоша оказалась единственной обувью, которой полагается собственная мебель. В поиске выпали калошницы из бука, молочного дуба и ванили. Сандальники, тапочниц и босоножниц почему-то не предлагают.* (<http://sumka-tumitamy.livejournal.com/170626.html>). В 2020 году мы не обнаружили локативы *сандальница* и *босоножница*, а дериват *тапочница* уже был достаточно частотен. Весьма востребованным является локатив, образованный от родового понятия (*обувница*), что вполне логично для деривационной системы русского языка и очень удобно для пользователей. Достаточно частотен и первый из появившихся в русском языке локативов (*галошница (калошница)*).

Вторая группа включает суффиксальные локативы, называющие вместилище для размещения печатной (полиграфической) продукции. Отметим, что в обследованных нами лексикографических источниках такие дериваты не обнаружены. Поисковые же системы Интернета фиксируют несколько производных соответствующей семантической субкатегории (табл. 2).

Таблица 2.

Количественная характеристика представленности дериватов в поисковых системах Интернета (вторая группа дериватов)

Производное слово	Количество веб-страниц	
	Яндекс	Google
газетница	13 000 000	2 520 000
буклетница	12 000 000	383 000
журнальница	12 000 000	28 000
плакатница	12 000 000	11 100
брошюрница	12 000 000	8 180
открытница + открыточница	1 000 + 4 000	257 + 661
проспектница	12 000 000	598
корреспондентница	25 000	8

Востребованными являются практически все локативы, однако частотность значительно различается. Причём здесь, как и в случае с первой группой дериватов, наблюдается функциональная «сегментированность»: газетница и журнальница, как правило, используются в домах и офисах, а буклетница, проспектница, брошюрница — на выставках. Ср.: *Представляем Вашему вниманию газетницы из Таиланда в восточном стиле. Они станут прекрасным дополнением интерьера вашего дома или офиса* (<https://vostoklavka.ru/category/vostochnyj-interer/gazetnicy>). *Стойка-буклетница предназначена для продажи или раздачи газет, журналов, буклетов и другой рекламной и печатной продукции* (<http://sajers.narod.ru/index40.html>). *Журнальница — предмет интерьера, можно сказать, винтажный. В те времена, когда мы все выписывали газеты и журналы, их удобно было хранить в журнальнице рядом с креслом или диваном* (<http://www.freesealer.ru/3445-zhurnalnica-iz-odezhnyh-plechikov.html>).

Проспектница-вертушка для размещения Вашей рекламной продукции и информационных буклетов, и брошюр (<http://goods.minsk.acoola.ru/minsk/item/1325791>).

Особенностью анализируемой группы является отсутствие родового производящего. Думается, что на эту роль могло бы претендовать слово *корреспонденция* («2. Письма, почтово-телеграфные отправления и т.п. 3. Сообщение, статья и т.п. о текущих событиях для средств массовой информации...») [5, ст. 496]. Однако крайне низкая востребованность локатива *корреспондентница* (см. табл. 2) показывает, что этого не произошло (возможно, пока). Для сравнения: в августе 2017 года «Яндекс» и Google фиксировали 36 и 0 употреблений данного *nomina loci*, а в августе 2020 года — соответственно 32 000 и 6.

Проведённое исследование позволило подтвердить наше предположение о том, что существующие дериваты с ПМ в ряде случаев не жёстко ограничи-

вают возможность быть образованными другим производным с тем же лексическим значением. Сомнение говорящих в правильности образования деривата приводит к высокой степени употребительности соответствующих словосочетаний: полка для обуви — 40 000 000 («Яндекс») и 522 000 (Google), шкаф для обуви — 44 000 000 («Яндекс») и 449 000 (Google). Материалы поисковых систем показали, что наличие деривата, образованного от гипонима, не мешает образованию деривата от гиперонима. Будучи же образованными, подобные производные могут превосходить по частотности употребления ранее появившееся слово. Однако не всегда родовое понятие порождает дериват, способный вытеснить производное с ПМ.

Как видится, представленный в статье опыт исследования может быть использован и при решении других дериватологических проблем.

Астраханский государственный университет

Белякова Г. В., доктор филологических наук, доцент, заместитель руководителя центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников «Учитель будущего»

E-mail: gv_belyakova@list.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н. Д. Потенциальные слова и лексические инновации в поисковых системах Интернета: теоретические и прикладные аспекты / Н. Д. Голев. — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~slavmir2009/data/4.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).
2. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: монография / Г. В. Белякова. — Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003.
4. Русский семантический словарь / РАН. Институт русского языка. — М., 2002. Т. II.
5. Большой академический словарь русского языка. — М. — СПб.: Наука, 20078 — Т. 8.

Astrakhan State University

Belyakova G. V., Doctor of Philology, Associate Professor, Deputy Head of the Center for Continuous Professional Development of Teachers «Teacher of the Future»

E-mail: gv_belyakova@list.ru

ПОДРОСТКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

П. В. Бобровская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2022 г.

Аннотация: статья посвящена подростковой литературе постсоветского периода. В статье рассматриваются современные произведения для подростков Д. А. Емца, Н. Щербы, И. Престон в контексте истории российской подростковой литературы и теоретической проблемы типологии поколений. Рассматриваются жанры антиутопии и фэнтези в аспекте влияния зарубежной литературы и формирования оригинальной современной русской литературы для подростков.

Ключевые слова: подростковая литература в России, постсоветский период, типология поколений, герой, антиутопия, фэнтези.

Abstract: the article is devoted to the young-adult literature of the post-soviet period. The article deals with contemporary works for teenagers by D. A. Emts, N. Shcherba, I. Preston. These texts are viewed in the context of the history of Russian young-adult literature and the theoretical problem of generational typology. The article deals with the genres of dystopia and fantasy in the aspect of the study of foreign literature and the original formation of modern Russian literature for teenagers.

Keywords: young-adult literature, literature of the post-soviet period, typology of generations, character, dystopia, fantasy.

Подростковая литература характеризуется обостренным восприятием действительности, что коррелирует с особенностями ментального восприятия мира людьми подросткового возраста. В данном возрасте читатели интересуются сложными и неоднозначными персонажами, так как именно в них они находят ответ на вопрос, что располагается между положительным и отрицательным героем. Это исследование «серого» пространства, формирование принципиально нового представления о мире, где нет абсолютного зла и абсолютного добра.

Подростковая литература актуализируется в жизни человека в особый кризисный период. Молодые люди в этом возрасте претерпевают значительные физиологические и ментальные изменения, поэтому исследователи называют подростковую литературу «территорией конфликта» [1]. В связи с тем, что такая литература тесно связана с типологизированным сознанием читателя, набор персонажей и возникающие в их жизнях конфликты являются весьма устойчивой структурой для каждого отдельного поколения. Теория поколений, разработанная Уильямом Штраусом и Нилом Хау, направленная на изучение англо-американской истории, получила широкое распространение во многих странах мира, в том числе и в России. Процесс смены поколений и их унификацию связывают с общим процессом глобализации и частными его проявлениями (появление Интернета, мобильной связи, социальных сетей и т.д.) [2].

Теория поколений предполагает выявление наиболее частотных поведенческих характеристик у молодежных групп, представители которых были рождены в отдельный временной промежуток (от 15 до 26 лет).

Социологи выделяют следующие типы поколений [3]:

1. «Величайшее поколение». Это молодежная группа, рожденная в период с 1901 по 1927 год. Данный период именуют «эпохой спада» и связывают с Первой мировой войной, революцией, коллективизацией и возникновением СССР. Для представителей величайшего поколения характерно трудолюбие, ответственность, вера в светлое будущее. В литературе мы обнаруживаем представителей этого поколения в повести А. П. Гайдара «Школа», написанной в 1929 году. Произведение имеет автобиографический характер. Можно обнаружить определенное сходство в судьбах главного героя (Бориса Горикова) и автора (Аркадия Голикова), однако повесть не лишена художественного вымысла. Сюжет охватывает временной промежуток с 1916 по 1918 годы. Главный герой — ученик по имени Борис Гориков — легкомысленный, наивный, храбрый и честный. Юноша пытается познать меняющийся мир и самого себя, проделывая путь от школьника до бойца Красной армии [4]. В произведении поднимаются проблемы самопознания, самоопределения, дружбы и честности, актуальные для величайшего поколения.

2). «Молчаливое поколение». Это молодежная группа, рожденная с 1928 по 1942 годы. Данный период именуют «эпохой кризиса», связанной со ста-

линскими репрессиями, Второй мировой войной, восстановлением разрушенной страны. Представителям этого поколения свойственна преданность, терпение, соблюдение правил и законов. Молчаливое поколение можно обнаружить в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского», написанном в 1973 году. Действие произведения происходит в 1943 году, главным героем рассказа является одиннадцатилетний школьник, умный и стеснительный мальчик, растущий без отца. После четырех классов в сельской школе герой переезжает в райцентр, где продолжает обучение в пятом классе. Мальчик страдал малокровием, в связи с этим ему требовалось хорошее питание, которого он в силу своей бедности получить не мог. Для того чтобы заработать на стакан молока, ему приходилось играть в азартную игру. Однако соперники не стали долго терпеть побед главного героя и начали его избивать. Спасителем в рассказе выступила учительница французского языка Лидия Михайловна. Она пыталась накормить мальчика, но он из-за своей скромности не мог принять ее помощь. Тогда учительница вовлекла главного героя в игру и, поддаваясь, стала проигрывать ему деньги. Узнав об этом, директор школы уволил Лидию Михайловну. В финале рассказа главный герой получил посылку с продуктами от той самой учительницы, осознав, что это были не просто уроки французского, а настоящие уроки милосердия [5]. Герои рассказа действительно «молчаливые» и смиренные, но это не лишает их доброты и сочувствия.

3. «Бэби-бумеры». Это молодежная группа, рожденная с 1943 по 1962 годы. Данный период именуют «эпохой подъема», знаменующейся окончанием Второй мировой войны, Советской оттепелью, покорением космоса. Представителям данного поколения свойственны оптимизм, коллективизм, стремление к высокому. Данное поколение можно обнаружить в произведении В. А. Осеевой «Динка», написанном в 1959 году. Повествование ведется от лица восьмилетней девочки Динки. Верным товарищем Динки является Ленка, мальчик лет тринадцати. Произведение повествует о большом семействе Арсеньевых, которому пришлось пережить немало испытаний из-за своих революционных взглядов, главными становятся темы добра и дружбы [6]. Автор предлагает оптимистичный взгляд на мир, несмотря на все сложности, возникающие на жизненном пути героев. Эта способность находить хорошее даже в самые трудные времена отличает поколение бэби-бумеров.

4. «Поколение X». Это молодежная группа, рожденная с 1963 по 1981 годы. Данный период именуют «эпохой пробуждения» и связывают с Перестройкой. Представителям поколения X свойственны стремление к познанию, индивидуализм, неформальность взглядов, готовность к изменениям. Представителей данного поколения можно обнаружить в фантастической повести Е. С. Велтистова «Электроник — мальчик

из чемодана», написанной в 1964 году. Произведение начинается с побега кибернетического мальчика Электроника из лаборатории профессора Громова. Электроник встречает настоящего мальчика Сержу Сыроежкина, на которого он поразительно похож. На этом сходстве и строятся все сюжетные перипетии [7]. В тексте можно обнаружить очевидный интерес к научно-фантастической тематике, присутствует проблема индивидуализма, возникающая на контрасте личностей Сыроежкина и Электроника, стремление автора создать что-то новое и прогрессивное.

5. «Поколение Y (миллениумы)». Это молодежная группа, рожденная с 1982 по 2000 годы. Данный период именуют «эпохой спада», связанной с распадом СССР, развитием цифровых технологий, распространением Интернета. Представителям данного поколения свойственны индивидуализм, бунтарство и скептицизм. В литературе представителей данного поколения можно обнаружить в романе М. С. Петросян «Дом, в котором...», опубликованном в 2009 году. В центре повествования оказывается дом для детей-инвалидов. Произведение пронизано мистикой, читатель исследует дом с целью раскрытия его тайн и секретов [8]. Автор касается проблемы маргинальности, выходит за рамки привычного пространства. Этот роман отражает бунтарский дух поколения Y.

6. «Поколение Z (хоумлендеры)». Это молодежная группа, рожденная с 2000 по 2016 годы. Данный период именуют «эпохой кризиса» и связывают с Мировым экономическим кризисом, распространением умной техники, пандемией. Это аудитория сегодняшней подростковой литературы и вместе с тем ее главные герои.

Цель данной статьи — выявление некоторых, наиболее заметных тенденций в подростковой литературе, отражающей типы героев и миропонимание «поколения Z».

Подростковая литература всегда поднимает острые темы, затрагивающие умы и чувства подростков. Однако круг тем и их интерпретация меняются, находясь в зависимости от социальной обстановки. Подростковая литература постсоветского периода поднимает как уже устоявшиеся «вечные» темы (проблема отцов и детей, одиночества, первой любви), так и новые темы, связанные, с одной стороны, с тесным контактом с зарубежными литературами, с другой стороны, с коренными изменениями в отечественных социальных установках. Это проблемы самоидентичности, кибербуллинга (преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание), интернет зависимости, преждевременного взросления. Интерпретация тем также претерпевает изменения: постсоветская подростковая литература как единый процесс концентрируется на чувственно-экспериментальном познании мира со стороны читателя, она не предлагает готовые

решения, а вовлекает реципиента в мыслительный процесс, где последний должен самостоятельно делать выводы, параллельно исследуя свой собственный внутренний мир.

Процесс формирования облика постсоветской подростковой литературы идет по особой траектории: от копирования западного до создания уникального, доступного в полной мере лишь российскому читателю, текста. Первым явлением в этой цепочке оказывается ремейк.

Созданием ремейков зарубежных произведений с оттенками национального колорита наиболее активно начинают заниматься с начала 2000-х годов. Во многом это связано с тем, что после распада Советского союза активно начало развиваться направление переводной детской литературы. А с началом нового тысячелетия отечественные писатели стали делать первые шаги в адаптации популярных зарубежных сюжетов к реалиям российской действительности.

Ярким примером подобной адаптации стала серия книг о приключениях девочки-волшебницы Тани Гроттер, автором которой является Дмитрий Александрович Емец. Серия издавалась с 2002 по 2012 год, всего в нее вошло шестнадцать книг. Уже в имени главной героини очевидна связь с персонажем британской писательницы Джоан К. Роулинг — Гарри Поттером. Более того, названия частей строятся по схожему принципу: «Гарри Поттер и философский камень» — «Таня Гроттер и магический контрабас» [9]. Серия книг Дмитрия Александровича оказалась весьма популярной в России, однако очевидная рецепция британского романа о «мальчике, который выжил», подверглась жесткой критике со стороны литературоведов и более взрослой аудитории читателей. Автор шел по пути повторения основной линии зарубежного бестселлера, но предлагал русифицированные названия и более характерные для отечественного читателя условия. Так, например, страшный волшебник «Волан-де-Морт» превратился в темную некроколдунью «Чуму-дель-Торт», семейство Дурслей получило фамилию Дурневы, а Минерва МакГонагалл стала Медузией Горгоновой [9]. Из первой части романа Джоан К. Роулинг читатель узнает, что Гарри проживает в кладовке под лестницей [10, 8]. Наличие такого дополнительного пространства является весьма естественным для представителей британского среднего класса, зачастую проживающих в двухэтажных частных домах. Однако для отечественных реалий такая конструкция дома нехарактерна, более того, среднестатистический россиянин проживает в квартире, а не в частном доме, поэтому Таня живет на лоджии.

Емец обозначил очевидные параллели между своей серией и романами Роулинг, однако текст он творчески обработал и представил в новом юмористическом ключе. С одной стороны, Емец создал сатиру на культовый волшебный мир Роулинг. В романе

даже есть двойник Гарри Поттера — Гурий Пуппер, который носит поломанные очки, имеет шрам на лбу в виде копирайта и играет в драконбол [9]. С другой стороны, автор попытался предложить юмористический взгляд на отечественные реалии. Так, самоирония и юмор оказываются неизбежными компонентами новой подростковой литературы. Более того, жанры фэнтези и фантастика оказываются наиболее удобоваримыми для восприятия современного подростка. С одной стороны, они предлагают невероятные приключения, отвлекающие от часто жестокой действительности, с другой стороны, эти жанры поднимают все те же актуальные проблемы, выраженные в метафорической форме.

В 2010-х годах появляется большое количество текстов для подростков в жанре фантастики сказочного или футуристического характера. Наиболее популярной сказкой оказывается серия книг Натальи Щербы «Часодеи». Главной героиней серии является юная часовщица Василиса Огнева, попавшая в особый мир, жители которого умеют управлять временем [11]. Всего серия включает 6 книг: «Часовой Ключ»; «Часовое Сердце»; «Часовая Башня»; «Часовое Имя»; «Часограмма»; «Часовая Битва». Первая книга «Часовой ключ» вышла в 2011 году. Говоря о серии, Щерба отмечает: «История создания сказки о часодеях весьма проста. Как и многим другим, мне с детства был интересен мир, который находится за часами. Сначала верилось, что в часах живут маленькие феи (это они передвигают стрелки и протирают шестерёнки тряпочками, чтобы механизм не ржавел). Намного позже, когда обнаружилось, что понятие Время — это вообще удивительная штука, а четвёртое измерение — вполне реальная вещь, пришла мысль о часовом мире. В то же время мне хотелось, чтобы сказка была родной, славянской. Вот почему главную героиню зовут Василиса Огнева» [12]. Примечательно, что все магические элементы, описанные в тексте, имеют реальное научное объяснение, а сказочные персонажи оказываются соотносимы с реальными людьми, встречающимися в жизни обычного подростка.

В тексте поднимается множество актуальных подростковых проблем, например проблема отцов и детей. Василиса всю жизнь проживает вместе с опекуншей, не зная ничего о родных родителях, лишь в возрасте двенадцати лет она узнает, что у нее есть отец. Он забирает ее в свой замок, однако отношения у героев непростые. Отец обращается с Василисой грубо, пытается использовать ее в своих целях. Факт потерянного и внезапно обретенного родителя усиливает драматичность этих отношений. В сказочном мире миг воссоединения чаще наполнен счастьем, а не сожалением. Но в данном случае автор не использует прием эскапизма, а наоборот, обнажает не всегда привлекательные стороны реальной действительности.

Еще одной актуальной проблемой в тексте оказывается проблема становления личности. После проверки, направленной на выявление способностей к волшебству, Василиса узнает, что она имеет наивысшую часовую степень, это делает девочку одной из семи избранных часодеев, но для того чтобы колдовать, героиня должна пройти обряд посвящения. Отец старается всячески препятствовать этому, таким образом, героиня оказывается на распутье: подчиниться воле отца или сбежать и выполнить свою магическую миссию. Василиса выбирает последний вариант, с этого момента начинается путь ее взросления и становления как личности. Здесь снова выстраивается аналогия с реалиями подростковой жизни: часто ребенок обладает талантом, но родители против его реализации из-за собственных предубеждений. В серии также поднимаются другие подростковые проблемы: дружбы, первой любви, веры и предательства.

Другой гранью подростковой фантастики 2010-х годов становятся антиутопические тексты. В антиутопии герой противопоставляется системе или режиму, он исключителен, его борьба с миром часто базируется на стремлении отстоять собственную индивидуальность. Герой отказывается быть частью системы и играть по ее правилам. Это во многом соотносится с переживаниями подростка, который не хочет становиться частью взрослого мира.

Подобный конфликт можно обнаружить в молодежной антиутопии «Потерянные поколения» авторства Ив Престон. Это серия из двух частей, вышедшая в 2016 году, рассказывающая историю о подростках, готовящихся к войне с системой. Мир подразделяется для них на две части: бункер, в котором они живут, и внешний мир, находящийся в стадии войны с применением биологического оружия. Главная героиня Арника вместе с товарищами готовится к войне, целью которой является возвращение независимости их родного города, однако постепенно мировосприятие героини меняется, она вступает в некогда враждебный Корпус и становится частью системы [13]. Для подростков это не рассказ о возможном развитии будущего, а история, близкая их сегодняшнему дню. Главными здесь оказываются не факты, а мотивы и чувства героев. Серия пронизана русской ментальностью, но вместе с тем очевидна связь этого текста с вышедшим в 2011–2013 годах романом «Дивергент» американской писательницы Вероники Рот.

На данный момент в области подростковой литературы Г. Н. Божкова [14] обнаруживает следующие типы героев:

1. Герой-неудачник (лузер). С первого взгляда такой тип кажется очень заурядным и скучным, но постепенно герой-неудачник раскрывается с совершенно новой и неожиданной стороны. Как правило, герой изображается как рядовой представитель серой

массы, с которым мог бы себя соотнести читатель. Новые грани личности героя пробуждают в читателе неподдельный интерес, словно это он обнаружил у себя какие-то невероятные способности или оказался в центре значимого события.

2. Герой-воин. Этот тип героя часто возникает в жанре молодежной антиутопии, где в центре повествования оказывается конфликт мирового масштаба. Такой герой не сомневается в своих решениях, обладает силой и отвагой.

3. Герой-наблюдатель. Такой герой предлагает читателю исследовать окружающий мир, как правило, полный конфликтов. Наблюдатель не просто освещает события, но он предлагает свой субъективный взгляд на них.

Для создания подобных типов героя автор действует на трех уровнях: 1) психологический уровень. Всех подростков объединяет круг общих психологических проблем, однако, в зависимости от географической области, те или иные проблемы являются более или менее острыми. Это связано с экономическими, социальными и политическими условиями. 2) мотивационный уровень. На данном уровне выстраиваются мотивы поступков героя. Решения, которые герой принимает, должны быть понятны и порой очевидны для читателя. Для этого писатель обращается к предшествующим текстам, чаще всего к фольклору. 3) коммуникативный уровень: речь героя должна отражать специфику его родного языка.

Таким образом, подростковая литература постсоветского периода не теряет связи с зарубежной литературой, однако теперь это не очевидная калька, а целостные самобытные произведения, встроенные в ткань мирового литературного процесса. Самобытность в таких произведениях определяется стремлением изобразить героя уникального, доступного пониманию только российского подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веркин Э. Мальчишкам до 16 и старше / Э. Веркин. — М.: Эксмо, 2015. — 368 с.
2. Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс / Е. Шамис, Е. Никонов. — М.: Издательский дом Университета «Синергия», 2017. — 140 с.
3. Ядов В. А. Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Ядов В. А., Магун В. С., Семенова В. В. И др. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 327 с.
4. Гайдар А. П. Школа / А. П. Гайдар. — СПб.: Речь, 2016. — 240 с.
5. Распутин В. Г. Уроки французского. Повести и рассказы / В. Г. Распутин. — М.: АСТ, 2020. — 320 с.
6. Осеева В. Динка / В. Осеева. — М.: Детская литература, 2020. — 716 с.
7. Велтисов Е. С. Электроник — мальчик из чемодана / Е. С. Велтисов. — М.: Рипол-Классик, 2019. — 175 с.
8. Петросян М. Дом, в котором... / М. Петросян. — М.: Livebook, 2017. — 960 с.

9. Емец Д. А. Таня Гроттер и магически контрабас / Д. А. Емец. — М.: Эксмо, 2015. — 384 с.
10. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень / Дж. К. Роулинг. — М.: Махаон, 2014. — 432 с.
11. Щерба Н. Часодеи. Часть 1. Часовой ключ / Н. Щерба. — М.: РОСМЭН, 2020. — 368 с.
12. Наталья Щерба // ТопЛиба. — 2018. — [Электронный ресурс]. URL: <https://topliba.com/authors/13286/about> (дата обращения: 16.09.2021).
13. Престон И. Потерянные поколения / И. Престон. — М.: АСТ, 2016. — 352 с.
14. Божкова Г. Н. Типы героев-подростков в современной юношеской прозе / Г. Н. Божкова // Цифровая наука. — 2021. — № 3. — С. 80–94.

Воронежский государственный университет

Бобровская П. В., преподаватель кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: pyatcheva@yandex.ru

Voronezh State University

Bobrovskaya P. V., Teacher of the Department of Russian Literature of the XX–XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: pyatcheva@yandex.ru

ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ КИНОИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

М. О. Булавина

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 21 июля 2021 г.

Аннотация: в центре внимания статьи находится проблема взаимосвязи гоголевских произведений и кинопостмодернизма. В статье изучаются как современные постмодернистские экранизации, так и экранизации прошлых лет. Отчет ведется от «Вечера накануне Ивана Купала» (Ю. Г. Ильенко), «Миргорода и его обитателей» (М. Г. Ильенко) до режиссерских работ 2000-х годов. — «Дела о мертвых душах» (П. С. Лунгин), «Вия 3D» (О. А. Степченко), трилогии «Гоголь» (Е. П. Баранов). В тексте указываются такие понятия, как «авторское кино», «несобственно-прямая субъективность», «абсурд». Особенно значимым здесь является рассмотрение поэтики Гоголя, которая в кино изображается через отдельные мотивы — путешествия, безумия, мотивы детективные (слухи), а также образы (рассказчик, нечистая сила) и детали (одежда, еда). Отметить, однако, необходимо то, что в постмодерне гоголевская поэтика иллюстрируется по-особенному — через игру и внимание к форме.

Ключевые слова: экранизация, несобственно-прямая субъективность, гротеск, постмодернистская игра, интертекстуальность, абсурд, поэтика произведения.

Abstract: the article focuses on the problem of relationship between Gogol's works and film postmodernism. The report is from «The Evening on the Eve of Ivan Kupala» (Yu. G. Ilyenko) and «Mirgorod» (M. G. Ilyenko) to the director's works in the 2000s. — «The Case of Dead Souls» (P. S. Lungin), «The Viy 3D» (O. A. Stepchenko), trilogy «Gogol» (E. P. Baranov). Unlike the first two films, the subsequent ones can rightfully be attributed to postmodernism. Each of the adaptations is described depending on the peculiarities of the development of cinematography. The concepts of author's cinema, improperly-direct subjectivity, cinematic absurdity are indicated. Consideration of Gogol's poetics is particularly significant. This poetics is reflected through separate motives — motives of travel, madness, detective motives (rumors), and also images (narrator, evil spirits) and details (clothes, food). It should be noted, however, that all of these are portrayed specifically. Through the game and with accent on the form.

Keywords: film adaptation, improperly-direct subjectivity, grotesque, postmodern play, intertextuality, absurdity, poetics of a work.

Истории экранизации гоголевского творчества уже более сотни лет. Совсем не удивительно, что отечественная классика в лице этого писателя пользуется подобным спросом. Ведь Гоголь интересен и создателям хоррора, и авторам комедий, и режиссёрам мелодраматического фильма.

Кроме того, сама по себе проблема взаимодействия кино и литературы представляется актуальной. Среди тех, кто обращался к этой проблеме, — сторонники ОПОЯЗа, С. М. Эйзенштейн, исследователи У. А. Гуральник, Н. С. Горницкая, Н. М. Зоркая, И. М. Маневич. Интересными являются материалы ежегодных чтений Дома Гоголя, где в свое время были прочитаны доклады Н. Г. Кривули, Д. В. Кобленковой и др.

Целью нашей статьи, однако, будет анализ не всех, а лишь современных интерпретаций. Если точнее, то работ П. С. Лунгина, О. А. Степченко, Е. П. Баранова и некоторых других фильмов, где в той или иной мере

обнаруживается особый постмодернистский язык. Язык абсурда, гротеска, интертекстуальности, метажанровости, иронии — всего того, что необходимо автору для смыслопорождения, или постмодернистской игры. Указанное требуется проиллюстрировать. Прежде всего для понимания кинопостмодернизма в целом и гоголевского постмодернистского фильма в частности.

Вторая половина XX века — это начало эпохи постмодернизма, изменившего как сознание общества, так и сферу искусства. В том числе киноискусства, которое осознало свою онтологическую природу через категорию времени [1: 268–288]. Именно в этом втором пришествии авангарда, как это ни странно, следует искать начало кинематографического постмодернизма. Чтобы увидеть его, достаточно обратиться хотя бы к культовому фильму Ж.-Л. Годара «На последнем дыхании» (1959) [2, 88]. Разумеется, творчество Годара является не единственным источником вдохновения для постмодерниста. Здесь назвать

стоит, например, Пазолини, стилистика фильмов которого также отличается купюрами и немотивированностью действия в кадре.

Автор остановился на пазолиниевском кинематографе для получения более наглядной картины гоголевских экранизаций с частичным использованием приёмов постмодерна. Ведь кроме, так сказать, канонического произведения постмодернизма «Гоголь», существуют его предшественники, — например, фильмы «Вечер накануне Ивана Купала» Ю. Г. Ильенко (1968), «Миргород и его обитатели» М. Г. Ильенко (1983).

«Вечер накануне Ивана Купала» — фильм-фантазия, во многом напоминающий почерк Пазолини. В нем встречается тот же немотивированный монтаж: один кадр сменяется другим без какой-либо связи. В итоге это становится источником дополнительного смысла, как в эффекте Кулешова. Более того, с Пазолини фильм роднит еще и метод несобственно-прямой субъективности [3, 45–66] — особое стилистическое средство, изображающее точку зрения какого-либо персонажа (иногда просто камеры, или камеры-персонажа). Пример в интерпретации Ильенко: Петро видит хлеб с кровью — имажинация героя как знак безумия. Это, однако, еще не говорит о том, что перед зрителем постмодернистское произведение: здесь нет интертекстуальности, иронических приемов и т.д. Зато присутствуют «пробелы» и немотивированное действие, привносящие черты будущего постмодернистского кино.

«Миргород и его обитатели» более близок постмодернизму. Создавался он по мотивам гоголевских произведений «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», что свидетельствует о повышенном уровне цитатности, к тому же хаотичной. Кроме этого, в ленте присутствует метаповествовательный прием «фильм о фильме» и большое количество абсурда (у одного из персонажей загорается голова, городничий тонет в кипятке, производится арест животных). Перечисленное переводит этот фильм в пространство постмодернистской игры. Игра эта, однако, частичная.

Теперь непосредственно о постмодернистских экранизациях — многосерийном «Деле о мертвых душах» (2005), фильме «Вий 3D» (2014) и трилогии «Гоголь» (2017–2018). Сначала первый из них. Раз уж об этой ленте было упомянуто как о постмодернистской, то вряд ли стоит удивляться тому, что в ней можно заметить разного рода цитаты. Цитаты из гоголевских произведений — «Как поссорился...», «Ревизор», «Шинель», «Нос», из русской литературы (персонаж, напоминающий А. С. Пушкина) и шире — из мировой культуры (Ф. Шиллер, Вольтер, Т. Мор, Т. Кампанелла). Присутствие тех или иных цитат выглядит абсурдистски: введение фигуры Шиллера, к примеру, не несет никакой высокой философской

идеи; линия с Каролиной относится не к значительному лицу из «Шинели», а к городничему из «Ревизора» — опять же без обоснования. Из всего этого хаоса можно заключить то, что «Дело» представляет собой пародию на гоголевские «Мертвые души». Это следует хотя бы из игнорирования автором идеи христианского возрождения [4].

«Вий 3D» — произведение поистине современное, то есть обращенное к зрителю XXI века. Оно богато динамикой. Про этот фильм в одной из рецензий было написано следующее: «Представьте, что в салат оливье добавили еще чернослива, мандарин, бургер, селедку, дику клубнику и дикий чеснок и все это обильно приправили горилкой» [5]. Сказанное имеет отношение не только к сюжетным интригам, но и к режиссёрским приемам. Среди последних, что неудивительно, — постмодернистский прием цитатности. «Вий 3D» прежде всего является текстом, а не экранизацией. Интертекстуальность затрагивает жанровую структуру — исторический фильм о Средних веках, приключенческая лента, хоррор, фильм-сказка, детектив; сюжетную — мотив путешествия, пыток, распятия ведьмы, исчезновения героя; образную — Трансильвания, проклятая церковь, чудовище-всадник, картограф, Вий; стилистическую — контраст холодных и теплых тонов, характерный для американских фильмов. Здесь, в отличие от «Вечера» или «Миргорода», акцент делается на вербальности: автор создавал не артхаус, а кассовый фильм [6; 7]. Действительно, как и предполагал режиссер, цель выйти на зарубежный уровень в этой картине была достигнута [8]. Способствовал этому и выбор голливудского актера на главную роль — Д. Флеминга.

Трилогия «Гоголь» — последняя экранизация обсуждаемого нами писателя. Она состоит из фильмов «Гоголь. Начало», «Гоголь. Вий» и «Гоголь. Страшная месть». Интерпретация эта во многом напоминает предыдущий фильм: экшн, метажанровость, цитаты из американского кино. Если подробнее, то лента «Гоголь» является детективом, сюжет которого построен вокруг убийцы молодых женщин. Подобное — ссылка на один из голливудских блокбастеров под названием «Сонная лощина» Т. Бертон. Кроме этой ссылки в «Гоголе» зритель узнает слэшер, фэнтези вроде «Властелина колец», вестерн, тот же хоррор, фильм-приключение. К этому добавляется постмодернистская ирония: барановские образы непсихологичны, а ужас и эротика не предназначены для того, чтобы вызывать отклик у зрителя. Все здесь — игра с симулякрами [9, 60]. И в этом, стало быть, «Гоголь» похож на искусственный мир фильма «Вий 3D».

Как известно, постмодернистская интерпретация часто подразумевает свободное обращение с текстом произведения. А раз так, то необходимо выяснить, насколько современного автора, использующего гоголевский текст, интересует поэтика писателя. Ведь постмодернизм еще не означает, что режиссер будет

игнорировать Гоголя. В особенности, если это соответствует почерку того или иного режиссера и дает возможности для эксперимента.

Возьмем в качестве примера «Вечер накануне Ивана Купала». Сам фильм оказывается настолько хаотичным, что позволяет назвать его несобственно-прямой субъективностью, где стирается граница между видением камеры (камера в несобственно-прямой субъективности является автором) и видением персонажей фильма. В рассматриваемой ленте субъективность необходима для того, чтобы изображать галлюциногенное сознание героев: сначала Петро (появление брата Ивася на свадьбе, битие колоколов), потом Пидорки (снежные игры, возвращение мужа). Субъективность проявляется и в цветовой стилистике, позволяющей перенести на экран символику гоголевского цвета. Достаточно вспомнить особенности этой символики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». При прочтении нельзя не обратить внимание на то, что она часто бывает связана с появлением нечистой силы [10: 121, 125]. Так и в фильме: жертвоприношение Ивася показано при попеременно меняющемся свете — переливы красного, жёлтого, голубого и др.; Басаврюк появляется в красном кафтане и с красным лицом. Кроме цвета, в «Вечере» символическое значение придаётся и другим вещам — воде как переходу в иной мир, птицам как олицетворению одновременно женского и дьявольского начала. Стало быть, несмотря на киноязык режиссёра, в фильме все же присутствуют некоторые элементы поэтики писателя [11; 12, 149].

«Миргород и его обитатели» — произведение, в котором в той или иной мере воссоздана сказовость писателя: Афанасий Иванович и Антон Прокофьевич в разных эпизодах читают гоголевский текст. Многие отрывки из Гоголя действительно имеют место в фильме. Правда, их визуальное окружение часто выглядит неуместным. Так, например, Антон Прокофьевич в гостях у помещиков изображен в абсурдистской телевизионной рамке. Еще примеры — мальчик-слуга с подносом на голове, огромных размеров индейка на столе. Что касается еды, то можно сказать следующее: этот мотив широко используется в фильме (дыня — «Повесть о том...», рыба — обед у Собакевича в «Мертвых душах»). Вероятно, из-за его прецедентности. Та же самая прецедентность обнаруживается в декоративно-прикладных образах ленты. В целом, однако, лента чересчур изобилует гротеском и абсурдом.

«Дело о "Мертвых душах"» П. С. Лунгина — это история детективная. ореолом таинственности в ней окружена как фигура главного героя, так и фигуры второстепенные. К примеру, Шиллера. Мотивы расследования, слухов, доносов есть и в эпизодах с тайной полицией. В этом фильме зритель найдет не христианскую идею гоголевской поэмы, а всего лишь интригу, изображаемую посредством гротеска.

Хотя главная цель произведения Гоголя — показать картину российской жизни, — несомненно, была поставлена и достигнута автором [13]. Лента постмодернистская, отсюда ее цитатность. «Ревизор» переплетается с «Мертвыми душами», «Мертвые души» с гоголевским «Носом» и т.п.: Шиллер видит перед собой крупным планом крысу — сон городничего; ревизор приезжает в гости к Манилову. Как видим, ссылка на Гоголя имеется, но создает она совсем другой контекст — игровой. Более того, использование цитат выглядит абсурдистски и часто связано с приемом так называемой «буквализации метафоры». Один из примеров: помещик Манилов появляется в колыбели, что становится методом изображения его характера.

«Вий 3D», фильм из последних интерпретаций [14, 315], начинается с того, что закадровый голос методом сказа представляет зрителям Вия — древнее существо, способное убивать своим взглядом. Далее следует эпизод с купанием девушек в реке, где ими неожиданно обнаруживается мертвая панночка. Здесь начинается отход от гоголевского текста. Вершиной этого расхождения является главный герой — картограф. При таком несоответствии тексту обращать внимание следует скорее на частности. Скажем, на эротическую сцену, которая, как и у Гоголя, сдержанная (ср.: «Ведьма» О. Ф. Фесенко — 2006). Правда, преподносится по-другому. Так, полет панночки показан с помощью использования экшн-технологий. К слову об экшне: он является широко используемым методом воссоздания фантастики в кадре. Это несомненный плюс для гоголевской экранизации. Хотя некоторые рецензенты и считают, что фильм перенасыщен спецэффектами [6]. Из того, что принадлежит Гоголю, кроме указанной сцены, следует назвать идею включения в ленту героя-путешественника (Чичиков, Хлестаков, дед Василь). Несмотря на то что он является картографом и путешествует не только по Малороссии. Факт, однако, следующий: как и у Гоголя, таинственная фигура вызывает смуту в местах, где она проезжает: народ принимает Грина за нечисть (знакомый мотив слухов).

И наконец, барановская трилогия, которая в ещё большей степени изобилует интертекстуальностью. Это классический постмодернистский фильм, в отличие от первых упомянутых кинолент. Работа Баранова содержит много интертекстуальности, которая оказывается связанной с гоголевской поэтикой. Так, например, готический хоррор, наподобие «Сонной лощины», подразумевает наличие локуса леса. У Гоголя лес выступает как место, где обитает нечистая сила [15, 223]. То же самое с рекой, в которой живут русалки. Если говорить о приключенческом жанре, то в трилогии нельзя не заметить появления сундука с золотом. В гоголевском тексте золото фигурирует как подарок нечистой силы. В указанной ленте зритель увидит и элементы вестерна, а также ссылки

на фильм-путешествие: фрагмент с Гоголем и Гуро, где герои находятся в карете (у персонажа Меньшикова — знакомая чичиковская шкатулка). Можно упомянуть и жанр исторического кино: фрагменты о сестрах, напоминающих героинь скандинавского эпоса, и малороссийских ведьмах, одетых в западные корсеты. От Гоголя здесь будет рассказ о колдуне из «Страшной мести». Кроме обозначенной связи между гоголевской поэтикой и метажанровостью трилогии назвать стоит и не раз упомянутую символику — одежды (яркий кафтан Гуро — фрак цвета «наваринского пламени»), еды (галушки, квашеная капуста — связь с Малороссией), прецедентную символику огня и воды.

Таким образом, о постмодернистских экранизациях Гоголя следует сказать следующее. Им свойственна интертекстуальность, превращающая гоголевские тексты в одно хаотичное, динамичное, почти карнавальное игровое поле. И если в ранних экранизациях упомянутая игра воссоздавалась путем несобственно-прямой субъективности, эксцентрических средств, то в более поздних — через использование современных технологий. Общим для рассмотренных лент является частичное воссоздание гоголевской поэтики: на уровне мотивов, образов, деталей, участвующих в игре. Причем в игре этой акцент делается на форме, а не на содержании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж. Кино / Ж. Делез / Пер. с фр. Б. Скуратова / Под ред. О. Аронсона. — М.: Ад Маргинем, 2004. — 625 с.
2. Тарковский А. А. Лекции по режиссуре. Монтаж / А. А. Тарковский // Искусство кино. 1990. — № 10. — С. 83–91.
3. Пазолини П. П. Поэтическое кино / П. П. Пазолини // Стрoение фильма: сб. науч. статей / Под ред. К. Разлогова. — М.: Радуга, 1984. — С. 45–66.
4. Крейцер А. «Мертвые души» в производстве «Петербургских повестей» // Энциклопедия отечественного кино: база данных / А. Крейцер. — Режим доступа: http://web.archive.org/web/20180105071517/http://2011.russiancinema.ru/index.php?e_dept_id=2&e_movie_id=8791 (дата обращения: 10.07.2021).
5. Федорук Д. Рецензия на «Вий» 2014 / Д. Федорук // Национальный корпус русского языка. — Режим до-

ступа: <https://processing.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

6. Абботин А. Картограф с Виём: в прокат выходит фильм по мотивам повести Гоголя с Джейсоном Флемингом в главной роли / А. Абботин // Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://processing.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

7. Иванова В. Джейсон Флеминг: «Вий» у каждого свой / В. Иванова // Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://processing.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

8. Степченко О. А. О своем фильме «Вий» в 3D / О. А. Степченко // Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://processing.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

9. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. — СПб.: Алетейя, 2000. — 347 с.

10. Гоголь Н. В. Вечер накануне Ивана Купала // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1 / Сост., подг. текстов и комм. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. — С. 113–126.

11. Гладиллин М. С. Народные картинки в творчестве Н. В. Гоголя / М. С. Гладиллин // Н. В. Гоголь и народная культура. Материалы VII Гоголевских чтений (Москва, 30 марта–04 апреля 2007 года): Дом Н. В. Гоголя. — Режим доступа: <http://domgogolya.ru/science/researches/9022> (дата обращения: 10.07.2021).

12. Кондакова Ю. В. Техника «завуалированной фантастики» в произведениях Гоголя / Ю. В. Кондакова // Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя: сб. науч. статей / Под ред. О. В. Зырянова. — Екатеринбург: Урал, 2009. — С. 137–155.

13. Солнцева А. Вторая попытка // Энциклопедия отечественного кино: электронная база данных / А. Солнцева. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20180105071517/http://2011.russiancinema.ru/index.php?e_dept_id=2&e_movie_id=8791 (дата обращения: 10.07.2021).

14. Гашева Н. Н. Две киноверсии гоголевской повести «Вий»: культурфилософский аспект / Н. Н. Гашева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 4. — С. 28–32.

15. Софронова Л. А. Мифопоэтика раннего Гоголя / Л. А. Софронова. — СПб.: Алетейя, 2010. — 296 с.

*Ивановский государственный университет
Булавина М. О., соискатель ученой степени кандидата
филологических наук, аспирантка
E-mail: bulavmaria@yandex.ru*

*Ivanovo State University
Bulavina M. O., Applicant for the Degree of Candidate of
Philological Sciences, Postgraduate Student
E-mail: bulavmaria@yandex.ru*

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНТРОПОНИМОВ XIX ВЕКА

Л. Н. Верховых

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

Поступила в редакцию 15 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается воронежская антропонимия начала XIX века. Целью работы является изучение диалектных фонетико-орфографических особенностей фамильных прозваний Воронежского края на материале ревизских сказок по Новохоперскому уезду Воронежской губернии начала XIX века.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, диалектные фонетико-орфографические особенности, ревизские сказки, Воронежская область.

Abstract: the aim of the work is to study the dialectal phonetic and spelling features of the family nicknames of the Voronezh region on the basis of revise census documents from the Novokhopersk district of the Voronezh province at the beginning of the 19th century.

Keywords: onomastics, anthroponymy, dialectal phonetic and spelling peculiarities, revise census documents, Voronezh region.

Современные антропонимические исследования проводятся на различном материале: лингвисты изучают антропонимикон, представленный в художественной литературе, исторических источниках, документах ЗАГСов, телефонных справочниках, сети Интернет.

Значительная часть работ по антропонимии выполнена на основе привлечения краеведческих данных — метрических, переписных книг, ревизских сказок, памятных книжек и других исторических и историко-культурных документов. Среди новейших научных исследований данного направления отметим публикации, выполненные на краеведческом материале исторического плана.

Ученый-лингвист А. И. Соболев изучает имена, отчества и прозвища прибалтийско-финского происхождения в регионе Юго-Восточного Обонежья на материале антропонимических данных русских и шведских писцовых книг XV–XVI вв. [1]. Р. Г. Жамсаранова проводит исследование личных имен тунгусов, извлеченных из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края начала XIX века. В работе Р. Г. Жамсарановой рассматриваются принципы номинации и антропомодели, представленные в именнике народов Сибири и Дальнего Востока [2]. На материале переписей, метрических книг XVIII–XIX вв., исторических документов исследователь из Казахстана А. И. Назаров изучает фамилии илецких казаков, решая вопросы изменения состава фамилий в разные периоды проведения переписей, отражения в уральских фамилиях диалектных особенностей [3]. И. А. Королева изучает смоленский

ономастикон на материале смоленских грамот XIII–XIV вв. [4], И. А. Кюршунова привлекает для исследования памятники письменности Карелии [5].

Интересным и важным в исследовательском плане является такой источник, как ревизские сказки — перепись всех жителей населенных пунктов уезда, губернии. Анализ антропонимического материала в ревизских сказках позволяет провести лингвистические и краеведческие, преимущественно историко-культурные, наблюдения. Можно установить не только особенности образования и функционирования антропонимов, их лексико-семантическую специфику, но и определить, каков был этнический состав населенного пункта, «можно узнать, какие профессии здесь бытовали, что ели наши предки, что было для них образцами красоты или уродства. Ведь вся эта информация когда-то была заложена в прозвища, которые со временем обрели статус фамилий» [6, 242].

Цель данного исследования: на основании анализа антропонимикона ревизских сказок изучить диалектные фонетико-орфографические особенности фамильных прозваний Воронежского края.

Изучение ономастикона Воронежского края в различных аспектах осуществляется представителями Воронежской ономастической школы, см. подробнее: [7, 69–74]. Данная статья продолжает исследовательскую работу Воронежской ономастической школы и посвящена анализу воронежских антропонимов на материале именованных жителей в ревизских сказках по селу Красному Новохоперского уезда Воронежской губернии за 1816 год.

Воронежская антропонимия рассматривается в работах Л. Н. Верховых [8, 9, 10], Л. Д. Гореловой [11],

Г. Ф. Ковалева [6, 12, 13], Л. В. Недоступовой [14, 15, 16], С. А. Попова [17], И. С. Сениной [18], Е. И. Сьяновой [19, 20], М. В. Федоровой, Н. К. Фролова [21, 22], С. А. Федоровой [23], и др.

Нами изучались вопросы становления категории фамилии в воронежском антропонимиконе, отдельные аспекты семантики антропонимов села Красного Новохоперского уезда Воронежской области, отражение русско-украинских контактов в воронежской антропонимии по данным ревизских сказок, но изучение диалектных фонетико-орфографических особенностей воронежских именовании не проводилось, что и обуславливает новизну данного исследования.

Ревизские сказки составлялись грамотными людьми, но влияние на письмо диалектного произношения прослеживается достаточно четко. К диалектным фонетико-орфографическим особенностям воронежских антропонимов, представленным на письме, отнесем следующие.

1. Отражение аканья (данная черта свойственна не только литературному языку, но и южнорусским говорам, к которым относятся воронежские).

*Алейников*¹ [24, 868]. На письме зафиксирован вариант именовании фамилии Олейников с аканьем из прозвища *Олейник* от *oleyник* 'работник на маслобойне, маслобойщик' [25, 183]. В «Словаре русских народных говоров» лексема *oleyник* со ссылкой на В. И. Даля указана как южная, западная [Там же].

Барзой [24, 795]. Исходная фамилия — *Борзой* — может восходить к прозвищу из лексем *борзой* / *борзый* или *борзком* (нареч.). *Борзой* — 'смелый, ловкий', *рязанское*, а *борзком* — то же, что и *боржком* 'поспешно, торопливо', *воронежское* [26, 98; 27, 128].

Масковой [24, 775, 851, 852]. *Масковой* < *Московой* < *Московский*. Этот антропоним указывает на переселенцев из Москвы или Московской губернии, в ревизских сказках лексема зафиксирована неоднократно.

Трафимов [24, 900]. *Трафимов* < *Трофимов* < *Трофим*.

Берюкав [24, 750]. В фамильном именовании отражено аканье, при этом на письме зафиксировано и екающее произношение, ср. *Берюкав* — *Бирюков*. Предположим, что в начале XIX века в антропониме ударным был первый или второй слог, иначе, если ударным был бы третий слог с [о], в не первом предударном слоге слышалось бы [и] — *Бирюко́в*. Также данный вариант написания можно отнести к гиперкоррекции или устаревшему произношению (даже по отношению к XIX веку). Отметим, что лексема *бирю́к* в воронежских говорах имеет значения: 1) 'волк'; 2) *перен.* 'страшилище, которым пугают людей'; 3) *перен.* 'нелюдимый, угрюмый, одинокой человек'; омоним *бирю́к* употребляется в значении 'рыба *Acerina cernua* Linne, сем. окуневых; донской ёрш, ёрш-носарь' [27, 106–107].

2. Еканье (предположительно в первом предударном слоге после мягких согласных): *Берюкав* [24, 750]: *Берюкав* < *Бирюков*; *Буреков* [24, 902]: *Буреков* < *Бураков*; *Косеков* [24, 860]: *Косеков* < *Косяков*; *Меденской* [24, 906]: *Меденской* < *Медянской*; *Ресенской* [24, 739, 746, 863, 864]: *Ресенской* < *Реснянской*; *Тыненой* [24, 861]: *Тыненой* < *Тыняной*; *Чебаной* [24, 734]: *Чебаной* < *Чабаной*.

3. Отсутствие ассимиляции по глухости / звонкости перед глухим согласным, что можно отнести к явлению гиперкоррекции: *Безпалой* [24, 847], *Щебкин* [24, 829].

4. Наличие мягкого [р'] на месте [р] в литературном языке: *Комарев* [24, 867] (ср. *Комаров*), *Кучерев* [24, 771, 869] (ср. *Кучеров*).

5. Наличие вставного слога: *Инововеров* [24, 795] (ср. *Инововер*).

Кроме указанных, отметим и явление, близкое к иканью: предположительно в не первом предударном, заударном / первом предударном и ударном слогах (здесь мы можем только предполагать место ударения в слове по сравнению с современным произношением данных лексем) на письме дана буква *и*: *Сирдюков* [24, 763] (ср.: *Сердюков* [24, 764]), *Сириков* [24, 874] (ср.: *Серики* и запись именовании *Сириков* и *Серики* [24, 875, 888]), *Лисинков* [24, 891] (ср.: *Лисенков*), *Овечинков* [24, 817] (ср.: *Овеченков*). Отметим, что суффикс *-енк-* — характерная черта украинских фамилий, к которым отнесем и рассматриваемые антропонимы села Красного. Исторические источники подтверждают наличие в данном селе малороссиян [28, 224]. Интересно, что в XIX веке село Красное называлось слободой Красненькой, а слобода — «поселение пригородное, а также местность, населенная малороссами, имеющая церковь» [29, XLVIII]². Переселение малороссиян в Воронежский край идет наиболее активно в XVIII веке: «В XVIII веке, когда опасность от татар миновалась, число переселенцев из малороссиян увеличилось до такой степени, что в общем заселении губернии они участвовали наравне с великороссиянами; северные и западные уезды, как ближайшие к России, населились русскими, южные — малороссиянами» [30, 95].

Анализ ревизских сказок позволил выявить и зафиксировать следующие фонетико-орфографические особенности воронежских антропонимов начала XIX века: аканье, еканье, отсутствие ассимиляции по глухости / звонкости перед глухим согласным, наличие мягкого [р'] на месте [р] в литературном языке, наличие вставного слога. Указанные фонетико-орфографические особенности (кроме отсутствия ассимиляции по глухости / звонкости перед глухим согласным) отражают диалектное произношение, характеризуя местную лингвосистему нача-

¹ Здесь и далее в фамилиях не ставим ударение, поскольку в ревизских сказках оно отсутствует.

² При цитировании здесь и далее используется современная графика и орфография.

ла XIX века. Единичные именованья *Безпалой*, *Щеб-кин*, *Похомов*, видимо, представляют собой вариант гиперкоррекции писца.

Таким образом, ревизские сказки являются важным источником изучения регионального антропонимона, в том числе и воронежского. Анализ языковых единиц, зафиксированных в ревизских сказках, позволяет установить фонетико-орфографические особенности антропонимов, что в дальнейшем может быть востребовано при изучении воронежских говоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соболев А. И. Антропонимы прибалтийско-финского происхождения в писцовых книгах Юго-Восточного Обонежья XV–XVI вв. / А. И. Соболев // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14. — № 1. С. 7–34. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.001
2. Жамсаранова Р. Г. Личные имена тунгусов Бултегерского рода Урульгинской степной думы (на материале ревизских описей начала XIX в.) / Р. Г. Жамсаранова // Вопросы ономастики. — 2021. — Т. 18. — № 3. С. 197–224. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.040
3. Назаров А. И. Фонд фамилий илецких казаков (по материалам переписей и метрических книг XVIII — XIX вв.) / А. И. Назаров // Вопросы ономастики. — 2021. — Т. 18. — № 3. С. 123–150. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.037
4. Королёва И. А. Информативная наполненность имен собственных в смоленских грамотах XIII — XIV вв. / И. А. Королёва // Известия Смоленского государственного университета. — 2017. — № 2 (38). — С. 114–122.
5. Кюршунова И. А. Памятники письменности Карелии как источник исследования антропонимов / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 3. С. 156–185. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.038
6. Ковалев Г. Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвоязыковедение. Разное / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Научная книга, 2014. — 440 с.
7. Попов С. А. Основные направления Воронежской ономастической школы / С. А. Попов // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2018. — № 4. — С. 69–74.
8. Верховых Л. Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. 20 с.
9. Верховых Л. Н. Антропонимикон ревизских сказок как источник изучения особенностей развития русской фамильной системы / Л. Н. Верховых // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В. Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: Печатный двор, 2019. — С. 128–132.
10. Верховых Л. Н. Фамилии Воронежского края начала XIX века в аспекте русско-украинского взаимодействия / Л. Н. Верховых // Воронежское лингвоязыковедение. Выпуск 4. Региональный сборник научных трудов. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. — С. 77–88.
11. Горелова Л. Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. 19 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/istoriya-familii-zhitelei-s-chigorak-borisoglebskogo-raiona-voronezhskoi-oblasti> (дата обращения 14.09.2021).
12. Ковалев Г. Ф. Ономастические исследования и изучение родного края / Г. Ф. Ковалев // Воронежское лингвоязыковедение. Выпуск 1. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж: ВГУ, 2005. — С. 3–23.
13. Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика. — Воронеж: аучная книга, 2014. — 447 с.
14. Недоступова Л. В. Уличные фамилии в Воронежской области / Л. В. Недоступова // Русская речь. — 2014. — № 3. — С. 107–110.
15. Недоступова Л. В. Необычные сельские уличные именованья / Л. В. Недоступова // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы II Международной научно-практической конференции 2021 Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ» [Электронный ресурс]. — М.: Перо, 2021. — С. 158–164. — Режим доступа: [tps://bsk.vsu.ru/docs/Science/sciweek/2021/Epistemologicheskie%20osnovaniya%20sovremennogo%20obrazovaniya%202021.pdf](https://bsk.vsu.ru/docs/Science/sciweek/2021/Epistemologicheskie%20osnovaniya%20sovremennogo%20obrazovaniya%202021.pdf) (дата обращения 30.11.2021)
16. Недоступова Л. В. Мужские некалендарные именованья (на материале говора жителей посёлка Высокого Таловского района Воронежской области) / Л. В. Недоступова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2021. — № 2. — С. 19–25. DOI 10.36622/AQMPJ.2021.79.94.003
17. Попов С. А. Украинское наследие в наших фамилиях / С. А. Попов // Московский комсомолец (Ворон. обл.). — 1997. — 19 июля.
18. Сенина И. С. Лексико-семантическая характеристика фамилий села Терновка Терновского района Воронежской области / И. С. Сенина // Воронежское лингвоязыковедение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. — С. 141–150
19. Сьянова Е. И. Украинская антропонимия с. Власовка Грибановского района Воронежской области / Е. И. Сьянова // Воронежское лингвоязыковедение. Выпуск 1. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж: ВГУ, 2005. — С. 234–242.
20. Сьянова Е. И. «Ты чей?» О прозвищах и кличках людей в воронежских говорах / Е. И. Сьянова // Русская речь. — 2006. — № 2. — С. 91–95.
21. Федорова М. В. Фонетика воронежских фамилий / М. В. Федорова, Н. К. Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 4. — Воронеж: ВГУ, 1969. — С. 144–155.
22. Фролов Н. К. Именованья мужчин в воронежских документах XVII в. / Н. К. Фролов // Материалы по рус-

ско-славянскому языкознанию. — Воронеж: ВГУ, 1978. — С. 122–127.

23. Федорова С. А. Антропонимия села Александровка Хохольского района Воронежской области / С. А. Федорова // Край Воронежский: Межвузовский студенческий сборник. — Выпуск IV. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2002. — С. 90–92.

24. Государственный архив Воронежской области. Ф.И-18, оп.1, д. 205. Ревизские сказки по г. Новохоперску и Новохоперскому уезду Воронежской губернии 10 марта — 6 августа 1816 г. — С. Красное. — Л. 716–915.

25. Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Одале — Осеть / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, 1987. — 375 с.

26. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Блазнишка — Бяшутка / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука,

1968. — 360 с.

27. Словарь воронежских говоров. Вып.1 / Науч. ред. Г. Ф. Ковалев. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. — 304 с.

28. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. — Воронеж: Издание Воронежского губернского земства: Типо-Литография В. И. Исаева, 1900. — 482 с.

29. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. IX. Воронежская губерния. — Санкт Петербург, 1865. — 205 с.

30. Михалевич В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния / В. Михалевич. — Санкт-Петербург, 1862. — 410 с.

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

Верховых Л. Н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин технологического факультета
E-mail: lverhovyh@mail.ru

Borisoglebsk branch of Voronezh State University
Verkhovykh L. N., Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Technological and Pedagogical Faculty
E-mail: lverhovyh@mail.ru

ОБЛОМОВ И ШТОЛЬЦ: РОССИЯ И ЗАПАД В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

П. Н. Долженков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 23 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье Обломов рассматривается как образ, воплотивший в себе ряд черт русского национального характера. Автор статьи соглашается с теми, кто полагает, что апатия Обломова — это «славянская апатия», доведенная почти до крайней степени, и оспаривает мнение о том, что главный герой произведения — это больной человек. В статье демонстрируется, что идеал Обломова — цельность и полнота жизни души. Деятельность, за исключением художественного творчества, есть нарушение этого идеала. Идеалу жизни Обломова соответствует характерная черта русского человека — стремление к целостности жизни души и знания, и это демонстрируется на примере русской философии. Следующая характерная черта русского национального характера, которую мы выделяем в образе Обломова, — художнический склад души. В работе также утверждается, что динамика русской жизни, чередование взлетов и падений, тоже нашла свое отражение в образе Обломова. Женственность Обломова, и в первую очередь жизнь эмоциями и воображением, можно соотносить, на наш взгляд, с женственностью русского народа. У Гончарова был идеал единения народов. Образ Штольца и стал первым шагом на пути этого единения, попыткой объединения лучшего от России с лучшим от Запада. От отца немца Штольца унаследовал практичность, привычку к труду, жажду деятельности, а от русской матери — духовность. Также в образе русского немца Гончаров стремился соединить духовность и деятельность. Но писателю не удалось в образе Штольца полноценно соединить лучшее от русского народа и лучшее от народов Запада, не удалось органично соединить волю и разум с полноценной, с точки зрения русского человека, жизнью души. Образ русского немца оказался творческой неудачей Гончарова.

Ключевые слова: история русской литературы XIX века, творчество Гончарова, «Обломов», Россия и Запад.

Abstract: in the article Oblomov is considered as a character that embodies a number of traits specific for the Russian national character. The author agrees with those who think that Oblomov's apathy is the 'Slavic apathy' taken almost to the extreme, and disagrees with the opinion that the protagonist of the novel is a sick man. The article illustrates that Oblomov's ideal is integrity and wholeness of the life of the soul. Activity, except for artistic endeavors, brings disbalance into this ideal. Oblomov's life ideal fits with a specific trait of Russian people, their striving towards integrity of the life of the soul and knowledge, and this is demonstrated through examples from Russian philosophy. The next specific trait of the Russian national character that we see in the character of Oblomov is the artistic composition of his soul. This work also states that the dynamics of the Russian life, its alternating ups and downs was also reflected in the character of Oblomov. Oblomov's femininity, especially his way of living through emotions and imagination, may relate, in our opinion, to the femininity of the Russian people. Goncharov had a vision of uniting peoples. The character of Stolz was the first step on the path towards this unity, an attempt to unite the best from Russia with the best from the West. From his German father Stolz inherited pragmatism, the habit of working, the eagerness to act, and from his Russian mother, spirituality. Goncharov also tried to unite spirituality and active life in this Russian German character. However, the writer did not manage to achieve a true union of the best traits of the Russian and Western peoples in the character of Stolz, he could not find a way to naturally unite will and mind with a fully realized life of the soul from the point of view of a Russian. The character of a Russian German was a creative failure for Goncharov.

Keywords: Oblomov and Stolz: Russia and the West in I. A. Goncharov's novel "Oblomov".

На тему нашей статьи написано уже достаточно много работ. Но наблюдения, суждения исследователей этой темы разбросаны по различным статьям и книгам, и мы хотим собрать их воедино, добавив свои наблюдения, чтобы представить тему в ее целом.

Объясняя нежелание Обломова вставать с дивана, что-либо делать, а уж тем более вести активный образ жизни, не один исследователь вспоминал русскую лень (например, о грандиозной лени Обломова писал Чехов). Но Гончаров уже на второй странице своего романа отделяет главного героя от просто лени, он пишет: «Лежанье у Ильи Ильича не было

ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием». [1; 4, 8]

Это отрицание автором романа того, что лень есть основа существования его персонажа, ставит крест и на встречающемся в научной литературе утверждении о том, что в Обломове воплощена азиатская лень. Тема «Россия и Азия» лишь намечена в романе: халат на Обломове восточный, персидский, а Обломовка расположена чуть ли не в Азии, — намечена и далее не развивается.

Что же «погубило» Илью Ильича, наложило на его жизнь свою тяжелую руку? Обратим внимание на то, что в адрес Обломова едва ли не чаще, чем слово «лень», звучит слово «апатия». И сразу вспоминается знаменитая в XIX веке концепция «славянской апатии». В ее рамках утверждается, что славяне, и русские в том числе, значительно менее энергичны, инициативны, предприимчивы, чем западные народы. Например, Чехов, по всей видимости, придавал довольно большое значение славянской апатии в жизни русского человека. Об этом можно судить по его письму Д. В. Григоровичу, написанному в ответ на предложенный знаменитым тогда писателем сюжет о самоубийстве русского юноши: «Самоубийство Вашего русского юноши, по моему мнению, есть явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. <...> Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрому месту не остается, бьет на манер тысячепудового камня» [2; П., 2, 175].

Гончаров в романе гиперболизирует «славянскую апатию» своего героя.

Существует мнение, что эта гиперболизация отражает характерное для русских пассивно-созерцательное отношение к жизни. Например, С. А. Ханаш, опираясь на представления Н. С. Трубецкого о русском характере, видевшего в качестве ведущей черты его глубоко созерцательные отношения русского человека к миру (природе и обществу), полагает, что «именно эта черта, достигшая крайности, составила социально-философскую сущность личности обломовского типа» [3, 157]. Но пассивная созерцательность предполагает отсутствие или очень слабую силу желаний. А желания живут в душе Обломова: он хотел бы и в Париж съездить, и в Обломовку и т.д.,

но он не может подняться с дивана и повести активный образ жизни.

Его желания не переходят в действия — и это главное для характеристики апатии Обломова. Нам приходилось читать, что Илья Ильич остается бездеятельным, потому что он боится жизни. Это не так. Обломов не боится жизни, он пугается необходимости что-либо делать. Чтобы разрешить жизненную проблему, например переехать с квартиры на квартиру, необходимо совершить ряд действий, а чтобы совершить хотя бы одно действие, герою Гончарова нужно приложить громадные усилия, чтобы преодолеть свою апатию. И ряд действий представляется ему просто непреодолимым препятствием, которое его пугает, перед которым он пасует и укладывается опять на диван.

Наверное, А. П. Милюков первым увидел в Обломове больного человека, он писал: «Его (Обломова. — П. Д.) история — частный случай, касающийся больного человека» [4, 132].

По всей видимости, Гончаров настолько заострил нужные ему черты личности в образе Ильи Ильича, что заступил за грань, отделяющую здорового человека от психически больного. В беседе с автором статьи известный московский историк психиатрии А. Г. Герш назвал Обломова шизофреником. И у него были свои основания. Желания не переходят в действия — это характерно для шизофреников, характерны для них и апатия, и нежелание делать именно то, что нужно (негативизм). По всей видимости, Гончаров настолько заострил нужные ему черты личности в образе Ильи Ильича, что, по мнению психиатра, заступил за грань, отделяющую здорового человека от психически больного. Конечно, изображая Обломова, Гончаров не имел в виду больного человека. То же самое можно сказать, например, и об образе Беликова, чеховского «человека в футляре».

Итак, апатия Обломова — это «славянская апатия», доведенная почти до крайней степени. В подтверждение своего вывода приведем схожее по смыслу суждение Д. И. Писарева, тоже связывавшего апатию Обломова со славянской апатией: «апатия покорная, мирная, улыбающаяся, без стремления выйти из бездействия; это — обломовщина, как назвал ее г. Гончаров, это болезнь, развитию которой способствуют и славянская природа и жизнь нашего общества» [5, 70]. Но Писарев был не прав, когда писал об «умственной апатии» Ильи Ильича: «Автор задумал проследить мертвящее, губительное влияние, которое оказывают на человека умственная апатия, усыпление, овладевающее мало-помалу всеми силами души, охватывающее и сковывающее собою все лучшие, человеческие, разумные движения и чувства. Эта апатия составляет явление общечеловеческое» [5, 70]. Умственной апатии у Обломова нет.

Но не только апатия, на наш взгляд, стала причиной бездействия Обломова. Вспомним два выска-

звания Ильи Ильича. Первое — в связи с посетившим его гоняющимся за удовольствиями молодым человеком Волковым: «В десять мест в один день — несчастный! — думал Обломов. — И это жизнь! — Он сильно пожал плечами. — Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» [1; 4, 23]. Как видим, идеал гончаровского героя — цельность жизни души. Второе высказывание Обломов сделал в связи со служебной деятельностью пришедшего к нему навестить чиновника Судьбинского: «Увяз, любезный друг, по уши увяз, — думал Обломов, провожая его глазами. — И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире. А выйдет в люди, будет со временем ворочать делами и чинов нахватает... У нас это называется тоже карьерой! А как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства — зачем это? Роскошь! И проживет свой век, и не пошевелится в нем многое, многое...» [1; 4, 27]. Таким образом, идеал Обломова — цельность и полнота жизни души. А деятельность, видимо, за исключением художественного творчества, не соответствует этому идеалу. Делая что-либо, мы используем только те стороны и свойства души, которые необходимы для успешного выполнения дела, все остальное в нашей душе в это время «спит». Работая чиновником, Обломов все твердил: «Когда же жить? Когда жить?» [1; 4, 58], — и на протяжении романа он несколько раз скажет об этой своей претензии к деятельности. Одним словом, для Обломова активно действовать означает «не жить». Видимо, для него «жить» значит жить прямо сейчас, а не, например, в выходные или в отпуске, и у занятого делом Обломова рождается ощущение, что жизнь проходит, жизнь «гибнет». В этом мы видим еще одну причину бездеятельности главного героя романа.

Идеалу жизни Обломова, как нам представляется, соответствует характерная черта русского человека — стремление к целостности жизни души и знания. Вот что писали, например, исследователи русской философии. Н. О. Лосский: «Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей <...> Киреевский и Хомяков говорили, что цельная истина раскрывается только цельному человеку. Только собрав в единое целое все свои духовные силы — чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию, нравственный опыт и религиозное созерцание, — человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о Боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей — В. Соловьева, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, А. Лосева, И. Ильина и др. Опираясь на цельный опыт, они пытались развить такую философию, которая бы явилась всеобъемлющим синтезом» [6, 470]. В. В. Зеньковский: «В неразрывно-

сти теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале “целостности” заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [7, 20].

«Ты философ, Илья» [1; 4, 23], — так реагирует Штольц на рассуждения Обломова.

Следующая характерная черта русского национального характера, которую мы выделяем в образе Обломова и которую еще не отмечали гончароведы, — художественный склад души. Автор пишет о своем герое: ««И куда это они ушли, эти мужики? — думал он и углубился более в художественное рассмотрение этого обстоятельства» [1; 4, 97]. Яркий образец художественного творчества Ильи Ильича — его рассказ Штольцу о своем идеале жизни в усадьбе, в ответ на который русский немец восклицает: «Да ты поэт, Илья!» [1; 4, 181]. В нашей литературе XIX века также Лесков рассматривал художественный склад природы как характерную черту русского человека. Его «русский богатырь» Иван Северьянович Флягин («Очарованный странник») тонко чувствует красоту (сначала лошади, а потом он открывает красоту женщины), испытывает перед ней художественный восторг и способен передать этот восторг другим людям.

У Обломова сильная апатия, как же так получилось, что он встал с дивана под влиянием любви к Ольге Ильинской и «догнал жизнь», правда, лишь в рамках интересов его возлюбленной? Опишем динамику жизни Ильи Ильича: в юности и ранней молодости он был достаточно активен, деятелен, строил широкие планы на будущее, а затем он погружается в апатию, после которой следует «взрыв», и он покидает свой диван, но не удерживается на достигнутой высоте и вновь падает в объятия апатии. Одним словом, его жизнь состоит из чередования периодов активности с периодами апатии, застоя. Такова же и динамика жизни русского народа. Например, после грандиозного «взрыва» — победы в Великой отечественной войне и восстановления народного хозяйства в кратчайшие сроки — мы постепенно погрузились в апатию, в классику застоя — в брежневский застой, а затем последовал новый взрыв — демократическая революция.

В литературе XIX века эту особенность русского национального характера отразил тот же Лесков в «Очарованном страннике»: «русский богатырь» Флягин развивает чудовищную энергию, но лишь в кульминационные моменты своей жизни. В промежутках между ними Иван Северьянович ведет медлительное, полуленивое существование.

В науке XIX века на эту динамику русской жизни обратил внимание В. О. Ключевский, он писал: «Это (короткое лето. — П. Д.) заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы

сделать много в короткое время и впопыхах обратиться к полям, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [8, 105–106].

В науке XX–XXI вв., по крайней мере, в западной психологии, в культурантропологии подобный взгляд на динамику русского национального характера стал общепринятым с середины XX века. Например, Ph. K. Bock в своей книге “Rethinking psychological anthropology. Continuity and change in the study of human action” (N. Y., 1988) писал о раскачивании русских «между длительными периодами депрессии и самокопания и короткими периодами бешеной социальной активности» и даже «между длительными периодами подчинения сильной внешней власти и короткими периодами интенсивной революционной деятельности»¹.

И, повторим, эта динамика русской жизни нашла свое отражение в образе Обломова.

Для дальнейшего анализа темы нашей статьи мы должны обратиться к следующей паре: эмоции и воображение и воля и разум. Понятно, что первый член этой пары соответствует России, живущей прежде всего эмоциями и воображением, а второй — Западу, живущему в первую очередь волей и разумом. Также члены этой пары соответствуют противопоставлению женщины (эмоции и воображение) и мужчины (воля и разум).

Исследователи романа уже писали о женственности Обломова, соотносимой с женственностью России, и о том, что «женскому началу» (Обломов) в произведении Гончарова противопоставлено «мужское начало» (Штольц).

Мы хотим лишь отметить, что в XIX веке женственными считали не только русский народ, но и всех славян. Например, немецкие националисты писали о том, что женственные славяне должны быть покорены Германией.

Также мы хотим обратить внимание исследователей романа на то, что о женственности Обломова следует говорить в первую очередь не потому, что «тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины» [1, 4, 8], а потому, что он живет именно эмоциями и воображением. Гончаров пишет о своем герое: «Освободясь

от деловых забот, Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире» [1; 4, 67]. И недаром Обломов встал с дивана под влиянием эмоций (любовь), а не под влиянием каких-либо идеалов или возвышенных идей.

Итак, в образе Обломова отражен ряд особенностей русского национального характера.

Традиционно считается, что в образе Штольца Гончаров хотел изобразить образцового русского деятеля, по мнению писателя, на место «обломовцев» должны прийти русские Штольцы.

Но мы полагаем, что образ русского немца для Гончарова был более значим. В 1870 году он писал С. А. Толстой: «впереди где-то стоит идеал слияния народностей, религий, языков <...> Спаситель сказал, что будет *едина вера и едино стадо* (курсив авторский. — П.Д.) <...> все народы должны прийти к этому общему идеалу человеческого конечного здания <...> каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал» [1; 8, 33].

Гончаров в занятой им позиции не совпадал ни со славянофилами, настаивавшими на своеобразии исторического развития России, ни с западниками, утверждавшими, что Россия должна идти вслед Западу. Писатель мечтал о соединении русского и западного начал, о единении народов мира.

Штольц и стал первой попыткой объединения России и Запада, не в реальности, а в художественной литературе.

От отца немца Штольц унаследовал практичность, привычку к труду, жажду деятельности, а от русской матери — духовность. Исследователи романа ограничиваются констатацией этого соединения западного и русского в душе Штольца. Но в формировании личности русского немца со стороны России участвовала не только мать. Гончаров пишет: «С одной стороны Обломовка, с другой — княжеский замок с широким раздольем барской жизни встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрюши ни доброго бурша, ни даже филистера» [1; 4, 161]. Таким образом, на Андрюшу влияла широта русской души, и это влияние выразилось в широте интересов Штольца, в его жажде широкой деятельности. А влияние Обломовки — это влияние на Штольца Обломова, влияние светлого и доброго начала, лежавшего в душе Ильи Ильича. И, в чем бы мы ни упрекали гончаровского русского немца, мы не можем не признать его вполне порядочным и неплохим человеком.

Что же касается проблемы русского деятеля в романе, то вспомним, что, по Обломову, активная деятельность сопряжена с неполнотой и нецельностью жизни души. Гончаров же попытался соединить в образе Штольца деятельность и духовность. По отношению к вопросу о деятельности структуру романа можно представить следующим образом: на одном полюсе духовность без деятельности (Обломов),

¹ Цитируется по кн.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. — М., 2003. — С. 140.

на другом — деятельность без духовности (посетители Обломова в первой части романа), а между ними — образ русского немца, соединявшего активную деятельность с «тонкими потребностями духа».

Итак, мы можем сказать, что в образе Штольца Гончаров пытался соединить лучшее от Запада и лучшее от России.

Почему же современники Гончарова не приняли этот образ? Они обвиняли Штольца в эмоциональной холодности, эгоизме, утверждали, что он был недостаточно настойчив в деле перевоспитания Обломова, что он, якобы, отвернулся от Ильи Ильича после его женитьбы на Пшеницыной. Опять процитируем Чехова: «Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный мальчик, а я не верю. Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная» [2; П., 4, 201–202].

Что же обусловило такую реакцию на образ Штольца, что в нем не может принять русский человек?

Штольц живет в первую очередь волей и разумом. Рассудок и практичность многое определяют в его жизни.

Гончаров пишет о своем герое, что еще юношей «он инстинктивно берег свои силы» [1; 4, 454]. Когда же русский немец получил от Ольги согласие стать его женой, он думает: «Дождался! Сколько лет жаждал чувства, экономии сил души! Как долго я ждал — и вот все вознаграждено: вот оно последнее счастье человека!» [1; 4, 428]. Даже в юности и ранней молодости он стремился не увлекаться ничем посторонним, не попадать под власть очаровательных соблазнов, а, как купец деньги, берег, экономил силы души. Такую душу мы не можем назвать полноценной. Ведь юность как раз и есть пора увлечений.

Гончаров пишет: «Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе» [1; 4, 165], — опять же мы можем сказать, что для русского человека такая душа представляется слишком «сухой», и он не хочет рассматривать ее в качестве идеала.

А как Штольц относится к своей любимой? Он рассудочно формирует из Ольги нужную ему женщину. «Сначала долго приходилось бороться с живостью ее натуры, прерывать лихорадку молодости (курсив наш. — П. Д.), укладывать порывы в определенные размеры, давать плавное течение жизни, <...> Задумывалась она над явлением жизни — спешил вручить ей ключ к нему» [1; 4, 457]. Такое сверхрациональное отношение к любимой женщине, рассудочное ее формирование мало приемлемо для русского человека.

Когда Гончаров пересказывает роман Штольца и Ольги, мы верим автору, что Штольц действительно сильно влюблен, когда же писатель изображает конкретные сцены из этого романа, в наши души начинает закрадываться сомнения.

Русский немец решает признаться Ольги в любви. Понятно, какую бурю чувств должен испыты-

вать влюбленный, ведь судьба его решается, тут не до хладнокровия, не до рассудка.

А вот как ведет себя Штольц: он садится к окну: «Он сидел в простенке, который скрывал его лицо, тогда как свет падал на нее, и он мог читать, что было у ней на уме» [1; 4, 417]. Андрей хладнокровно садится так, чтобы его не было видно и чтобы он мог читать все ее мысли и чувства. И Ольга любимого человека воспринимает как «опасного противника», она хватается за руку, «как будто моля о пощаде» [1; 4, 418]. А лицо его таково: «похудевшее лицо в нахмуренные брови, сжатые губы с выражением решительности» [1; 4, 417]. «Но я вас люблю, Ольга Сергеевна! — сказал он почти сурово (курсив наш. — П. Д.)».

Так ли рассудительно, порой спокойно, говорит и ведет себя признающийся в любви мужчина? И не зря в этой сцене Ольга просит: «Выслушайте же до конца, но только — я боюсь вашего ума; сердцем лучше: может быть, оно рассудит...» [1; 4, 422]. Будущая жена боится главного начала в личности мужа — ума!

Штольц, как мы видим его в этой сцене, не производит впечатление мужчины, испытывающего сильное чувство любви, он более похож на человека, испытывающего чувство влюбленности — чувство не очень сильное и обычно поверхностное.

Через ряд лет жизни со Штольцем Ольга вдруг стала испытывать чувства тоски, неудовлетворенности жизнью. Она говорит своему мужу: «Что ж это счастье... вся жизнь... <...> все эти радости, горе... природа... <...> все тянет меня куда-то еще; я делаю ничем недовольна...» [1; 4, 465]. Проницательный муж разгадал причину душевного «недуга» своей жены: «Это грусть души, вопрошающей жизнь о ее тайне» [1; 4, 467], — говорит он своей жене. Ольга вышла на высший уровень духовности: ее мучают «вечные вопросы» жизни. И как же реагирует на, как он определил, «недуг» супруги Штольц? Он говорит ей: «Мы не Титаны с тобой, <...> мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье» [1; 4, 467–468]. Душа Ольги рвется вдаль и ввысь — а благоразумный, рассудительный муж ставит преграды на пути тоскующей, рвущейся ввысь души Ольги. Подобное благоразумие для русского человека граничит с мещанством и не может быть принято.

Одним словом, если вспомнить определения Л. Толстого: «ум ума» и «ум души», — то мы должны признать, что у русского немца на первом плане «ум ума», а не «ум души», не осердеченная мысль.

Гончарову не удалось в образе Штольца полноценно соединить лучшее от русского народа и лучшее от народов Запада, не удалось органично соединить

волю и разум с полноценной, с точки зрения русского человека, жизнью души.

Приведем в конце, на наш взгляд, характерную именно для русского человека реакцию на образ Штольца: «В этой антипатичной натуре, под маскою образования и гуманности, стремления к реформам и прогрессу, скрывается все, что так противно нашему русскому характеру и взгляду на жизнь» [4, 138].

Одним словом, образ Штольца, прообраз чаемого Гончаровым будущего единения народов, писателю не удался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений в 8-ми т. / И. А. Гончаров. — М.: Худ. лит., 1977–1980.
2. Чехов А. П. ПССП в 30-ти т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1974–1986.
3. Ханаш С. А. Образ Обломова в контексте теории

русского национального характера / С. А. Ханаш / Материалы круглого стола «Илья Ильич Обломов русский человек?» / о национальном характере сквозь призму образов художественной литературы // Клио. — СПб., 2007. — № 2 (37). — С. 155–158.

4. Милюков А. П. Русская апатия и немецкая деятельность («Обломов», роман Гончарова) / А. П. Милюков // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 125–142.

5. Писарев Д. И. «Обломов». Роман И. А. Гончарова / Д. И. Писарев // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 68–82.

6. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. — М.: Советский писатель, 1991.

7. Зеньковский В. В. История русской философии в 2-х т. / В. В. Зеньковский. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

8. Ключевский В. О. О русской истории / В. О. Ключевский. — М.: Просвещение, 1993.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Долженков П. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы

E-mail: pnd57@mail.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Dolzhenkov P. N., candidate of Philological Sciences, associate professor, faculty of Philology, department of Russian Literature History*

E-mail: pnd57@mail.ru

«ИОАНН, ИЛИ ВЗЯТИЕ КАЗАНИ» М. С. РЫБУШКИНА: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ПЬЕСЫ И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

А. И. Завьялова

Российский государственный архив социально-политической истории

Поступила в редакцию 20 апреля 2021 г.

Аннотация: в 1814 г. в Казани издали трагедию «Иоанн, или Взятие Казани» учителя Казанской гимназии, историка М. С. Рыбушкина. Драматическое сочинение посвящалось помещику П. П. Есипову — основателю первого городского казанского театра. Пьеса «Иоанн, или взятие Казани» относится к ряду художественных произведений русской литературы второй половины XVIII — начала XIX вв. на так называемый казанский сюжет. Ещё при жизни М. С. Рыбушкина трагедия оказалась позабытой, и сейчас она остается малоизвестной для исследователей. В данной статье впервые подробно рассматривается сюжет этого драматического сочинения, история его публикации, при этом немалое внимание уделяется самой личности М. С. Рыбушкина. В процессе изучения «Иоанна, или Взятия Казани» выявлен круг первоисточников этого текста — ими, прежде всего, были трагедия «Сумбека, или Падение Казанского царства» С. Н. Глинки и знаменитая эпическая поэма «Россияда» М. М. Хераскова.

Ключевые слова: «Иоанн, или Взятие Казани», М. С. Рыбушкин, Н. М. Ибрагимов, П. П. Есипов, А. С. Пушкин, А. А. Фукс, «Заволжский Муравей», «Россияда», «Сумбека, или Падение Казанского царства».

Abstract: in 1814 in Kazan was published the tragedy «Ioann, or the Kazan Siege», written by M. S. Rybushkin, historian and teacher of the Kazan Gymnasium. The dramatic work was devoted to P. P. Esipov, the Kazan landlord, known as the founder of the first Kazan public theatre. The play «Ioann, or the Kazan Siege» refers to the number of the literary works of the second half of the 18th century and the beginning of the 19th century based on the so-called Kazan plot. Among them are «Rossiada», the famous epic poem by M. M. Kheraskov, the plays by S. N. Glinka «Sumbeka, or the Kazan Siege» and A. N. Gruzincov «The besieged Kazan, or The kidness of Ioann Vasilyevich IV, called Terrible» and also G. R. Derzhavin's opera «Grozny, or the Kazan Siege». «Ioann, or the Kazan Siege» became forgotten when M. S. Rybushkin was alive yet. Nowadays the tragedy still stays little-known for researchers. In this paper the plot of «Ioann, or the Kazan Siege» and the history of the play's publication were considered in detail for the first time. As well the author of the paper gives considerable priority to the personality of M. S. Rybushkin. Having studied the text of «Ioann, or the Kazan Siege», the author identified the range of its main literary sources— there were S. N. Glinka's «Sumbeka, or Siege of the Kazan's Tsardom» and M. M. Kheraskov's poem «Rossiada».

Keywords: «Ioann, or the Kazan Siege», M. S. Rybushkin, N. M. Ibragimov, P. P. Esipov, A. S. Pushkin, A. A. Fuks, «Zavolzhsky muravey», «Rossiada», «Sumbeka, or Siege of the Kazan's Tsardom».

В типографии Императорского Казанского университета в 1814 г. опубликовали книгу «Иоанн, или Взятие Казани. Трагедия в пяти действиях в прозе» (Рис. 1). Ее автором был преподаватель Первой Казанской мужской гимназии (открыта в 1758 г.), сын Симбирского губернского регистратора, Михаил Самсонович Рыбушкин (годы жизни: 1792–1849 гг.; в архивных документах встречаются два варианта написания отчества: Самсонович (см., например, некролог о Рыбушкине: РГАЛИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.) и Сампсонович (в его формулярном списке: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5697. Л. 44).). Впоследствии он станет известным краеведом и журналистом г. Казани (с 1828–1834 гг. Рыбушкин был редактором еженедельной университетской газеты «Прибав-

ления к «Казанскому вестнику», а в 1832 г. он основал собственный журнал «Заволжский Муравей»). Его главные труды «Краткая история города Казани» (1834 г.) и «Записки об Астрахани» (1841 г.) и сейчас признаются одними из лучших исследований по истории Казанской и Астраханской земель. К тексту «Краткой истории города Казани» обращался и А. С. Пушкин, работая над «Историей Пугачёва» (1834 г.). В своем письме от 15 августа 1835 г., адресованном казанской писательнице А. А. Фукс, он писал: «Надеясь на Вашу снисходительность, я осмелился отправить на ваше имя один экземпляр для доставления г. Рыбушкину, от которого имел честь получить любопытную историю о Казани» [1, 25]. Это письмо было издано А. А. Фукс в «Казанских губернских ведомостях» уже по прошествии нескольких лет после смерти А. С. Пушкина, в 1844 г. Учёные

даже допускали мысль о том, что А. С. Пушкин мог лично познакомиться с М. С. Рыбушкиным, побывав в Казани осенью 1833 г. [2], что вполне вероятно. С 1832 г. по 1834 г. совместно с М. В. Полиновским (друг М. С. Рыбушкина, адъюнкт латинской словесности в Казанском университете) М. С. Рыбушкин выпускал в Казани журнал «Заволжский Муравей». Об этом знали не только в Поволжье, но и в Петербурге, в Москве (Рис. 2).

Но возвратимся к трагедии «Иоанн, или Взятие Казани». Об обстоятельствах ее публикации сохранилось немного сведений. Из архивных источников следует, что М. С. Рыбушкин направил сочинение на рассмотрение в Цензурный комитет при Казанском университете в 1813 г. (см.: «Дело о позволении напечатать трагедию «Иоанн, или Взятие Казани» // КФУ НБЛ ОРРК. Ед. хр. 4147. Л. 1; Ед. хр. 4157. Л. 9.). Посвящался «Иоанн» Павлу Петровичу Есипову (1768–1814 гг.), антрепренёру, основавшему в Казани городской театр в 1802 г. Дворянин П. П. Есипов прославился на всю Казань как страстный почитатель театра. Театр Есипова был очень популярен в Казани. Объявления о спектаклях печатались в «Казанских известиях». Среди постоянных посетителей театра были студенты Казанского университета. Само имя Есипова овеяно разного рода легендами. По одной из них, его актрису Феклушу украл сам Рыбушкин, и впоследствии Феклуша стала женой историка [3]. Однако подлинные свидетельства того события отсутствуют. Также сохранились воспоминания казанца Н. И. Мамаева, согласно которым Есипов совершил убийство одной из своих крепостных актрис Груни [4]. Эта история легла в основу рассказа В. С. Пикуля «Есиповский театр».

Произведение Рыбушкина явилось далеко не первым драматическим текстом, повествующим об исторических событиях 1552 г., в русской литературе первой трети XIX века. Ещё в 1806 г. в Москве издали трагедию С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства». Произведение С. Н. Глинки поставили на петербургской сцене 7 мая 1807 г. Роль казанской царицы Сумбеки сыграла известная актриса Е. С. Семенова. В 1810 г. в Петербурге представили пьесу А. Н. Грузинцова «Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным» (театральная премьера состоялась в 1813 г.). На петербургской и московской театральной сценах эти произведения приобрели успех.

Примечательно, что 1814 годом датируется и текст оперного либретто Г. Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» (впервые опубликовано только в 1867 г.).

Интерес писателей того времени к эпохе Ивана Грозного, по всей видимости, возник под влиянием авторитета эпической поэмы «Россияда» (впервые издана в 1779 г.). С. Н. Глинка, А. Н. Грузинцов и Г. Р. Державин, как и их современники, с большим

почтением относились к литературному таланту М. М. Хераскова. К началу XIX в. «Россияда» и вовсе приобрела статус классического, хрестоматийного текста русской литературы, ее воспринимали образцом художественного произведения. Любопытны в связи с этим воспоминания С. Т. Аксакова о том, как проводились уроки словесности в Казанской мужской гимназии, где заметим, учился и М. С. Рыбушкин. Так, по замечанию писателя, в обязательную программу по синтаксису русского языка входили «практические упражнения, состоявшие из писанья под диктовку и из переложения стихов в прозу» [5, 88], учитель гимназии Н. М. Ибрагимов (1778–1818 гг.) «выбирал лучшие места из Карамзина, Дмитриева, Ломоносова и Хераскова, заставлял читать вслух и объяснял их литературное достоинство» [5, 88]. Скажем здесь и о том, что Н. М. Ибрагимова считали одним из талантливейших педагогов начала XIX в., он славился способностью передавать своим ученикам любовь к его предмету и даже привлекал некоторых из них к литературной деятельности, в частности С. Т. Аксакова, В. И. Панаева, А. Д. Агафи и др. Среди них был и Рыбушкин, чьи самые первые попытки проявить себя на поэтическом поприще относятся к 1812 г. — сохранились стихотворения Рыбушкина, помещённые им в студенческом рукописном сборнике Казанского университета «Смесь» (журнал был найден в начале XX в. Н. П. Загоскиным в архиве Казанского общества любителей отечественной словесности [6]). И в последующие годы Рыбушкин продолжит публиковать свои произведения: «Стихи на день возшествия на Всероссийский Престол Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Павловича («Прибавление» к № 11 «Казанских известий», 1814 г. 15 марта), «На кончину Гавриила Романовича Державина» («Казанские известия», 1816 г. 16 сентября), «Собака и волк», «Осел и лисица», «Триолет» («Заволжский муравей», 1832 г. № 8), «К Нине» («Заволжский муравей», 1833 г. № 19) и др.

Перу Рыбушкина принадлежат и два драматических произведения на историческую тему — «Бегство Наполеона из Москвы» (рукопись утрачена) и «Иоанн, или Взятие Казани», рассматриваемое нами в данной статье. Содержание этих текстов, как и в целом литературное творчество Рыбушкина, крайне редко привлекало внимание литературоведов. Трагедию М. С. Рыбушкина «Иоанн, или Взятие Казани» рассматривала казанская исследовательница И. Р. Рамеева, но она сосредоточила своё внимание по большей части на проблеме развития литературных направлений XIX в. и на литературном образе ханши Сююмбике [7, 12–13]. Главным же образом ученых интересовала личность Рыбушкина как журналиста, краеведа; о нем говорили как об участнике литературных вечеров поэтессы А. А. Фукс [8; 9; 10, 26–33].

До сих пор не существует и отдельной научной работы, которая бы наиболее подробно раскрывала

биографию историка. Основные же занимательные факты о жизни и деятельности Рыбушкина известны преимущественно из книги В. Аристова и Н. Ермаевой «Все началось с путеводителя. Поиски литературные и исторические». Авторам монографии удалось рассказать о Рыбушкине, привлекая многие документы, хранящиеся в казанских архивах.

Прежде чем ознакомиться с текстом «Иоанна», для начала отметим, что имя Рыбушкина иногда встречается в научных комментариях к изданным лицейским стихотворениям А. С. Пушкина, в связи с эпиграммой «Бывало, прежних лет герой...» (или «На Рыбушкина», «Эпиграмма на Рыбушкина» 1914 г. [11, 446]), сочиненной поэтом как раз по случаю публикации трагедии «Иоанн, или Взятие Казани»:

*Бывало, прежних лет герой,
Окончив славу брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческого кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши [11, 77].*

Известие о появлении в Казани книги Рыбушкина А. С. Пушкин прочел на страницах журнала «Сын Отечества», где поместили о ней довольно неблагоприятный отзыв. Издатель «Сына Отечества» укорял автора «Иоанна» за отсутствие в его драматическом произведении благородных характеров, за безграмотную речь, а в конце своей рецензии и вовсе сделал замечание о том, «что большая часть сей трагедии переведена, но не с иностранного, а с Русского языка, именно из Сумбеки С. Н. Глинки» [12, Ч. 14, с. 205]. (При цитировании источников в статье сохраняются их орфографические и пунктуационные особенности, но «ъ» обозначается как «е», «і» — «и», «ь» в конце слов пропускается).

Таким образом, ещё раз скажем, что «Иоанн» не имел успеха, его издание стало только поводом для насмешек над Рыбушкиным. «Кто Русской грамоте, как должно, не учился, // Напрасно тот писать трагедии пустился!» [12, Ч. 12, с. 240; Ч. 14, с. 205] — с такой речью дважды обратился издатель «Сына Отечества» к Рыбушкину, приведя цитату из стихотворения В. Л. Пушкина «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг...»).

Однако в действительности пьеса была всего-навсего пробным сочинением Рыбушкина. По справедливому замечанию издателя «Сына Отечества», трагедия написана на крайне слабом, не книжном языке, что иногда в её тексте можно встретить нелепые и непонятные реплики персонажей. Для примера приведем некоторые из них: «Итак, Князь, ежели ожидания мои не обманывают меня, ежели ты будешь соответствовать любви моей, то щастие совершлось и брак...» [13, 2], «Я не понимаю, Князь! к чему это клонится?» [13, 3], «дела в Казани весьма худы» [13, 25], «Так, Россияне, довольно, довольно, носить

узы рабства! сию же ночь смерть или победа!» [13, 29], «Слишком шестьдесят лет я живу на свете» (Иоанн, 30), «Скажи мне, для чего мы притекли сюда?» [13, 30], «Скажи мне, тень моего любезного! Скажи мне! доколе будут простираться бедствия поносной жизни моей? — нет, не долго — падение Казани прекратит их — Казань должна пасть от рук Россиян» [13, 51] и др.

Между тем, несмотря на стилистические недостатки, «Иоанн» — отнюдь не безынтересное по своему содержанию сочинение — в его сюжетной линии прослеживается своеобразное использование мотивов из предшествующих литературных произведений. Попытаемся внимательно рассмотреть драматический текст.

«Иоанн», при первом же его прочтении, и в самом деле напоминает пьесу С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства», о чём свидетельствует весьма заметное сходство сюжетов двух драматических текстов. «Иоанн» и «Сумбека» повествуют о безответной любви ханши Сумбеки к крымскому царевичу Осману. Большинство персонажей Рыбушкина, как и Глинки, совершают все действия, исключительно руководствуясь своими частными интересами — царицу Сумбеку тревожат любовные чувства, Осман думает лишь о побеге из Казани с возлюбленной Эмирой, а тем временем коварный вельможа Сагрун, пользуясь сложившейся обстановкой в царском дворце, пытается захватить казанский престол.

В обеих пьесах герои предчувствуют гибель Казанского царства. В «Сумбеке» царица с горестью признает, что «престол ее должен сокрушиться» [14, 20]. И в «Иоанне» правительница верит в предопределения: «О! теперь я понимаю твое определение, Всемогущий! — Скоро, скоро рухнет Царство мое, — все предвещает его падение; скоро затмится весна жизни моей и грозная смерть предстанет очам моим» [13, 4].

Очевидно, что Рыбушкин поместил в текст своей прозаической пьесы и цитаты из трагедии «Сумбека», на что в первую очередь и обратил внимание издатель журнала «Сын Отечества». Например, в первом действии «Сумбеки» царица обращается к Осману с речью: «Осман! судьбу мою в очах я зрю твоих; // Не для тебя ль Алей из мест мной изгнан сих?» [14, 11]. Практически та же цитата встречается в «Иоанне». Сравним: «О Небо, что я слышу! Эмира, недостойная Эмира владеет тобой — и ты мог предпochсть мне простую, ничего незначущую смертную. Жестокий! не для тебя ли изгнан мною Алей из мест сих, не для тебя ли я отвергла руку Асталона, не для Османа готова была пожертвовать тронном своим?» [13, 5].

К «Сумбеке» читателей возвращает также один эпизод в первом действии «Иоанна» — сцена, когда Сагрун рассказывает царице о предсказании, услышанном им от Сеита: «Гром грянул и страшный голос

произнес ему: *горе, горе Ордынцам, пока Осман будет пребывать в их владениях*. Сеит оцепенев от слов сих, долго стоял на коленях пред жертвенником и — казалось не верил предсказанию. Гром вторично грянул, молния блеснула и голос громче повторил: *горе, горе Ордынцам, пока Осман будет пребывать в их владениях...*» [13, 9–10]. И в «Сумбеке» сам Сеит говорит царице о необходимости изгнать Османа: «Чтоб от погибели предохранить их град. // «Коль Крымский Князь Осман, притворства льющий яд, // «Сумбекою из стен извернется Казани, // «Во тще Россияне на вас воздвигнут брани: // «Но горе! Коль она не разлучится с ним! // «Падет, падет Казань; падет» и с словом сим // Во мрачных облаках гром ярый повторился» [14, 14].

Как и в «Сумбеке», в «Иоанне» казанская правительница кончает жизнь самоубийством. Но если у Глинка Сумбека забывает о своем государстве, то у Рыбушкина, напротив, она обвиняет себя в печальной судьбе ее царства: «Чу, чу слышатся радостные их восклицания! Чу раздаются вопли граждан моих, поражаемых руками Христианскими. Почто же я живу еще — (здесь и далее в тексте поставлен авторский знак) живу тогда, когда все погибло? — Умри несчастная Сумбека, солнце твое закатилось — заря жизни твоей угасла — (преклоня колена.) Боже Всемогущий! В последние преклоняю пред тобою колена свои — в последние прошу тебя прости меня слабое беззащитное творение — Царицу Казанскую — Царицу легковерную! — Я недостойна твоего Божеского гнева! — Я убийца! Я погубила тысячи народов, вкушавших несколько веков благоденствие, несколько веков бывших ужасом вселенной. Слабость и коварство Сагруна довели народ до такого состояния — Казань покорена? — и кем? — о судьба! Иоанном, нашим данником! Страшные мучения во аде представляются уму моему! — какой дам я отчет на суде твоём, Праведный Боже! (При сих словах часть Кремля взрывается на воздух; за нею видны сражающиеся воины) Так! Настала последняя минута жизни моей — все разрушается, все падает и погибает! Погибни же и ты, Сумбека!» (В бешенстве бросается в развалины) [13, 90–91].

Другой литературный источник «Иоанна» — «Россияда». Вновь подчеркнём, что в XIX в. писатели не раз обращались к поэме. Они использовали сведения Хераскова о средневековой Казани и Москве; причём, несмотря на то, что сюжет «Россияды» по большей части был основан на вымыслах самого писателя.

В «Иоанне» действующими лицами стали многие персонажи «Россияды» — Иван Грозный, Адашев, Алей, Курбский, Палицкий, Размысл, но подражание Рыбушкина Хераскову видится преимущественно в том, что в «Иоанне» встречаются прямые реминисценции из поэмы.

Во втором действии пьесы предстает сцена, в которой царь Иоанн IV беседует с Адашевым и вспоми-

нает ранние годы своего правления: «Дни цветущей юности провел я в роскоши и утопал в пороках. Отечество мое страдало, повсюду раздавались вопли граждан, раззоренных рукою злобных Татар — я не внимал гласу их и окруженный лукавыми вельможами, из коих Ленские были первые, не заботился о участи своих подданных. Низкия души сии уверяли меня, что все вкушает совершенное блаженство в земле, мною обладаемой — я им верил и вместе с ними предавался гнусным порокам» [13, 43].

Рассказ самодержца возвращает нас к страницам «Россияды», где Херасков показывает праздность и леность молодого монарха:

*Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны щастия они пренебрегли,
При явной гибели не плакать не могли;
Священным движуты и долгом и законом,
Стенать и сетовать дерзали перед троном;
Пороков торжество, попоранну правду зря,
От лести ограждать осмелились Царя.
Вельможи в седилах Монарха окружают,
Их слезы общую напасть изображают;
Потупленны главы, их взоры, их сердца,
Казалось, туман простерли вокруг венца;
На смутных их челах сияет добродетель,
В которых свой позор прочесть бы мог владетель.
Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал!
Но Царь, то зная сам, их плачу не внимал [15].*

Взаимосвязь «Иоанна» с «Россиядой» раскрывается и во втором действии поэмы, когда Иоанн говорит Адашеву о произошедших с ним изменениях. Важно отметить, что перемену облика монарха Рыбушкин вслед за Херасковым связывает с учреждением Избранной рады (в свою очередь, на появление данного мотива в «Россияде» во многом оказала влияние «История о великом князе Московском» князя Андрея Курбского).

Известно и то, что «Россияда» изображает чудесное видение, явившееся Иоанну во сне. Рыбушкин же несколько переделывает этот сюжет поэмы — в его сочинении сам самодержец вспоминает о том событии: «В одну ночь представился мне старец, покрытый сединами, произнесший тихо слова сии: Иоанн! вспомни предков своих, которых громкия дела никогда не изгладятся из истории времен, один ты недостойный помрачаешь славу их, один ты утопаешь в роскоши тогда, как отчество твое на краю пропасти — сравняйся с ними — поди в Казань и покори ее. Я, как громом пораженный пробудился от страха и не знал, что начать тогда; все члены мои онемели — хладела в жилах кровь; — но слова, произнесенные старцем все еще отзывались в ушах моих. В страшном мучении провел я целую ночь и с нетерпением ожидал разсвета. Наконец солнце яви-

лось в прежней красоте своей; все, казалось, приняло другой вид, вся природа обновилась. Толпа подлецов ожидала моего пробуждения — я не мог без презрения смотреть на них, — не медля ни минуты отдалил от себя шайку ласкателей и нашел, Адашев! В тебе верного сына отечества и нелицемерного друга» [13, 45–46]. Несомненно, и данный эпизод пьесы подтверждает, что Рыбушкин следовал за Херасковым.

Итак, в результате ознакомления с текстом «Иоанна» выявлены некоторые интересные факты о том, как создавалось это произведение. Установлено, что в процессе работы над «Иоанном» Рыбушкин, прежде всего, заимствовал художественные мотивы из поэмы «Россияда» и трагедии «Сумбека», но при этом ему удалось по-своему выстроить действие пьесы.

Вместе с тем есть основания полагать, что круг источников «Иоанна» был более многообразный — вероятнее всего, Рыбушкин написал трагедию и на основе разных исторических сочинений, и древнерусских памятников. Но определить эти тексты невозможно. Это объясняется тем, что в «Иоанне» не обнаруживаются такие сведения, которые отсылали бы нас к какому-нибудь конкретному историческому произведению.

Отметим только то, что в последующие годы своей жизни (в 1830–1840-е гг.) Рыбушкин станет привлекать немалое количество материалов, в том числе и найденные им средневековые рукописи, для написания исторических очерков и книг.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

КФУ НБЛ ОРРК — Казанский федеральный университет. Научная библиотека имени Н. И. Лобачевского. Отдел рукописей и редких книг.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Альбицкий Константин Павлович. Выписки некрологов и биографических сведений о русских писателях из книг и периодических изданий, хранящихся в Императорской публичной библиотеке // РГАЛИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.

«Формулярный список о службе и достоинстве директора училищ Пензенской губернии, статского советника Рыбушкина» // ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5697. Л. 44.

«Дело о позволении напечатать трагедию «Иоанн, или Взятие Казани» // КФУ НБЛ ОРРК. Ед. хр. 4147. Л. 1; Ед. хр. 4157. Л. 9.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Прибавления» к «Казанским губернским ведомостям». — Казань, 1844. — № 2. — С. 25.

2. Бобров Е. А. А. С. Пушкин в Казани / Е. А. Бобров. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905. — С. 41.

3. Заволжская вивлиофика Николая Агафонова. — Казань: Типография губернского правления, 1887. — Т. 1. — С. 54.

4. Записки Н. И. Мамаева // Исторический вестник. — СПб., 1901. — Т. 83, март. — С. 894–903.

5. Аксаков С. Т. Собрание сочинений в четырех томах / С. Т. Аксаков. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. — Т. 2. — 508 с.

6. Аристов В. Все началось с путеводителя. Поиски литературные и исторические / В. Аристов, Н. Ермолаева. — Казань: Издательство Казанского университета, 1975. — С. 26–28.

7. Рамеева И. Р. Образ Сююмбике в литературе (эпоха и литературный герой). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2002. — 29 с.

8. Пономарев П. А. Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» / П. А. Пономарев // Казанский литературный сборник. — Казань: Типография М. А. Гладышевой, 1878. — С. 177–222.

9. Бобров Е. А. А. А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов / Е. А. Бобров // Русская старина. — СПб., 1904. — Т. 119. — С. 5–35.

10. Бик-Булатов А. Ш. Очерки истории Казанской журналистики (1811–1918). Выпуск 1. / А. Ш. Бик-Булатов. — Чебоксары: Free Poetry, 2020. — 242 с.

11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / А. С. Пушкин. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. — Т. 1. — 531 с.

12. Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал». Часть двенадцатая. — СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1814. — С. 240; Часть четырнадцатая. — СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1814. — С. 203–205.

13. Рыбушкин М. С. Иоанн, или Взятие Казани: Трагедия в пяти действиях, в прозе / М. С. Рыбушкин. — Казань: В Университетской типографии, 1814. — 110 с.

14. Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского царства / С. Н. Глинка. — М., 1817. — 75 с.

15. Херасков М. М. Россияда / М. М. Херасков // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Часть I. — М., 1796. — С. 6.

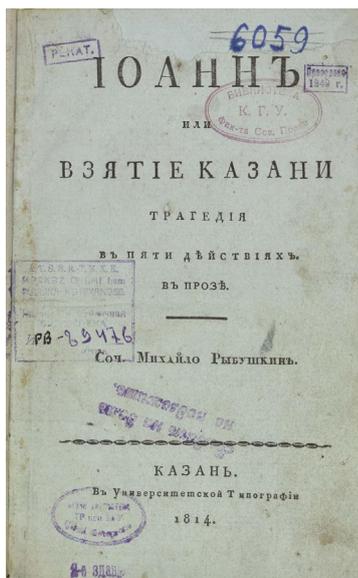

Рис. 1. «Иоанн, или Взятие Казани». Титульный лист.

Рис. 2. Дом К. Ф. Фукса в Казани. Здесь осенью 1833 г. могла произойти встреча М. С. Рыбушкина и А. С. Пушкина. Старая фотография.

Российский государственный архив социально-политической истории
Завьялова А. И., ведущий специалист
E-mail: azavyalowa@gmail.com

Russian State Archive of Socio-Political History
Zavyalova A. I., Leading Specialist
E — mail: azavyalowa@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКИ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ З. Д. ПОПОВОЙ¹

Н. А. Козельская, И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные результаты исследования современной речевой практики в России 2001–2021 гг. в рамках научной школы профессора Воронежского университета З. Д. Поповой. Описываются основные публикации и обобщаются полученные результаты.

Ключевые слова: русский язык, речевая практика, изменения в русском языке.

Abstract: the article discusses the main results of the study of modern speech practice in Russia in 2001–2021 within the framework of the scientific school of the professor of Voronezh University Z. D. Popova. The main publications are described and the results obtained are summarized.

Keywords: Russian language, speech practice, changes in the Russian language.

В рамках проблематики Ведущей научной школы Воронежского университета по общему и русскому языкознанию проф. З. Д. Поповой с 2001 г. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского университета и Центром коммуникативных исследований ВГУ осуществляется научно-исследовательский и просветительский проект «Современная речевая практика»².

Руководитель проекта — проф. И. А. Стернин, участники проекта — преподаватели кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ; сотрудники Центра коммуникативных исследований ВГУ; студенты и магистранты кафедры общего языкознания и стилистики; члены проблемной группы научной школы З. Д. Поповой.

Основными задачами проекта является исследование современных процессов, происходящих в русском языке; изучение языкового сознания носителей русского языка; состояния культуры устной и письменной речи современного общества; выпуск продолжающихся научных сборников по данной тематике. В сфере просветительской деятельности кафедрой общего языкознания и стилистики обеспечивается работа Городской телефонной «Службы русского языка», организуются курсы повышения квалификации по русскому языку и культуре речи, ведется большая учебная (курсы коммуникативной подготовки, дополнительные специализации) и пропаган-

дистская работа в области русского языка, культуры речи, риторики и культуры общения (праздники русского языка, циклы популярных лекций о языке); издаются многочисленные учебные пособия и популярные брошюры по культуре речи; в течение 20 лет на Воронежском радио выходит программа о русском языке «Территория слова».

Результаты, полученные в первое десятилетие работы над проектом, были представлены в коллективной монографии «Языковое сознание воронежцев», изданной в 2010 году [1] и сборнике «Территория слова» [2], вышедшем в 2011 году, а также в целом ряде публикаций (см. Литература: № 3, 4, 5, 6).

В коллективной монографии «Языковое сознание жителей Воронежа» представлены результаты теоретических исследований авторского коллектива в области языкового сознания, материалы общественных дискуссий и публичного обсуждения состояния речевой культуры в Воронеже, а также данные экспериментальных исследований в области языкового сознания воронежцев — сведения о культуре речи разных профессиональных и возрастных групп горожан, данные о «сфере неизвестного» для воронежцев в области русского языка, анализ вопросов в области трудностей русского языка, задаваемых на протяжении нескольких лет специалистам телефонной «Службы русского языка» и ведущим воронежской радиопрограммы «Территория слова», социологические и культурологические опросы об отношении воронежцев к русскому языку, культуре речи, изменениям в русском языке.

Именно обыденное языковое сознание, по мнению авторов монографии, должно являться базой для разработки различного рода мероприятий по поддержанию и повышению речевой культуры региона. По определению И. А. Стернина, под обыденным

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20–012–00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

² О проекте подробнее см.: <http://sterninia.ru/index.php/deyatelnost/item/39-proekty>

языковым сознанием понимается *языковое сознание обычного человека, не имеющего специальной филологической подготовки, не принадлежащего к коммуникативной профессии, обладающего школьными знаниями русского и иностранного языков и владеющего языком на уровне повседневного пользователя* [1, 36]. Кроме этого, в обыденном языковом сознании присутствуют мнения и суждения о языке, включая действующие в обществе ментальные стереотипы, в том числе и ошибочные.

В результате экспериментального исследования были получены данные о содержании в обыденном сознании нефилологов таких коммуникативно значимых концептов, как *русский язык, хорошее слово, новое слово, интеллигент, идеальный собеседник*; исследована специфика восприятия воронежскими старшеклассниками абстрактной, в том числе морально-этической лексики (*гуманность, духовность, мораль, милосердный, добропорядочный, бездуховный* и др.). В ходе наблюдений за речевым поведением студентов были сделаны выводы о преобладании у обучаемых сенсомоторного типа интеллекта и выделены его ментальные, поведенческие и речевые диагностические признаки [1, 217–221].

В монографии 2010 г. получили отражение результаты лонгитюдного исследования отношения к русскому языку взрослого населения города в целом и учащейся молодежи в частности: в 1993, 2003 и 2008–2009 годах. Мониторинг отношения к русскому языку в 1993 и 2003 гг. продемонстрировал нарастающие тенденции: люди явно привыкают к низкой культуре речи окружающих, принимают ее за норму, снижают требовательность к чужой и своей речи, признают свой уровень культуры речи достаточным, не требующим совершенствования. Позитивным стало появление 5%-ной группы воронежцев, осознающих необходимость повышения своих речевых навыков на специальных курсах.

Опросы воронежцев об их отношении к сквернословию показали, что число тех, кто считает сквернословие неотъемлемой частью русского языка, к сожалению, растет, хотя и сравнительно незначительными темпами. Сквернословие в этом случае становится привычным и не воспринимается обществом как нечто, подлежащее запрету. Об этом говорит значительно возросший процент тех, кто не считает необходимым введение запрета на публичное употребление ненормативной лексики. Позитивным является то, что горожане в целом единодушны в своем отрицательном отношении к использованию ненормативной лексики в СМИ. В способах борьбы со сквернословием приоритет отдается административной ответственности (48,7% респондентов), на втором месте — средства массовой информации (23,3%) и различные просветительские мероприятия (22,55%) и только 7,5% считают, что надо работать над собой.

Более обнадеживающими выглядят результаты анкетирования в 2008–2009 гг. студенческой молодежи об отношении к русскому языку и культуре речи (было опрошено около 900 студентов ВГУ, ВГПУ, Воронежского института кооперации).

В этой среде наблюдается изменение восприятия русского языка и культуры речи обыденным сознанием. Повышается интерес к русскому языку в его коммуникативных функциях, молодые люди понимают, что культура речи нужна для приобретения общественного статуса, профессионального роста, успеха в жизни. Есть критическая оценка своих познаний в языке, очень точное, буквально совпадающее с результатами ЕГЭ, осознание недочетов и пробелов во владении родным языком. Налицо определенный позитивный сдвиг в сознании молодого поколения. Надо, однако, иметь в виду, что данная тенденция выявлена у активной, амбициозной части молодежи, стремящейся занять высокое место в социуме и готовой для этого учиться.

В монографии 2010 г. была выдвинута концепция мотивации всех слоев общества к освоению культуры поведения, общения и речи на основе идей престижности знания русского языка и его необходимости для успешной профессиональной деятельности. Была предложена также развернутая программа административных мер, обеспечивающих общественные и профессиональные требования к культуре общения и речи, а также организационные формы приобретения соответствующих знаний (проведение конкурсов, фестивалей на лучшее владение родным языком, публичной речью, культурой общения, присуждение на разных уровнях постоянных призов и премий за языковую культуру и т.п.) [1, 244–245].

Результаты второго десятилетия исследований в рамках проекта отражены в монографии «Очерк современной речевой практики» [7] и в ряде словарей [8]. В книге приведена общая библиография публикаций участников-исполнителей проекта с 2001 по 2021 г. [7, 202–298].

На данном этапе работы исследовательский интерес был сосредоточен прежде всего на анализе инноваций в лексике, фразеологии и словообразовании как наиболее динамичных подсистемах языках, непосредственно испытывающих воздействие внешних факторов в своем развитии. В аспекте изучения языкового сознания, кроме традиционного обсуждения сфер незнания воронежцев, была рассмотрена проблема существования мифологических концептов и стереотипов, выявление и преодоление которых является важнейшей задачей филологов.

В проведенном исследовании современный период в жизни русского языка рассматривается как период интенсивного развития, в процессе которого происходит приспособление языка к изменяющимся под влиянием внешних факторов условиям его функционирования. Такой подход позволяет избе-

жать субъективно-оценочного, сугубо негативного отношения к изменениям в речевой практике современников, а также разграничить объективно происходящие в языке актуальные процессы и кризисные явления в отношении общества к освоению и употреблению языка, к соблюдению языковых норм, т.е. кризис культуры речи.

В монографии показано, что развитие языка в настоящее время происходит противоречиво, в борьбе различных тенденций. Десятилетний период наблюдений над современной речевой практикой (2011–2021), отраженный в данной монографии, — небольшой срок для фиксации и описания происходящих в языке процессов, но определенные изменения по сравнению с первым десятилетием XXI века уже могут быть отмечены.

Так, можно констатировать, что наряду с отмеченной ранее персонификацией дискурса усилилась тенденция к его дифференциации и стандартизации в зависимости от сферы бытования — деловой, политической, экономической, компьютерной. В прошедшее десятилетие, вопреки прогнозам, по-прежнему актуальным остается процесс массовых заимствований, что связано с быстрым развитием техники, новых технологий, изменениями в экономике, образовании, в сфере торговли и услуг, рекламы, шоу-бизнеса. Заимствованные слова успешно осваиваются русским языком, вовлекаются в процессы словообразования в качестве производящих основ и аффиксоидов (например, префиксоиды *супер-, мега-, гипер-, нано-, евро-, теле-, медиа-, эко-, арт-* и другие; суффиксоиды *-абельный, -голик, —ман, —ман (ия), (авто) мат, —фил(ия), —фоб(ия)* и другие), пополняя лексикон как литературного языка, так и разговорного. Мы отмечаем не только активизацию использования иноязычных слов, но и моду на их мелиоративное употребление, т.е. употребление с целью повышения престижности привычных наименований, создания ореола необычности, демонстрации статуса говорящего (*скилл* — навык, *секьюрити* — охрана, *эквайринг* — безналичная оплата и т.п.).

В лексико-фразеологической системе языка отчетливо замедлилось расширение пласта межстилевой лексики, наблюдается, наоборот, устойчивая тенденция количественного увеличения, с одной стороны, разговорной и жаргонной лексики, а с другой — профессионализмов. Это отражает взаимодействие тенденций к вульгаризации речи и к ее «онаучиванию», в том числе за счет профессионализмов, особенно иноязычного происхождения.

Наши наблюдения над процессами семантических изменений в современной русской лексике позволяют говорить об активности процесса, который может быть назван *семантической девальвацией* слова (формированием на базе научных терминов и книжных слов новых, более примитивных, упрощенных значений слова, ср.: *звезда* — о любом артисте фильма,

проекта). Наряду с этим в языковом сознании людей возросло количество ложных значений слов общественно-политического лексикона (*демократия, либерализм, русофоб*) и репертуара собственных имен, известных современному человеку.

Исследования в сфере групповой дифференциации семантики [8] показывают, что наблюдается тенденция дифференциации семантики слова по гендерному, возрастному, территориальному, темпоральному признакам, что также можно считать тенденцией развития современного русского языка. Исследование также показывает отсутствие в языке абсолютных синонимов — в языковом сознании носителей языка все синонимы различаются семным составом.

В стилистической системе русского языка образуется и укрепляется новая функционально-стилистическая подсистема — общенародный сленг, занимающая место между разговорной и сниженной лексикой. Формируется и активизируется стилистический разряд фамильярной лексики.

Проявляется тенденция дальнейшего расширения функций устной речи (орализация), тенденция сокращения межличностного письменного общения в традиционной форме. В ряду активных процессов современного общения отмечается активизация инвективной лексики, повышение агрессивности общения, особенно в СМИ и интернете, фамильяризация коммуникации.

На базе тотального распространения общения в интернете и развития мобильной связи окончательно сформировалась гибридная форма языка — устно-письменная.

Отмечавшаяся нами в 2010 г. тенденция преобладания функциональных изменений над системными в настоящее время ослабла, функциональные и системные изменения в языке примерно уравновешены. Появление многочисленных новых слов и значений — это системное изменение. Многие слова и значения за прошедшие десять лет перешли в систему из узуса, были зафиксированы словарями, стали привычными для носителей языка и употребительными в соответствующих сферах использования языка.

Влияние СМИ на язык проявляется разнонаправленно. В то время как СМИ, несомненно, расширяют кругозор носителей языка, держат их в курсе происходящих событий, они оказывают и негативное влияние на свою аудиторию в области языка, общей культуры и культуры речи в частности.

Проблема культуры речи в современном российском обществе сейчас актуальна как никогда. Именно поэтому делаются попытки государства принимать меры по повышению культуры речи. Государственный подход заключается в принятии определенных законов, регулирующих словоупотребление. Уже есть определенный опыт регулирования словоупотребления государством и отдельными ведомствами.

В настоящее время в России существует ряд законодательных актов, подписанных Президентом, существует ведомственное ограничение на использование иностранных слов в работе телевизионного канала МатчТВ. Однако при наличии определенных результатов становится ясно, что подобное регулирование имеет существенные недостатки: в законодательных актах используется неясная терминология, допускающая произвольную интерпретацию; принимаемые акты не содержат необходимых механизмов осуществления контроля за их соблюдением; законы создаются без консультации с авторитетными филологами, филологической общественностью, в результате чего в них во многом не учитываются закономерности функционирования и развития языка.

Кроме того, язык не поддается сознательному регулированию «сверху», культуру речи, культуру общения надо формировать не законодательными запретами, а разъяснением уместности тех или иных языковых средств в конкретных коммуникативных ситуациях, в конкретных сферах общения. Вопрос культуры речи носителя языка — это преимущественно вопрос педагогический, воспитательный, а не правовой. В этой связи в монографии, наряду с обобщением собственного опыта работы по просвещению населения, авторы отражают также просветительскую практику в традиционных СМИ и рассматривают опыт использования новых медиа, сетевых платформ для пропаганды русского языка и культуры речи.

Общественная борьба за культуру речи населения, конкретные мероприятия в этой области, конечно, очень трудоемки и затратны, требуют длительного времени, но это единственный эффективный путь вытеснения сквернословия и повышения культуры речи и общей культуры народа, который дает долговременный эффект.

В целом для русского языка конца XX — первой четверти XXI века, как показывают исследования проблемной группы проекта, подтверждаются следующие обобщенные тенденции развития: определяющее влияние общественно-политических процес-

сов и технического прогресса на языковое развитие; преобладание изменений в лексике и фразеологии; сохранение интенсивности и быстроты изменений в языке; формирование новых языковых стандартов под влиянием СМИ и устной речи.

Переход языка от периода интенсивных изменений к периоду стабильного развития не завершен, он продолжается и затягивается, отражая убыстрение технического прогресса, развитие промышленности, сферы потребления, информационных технологий.

Таковы основные черты, характеризующие изменения в современной речевой практике носителей русского языка в последнее десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковое сознание жителей Воронежа / Научн. ред. И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2010. — 250 с. (коллектив авторов).
2. Территория слова: Сборник статей / Ред. Л. Н. Дьякова. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2011. — 186 с.
3. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Научное издание / И. А. Стернин. — Воронеж, 2004. — 93 с.
4. Юмашева Г. Ю. Стилистические изменения в русской лексике конца XX — начала XXI века (на материале существительного) / Г. Ю. Юмашева. — Борисоглебск, 2005. — 35 с.
5. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Флинта; Наука, 2006. — 238 с.
6. Тексты изданий в рамках проекта *Современная речевая практика*. — Режим доступа: <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/project.html>
7. Очерк современной речевой практики. — Коллективная монография. / Научн. ред. И. А. Стернин. — Воронеж: РИТМ, 2021. — 304 с. — Режим доступа: <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/project/2021.pdf>
8. Словари, подготовленные в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 — Режим доступа: <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html>

Воронежский государственный университет
Козельская Н. А., доцент кафедры общего языкознания
и стилистики,
E-mail: kozelskayan@mail.ru

Стернин И. А., доктор филологических наук, профессор
кафедры общего языкознания и стилистики Воронежско-
го университета
E-mail: sterninia@mail.ru

Voronezh State University
Kozelskaya N. A., Associate Professor of the Department of
General Linguistics and Stylistics
E-mail: kozelskayan@mail.ru

Sternin J. A., Doctor of Philology, Professor of the Department
of General Linguistics and Stylistics, Voronezh University
E-mail: sterninia@mail.ru

КОНЦЕПТ «НЕНАВИСТЬ» В СКАЗОЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

М. М. Комарова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 ноября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается реализация концепта «ненависть» в русской сказочной картине мира на примере русских народных сказок. Отмечается, что данный концепт вербализуется с помощью лексем *ненависть*, *ненавидеть*, *ненавистно*, *злоба*, *озлобиться* и др. При вербализации с помощью слова *ненависть* (и однокоренных) концепт проявляется в наибольшей степени. В этом случае в сказках говорится об абсолютно деструктивном чувстве, направленном со стороны отрицательного персонажа в сторону полностью положительного. Чаще всего объектом ненависти становится юная невинная девушка, не защищённая (полностью или временно) родителями или мужем. Ненависть обязательно деятельна, она реализуется посредством агрессии, как через поступки, так и вербально. Герой, испытывающий ненависть, в сказках обязательно карается, а объект ненависти в финале сказки обретает спасение и счастье.

Ключевые слова: концепт «ненависть», русская сказка, фольклорная концептосфера, сказочная картина мира, А. Н. Афанасьев.

Abstract: the article discusses the implementation of the concept of "hatred" in the Russian fairy-tale picture of the world on the example of Afanasyev's fairy tales. It is noted that this concept is verbalized with the help of the lexemes *hate*, *hateful*, *anger*, *embittered*, etc. When verbalizing with the word *hate* (and the same root), the concept is manifested to the greatest extent. In this case, fairy tales speak of an absolutely destructive feeling directed from a completely negative character towards a completely positive one. Most often, the object of hatred is a young innocent girl who is not protected (completely or temporarily) by her parents or husband. Hatred is necessarily active, it is realized through aggression, both through actions and verbally. It is concluded that a hero experiencing hatred in fairy tales is necessarily punished, and the object of hatred in the finale of the fairy tale gains salvation and happiness.

Keywords: concept "hatred", Russian fairy tale, folklore concept sphere, fairy-tale picture of the world, A. N. Afanasyev.

В русской сказке сконцентрирована культура русского народа, отражается его история, проявляются черты менталитета. Этот неисчерпаемый источник народной мудрости заключает в себе сказочную картину мира как «поликодовый лингвокультурный феномен, представляющий собой идеализированный образ ирреального, подобного земному мира, описанный с помощью различных лингвокультурных, в том числе фольклорных кодов» [1, 73]. Одной из важнейших составляющих сказочной картины мира, её лингвокультурной основой является концептосфера русской сказки — «когнитивная, системно организованная совокупность мыслительных единиц» [2, 131], или концептов, составляющих культурную и понятийную базу сказочной картины мира. Концепт представляет собой актуальное понятие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Согласно определению С. А. Аскольдова, это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мыс-

ли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3, 269]. Концепт обладает «лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризует носителей определённой этнокультуры» [4, 36]; он связан с языком, в котором находит своё регулярное закрепление и отражение как «совокупность значений, понятий и ассоциаций» [5, 215], возникающих у языковой личности в процессе осмысления и культурной идентификации тех или иных явлений.

Цель статьи — анализ концепта «ненависть» на материале русских сказок, собранных А. Н. Афанасьевым, выявление вербализующих его в сказках лексем и определение роли данного концепта в концептосфере русской сказки.

Концепт «ненависть» анализируется исследователями в контексте тех или иных произведений художественной литературы, например романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» [9] или поэзии А. А. Ахматовой [10]. Данный концепт часто рассматривается в сопоставлении с концептом «любовь»,

с которым он находится в бинарной оппозиции, имеющей «универсальный характер» [11, 1103], а их взаимосвязь «прослеживается на разных уровнях объективации в языке» [12, 155]. Анализ концепта «ненависть» в русской сказке позволит более глубоко проникнуть в особенности русского менталитета, осознать специфику эмоционального восприятия русским человеком реалий окружающего мира.

Лексема *ненависть* в Большом академическом словаре русского языка трактуется как «чувство сильнейшей вражды, неприязни» [13, 985]. Данные этимологического словаря показывают происхождение слова *ненависть* от глагола *ненавидеть*, образованного с отрицанием от *навидеть* в значении 'охотно смотреть, навещать', а также родство глаголов *ненавидеть* и *завидовать* [14, 63]. Рассмотрим, каким образом концепт «ненависть» вербализуется в русских народных сказках, собранных А. Н. Афанасьевым.

Средствами вербализации концепта «ненависть» в анализируемых сказках являются лексемы *ненависть*, *ненавидеть*, *ненавистно*, *злоба*, *озлобиться*, *завидовать*, *позавидовать*, *завидно* и др.

Лексема *ненависть* и производные от неё (*ненавидеть* и *ненавистно*) в каждом случае обозначают сильные негативные чувства, испытываемые отрицательным персонажем по отношению к положительному.

В сказке «Волшебное зеркало» (№ 211) ненависть ощущает дядя, который с «нечистыми думами» «приставал» к юной и прекрасной племяннице, предлагая ей «сотворить грех». Девушка не просто отказала дяде, а «*хватит полный таз кипятку и окатила его с головы до ног*», за что тот затаил обиду: «*Три недели провалялся он, еле выздоровел; страшная **ненависть** грызет ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку?*» [15, 134]. В сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» (№ 262) ненависть испытывают дворовые по отношению к Алёнушке. Это чувство подталкивает их к совершению негативного поступка: «*Вот барин уехал, а эту жену его, Аленушку, дворовые **ненавидели**, взяли привязали ей на шею камень большущий и бросили в реку, а вместо ее другая убралась в ее платье*» [Там же, 331]. В сказке «Косоручка» (№ 279) причиной ненависти становится зависть жены к золовке, которую, по её мнению, больше любит муж: «*Жене **ненавистно** стало, что он приказывает сестре*» [Там же, 376].

В каждом из этих случаев объекты ненависти — героини не просто положительные, а абсолютно невинные, чистые, обладающие самыми лучшими качествами; героини, на стороне которых полностью находится читатель. Ненависть выступает как иррациональное чувство, заставляющее испытывающих его поступать в высшей степени негативно, по сути превращающее их в животных, исключаящее даже самую возможность сочувствия к ним читателей. Ненависть не может быть пассивной: тот, кто её испы-

тывает, стремится действовать — мстить, вредить объекту своей злобы. В связи с этим ненависть, конечно, является движущей силой сюжета: именно дурные поступки, обусловленные ею, служат дальнейшему развитию повествования.

Пострадать при этом может не только объект ненависти, но и другие существа. Например, в сказке «Косоручка» жена, стремящаяся показать мужу, как плоха его сестра, спокойно убивает его любимого коня, чтобы переложить вину на золовку: «*Вот жена это узнала время, в какое быть мужу, входит в конюшню и мужнину любимому коню голову снесла саблей*» [Там же, 377]. Более того, когда у ненавидящей женщины рождается ребёнок, она убивает и его, дабы навредить золовке: «*Она как родила младенца, взяла и голову срубила. Сидит и плачет над младенцем*» [Там же]. Этот пример особенно ярко показывает, что народное сознание отказывает человеку, испытывающему ненависть, в человеческих чувствах, демонстрирует, что ненависть убивает в людях всё гуманное, лишает ума, выводит за границы человеческого сообщества.

Причина ненависти только в одном из описанных примеров хоть как-то понятна: в сказке «Волшебное зеркало» злой дядя пострадал от племянницы физически и решает мстить ей, едва залечив свои раны. В остальных двух сказках ненависть выступает полностью иррациональным чувством, исходящим исключительно из-за собственной испорченности отрицательных героев: и дворовым в сказке «Сестрица Аленушка, братец Иванушка», и жене в сказке «Косоручка» совершенно не за что ненавидеть, соответственно, Алёнушку и сестру мужа. Ненависть по отношению к положительному герою в данных случаях вызывается (и читатель должен это почувствовать) чувством собственной неполноценности, которое испытывают рядом с ними отрицательные персонажи. Они не могут стерпеть, что кто-то рядом настолько превосходит их в красоте/уме/благодарности и т.п., то есть причиной ненависти выступает зависть.

Интересно и то, что объект ненависти каждый раз — юная девушка. В народном сознании девушка, не имеющая рядом родителей, не вышедшая замуж или на время оставленная родителями/мужем, — наиболее незащищённый и уязвимый член общества, который может быть подвергнут наговорам, оскорблен, оболган. Обидчиком может стать и старший родственник-мужчина («Волшебное зеркало»), и старшая родственница-женщина («Косоручка»), и даже дворовые крестьяне, то есть люди, находящиеся ниже на социальной лестнице («Сестрица Аленушка, братец Иванушка»).

Как видим, чаще всего деяния, совершаемые ненавидящим по отношению к объекту его ненависти, — это наговоры, клевета. В сказке «Волшебное зеркало» наказанный невинной девушкой дядя «*написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми*

делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает» [15, 134]; в сказке «Косоручка» жена сама совершает негативные действия, в которых обвиняет золовку, — ломает мебель в доме, убивает коня и новорождённого младенца. Лишь в сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» ненавидящие Алёнушку дворовые расправляются с нею. Показательно, что именно в этой сказке людей, испытывающих ненависть, несколько (точное количество не указано), что, по-видимому, и придаёт им смелости, а в двух других сказках ненавидящий один и в качестве оружия он использует слово.

Актуальными средствами вербализации концепта «ненависть» являются также лексема *злоба* и глагольное образование от неё — *озлобиться*. Злобу также проявляют негативные персонажи, которые стремятся нанести вред положительным сказочным героям. В «Сказке про утку с золотыми яйцами» (№ 195) богатый брат позавидовал бедному, которому удалось разбогатеть с помощью волшебной утки: «*Богатый брат позавидовал, озлобился: "Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее, а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!" — и пошел в суд с жалобой*» [15, 67]. В данном примере концепт вербализуется также при помощи глагола *позавидовать*.

Лексемы *завидовать*, *позавидовать*, *завидно* часто соседствуют с описаниями ненависти и злобы. Именно зависть заставляет персонажей-антагонистов злиться и ненавидеть, и это нередко становится движущим моментом сюжета. В сказке «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» (№ 215) ладному житью-бытью молодых (купеческого сына Бездолного и его молодой жены) позавидовал «ближний царский воевода» [Там же, 165], и это заставило его отправиться к колдунье и заставить вредить героям. В сказке «Пёрышко Финиста ясна сокола» (№ 235) злые сёстры завидуют героине, она вынуждена странствовать, но всё равно обретает своё счастье. В сказке «Елена Премудрая» (№ 237) «старшее начальство» [Там же, 261] завидует удалому солдату Ивану, решает его извести, и с этого начинаются приключения героя.

Злоба и ненависть заставляют героев сказок совершать чёрные дела, калечить и убивать других персонажей. Например, в сказке «Безногий и слепой богатыри» (№ 199) Елена Прекрасная возненавидела Никиту, который помог царю жениться на ней: «*Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть*» [Там же, 90]. Красавица «*приказала отрубить ему ноги по колена, после положить его в шлюпку и пустить в открытое море*» [Там же], а брату Никиты Тимофею царевна приказала выколоть глаза лишь за это родство.

Любого, о ком в сказках сказано, что он озлобился (испытал злобу), в итоге не ждёт ничего хорошего. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая»

(№ 222) злобу (ненависть) испытывает морской царь: «*Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую*» [Там же, 200], однако ему не удаётся противостоять счастью Василисы Премудрой и Ивана-царевича, которые в финале сказки оказываются вместе. В той же сказке № 224 «*повар Чумичка пуще прежнего озлобился на Ивана гостинного сына*» [Там же, 212] и оговорил его, однако в итоге сказки повара ждёт смерть: «*Лютые звери тотчас разорвали его на мелкие части*» [Там же, 213], а Иван оказывается счастливым с Василисой Премудрой. В сказке «Царевна-змея» змея признаётся казаку: «*...Я королевская дочь; полюбил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялась; вот он озлобился и оборотил меня лютый змею*» [Там же, 350]; в финале же девица спасается и становится женой казака. В сказке «Заколдованная королева» (№ 271) на удачливого Ивана купеческого сына «*озлобились... все купцы и мещане*» [Там же, 252], написали на него жалобу и отправили в солдаты, однако в конце сказки Иван одолел всех своих врагов, в том числе «*шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силою и доблестью во всех землях*» [Там же, 359]. В сказке «Марко Богатый и Василий Бессчастный» (№ 306) ненависть испытывает Марко Богатый, когда узнаёт, что другому человеку ангелом небесным обещано его счастье: «*Марко Богатый слушал это под окном и взъелся злобою, что другому дается его талан*» [Там же, 461]. За злобою, как обычно в сказочной картине мира, приходит злодейство: Марко решает погубить мальчика, наделённого его «таланом», причём предпринимает несколько попыток. Конечно, у него ничего не получается, и мальчик остаётся жив и счастлив, а самого Марко сжигают вместо него.

Отличие в использовании различных лексем, вербализующих концепт «ненависть», состоит в том, что в случае употребления основного слова *ненависть* (и производных от него) описывается чувство более сильное, интенсивное, и его обязательно испытывает сказочный персонаж, который, по В. Я. Проппу, является вредителем (антагонистом героя). Его роль в сказке — «нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб» [16, 31]. Объектом ненависти вредителя становится герой (или героиня). Другие лексемы могут описывать и ситуации меньшей эмоциональной интенсивности, и случаи противостояния между собой отрицательных персонажей. Так, возненавидевшая Никиту Елена Прекрасная в сказке «Безногий и слепой богатыри» в целом имеет право на гнев, поскольку Никита помогает её мужу, царю, овладеть ею, вмешиваясь в сакральный процесс испытания сексуальной силы. В данной сказке, по В. Я. Проппу, показаны «бессилие жениха» и «сила помощника» [17, 284].

Сходство в том, что тот герой сказки, который испытывает ненависть или злобу, в итоге всё равно оказывается в проигрыше, несмотря на те злые поступки, которые он совершил против своих врагов. В финале сказки «Безногий и слепой богатыри» Елена Прекрасная наказана смертью, а Никита восторжествовал: «Грозный царь приказал ее расстрелять, а Никиту сделал своим первым министром, всегда его почитал и во всем слушался» [15, 92].

Как видим, несмотря на то, что лексема *ненависть* используется реже, чем другие вербализаторы концепта «ненависть», именно она является основным языковым средством представления этого концепта в русских народных сказках.

Концепт «ненависть» соотносится в концептосфере русской сказки с концептом «зло», составляющие бинарную оппозицию с концептом «добро» и гораздо лучше изученным филологами. По мнению Е. Ф. Косиченко, концепты «добро» и «зло» являются универсальными и отражают общечеловеческие ценности, а «представления о добре и зле, накопленные поколениями (причем не реальные и рациональные, а желаемые и мифические), реализуются в идее о добре» [18, 90]. Если соотносить концепты «зло» и «ненависть», можно заметить, что рассмотренный нами концепт «ненависть» обладает в сказках большей интенсивностью, обозначает наиболее сильное из отрицательно направленных чувств человека, губительно воздействующих на его личность и обязательно приводящего его к краху всех планов.

Итак, концепт «ненависть» обозначает в сказках интенсивное деструктивное чувство, которое испытывают отрицательные персонажи и которое, таким образом, указывает на негативную составляющую их личности. Концепт «ненависть» может вербализоваться в сказках при помощи нескольких лексем, обозначающих чувство вражды (*злоба, озлобиться* и др.), однако основным его вербализатором является слово *ненависть* и производные от него, поскольку они используются в случаях наиболее сильного противостояния между отрицательными и положительными персонажами. В этом случае ненависть обычно направлена на одинокую невинную девицу, не защищенную родственными связями, и проявляется как в губительных для девицы действиях, так и в словах. Ненависть реализуется через агрессию, как посредством поступков, так и посредством оговоров, клеветы. В результате персонажи, которые проявляют ненависть и агрессию, обязательно оказываются наказаны, а те, кто стал объектом их ненависти, побеждают. Согласно правилам, сложившимся в сказочной картине мира, за ненависть и злобу героев ожидает неминуемая кара. Эти чувства воспринимаются как уничтожающие человека, сжигающие его душу, отравляющие его существование.

Перспективы данного исследования состоят в дальнейшем более глубоком анализе концепта

«ненависть» в составе бинарной оппозиции «ненависть — любовь». Выявление роли данных концептов в концептосфере русской сказки позволит более вдумчиво изучить сказочную картину мира и отраженный в ней менталитет русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черноусова И. П. Сказочная картина мира как поликодовый лингвокультурный феномен / И. П. Черноусова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2021. — № 1. — С. 73–76.
2. Горшкова Т. М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки / Т. М. Горшкова, Л. И. Ручина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6–2. — С. 130–135.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267–279.
4. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. — Минск: ТетраСистемс, 2005. — 256 с.
5. Крылова М. Н. Концепт «север» в образной системе современного русского сравнения / М. Н. Крылова // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 4. — С. 215–220.
6. Алещенко Е. И. Вербализация концепта «природа» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2005. — № 3 (12). — С. 22–27.
7. Кербс А. М. Реализация концепта «материнство» в дискурсе русских народных сказок / А. М. Кербс // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2008. — № 5 (23). — С. 113–116.
8. Фокина А. В. Средства вербализации фольклорного концепта «дочь» (на примере русских народных сказок о падчерице) / А. В. Фокина // Казанская наука. — 2013. — № 5. — С. 136–139.
9. Курдюкова А. А. Концепт «ненависть» как доминанта поведения Ивана Карамазова (по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») / А. А. Курдюкова // Гуманитарные исследования. — 2017. — № 1 (61). — С. 65–71.
10. Ковынёва И. А. Осмысление эмоциональных концептов «любовь» и «ненависть» в поэзии А. А. Ахматовой / И. А. Ковынёва, Н. Э. Петрова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 3 (32). — С. 265–267.
11. Тепеева Д. Р. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в культурологическом, философском и лингвистическом аспектах / Д. Р. Тепеева // Молодой ученый. — 2016. — № 3 (107). — С. 1102–1104.
12. Хутова Э. Р. Концепты любовь и ненависть в русском и английском языках / Э. Р. Хутова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2008. — № 1. — С. 151–155.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 7: Н / Ред. Ф. П. Сороколетов и Ф. П. Филлин. — М.-Л.: АН СССР, 1958. — 1468 стб.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: Муза — Сят / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1987. — 832 с.

15. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 2 / Подг. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. — М.: Гослитиздат, 1957. — 510 с.

16. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — М.: Наука, 1969. — 168 с.

17. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; научн. ред., коммент. И. В. Пешкова. — М.: Лабиринт, 2000. — 336 с.

18. Косиченко Е. Ф. Концепты «добро» и «зло» и их отражение в прецедентных текстах (на материале сказок) / Е. Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 557. — С. 82–91.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Комарова М. М., аспирант Института филологии

E-mail: martr1@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semyonov-Tyan-Shanskiy

Komarova M. M., Postgraduate Student of the Institute of Philology

E-mail: martr1@mail.ru

ЗАКАТ И РАССВЕТ: СИСТЕМА ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА

Г. В. Митина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются поэтические произведения И. А. Бунина, в заглавии которых вынесены образы заката и рассвета. Среди данных стихотворений особый интерес вызывают произведения с повторяющимися заголовками. И. А. Бунин создает три «Заката» и три «Рассвета» — по три стихотворения с одинаковыми названиями, что не имеет аналогов в русской поэзии. Изучение стихотворений с «закатными» и «рассветными» заглавиями позволяет сделать вывод о сложившейся системе образов и мотивов. Рассматриваются сквозные мотивы для закатной и рассветной тематики. Выявляются общие образы и мотивы, указывающие на христианский вектор поэзии И. А. Бунина.

Ключевые слова: поэзия, Бунин, заглавие, образ, мотив, закат, рассвет, природа, христианство.

Abstract: the article considers I. A. Bunin's poetical works with the titles that include figures of sunset and sunrise. Some of these poems have recurring titles and are of special interest. I. A. Bunin created three "Sunsets" and three "Sunrises" — three poems with the same title that has no parallel in Russian poetry. Study of poems with sunset and sunrise titles leads to the development of figures and motives system. The study discovers the motives that are typical for sunset and sunrise themes. It reveals common figures and motives that indicate christian vector of author's lyrics.

Keywords: poetry, Bunin, title, figure, motive, sunset, sunrise, nature, Christianity.

Творческая личность И. А. Бунина по-прежнему воспринимается читателем через призму его прозаического наследия. И хотя в последнее время исследователи стараются «навести фокус» на его поэтическое творчество, оно остается не оцененным в должной мере. Сам автор считал себя в первую очередь поэтом и ставил поэзию выше прозы.

В буниноведении эта грань авторского таланта была отмечена в работах последних лет (О. А. Бердниковой, Т. М. Двинятиной, Т. А. Кошемчук, И. Б. Ничипорова, А. И. Смоленцева и других ученых). В 2014 г. в ИРЛИ РАН (серия «Новая библиотека поэта») под редакцией Т. В. Двинятиной был опубликован двухтомник, где собраны все известные стихотворные тексты Бунина с указанием источников, даны комментарии к стихам [1; 2]. Это собрание дает исследователю уникальную возможность ознакомиться с тем, как проходила работа автора над произведением и его заглавием. Бунин уделял названию произведения большое внимание: заменял один заголовок на другой, оставлял текст без заглавия, повторял одно и то же название в двух-трех стихотворениях и т. д. Для поэта было важно обеспечить читателя наиболее подходящим инструментом для адекватного восприятия его произведений.

Большое количество «пейзажных» заголовков в поэзии говорит о редком мироощущении поэта, которое М. Эпштейн сформулировал как «пол-

ное взаимопроникновение и слияние души человека и духа природы» [3, 27]. В «Жизни Арсеньева» Бунин признается: «...нет никакой отдельной от нас природы, <...> каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни» [4, 247]. Арсеньев с самого детства задается вечными вопросами, адресуя их «глубине неба и дали полей», которые «вызывали мечту и тоску о чем-то недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью к кому-то и чему-то», и «тихой звезде», которая «без слов говорила» и куда-то звала [4, 7–9]. Об особом видении природных реалий Бунина пишет Т. И. Скрипникова: «У поэтического пейзажа есть свои законы построения и согласования образов, как бы повторяющих картины реальной природы, но вместе с тем поэт осуществляет свой эстетический выбор» [5, 62].

Учитывая авторскую приверженность выражать мысли посредством природных «терминов», попытаемся постичь их значения через систему образов и мотивов. Понятие «мотива», переведенное в литературоведческую плоскость в трудах А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, В. Б. Шкловского [6] и других ученых «формальной школы», послужило основой для дальнейшего научного поиска, особенно активизировавшегося в литературоведении конца XX века.

В 1994 году выходит книга Б. М. Гаспарова «Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе», где он пишет о том, что «в роли мотива мо-

жет выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т.д.» [7, 30]. Главное, что определяет мотив, по мнению исследователя — это «его репродукция в тексте», не подразумевающая какого-либо заранее заданного алгоритма [7, 30]. Это и отличает мотив от «традиционного сюжетного повествования». Формулируя принцип лейтмотивного построения, он считает, что «мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [7, 30]. Не теряет актуальности тезис Б. М. Гаспарова об интертекстуальности мотива, получивший развитие в работах последующих лет.

Попытки разграничить данные понятия привели к созданию словаря сюжетов и мотивов под редакцией Е. К. Ромодановской в новосибирском институте СО РАН. Объемное издание является результатом труда большого коллектива ученых из разных городов России и состоит из 10 выпусков, включающих словари-указатели и материалы к ним. Один из авторов словаря И. В. Силантьев дает емкое и четкое определение мотива как «единицы повествовательного языка» [8, 16]. Э. А. Бальбуров, автор теоретических обоснований к словарю, идет по пути исследования содержательной стороны мотива. Помимо устойчивой повторяемости отличительной чертой мотива ученый считает его изоморфность, под которой понимает «способность «семантически» развиваться в тексте» или распадаться на более мелкие элементы подобно матрёшке [9, 16]. В этом ключе схожей представляется формулировка В. И. Тюпы, который назвал мотив «мифологической матрешкой смыслов». Конкретизируя понятие, исследователь пишет о нем, как о «единице художественной семантики, органической клеточке смысла» [10, 54].

На современном этапе литературоведов по-прежнему волнует проблема идентификации мотива. О. Н. Русанова рассматривает мотив в эпическом повествовании и утверждает, что он является «одной из наиболее пластичных форм художественного моделирования» [11, 10]. О. В. Васильева, изучая поэзию Лермонтова, приходит к мысли об эволюции мотива благодаря его взаимосвязи с другими мотивами: «Мотив, таким образом, развиваясь, семантически обогащаясь, обладает способностью то, угасая, уходить в подтекст, то отчетливо проявляться, выходя на первый план, фиксироваться во внешнем строе художественного произведения, реализуясь на уровне конкретного образа в «вершинных» точках развития мотива». Продолжая эту мысль, автор подчеркивает: «Каждый образ и понятие, попадая в семантическое поле мотива, обретает мотивность и служит метафорическому развертыванию смысла» [12, 24–25].

Для нашей работы чрезвычайно важен вышеука-

занный тезис о взаимосвязи мотива с художественным образом. Также мы будем учитывать наличие межтекстовых и надтекстовых связей как необходимого условия для выделения мотива.

Актуальность изучения мотивов в поэзии И. А. Бунина объясняется их концептуальной связью с авторской картиной мира, присутствием в ней природы, человека, Бога. Распознавание мотивов и выявление их семантического содержания позволяет переосмыслить художественный текст автора и приблизиться к пониманию мироощущения поэта. Наша работа посвящена исследованию стихотворений о природе в силу их высокой частотности. Учитывая «принцип повторяемости», мы остановили свой взгляд на отдельных стихотворениях с повторяющимися заглавиями, а именно «Рассвет» и «Закат».

О. А. Бердникова отмечает «феномен повторения заглавий, причем не только два, но три и даже четыре раза. Собранные воедино, эти стихотворения наглядно и очевидно обозначают в повторяющихся заголовках ключевые образы творчества Бунина» [13, 249]. Парные заглавия в произведениях Бунина рассматривали в своих работах Т. М. Двигятина, Л. Г. Кихней, Е. В. Нестерова, Т. А. Тернова, В. Г. Тимофеева [14].

Повторяющиеся заглавия привлекают внимание к ключевым образам поэзии Бунина. Пользуясь «подсказкой» автора, исследователь ставит целью выход за рамки отдельного стихотворения и выявление закономерностей внутри мотива, которые обнаруживаются в очевидности межтекстовых связей на уровне «Рассветов» и «Закатов» отдельно друг от друга, а также в отношении «закат-рассвет».

На рубеже XX–XXI веков крайне популярны стали образы ночных и сумеречных природных состояний и, в частности, заката. «Закатная» тема, вполне традиционная в поэзии, стала особенно востребованной в литературе Серебряного века. Это обусловлено возобладавшими в культуре декадентскими настроениями, получившими воплощение в образе заката, претерпевшем мифологизацию и символизацию, прежде всего, в поэзии символизма. Общее предчувствие упадка, гибели, надвигающейся катастрофы отражалось в творческом настроении художников, писателей, философов и распространилось до масштабов европейской цивилизации в целом — вплоть до самой известной метафоры «Заката Европы» О. Шпенглера.

И. А. Бунин создает свой образ заката, заключивший в себе мотивы угасания, «погребения», смерти. Он напишет три «Заката» (1900, 1901, 1903–1904), а также стихотворения «На закате» (1897) и «По вечерней заре» (1900). Уже в самом раннем из упомянутых стихотворений «На закате» лирического героя одолевает чувство тревоги:

И близкая ночь бесконечно страшна,
Как призрак в безмолвной пустыне!... [2, 224]

Из трех «Закатов» Бунина наиболее знаковым и более всего созвучным настроениям эпохи представляется произведение 1900 года. Замирающий темп, багряно-черные «траурные» краски и отдельные пейзажные «зарисовки» подчинены теме конечности земной жизни. В медленном уходе кораблей в «зареве далёком» усматривается мифологическая традиция древних славян хоронить воинов в горящих ладьях. Эта ассоциация получает подтверждение в финальном указании на «погребальный флот».

Корабли в багряном зареве заката
В океан выходят — и на небесах
Вырастают мачты стройного фрегата
В черных парусах.
Медленно плывет он в зареве далеком
И другой выводит в лоно темных вод...
Скажешь: это снялся в трауре глубоко
Погребальный флот [1, 203].

Впреки однозначным образам стихотворение отличает «возвышенно-торжественный» тон. Е. В. Нестерова разрешает парадокс, выделив в образно-смысловой картине главное. Она подмечает очевидное сходство «мачт в черных парусах» с крестом — символом Воскресения [15, 41]. На наш взгляд, выявление христианской символики подводит к более глубокому осмыслению бунинских образов заката, в частности, семантики «света вечернего». Василий Великий так пишет о песнопении «Свете Тихий»: «Отцам нашим заблагорассудилось не в молчании принимать благодать *вечернего света*, но при явлении его немедленно благодарить» [16]. Именно эта интенция явно прослеживается в стихотворении «Закат» 1901 года:

За всё Тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали... [1, 225]

С перифразы Лермонтова начинается разговор один на один с Богом — по сути, благодарственная молитва. Лирический герой воспринимает «вечернюю зарю» как награду за пережитые на земле «тревогу и печаль» и ощущает «сладкую отраду в сознанье». Здесь сохраняется связанный с образом вечерней зари мотив смерти. Но, по словам Г. Ю. Карпенко, для поэта смерть — это «обретение особого состояния слитности с природой, Вселенной, Вечностью, Богом» [17, 41]. Переход в жизнь вечную символизирует «пышный пламень» заката, в котором «тает Вечерняя Звезда» как прообраз жертвы Христа.

В позднем — третьем — произведении «Закат» (1903–1904) христианский мотив жертвенности актуализируется через фольклорный образ Жарптицы, которая «сгорает», чтобы возродиться. Переходящий из одного стихотворения в другое образ заката-пламени усиливается описанием соснового леса. Данное сочетание является «фактом поэзии», указывающим, по мнению, М. Эпштейна, на прибли-

жение смерти [3, 138]. Но сказочная птица не умирает, а оставляет после себя «туманно-сизые кремни». Анализируя стихотворения, Т. М. Двинятина обращает внимание на «устойчивое сцепление двух образов»: «Сочетание тумана и синевы может напомнить символистов, но там они служили бы возрастанию в тексте неопределенности, принципиальной неоднозначности. У Бунина же наоборот: туманно-синий — это не «неопределенно-синий», а как раз «определенно-синий» [18, 152]. В «наименьшей степени «материальный» из всех цветов» также окрашены леса и «сумрак земли», над которыми «из дыма встают, слагаются незримо» эфемерные башни монастыря, символизируя мир небесный и потому невидимый.

Изображение поэтом земного и вечного реализуется не только посредством окрашивания в характерные тона, но и за счет графического «рисунка». Если в первом из трех рассмотренных «Закатов» условные границы обозначены при помощи образа корабля в «черных парусах», то здесь монахов от внешнего мира отделяют «чернеющие решетки». Одновременно разграничивая и соединяя два начала, «стройный фрегат» мачтами «прорастает» в небо, словно прокладывая путь в жизнь вечную. Образ монахов, с одной стороны, указывает на мир людей, а с другой — подразумевает отрешение от земного. Эти онтологические оппозиции свидетельствуют о «космическом мироощущении» поэта, которое предполагает единство двух противоположных начал [19, 52–67]. Более того, здесь космос воспринимается как упорядоченное бытие, как Божественный миропорядок.

Безусловно, образ заката содержит мотив смерти, который обобщает все рассмотренные мотивы. Свет вечерний предвещает момент внутреннего сосредоточения, когда «душа ещё ждёт и тоскует», но вместе с тем «бесстрастно прощается с днём» [1, 200; 2, 224]. Поскольку завершение «жизни земной» рассматривается автором с христианской позиции, почти во всех стихотворениях закат символизирует не конец, а является переходом в другую реальность [2, 181]. Отсюда, торжественный и возвышенный тон повествования. Если лирический герой погружается в «скорбь о былом», это приравнивается поэтом к болезни души и безумию. Более того, в отдельных стихотворениях смерть представляется благом, за которое следует воздать хвалу Господу.

Создание «закатной» лирики неизбежно влечет за собой поэтический отклик в образе рассвета. Помимо трех «зеркальных» «Рассветов» (1900, 1900 и 1909) тему «утренней зари» раскрывает стихотворение «Утро» (1901), которое, согласно комментариям к двухтомнику 2014 года, имело первоначальное заглавие «Рассвет». Данные поэтические тексты продолжают размышления автора на вечные вопросы, «возникающие в поле сомнения и поиска» и обострившиеся в эпоху Серебряного века [20, 18]. И хотя

среди представителей искусства этого периода образ рассвета не получил широкого распространения, для творческого сознания И. А. Бунина он концептуален.

Авторская способность переживать контрастные чувства выражается в неразрывной связи смерти и обостренного чувства жизни. Сам Бунин писал: «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле» [21, 98]. Насколько сильно поэта беспокоили вопросы конечности бытия, настолько же громко в его творчестве звучит тема полноты жизни, ставшая объектом его «рассветной» лирики.

Раннее стихотворение «Рассвет», созданное в 1900 году, несёт на себе «следы» первого бунинского «Заката» (1900):

Высоко поднялся и белеет
Полумесяц в бледных небесах [1, 201]

Благодаря аллюзии на лермонтовский парус в сознании читателя возникает изображение фрегата на закате в противоположных тонах и цветах, напоминающее негатив фотографии. Очевидное межтекстовое взаимодействие, с одной стороны, подтверждает «принцип интертекстуальности», а с другой — служит художественным средством выражения «напряженного антиномизма». Данная черта, по наблюдениям Кошемчук, свидетельствует об «универсальном христианском миропонимании» автора [22, 234–235].

Данное стихотворение является программным для поэта, поскольку является настоящим гимном жизни. Мотив радости отмечен в описаниях «солнца без ненастья», а также «зеленого утра» и «радости с полей», ассоциативно связанных с началом жизни и юностью. Дополнительное указание на «блеск и тепло» повышают эмоциональный фон, поскольку у Бунина «тепло» символизирует «счастье» в привычном земном понимании:

Выйди в небо, солнце, без ненастья,
Возродися в блеске и **тепле** [1, 201].

По-новому интерпретируется содержательное наполнение: жизнь воспринимается не просто как земное счастье, а, благодаря Пасхальному мотиву, как победа над смертью:

Веет юной радостью с полей,
Льется, как серебряное пенье,
Звон костела, славя воскресенье...
Разгорайся, новый день, светлей! [1, 201]

Славословие Христово Воскресения указывает на источник вечной жизни и определяет смысловую доминанту стихотворения, выраженную в мотиве пасхальной радости.

Второе стихотворение «Рассвет» того же года также строится на основе христианского способа мышления, присущего поэту. Данный текст не входит в авторские издания, но включен в двухтомник 2014 года, что дает возможность его изучения. Здесь реализуется мысль о том, что мир земной является отражением мира небесного, которая усиливается автором за счет повторяющегося зеркального эффекта:

Сквозь весенний лазурный туман,
На **зеркальные** воды болота,
Сквозь деревья, на зелень полян
Засверкала зари позолота.

И разлился цветов фимиам,—
Тайны ночи весенней раскрылись,—
И в воде, по широким лугам,
Небеса **глубоко отразились** [2, 231].

Рассматривая «принцип зеркальности» в поэзии автора, Т. И. Скрипникова отмечает соотношение двух миров, представленных константами «вода — небо» и «земля — небо» при их «взамоуглублении» друг в друге [5, 65]. Интересен тот факт, что свойство отражения в своей физической основе подразумевает обязательное наличие двух сред с разными свойствами. Поэт как будто учитывал эти нюансы для изображения двух сфер, отраженных друг в друге. Ещё одним важным условием отражения, которое привнес поэт в текст стихотворения, является свет. Утренняя заря соединяет мир видимый и невидимый и служит проводником «тайны ночи», которую Бунин пытается разгадать, обращаясь к текстам псалтири, где «ночь — это время сокровенного общения с Богом» [23, 317].

Изображение картины природы, отсылающее к вечности, концептуально связывает данный текст со стихотворением «Утро». Произведение характеризуется минимальным набором образов, составляющим основу «идеального пейзажа»:

Светит в горы небо голубое,
Молодое утро сходит с гор.
Далеко внизу — кайма прибой,
А за ней — сияющий простор [1, 242].

Благодаря сверхъестественному свету совершается переход «из состояния покоя в состояние животворения» [24, 33], предвеляя наступление нового дня.

Контраст с традиционными «зелеными долинами», «широкими лугами» и «юными полями» ощущается в самом «модернистском» «Рассвете» 1909 года. Созданное на основе конкретных впечатлений, стихотворение отличается преобладанием земного хронотопа.

Рейд солнца ждет. Из черных труб «Марокко»
Восходит дым. Зеленая волна
Стальной сажей, блестящими полна,
Качает мерно, плавно и широко [2, 73]

«Первый луч» знаменует начало новой жизни и нейтрализует конфликт между европейской цивилизацией и «золотом Востока», «стальной сажей» волн и «белым фортом», «нежным плачем колокола» и «грубым ревом парохода», миром природы и урбанистической картиной.

Деление по строфам соответствует нарастающей внутренней динамике стихотворения от статичной зарисовки к всеобщему оживлению, которое совпадает с наступлением рассвета. Сильная позиция текста

выражена через победный жест гребца, символизирующий не столько начало его дня, как торжество жизни в целом.

Таким образом, основной мотив рассветной лирики — полнота жизни и радость бытия. Характерное для автора осмысление всех явлений на макро- и микроуровнях позволяет рассмотреть образ утренней зари в философско-религиозном аспекте.

Именно поэтому «рассвет» чаще, чем «закат», возникает на фоне перевозданной водной стихии: «нежно-млечной синевы», «зеленой волны», «зеркальных вод болот». Соединяясь с небом в одну «бесконечную хлябь», образы «первостихий» создают «атмосферу первых дней творения» [16, 25]. В этой великой тайне «животворения», по мнению автора, обязательным условием является Божье присутствие. Признаки сакральности можно увидеть в преобладающих белых, лазурных и золотых цветах, в обилии сияния и света. Отдельного внимания заслуживает акустический прием молчания, о котором И. А. Есаулов писал как «о состоянии должной духовной сосредоточенности» [25, 51]. Тишина подчеркивает глубокое созерцательное проникновение в сущность бытия.

За возможность причастности к жизни вечной поэт не устает славить Творца. Тема благодарности за жизнь, полную высокого смысла, и за смерть, предвещающую радостную встречу, роднит образ «рассвета» со стихотворениями «закатной» поэзии. Внутреннее преображение лирического героя в эти важные переходные моменты достигается тогда, когда он остается «один в безмолвном созерцании», что также сближает образы света утреннего и вечернего.

Центральное место среди природных субстанций занимает объединяющий образ света, который символизирует особое состояние души, способной к диалогу с Богом. Картины природы, сопровождающие появление такого света, исполнены наивысшей красоты и отражают «духовность» сотворенного мира. Утреннее солнце и вечерняя заря, часто в сочетании с изображением неба, указывают на те сферы, которые, согласно христианской традиции, первоначально чисты и прозрачны и связывают мир природный с миром горним.

Природные образы являются теми устойчивыми средствами, которые послужили опорой поэту в переломный для России период. «Осуществляя свой эстетический отбор», Бунин подтвердил свою принадлежность эпохе. Но в отличие от авторов, представлявших закат в «призрачно-розовом шелке» (В. Брюсов), а рассвет — как «шар огромный, плывущий в красной тишине» (А. Блок), Бунин дорожил чистотой языка и строгостью содержания, выдерживая классическую линию. Знакомые образы мгновенно отзываются в восприятии читателя, готового разделить и радость бытия, и скорбь от расставания с миром. Но сила притягательности бунинского пейзажа не только в соперении

лирическому «я». Поэт складывает природный «орнамент» таким образом, чтобы читателю открылся «некий сверхсмысл» [22, 241]. Устремленность к высокому и вечному через малое и субъективное — ключевой мотив закатно-рассветной поэзии, основанный на христианском типе сознания поэта. Духовное созерцание мира, отражающего замысел Творца, делает «пейзажную» лирику Бунина уникальным явлением русской поэзии Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / И. А. Бунин. — Т. 1. — СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Изд-во «Вита Нова», 2014. — 544 с. — (Новая Библиотека поэта).
2. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / И. А. Бунин. — Т. 2. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — 544 с. — (Новая Библиотека поэта).
3. Эпштейн М. Н. Стихи и стихии. Природа в русской поэзии, XVIII — XX вв. (серия «Радуга мысли») / М. Н. Эпштейн. — Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2007. — 352 с.
4. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева: [сборник] / Иван Бунин. — М.: Издательство АСТ, 2021. — 448 с.
5. Скрипникова Т. И. Смысловые константы пейзажной лирики И. А. Бунина / Т. И. Скрипникова // И. А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи. Межвуз. Сб. науч. трудов, посвящ. творчеству писателя. — Воронеж: Издательский дом «Кварта», 2005. — С. 62.
6. См.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — М.: Высш. шк., 1989. — 404 с.; Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., Academia. 1928. EBook 2014. — 152 с.; Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1931. — 333 с.; Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. — 578 с.; Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1929. — 265 с.
7. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. / Б. М. Гаспаров. — М., 1994. — 397 с.
8. Силантьев И. В. Мотив в системе категорий нарратива / И. В. Силантьев // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 4. Интерпретация текста: сюжет и мотив. Новосибирск, 2001. С. 13–35.
9. Бальбуров Э. А. Мотив и канон / Э. А. Бальбуров // Сюжет и мотив в контексте традиции. — Новосибирск: Наука, 1998. — 340 с.
10. Тюпа В. И. К вопросу о мотиве уединения в русской литературе Нового времени / В. И. Тюпа // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 2. Сюжет и мотив в контексте традиции. — Новосибирск, 1998. — С. 49–55.
11. Русанова О. Н. Мотивный комплекс как способ организации эпической драмы на материале пьесы Е. Шварца «Тень» и «Дракон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Русанова. — Новосибирск, 2006. — 199 с.
12. Васильева О. В. Функция мотива в лирике М. Ю. Лермонтова // Дис. ... канд. филол. наук / О. В. Васильева. — Псков, 2004. — 212 с.
13. Бердникова О. А. К вопросу о поэтике заглавий в поэтическом наследии И. А. Бунина / О. А. Бердникова

// Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». — Т. 22. — 2020. — № 4 (202). — С. 238–256;

14. См.: Кихней Л. Г. Два одиночества Бунина: К вопросу о путях развития жанра лирической новеллы. // И. А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи. Межвуз. Сб. науч. трудов, посвящ. Творчеству писателя. — Воронеж: Издательский дом «Кварта», 2005. с. 15–25; Тернова Т. А. Природное и урбанистическое в «венецианском» тексте И. А. Бунина («Венеция», 1913) // Метафизика И. А. Бунина. Межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. творчеству И. А. Бунина. — Воронеж: Издательство: Воронежский государственный университет, 2008. — С. 130–139; Тимофеева В. Г. Две «Старухи» И. А. Бунина // И. А. Бунин в начале XXI века: материалы и статьи: межвуз. сб. науч. тр. / [редкол.: О. А. Бердникова (отв. ред.) и др.]. — С. 176–181;

15. Нестерова Е. В. «Парные тексты» в поэзии И. А. Бунина (к проблеме заголовочного комплекса) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2016. — № 1. — С. 39–42.

16. Василий Великий, святитель. «О Святом Духе к Амфилохию» (глава 29) // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/o_svyatom_duhe/#0_29 (дата обращения 21.12.2021)

17. Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков: Учебн. пособ. «Литература

и религиозное сознание» для студентов дневного и заочного отделений специализации «Русский язык и литература» / Г. Ю. Карпенко. — Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. — 68 с.

18. Двинятина Т. М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология. Дис. ...д. филол. наук / Т. М. Двинятина — СПб., 2015. — 441 с.

19. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина / О. В. Сливицкая. — М.: РГГУ, 2004. — 270 с.

20. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы. — Т. 1 — М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. — 512 с.

21. Бунин И. А., Бунина В. Н. Устами Буниных. Дневники. — Т. 1. — Посев, 1977. — EBook 2008. — 367 с.

22. Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте / Т. А. Кошемчук. — СПб.: Наука, — 2009. — 278 с.;

23. Бердникова О. А. Реминисценции, цитаты и мотивы псалтири в творчестве И. А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: 2012. Вып. 10. — 372 с.

24. Смоленцев А. И. Неуловимый свет // Метафизика И. А. Бунина: Межвуз. сб. науч. трудов. — Воронеж: 2014. Вып. 3. — 188 с.

25. Есаулов И. А. Проблема визуальной доминанты русской словесности / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, жанр. Сб. науч. трудов. Вып. 2. — Петрозаводск: 1998. — С. 42–53.

Воронежский государственный университет

Митина Г. В., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета

E-mail: gmitina@gmail.com

Voronezh State University

Mitina G. V., Postgraduate of The Department of Russian Literature of XX–XXI centuries, Theory of Literature and Humanities, Faculty of Philology

E-mail: gmitina@gmail.com

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВОЕННОЕ ДЕЛО» ЭПОХИ ПЕТРА I В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. А. Неровная, С. В. Колтакова, Л. В. Коробко

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 19 декабря 2021 г.

Аннотация: статья посвящена вопросу заимствований иноязычной лексики в ходе проведения реформ в русской армии в первой половине 18-го века. В результате анализа «Словаря иностранных слов» Н.А. Смирнова и применения тезаурусного подхода, основанного на теории семантических полей, выделены подгруппы лексико-семантического поля «Военное дело», изучены основные направления военной деятельности, в которых происходили заимствования, определены пути заимствований. Методом опроса действующих военных установлены слова, употребляющиеся в армии в наше время и вышедшие из употребления. Сделаны выводы об изменениях орфографии и семантики некоторых слов. Охарактеризована структурная сложность лексико-семантической группы.

Ключевые слова: заимствования, русский язык, армия, тематическая подгруппа, лексико-семантический анализ, структурная сложность группы.

Abstract: the article is devoted to the question of borrowing foreign lexical units during the reforms in the Russian Army in the early 18th century. At the result of the analysis of the "Dictionary of borrowed words" by N.A. Smirnov and applying a thesaurus approach based on the theory of semantic fields, subgroups of the lexical-semantic field "Military art" are distinguished. The main areas of activities having the major portion of borrowings are studied and routes of borrowings are determined in the work. By using the method of interview of active military men the words that are still used in the present army and those that have gone out of usage are determined. The conclusion about changes in spelling and semantics of some words is made in the article. The structural complexity of the lexical-semantic group is characterized.

Keywords: borrowings, the Russian language, army, thematic subgroup, lexical-semantic analysis, group structural complexity.

Цель исследования – изучить языковые заимствования в результате реформ Петра I и оценить современное состояние заимствованной лексики. Нами проанализирован «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» Н. А. Смирнова, являющийся частью труда «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», изданного в 1910 году по распоряжению Императорской Академии наук [1], и выделена группа заимствованных из других языков лексических единиц, общим количеством 272, имеющих отношение к армии и воинскому делу; проанализированы пути заимствования, осуществлен анализ структурной сложности группы и методом опроса действующих военных определены слова, употребляющиеся в армии в наше время и вышедшие из употребления; проанализированы изменения в семантике слов.

Проанализировав пути заимствования, мы выяснили, что в связи с тем, что военная система в основном перенималась у Пруссии и Франции, большинство заимствованных слов имеют немецкое (такие слова, как *комендант, мундир, лагерь, лафет, майор, генерал, гауптвахта* и др.) и французское происхож-

дение (например, *сержант, трофей, траншея, баталия, батальон, эскадрон, эскадра, траверс* и др.). Перенос многих слов шел через Польшу, поэтому большое количество слов дошло до нас в польской форме. Это существительные, оканчивающиеся на -ия (польск. ja), например, *армия, амуниция, реляция, субординация, деграция, дивизия, артиллерия, кавалерия, инфантерия, диспозиция, гвардия*, и глаголы, оканчивающиеся на -овать (польск. -owac), например, *атаковать, муштровать, штурмовать, фортификация, ретироваться*, хотя изначально эти слова имеют немецкие или французские корни. Также есть слова голландского происхождения (например, *табель, флаг, форпост, ранг, штандарт, мортира*) и итальянского (например, *коштель (крепость), армата (армия), армория (вооружение)*).

Для дальнейшего изучения выделенной группы слов нами была применена теория семантических полей с целью определения тематических подгрупп на основе семантической близости слов, входящих в эти подгруппы. В нашем исследовании мы используем тезаурусное представление лексико-семантического поля: «Тезаурусный подход является одной из современных устоявшихся методик отбора, анализа и структурирования информации»

[2, 7]. Применение тезаурусного подхода даёт нам возможность структурировать материал и оценить основные направления военной деятельности, в которых происходили заимствования [3, 21]. В результате анализа словаря Н. А. Смирнова было выделено лексико-семантическое поле «Военное дело», состоящее из 272 лексических единиц, в котором выявились следующие подгруппы (рядом с названием подгруппы в скобках указано количество лексем, которые её образуют):

1) Наименования действий войска / в войске (55) (авансировать, альярм, аркебузировать, атака (аттака), атакование (аттакование), атаковать, атакировать, баталия, беллагер, блокада, блокир, блоковать, бомбардировать, виктория, газардовать, дебаркамент, дезармовать, десант, дефензия, дефилировать, диверзия, диспозиция, дифендировать, залп (залф), кантонирование, капитулировать, командовать, маршировать, марш, мушкетерия, муштровать, отрмац, петардирование, ремонт, ретирировать, ретировать, ретироваться, ретранжевать, ретрет, салютация, салютовать, салют, саперовать (саповать), саперование, секундовать, фланковать, фортификация, фортификавание, фортификаровать, фуражирование, шамад, штурм, штурмовать, экзерцировать, экзерциция).

2) Наименования воинских званий, чинов (50) (арци-маршалк, берейтер, вегберейтер, бригадир (брегадир), генералиссимус, генерал, генерал-адыютант, генерал-аншеф, генерал-аудитор, генерал-вагенмейстер, генерал-гевальдигер, генерал-губернатор, генерал-инженер, генерал-кавалер, генерал-квартирмейстер, генерал-квартирмейстер-лейтенант, генерал-кригс-комиссар, генерал-лейтенант, генерал-майор, генерал-полицеймейстер, генерал-прокурор, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдмаршал-лейтенант, генерал-фельдцейгмейстер, генерал-фискал, генерал-штаб-квартирмейстер, генерал-штаб-фурьер, штаб-генерал, ефрейтор, капитан, капитан-командор, флигель-адыютант, кадет, капрал, офицер, обер-офицер, оберштерлейтенант, унтер-офицер (ундер-офицер), премьер-майор, секунд-майор, сержант, солдат, рекрут, лейтенант (лейтнант), фельдфебель, фендрих, флигель-адыютант, юнкер, штык-юнкер, маршал).

3) Наименования военных сооружений, построек (38) (абшнить, амбразура, арсенал, барьер, бастион, батарея, болверк, бруствер, бунтенверк, варта, винтер-квартира, гауптвахта, гауптквартир, госпиталь (гошпиталь), горниверк, казарма, каземат, капонир, контр-батарея, кордегард, коштель, лиорик, пласдарм, пляц, равелин, редут, сап, судесты, траверс (траверза), траншея, фестунга (фестунг), форпост, фортеца (фортица), фортрес, цейхгаус, шанцы, шарт, шисшартены).

4) Наименования военных должностей, обязанностей (32) (алтенрпетардирер, петардиер, бомбардир, гардекор, гренадир (гренадер, гранадир), драбант, комендант, вице-комендант, дежур-майор, плац-майор,

интендант, канонер, каптернамус, командир, комиссар, кригскассирер, кригсцалмейстер, фельд-кригсцалмейстер, ординанц, ротмистр, фейрверкер, фельдкригс, фехмистр, цейгдинер, цейгшрейбер, цейхвахтер, цейхвартер, аншеф, вахмистр, кригсрехт, региментарь, экзерциций-мейстер).

5) Наименования воинских подразделений, формирований (28) (авангардия, ариергардия, армата, армия (армеа), баталион, баталион де каре, бригада (брегада), гарнизон (гварнизон), гвардия, генералитет, гоф-штаб, дивизия, конвой (камвой), кордебаталия, корпус милитарииум, лагерь, легион, лейб-гвардия, лейб-регимент, ориллион, патруль, пикет, регимент, резерва, рота, фланг (фланк), штаб, эскадрон (шквадрон)).

6) Наименования вооружения или его части (23) (армория, артиллерия, бомба, везир, гаубица (гоубисть, гоубица, гаубисть), калибр, карказ (каркас), картан, картечь (картуше), картуз, лафет, моргенштерн, мортира (мортирец, мортир), мушкатон, петарда, пистолет, полкартоун, портупея, рапира, флинта, фельдштук, шланген, штык).

7) Наименования управленческих функций в войске (14) (абшить, субординация, вербовать, деградация, ордер, рекрутирование, рапорт, реляция, трибунал, комиссариат, стратагема (стратажема), ранг, дисциплина, табель).

8) Наименования военного имущества (13) (вымпел, байонет, мундир, орден (ордина), провизия (провизион), провиант, ранжир флаг, флаг, флашток, фураж, штандарт, мучинионы, шпицрутены).

9) Наименования военных по роду их деятельности (7) (милитарист, дезертир, волонтер (волентир, волунтер), шпиг, шпион, рютер, секундонт).

10) Наименования действий между союзными и вражескими войсками (6) (картель, индукция, армистициум, альянция, алирты, капитулировать).

11) Наименования родов войск (4) (артиллерия, кавалерия, инфантерия, драгуны).

12) Наименования военных морально-этических принципов (2) (глория, гонор).

Проведенный анализ также позволяет отметить следующее:

1. Номинативная плотность группы составляет 272 единицы, внутри неё было выделено 12 структурных элементов. Индекс структурной сложности, представляющий собой отношение количества структурных единиц к общему количеству лексических единиц, используемый для определения степени разветвленности структуры, составляет 4,4%, что говорит о незначительной сложности структуры.

2. Анализ структурной сложности заимствованных терминов показал, что 236 из них являются однокомпонентными (например, гвардия, капрал, марш), 31 – двухкомпонентными (например, генерал-аудитор, генерал-вагенмейстер, генерал-фискал, флигель-адыютант) и 5 – трехкомпонентными (например,

генерал-квартирмейстер-лейтенант, генерал-фельдмаршал-лейтенант, генерал-штаб-квартирмейстер). Индексы однокомпонентности / двухкомпонентности / трехкомпонентности терминов [3, 27] составляют 87%, 11% и 2% соответственно. Структурные модели, по которым образованы двух- и трехкомпонентные термины, представляют собой существительное+существительное.

3. Так как наиболее обширными оказались структурные элементы «Наименования действий войска / в войске» и «Наименования воинских званий и чинов» (55 и 50 единиц в составе соответственно), можно сделать вывод о том, что именно в этих направлениях было осуществлено наибольшее количество заимствований при переносе европейской военной системы на русскую военную почву.

4. У многих заимствованных слов в XVIII веке была неустоявшаяся норма написания и произношения в русском языке. Например, существовали варианты *атака* и *аттака*, *залп* и *залф*, *бригадир* и *брегадир*, *гренадир*, *гренадер* и *гранадир*, *армия* и *армеа*, *гарнизон* и *гварнизон*, *камвой* и *конвой*, *картечь* и *картуше*, *гаубица* и *гоубисть*, *гоубица*, *гаубисть*, *лейтенант* и *лейтнант*, *госпиталь* и *гошпиталь*, *стратагема* и *стратажема*, *эскадрон* и *шквадрон*, *аммуниция* и *амониция*, *муниция*, *барьер* и *барьер*, *фортификовать* и *фортифицировать* и др. Со временем только одна из форм стала считаться нормой.

5. У некоторых слов была вариативная категория рода (*мортира* и *мортирец*, *мортир*, *орден* и *ордина*, *провизия* и *провизион*, *фестунга* и *фестунг* (крепость)).

6. Некоторые слова с течением времени изменили свое написание. Например, в XVIII веке слово «амуниция» писалось с удвоенной буквой «м», слово «батальон» писалось через «и» – «баталион», слово «пلاع» писалось и произносилось с гласной «я» – «пляц», существовали три варианта слова «волонтер» – «волентир», «волентер» и «волунтер».

7. В современном русском языке из 272 выделенных нами слов в неизменном виде (с тем же значением, формой, написанием и произношением) употребляется 87 слов (32%). Это такие слова, как адъютант, амбразура, армия, арсенал, артиллерия, атака, атаковать, аудитор, барьер, бастион, блокада, бомба, бомбардировать, бригада, бруствер, вербовать, вымпел, гарнизон, гауптвахта, генерал, гаубица, госпиталь, губернатор, дезертир, десант, дивизия, диспозиция, дисциплина, залп, инженер, интендант, калибр, камера, капитан, картечь, командир, командовать, комендант, конвой, лафет, лейтенант, майор, маршал, марш, маршировать, милитарист, муштровывать, ордер, орден, офицер, пароль, патруль, петарда, пикет, пистолет, португез, провизия, провиант, ранг, рапира, редут, реляция, рапорт, ретироваться, рота, салют, салютовать, секундент, сержант, солдат, субординация, табель, траверс, траншея, трибунал,

трофей, флаг, фланг, форпост, фортификация, шпион, штаб, штурмовать, штурм, штык, эскадра. Остальные слова или больше не используются, или дошли до нас в изменённом виде.

8. Многие заимствованные слова с течением времени изменили свое значение. Так, например, слово «амуниция» в XVIII веке означало «воинские припасы», а теперь это «снаряжение военнослужащего (кроме оружия и одежды)». Слово «батарея» означало «высокое место, где ставятся пушки», сейчас оно имеет два значения – «основное артиллерийское или минометное подразделение из нескольких орудий» и «укреплённая позиция для нескольких таких орудий». Слово «гвардия» изначально означало «караул или стража». Современное значение – «лучшие, отборные воинские части». Слово «лагерь» означало «ополчение», сейчас это «временная стоянка войск вне населенных пунктов». Слово «легион» означало «отряд», сейчас это «огромное количество, множество чего-л.». Слово «мундир» означало «украшение платья», в наше время это «верхняя часть военной или гражданской форменной одежды». Слово «ремонт» имело значение «поставка лошадей в полки». На данный момент это значение дается в словарях с пометой «устар.». Слово «казарма» значило «дом, где хранится оружие», в наше время это «особое здание для размещения воинской части». Слово «каземат» означало «свод под валом, имеющий бойницы», современное значение – «оборонительное сооружение (надземное или подземное), защищающее от артиллерийского огня или авиабомб мелкого и среднего калибра». Слово «капонир» имело значение «крытый ход в сухом рве», на данный момент в толковых словарях дается значение «оборонительное сооружение для ведения огня в двух противоположных направлениях». Должность военного, которому поручена денежная и хлебная раздача в полках, называлась «комиссар». Современное значение этого слова «лицо, возглавляющее военный комиссариат». Офицер, командовавший четырьмя полками, назывался «бригадир». В современной армии это слово в данном значении не употребляется, но есть «командир бригады», «комбриг». Слово «камера» пришло в русский язык со значением «место в орудии, куда кладётся порох». Сейчас оно значительно расширило свою семантику. Слово «гонор», происходящее от латинского «*honor*», означало «честь, слава». В нашем обществе данное слово приобрело негативную коннотацию и означает «самоуверенность, заносчивость, спесь».

9. Часть слов дошла до нас в усеченном виде с изменением категории рода. Например, слово «авангардия» дошло до нас в форме «авангард», так же как и слово «резерва» – в форме «резерв». Слова «саперовать», «саповать», «саперование», означавшие «вести траншею», дошли до нас в формах «сапёр» и «сапёрный». Некоторые слова, употреблявшиеся в составе двухкомпонентных воинских званий, таких

как «генерал-адъютант», «генерал-губернатор», «генерал-аудитор», «генерал-инженер» в наше время используются по отдельности как «генерал», «адъютант», «губернатор» и т.д.

Таким образом, проведённый лексико-семантический анализ позволяет сделать вывод о том, что военные реформы, проводившиеся Петром I, оказали большое влияние на военную лексику русского языка. Вместе с заимствованием военной системы заимствовались и новые понятия, и термины. В современном русском языке употребляется около 30% слов, заимствованных в XVII–XVIII веках. Часть слов дошла до нас с изменениями в орфографическом, фонетическом или семантическом содержании. Большая часть слов устарела вместе с вышедшими из употребления вещами и понятиями и не употребляется в настоящее время.

Полученные результаты могут использоваться в воспитательной и образовательной работе с военнослужащими.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

Неровная Н. А., канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: nnerovnaya@yandex.ru

Колтакова С. В., канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков

E-mail: koltakova2007@yandex.ru

Коробко Л. В., канд. филол. наук, преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: l.v.ledeneva@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху / Н. А. Смирнов. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1910. – 408 с.

2. Горбунова Н. Н. Некоторые результаты тезаурусного моделирования англоязычной терминосистемы менеджмента / Н. Н. Горбунова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – М. : 2014. – №2. – С. 7–17.

3. Колтакова С. В., Неровная Н. А. К вопросу о параметрах структурно-семантического описания тематической группы «Наименования устройств, применяемых в авиации в английском языке» / С. В. Колтакова, Н. А. Неровная // Филология: научные исследования. – М. : НБ-Медиа, 2018. – №4. – С. 21–28.

4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : НОРИНТ, 2007. – 960 с.

5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 20.10.21).

*N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy
Nerovnaya N. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the chair of foreign languages
E-mail: nnerovnaya@yandex.ru*

*Koltakova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the chair of foreign languages
E-mail: koltakova2007@yandex.ru*

*Korobko L. V., Candidate of Philological Sciences, a teacher of the chair of foreign languages
E-mail: l.v.ledeneva@mail.ru*

О СЮЖЕТЕ, НАЗВАНИИ И КОНТЕКСТАХ ПЕРВОЙ КНИГИ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается первая книга романа М. Шолохова «Поднятая целина», написанная в период наибольшей творческой активности автора, в сложных идеологических и политических условиях начала 1930-х годов. Изменившиеся концептуальные подходы к истории русской литературы XX века обнаруживают в канонизированном тексте важный для понимания романа диалог автора со своим временем.

Ключевые слова: М. Шолохов, русская литература, автор, «Поднятая целина», 1930.

Abstract: the article examines the first book of M. Sholokhov's novel "The Raised Virgin Land", written during the period of the author's greatest creative activity, in difficult ideological and political conditions of the early 1930s. The changed conceptual approaches to the history of Russian literature of the twentieth century reveal in the canonized text an important dialogue between the author and his time for understanding the novel.

Keywords: M. Sholokhov, Russian literature, author, "The Raised Virgin Land".

Роман «Поднятая целина», как правило, рассматривался советским литературоведением в русле нормативов метода социалистического реализма. А между тем он может и должен быть рассмотрен в той же системе оценок, что и «Тихий Дон», т.е. как отражение больших исторических событий, пережитых русским человеком в XX веке. Оба шолоховских романа связаны и временем их создания, и общей мыслью: в «Тихом Доне» жизнь донского казачества проходит испытания гражданской войной, в «Поднятой целине» писатель рассматривает уже не *расказачивание*, а *раскрестьянивание*, пережитое столь же тяжело, как и гражданская война.

Однако такую глубинную, содержательную связь романов если и отмечали, то как-то вскользь, по разным причинам акцентируя внимание на различии текстов. Несходством романов шолоховские хулители доказывали оскорбительный факт заимствований в «Тихом Доне», советские же исследователи, в свою очередь, первой частью нового романа демонстрировали идеологическую безупречность авторской позиции, даже противоречия текста объявляя нормативами «романа о коллективизации». А между тем именно в ней таятся важные особенности шолоховской позиции. К числу таковых в первой книге «Поднятой целины» можно отнести формализованную «детективную» составляющую ее сюжета, устойчивое нелюбопытство гремяченцев к тому, что происходит в курене Якова Лукича Островнова. По законам жанра, легко завоевывает доверие казаков питерский слесарь Давыдов, «по виду служащий, говорящий на жесткое российское "г"» [5, 18], хотя сначала объявленная им

цель приезда — организация колхоза — вызвала настороженность. Враждебная деятельность казачьего есаула Половцева, прерванная статьей Сталина «Головокружение от успехов», обрывает предполагаемое развитие «вредительского» сюжета.

Однако роман трудно давался автору «раззлосчастной "Целины"», как не без раздражения охарактеризовал его М. Шолохов в письме к Е. Г. Левицкой [6, 789]. Такое авторское определение, несомненно, возникло из внутренних трудностей, оттого, что создавался новый роман «впережку» с третьей книгой «Тихого Дона», публикация которой сопровождалась немалыми сложностями, преодолеть которые оказалось возможным лишь после обращения М. Горького к Сталину [См. об этом: 2, 149; 6, 67 и далее].

Трудности цензурного характера, которые должен был преодолеть М. Шолохов, сегодня подтверждены целым рядом документальных свидетельств. Однако писатель должен был их учитывать, так сказать, «на марше» и не только по соображениям цензурного порядка. События двух романов разделяло невероятное десятилетие, изменившее страну, героев, существенно поменявшее мотивацию их участия в исторических событиях. В этом было главное внутреннее противоречие, о нем писал М. Шолохов в ноябре 1931 года в упомянутом письме к Левицкой: «...все они [герои] какие-то непохожие друг на друга, потрясающе разные... Тут и повстанцы, и колхозники, и белобандиты, и пр.» [Цит по: 6, 789].

Таким образом, текст первой книги «Поднятой целины», не порвавшей внутренних связей с «Тихим Доном», нес в себе память незаконченного главного романа, его глубинные идеи. И это не могло не сказаться на романе о коллективизации.

Рассматривая первую часть романа «Поднятая целина», нельзя не отметить выдвинутой на первый план почти журналистской злободневности начинающегося сюжета. Основное направление его развития задано разговором секретаря райкома Корчжинского с двадцатипятилетним Давыдовым, направляемым в Гремячий Лог «в качестве уполномоченного райкома проводить сплошную коллективизацию» [5, 12]. Сегодня само слово «двадцатипятилетник» требует комментариев, а для читателей журнальной версии романа оно активно вошло в жизнь из газет, из практики колхозного строительства.

В ноябре 1929 года на пленуме ЦК ВКП было принято постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» [3]. Результатом был выезд в колхозы и машинно-тракторные станции уже в январе 1930 года 25 тысяч передовых городских рабочих для «руководства созданными колхозами и совхозами». Напомним, что действие первой книги «Поднятой целины» начинается в конце января 1930 года.

В разговоре секретаря райкома и Давыдова интересно отметить важный смысловой момент «колхозного» сюжета начала 1930-х годов: противостояние «генеральной линии», «левой» и «правой» оппозиций во взглядах на темпы коллективизации. Корни такого противостояния, как и его фигуранты, не в Гремячем Логу, а в Москве, в спорах высших партийных кругов, но именно они определяют дела и поступки людей, находящихся далеко от Москвы. Так, Корчжинский, давая установку на «сплошную коллективизацию», уточняет: создавать колхоз надо «на базе осторожного ущемления кулачества». Его слова вызывают несогласие Давыдова, усмотревшего в них расхождение с речью Сталина на конференции аграрников-марксистов «К вопросам аграрной политики в СССР» (опубликована 29 декабря 1929 года) [4].

Прямой цитатой из речи вождя Давыдов обозначает свою позицию в споре: «Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс» [5, 13]. Выйдя из райкома, он продолжает «партийный» спор с Корчжинским, заключая, что тот хромает «на правую ножку» (т.е. является сторонником правой оппозиции). Заметим, что у Давыдова нет сомнений ни в правоте сталинского тезиса, ни своего отношения к секретарю райкома и его распоряжениям: «Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рубану напрямик, по-рабочему: твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт!» [5, 14].

Эта позиция Давыдова, «по-рабочему» разрешавшего идеологические конфликты, как правило, и приводилась исследователями в доказательство его идеологической зоркости, однако следует отметить, что совсем скоро двадцатипятилетник не без растерянности отреагирует на новую статью тов. Сталина.

Статья «Головокружение от успехов» была опубликована 2 марта 1930 года, в преддверии нового сельскохозяйственного года. Ее включение в событийную ткань романа обострило развитие обоих сюжетов — сюжета колхозного строительства и «вредительского» сюжета. Новая сталинская статья стала кульминационным моментом не только во внешнем, «колхозном» сюжете романа, но в том глубинном, который включал «Поднятую целину» в проблематику «Тихого Дона». Политическое, «газетное» противостояние партийных функционеров переводилось в плоскость жизненно важных решений каждого из гремяченцев.

Надо сказать, что такой поворот сюжета был рискованным и для самого писателя. Нетрудно заметить, что герои романа довольно точно прочитали желание вождя переложить вину за «перегибы» на местные власти: «...почти везде при появлении Нагульнова или Давыдова почему-то торопливо передавали газету [со статьей] из рук в руки, пока она, белой птицей облетев толпу, не исчезала в чьенибудь широченном кармане» [5, 220]. Так же восприняли статью и старые казаки, отказываясь вступить в «Союз освобождения родного Дона».

Следует сказать и о названии романа. Как известно, первоначальное название, предложенное автором, не отличалось благозвучием и было нескрываемо драматичным — «С кровью и потом». По просьбе журнала-публикатора, как позже, спустя немало лет, расскажет М. Шолохов, название было заменено. Любопытно, что в поисках нужного названия писатель «обратился за советом к товарищам в райком. Было выдвинуто несколько вариантов, в том числе «Поднятая целина». Эти два слова были взяты из текста книги» [См. коммент. к роману: 5, с. 365].

Однако в тексте романа нелегко найти указанное автором словосочетание, зато его можно обнаружить в той самой речи вождя на конференции аграрников-марксистов, на которую ссылался Давыдов в споре с Корчжинским. Приводя положительные примеры коллективизации, И. Сталин сослался на пример хозяйств «в районе Хопра в бывшей Донской области», т.е. в местах действия романа. Вождь рассказал, что крестьяне, «сложив свои орудия и объединившись в колхозы», значительно увеличили посевные площади, достигли «головокружительного» эффекта: «получили возможность обработать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и целину. <...> *крестьяне получили возможность взять целину в свои руки*» [4. Курсив здесь и далее в цитатах наш. — Т. Н.].

В шолоховском романе *целина* — земля «за Рачьим прудом», «крепь», ранее не использовавшаяся для посева. Именно эти земли стали нарезать единоличникам, выходящим из колхоза после статьи «Головокружение от успехов». И потому так естествен-

на их реакция: «Не желаем крепь!», «Что же вы нас жизни решаете?» [5, 235].

На справедливую догадку Давыдова, предполагавшего, что такое решение проблемы — путь к новому «головокружению от успехов», член бюро райкома, уже не Корчжинский, дает исчерпывающее для исполнителя воли партии разъяснение: «Это не твоя старость-печаль... И потом это не наша установа, а окружка, и мы как солдаты революции обязаны ей беспрекословно подчиниться... Скот держи зубами и руками. Не выполнишь посевной план — голову оторвем!» [5, 232–233].

Так роман свидетельствовал, что статья Сталина была адресована доверчивым станинникам, а совсем не организаторам колхозной жизни. Им она тоже посылала свои сигналы, но иные. И о них скажет партийный чиновник Давыдову: «За перегибы придется, братишка, расплачиваться, *принести кое-кого в жертву*... Таков уж порядок ... А сейчас знаешь, какая установка? Карать вплоть до исключения из партии!» [5, с. 233]. Не потому ли так незаметно и легко будет восстановлен в партии «перегибщик» Макар Нагульнов, что не увидела партия больших ошибок в его поведении?

Как видим, написанная в короткие сроки, по жестким идеологическим прописям, в чем до сих пор обвиняют М. Шолохова, первая часть романа «Поднятая целина» с возможной объективностью включала факты истории коллективизации в художественный текст. В том числе и разные по содержанию статьи И. В. Сталина, от прямых ссылок на которые автор не уклонился в политизированной части сюжета «Поднятой целины».

Однако вернемся к мысли о том, что роман о коллективизации несет на себе печать глубинных смыслов «Тихого Дона», что писатель видел своих «потрясающе разных» героев в едином пространстве национальной истории.

Есаул Половцев, создавая «Союз освобождения родного Дона», обращаясь к «господам казакам», формулировал его программную цель в категориях гражданской войны: «...до последней капли крови всеми силами и средствами сражаться по приказу моих начальников с коммунистами-большевиками, заклятыми врагами христианской веры и угнетателями русского народа» [5, 28].

На собрании гремяченской бедноты Давыдов, впервые выступивший в новой для себя роли председателя колхоза, ставил перед слушателями совсем иные задачи: «Вы должны все соединиться в колхоз, обобществить землю, весь свой инструмент и скот. А зачем в колхоз? Затем, что *жить* так дальше, ну, *невозможно же!*» [5, 28].

Эти программы обозначили радикальное несоответствие целей, предлагаемых слушателям. Программа Половцева обещала смертельный исход, Давыдов, не отрицая трудностей пути, говорил о необходимо-

сти жизни, значит — о будущем. Его мысль поддержал красный партизан Павел Любишкин: «Я сам до колхозного переворота думал Калинин письмо написать, чтобы помогли *хлеборобам* начинать какую-то *новую жизнь*» [5, 31].

Весенний сев, зов земли возвращали к *жизни*, уводили от той борьбы, к которой звал Половцев. Эта важная для хлебороба мотивация радикально трансформирует финал сюжета исключения из партии Макара Нагульнова.

Сцена заседания в райкоме партии написана в полном согласии с законом жанра и с темпераментом борца за мировую революцию. В этой же стилистике и решение Нагульнова, принятое им на обратном пути в Гремячий Лог: «Приеду домой, попрощаюсь с Андреем и Давыдовым, надену шинель, в какой пришел с польского фронта, и застрелюсь. Больше мне нету в жизни привязы! А революция от этого не пострадает» [5, 292].

Но совершенно иные чувства овладели Макаром, на Смертном кургане оплакивавшем свое исключение, когда он внезапно увидел пашни, «немо» простиравшие «к небу свои дымящиеся паром, необсеменные ланы...». «Припозднились! Загубим землю! — думал Макар, с щемящей жалостью оглядывая черные, страшные в своей наготе, необработанные пашни. — День-два — и пропала зябь. <...> И животины всякая, и дерево, и земля вокруг знают, когда им надо обсеменяться, а люди... а мы — хуже и грязней самой паскудной животины!» [5, 294].

Естественное для хлебороба переживание перечеркнуло картины театрализованного ухода из жизни, прежние декларации борца с частной собственностью. Поспешное возвращение Макара в Гремячий Лог, его решительные действия завершают сцены «бабьего бунта», который тоже выполнил свою важную содержательную роль. То, что в текстах других авторов, как правило, окрашивалось в тона классово-борьбы, усиливавшейся в деревне с развитием коллективизации (вспомним мифологизированного Павлика Морозова и его свирепого кулака-отца), в «Поднятой целине» завершает «громовитый, облегчающий хохот» в сцене общего собрания. Как и в «Тихом Доне», смех переводит конфликтную ситуацию из политически злободневной в бытийность народной жизни. Общий итог в сцене собрания в Гремячем Логу подводит чей-то «теплый и веселый басок», произносящий самые важные для всех слова: «*Народ тут волнуется*... и глаза некуда девать, совесть зазревает... И бабочки сумянутся... А ить *нам вместе жить*... Давай, Давыдов, так: кто старое помянет — тому глаз вон! А?» [5, 302].

«Народ ... волнуется» о главном — о будущей жизни с новой властью. М. Шолохова можно обвинить в этой сцене в том, что он подменил политическую сторону проблемы вынужденным соглашательством гремяченцев с «любушкой Давыдовым».

Можно так же усомниться в искренности миролюбия Давыдова, завершающего сцену стихийного протеста своим примирительным жестом. Когда на следующий день Любишкин «предложил было оставить охрану около амбаров <...> Давыдов усмехнулся:

— Теперь, по-моему, не надо...» [5, 303].

Для М. Шолохова, да и для всех казаков хутора финалом «бабьего бунта» стал обозначенный самым «теплым» баском смысл: «...нам *вместе жить*...». А совместная жизнь без взаимных уступок и понимания невозможна.

Разумеется, сталинская статья не стала победой организаторов колхоза.

В широком смысле она «работала» на внутренний «сюжет», имевший отношение не только к конкретной романной коллизии. Шолоховский текст, воспринятый не как советская агитка, а как роман, соотнесенный с масштабом «Тихого Дона», позволяет увидеть в традиционном советском сюжете не замечаемые ранее составляющие.

Роман нес в себе сомнения в стратегически важном советском мифе о прямой связи вождя с народом, архаическом и патерналистском по форме. К нему же по сути апеллировал и Половцев, призывая «сражаться по приказу моих начальников с коммунистами-большевиками». Однако «господа-казаки» глобальной задаче противопоставили вполне конкретный выбор: «Раз сам хозяин стал нам в защиту, то чего же нам на сторону лезть? ...Мы не супротив Советской власти, а против своих хуторских беспорядков...» [5, 216]. Для них это не только хозяйственное решение.

Во всех работах об образцовом романе социалистического реализма, как правило, за скобки выносилась патриотическая составляющая позиции «господ-казаков» из Гремячего Лога — еще один неуничтожаемый след «Тихого Дона». Почувствовав, что Сталин «этих местных коммунистов ...кроет по-чем зря», старые казаки отказываются помогать будущей иностранной интервенции: «Коммунисты — они нашего рода, сказать, свои, природные» [5, 216]. «Союзников» же, помощь которых обещал Половцев, они оценивают, исходя из опыта гражданской войны. «Я побывал в двадцатом году за границей, покушал французского хлеба на Галиполях и не чаял оттого ноги притянуть! Дюже уж хлеб их горьковатый!» [5, 217], — заключает один из казаков.

Столь прямо и четко сформулированную патриотическую идею нельзя признать широко распространенной даже в советской литературе 1920-х годов. В 1930-е же годы она стала практически невозможной. Однако реальность такого заключения шолоховских казаков-хлеборобов неожиданно подтверждается полемическим утверждением Н. А. Бердяева, опровергающего тезис о единомыслии русского зарубежья. «Во мне вызывает сильное противление то, что для русской эмиграции главный вопрос есть вопрос об отношении к советской

власти. Между тем как я считаю главным вопросом вопрос об отношении к русскому народу, к советскому народу, к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа», — писал он в последние годы жизни [1, 340].

Шолоховские «господа-казаки» в первом томе романа М. Шолохова в «бердяевском» смысле отреагировали на мысль Половцева о помощи из-за границы: «Нет уж, мы тут со своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из куреня нечего таскать...» [5, 217].

Отношение к русской истории, «к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа» (Бердяев) можно видеть не только в эпизоде с неудавшейся попыткой Половцева организовать «Союз освобождения родного Дона». У каждого из героев романа, вступающего в колхоз или сопротивляющегося этому, своя мотивация, уходящая корнями в прошлое. Вспомнил о своем участии в гражданской войне Павел Любишкин. Своя память у «идейного» середняка Кондрата Майданникова. В одну из бессонных ночей он вспоминает слова покойной матери: «Не кричи, милушка Кондрат, не гневай бога. Бедные люди по всему белому свету и так каждый день плачут, жалуется богу на свою нужду, на богатых, какие все богатство себе забрали. А бог бедным терпеть велел» [5, 141].

Герой, прошедший такую школу смирения, и в колхоз идет, сознавая, что легкой жизни не будет. Тональность выступления Майданникова на общем собрании, мотивирующего необходимость создания колхоза, не совпадает с его ночными думами. «В еповской лавке товару нету, а Христишка босая. Хучь кричи — надо ей чиричонки бы! Совесть зазревает спрашивать у Давыдова... Нет, нехай уж эту зиму перезимует на пече, а к лету они ей не нужны» [5, 143].

Как видим, у героя вполне реалистические представления о жизни в колхозе, существенно не совпадающие с официальными декларациями [см. об этом в декабрьском выступлении Сталина: 4]. Не лишена драматизма и фигура Якова Лукича Островнова, больше других наделенного автором аналитическими способностями. Показательно, что именно он «избран» Шолоховым на роль «умного врага». В конце первой части романа Лукич сокрушенно думает об успехе колхозного дела, о нравственных деформациях в поведении хуторян: «Сила солому ломит, куда же против силы попрешь? А ишо народ проклятый, вредный пошел... Один про одного доказывают да всякие доносы делают. Лишь бы ему, сукиному сыну, жить, а там хучь в поле и полын-травушка не расти. Скудные времена!» [5, 346]

Как это свойственно шолоховскому художественному миру, драматизм ситуаций часто скрывается за комическим действием (содержательны в этом плане сцены с участием деда Шукаря), общим облегчающим смехом. И едва ли следует расценивать такие

сцены как сюжетные отвлечения, если иметь в виду их частотность, особенно заметную во второй части романа. Потому не только забавно звучит в сцене собрания, последовавшего за «бабьим бунтом», «отказная» речь Мишки Игнатенка «из передних рядов»:

«– Я за свою матью не ответчик! Она сама имеет голос гражданства, пуцай она и отвечает!» [5, 301]. Внутренний смысл этой ситуации, внятной читателю 1930-х годов, смягчен нежеланием Давыдова мстить «временно заблужденным» «качающимся середнякам». И тем не менее почти пародийное использование газетных штампов, диалектизм не отменяет встающих за этим эпизодом совсем не комедийных смыслов.

Коллективизация в романе «Поднятая целина» воспринята автором и его героями как неизбежность, как война и революция в «Тихом Доне», как испытание, которое народу надо перенести и продолжать *жить на родной земле*. Считать М. Шолохова послушным исполнителем державного заказа не приходится. Он видел сильные и слабые стороны в своих героях-современниках, возможно, не всегда одобрял их поступки, однако точно осознавал глу-

бинные мотивы тех решений, которые принимали его герои. Доверие к ним, к их выбору — фундаментальная идея шолоховского мира, питающая его творчество, согревавшая его размышления о судьбе России в войнах и революциях XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 448 с.
2. Прийма К. И. С веком наравне / К. И. Прийма. – Ростов н/Д: кн. из-во, 1986 – 236 с.
3. «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР / И. В. Сталин. – 27 декабря 1929 года. – Режим доступа: // <https://istmat.info/node/20180>
5. Шолохов М. А. Собр. соч. в 9 т. / М. А. Шолохов. – Т. 6. – Поднятая целина. Книга первая. М.: Художественная литература, 1966. – 368 с.
6. Шолохов М. А. Письма / М. А. Шолохов. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 480 с.
7. Шолохов М. А. Тихий Дон. Научное издание / М. А. Шолохов. – В 2 т. – Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 864 с.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature of the XX and XXI c, Theory of Literature and theories of literature and humanities

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

«ИЗВЕСТНАЯ БЛОГЕР»: О ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛОВОГО СОГЛАСОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА, ИМЕНУЮЩИХ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА (ИЗ ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ СТУДЕНТАМ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ)

Е. А. Рязских

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2022 г.

Аннотация: в аспекте преподавания студентам факультета журналистики в статье рассматривается проблема смыслового согласования существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола по профессии, должности, занятию, званию и т.п. Привлекаются данные справочных и других изданий, анализируется современная практика.

Ключевые слова: род имен существительных, смысловое согласование, наименования лиц женского пола по профессии, должности.

Abstract: the article explores topical issues of semantic agreement of masculine nouns denoting female by a trade, posts, etc. from the point of view of their teaching to students of the Faculty of Journalism. Data from reference and other publications are involved, modern practice is analyzed.

Keywords: gender of nouns, syntactic and semantic agreement, the name of persons of a female by a trade, posts.

Обучая студентов факультета журналистики лингвистическим дисциплинам, мы неоднократно обращаемся к рассмотрению различных аспектов темы «Категория рода существительных»: при изучении раздела «Морфология» курса «Современный русский язык», в курсе «Стилистика» (в рамках тем «Стилистика имени существительного», «Согласование сказуемого с подлежащим» и «Стилистическая оценка вариантов согласования определений»). Особое внимание при этом мы уделяем вопросу о роде названий лиц женского пола по профессии, должности, занятию, званию и проблеме их согласования. Мы подчеркиваем, что такие слова, как *блогер*, *автор*, *редактор* и т.п., мужского рода, а не общего, несмотря на то, что могут обозначать как лиц мужского, так и женского пола.

Если данные существительные, обозначая женщин, сохраняют свой грамматический род (мужской), то возникает вопрос: можем ли мы с помощью смыслового согласования выразить отнесенность подобных наименований к лицам женского пола?

Обратимся за комментарием к литературе.

В «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя отмечается широкое использование в периодической печати при таких существительных сказуемого в форме женского рода (*Депутат принимала посетителей*) [1, 198].

Издание «Русская грамматика» (1980) указывает на колебания в выборе формы сказуемого в га-

зетной, разговорной речи (*Исследователь поехала в Ярославский музей-заповедник (газ.); Педагог выступила/выступил с лекцией*¹) [2].

И. В. Фуфаева в своей книге «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция» указывает на активное использование такого согласования и в современной официальной речи. Исследователь делает вывод о том, что «по факту сказуемое отстояло женский род и в официальном языке, даже в отсутствие женской фамилии при названии деятеля» [3, 181]. Автор приводит результаты одного интересного исследования, проведенного в 2018 г. лингвистами Высшей школы экономики и Санкт-Петербургского госуниверситета. Ученые изучали, как воспринимаются носителями языка фразы вроде *врач была...* или *врач был...* «Как оказалось, если подлежащее обозначает стереотипно женскую профессию, фраза со сказуемым в женском роде типа *врач пришла* читается без застревания, а значит, воспринимается как правильная. Подобные фразы на самом деле стали внутренне нормативными независимо от того, как их оценивают справочники и даже сам говорящий» [3, 183].

Таким образом, апеллируя к названным источникам и учитывая сложившуюся практику в СМИ,

¹ Безусловно, если при данном нарицательном существительном используется имя собственное, проблема выбора становится неактуальной: сказуемое согласуется с именем собственным, например: *Педагог Е. И. Васильева выступила с лекцией.*

мы можем констатировать, что согласование существительных мужского рода, обозначающих женщин, со сказуемым в форме женского рода (*редактор прочитала*) для текстов СМИ уже стало нормой. Наши студенты — будущие работники массмедиа — анализируя, к примеру, заголовок «Президент Грузии [речь идет о женщине] призвал...? противоборствующие стороны к согласию» [4] предпочтут вариант *призвала* всем остальным вариантам: 2) *призвал*; 3) *Президент Грузии + имя собственное Саломе Зурабишвили + призвала* (третий вариант решил бы проблему выбора, но добавление к нарицательному существительному имени собственного, возможно, сделало бы заголовок более «тяжеловесным»).

Зададимся теперь следующим вопросом: как согласуются данные существительные с определениями?

Авторы «Русской грамматики» (1980) отмечают: «При существительных муж. р., называющих лицо по профессии, социальной, производственной деятельности и одинаково способных обозначать лицо как мужского, так и женского пола (*врач, фельдшер, директор, инженер, продавец, секретарь, диктор, архитектор*) в разговорной, газетной речи, в повествовании, если речь идет о лице женского пола, нормально употребление прилагательного в форме жен. р.: *наша врач, новая секретарь, сама директор* <...> Такое согласование обязательно в том случае, когда соответствующая координация форм одновременно осуществляется и в сказуемом: *Наша врач пришла; Новая секретарь еще неопытная; Сама директор распорядилась*. “Смысловое согласование” допустимо только в форме им. п.; в формах других падежей оно неправильно; например, ошибочно согласование: *сказал стоявшей рядом председателю* (газ.)» [2].

Справочник Д. Э. Розенталя дает следующую информацию: «Определения при таких словах ставятся в форме мужского рода, например: *она опытный педагог, она известный мастер спорта*» [1, 275].

Ю. А. Бельчиков, автор справочного издания «Практическая стилистика современного русского языка», пишет: «Определения-прилагательные, причастия <...> согласуются с существительными мужского рода, используемыми при оценке, характеристике деловых, личных качеств женщины, преимущественно по грамматическому принципу, во всяком случае — в текстах официально-делового стиля, в административно-судебной речи, напр.: *Петрова — хороший врач* <...> Это общелитературная норма <...> Согласование по смыслу <...> возможно в разговорной речи» [5, 264].

«До сих пор о степени нормативности согласования по полу спорят, — отмечает И. В. Фуфаева. — Самые строгие справочники гласят, что определения могут выступать в женском роде лишь в присутствии женской же фамилии, да и то не всегда, а если стоят

с ней рядом. “Доктор Петрова, всегда внимательная к больным, пользуется большим уважением”. А вот если определение примыкает к существительному *доктор (врач, декан и т.п.)* — никакого вам женского рода. “Опытный и знающий доктор Петрова...” Причастию разрешено больше: “Принимающая больных в кабинете № 5 врач Петрова...” [3, 180].

Какие же рекомендации в этом случае мы можем дать нашим студентам — будущим профессионалам медиаиндустрии?

Если в предложении мы встречаем сочетание «нарицательное существительное муж. рода + имя собственное (женское)» (*профессор Милитинская*), то применяем правила согласования определения с существительным, имеющим при себе приложение, например: *Моей соседкой по дому была известный фтизиатр профессор Милитинская* [5, 345]. (Здесь необходимо обратить внимание и на расположение определения, и на то, какой частью речи оно выражено, — прилагательным, причастием.)² При оценке, характеристике деловых, личных качеств женщины в предложениях типа *Алексеева [или она] — замечательный врач* используем определение только в форме мужского рода. В других случаях нам кажется актуальной рекомендация, которую дала Л. К. Чуковская еще в 1996 г. в своей статье с ироничным названием «Моя грач прилетела»: «*Моя врач велела*... Для меня это звучит невыносимо наподобие «*моя грач прилетела*». <...> Ну а «*моя врач сказала*» — чем это лучше? Разве это не столь же противоестественно? Единственный выход: срочно назвать имя, отчество или хотя бы фамилию врача или, на худой конец, ее выдумать: «*Мой врач, Нина Михайловна, велела мне*...» Тут все слова согласованы. Другого способа вырваться из этой ямы не вижу [6]. На наш взгляд, это хорошее решение сложной проблемы. Однако далеко не все журналисты и корректоры готовы прислушаться к этой рекомендации, и словосочетания *известная блогер, бывшая директор* и т.п. продолжают активно штурмовать «бастии» современных средств массовой информации.

Выход при решении подобных вопросов нам видится в поиске золотой середины: сохранение журналистами «культурно-языковых традиций должно разумно сочетаться с принятием тех новшеств, которые стали устойчивыми и широко распространенными в речи образованных людей нашего времени» [7, 169].

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь; под ред. И. Б. Голуб. —

² Подробно все нюансы такого согласования рассматриваются в справочнике Ю. А. Бельчикова «Практическая стилистика современного русского языка» [5, 345], и все эти нюансы мы обсуждаем со студентами на занятиях.

13-е изд.— М.: Айрис-пресс, 2008.— 368 с.

2. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.).— М.: Наука, 1980.— Т. 2: Синтаксис.— Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/2231-2256.html#22492> (дата обращения: 31.01.2022).

3. Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция / И. Фуфаева.— М.: АСТ, Cognus, 2021.— 304 с.

4. Президент Грузии призвала противоборствующие стороны к согласию // REGNUM.— 2022.— 29 янв.— Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/3491189.html> (дата обращения: 31.01.2022).

5. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика совре-

менного русского языка: нормы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций / Ю. А. Бельчиков.— М.: АСТ-Пресс, 2008.— 424 с.

6. Чуковская Л. К. Моя грач прилетела / Л. К. Чуковская.— Невское время.— 1996.— 10 янв.— Режим доступа: <https://www.chukfamily.ru/lidia/prosa-lidia/stati-prosa-lidia/moya-grach-priletela> (дата обращения: 01.02.2022).

7. Штудинер М. А. Вопросы нормы и кодификации в цикле лингвистических дисциплин в высшей школе / М. А. Штудинер // Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин: учебное пособие.— 4-е изд., стер.— М.: Флинта, 2018.— С. 161–170.

Воронежский государственный университет

*Ряжских Е. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации
E-mail: kafedrastilistiki@yandex.ru*

Voronezh State University

*Ryazhskikh E. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Electronic Mass Media and Communication Department
E-mail: kafedrastilistiki@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ РЕЦЕПТИВНЫХ СХЕМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

М. С. Саломатина, А. Ю. Лазоренко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 декабря 2021 г.

Аннотация: в настоящей статье обсуждается специфика применения методики рецептивных схем в лингвистической экспертизе текста. Описываются два типа рецептивных схем — абстрактная и конкретная. Приводится пример применения данных схем в практическом анализе скрытых смыслов текста.

Ключевые слова: рецептивные схемы, лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза текст.

Abstract: this article discusses the specifics of the application of the method of receptive schemes in the linguistic examination of the text. Two types of receptive schemes are described — abstract and concrete. An example of the application of these schemes in the practical analysis of the hidden meanings of the text is given.

Keywords: receptive schemes, forensic linguistics, linguistic expertise of the text.

Выявление завуалированной, или т.н. скрытой, информации в письменном и устном текстах входит в число регулярно решаемых экспертом-лингвокриминалистом задач. Наличие в тексте завуалированной информации может быть следствием желания автора текста ограничить круг лиц, которым он [текст] будет понятен в полной мере, или, например, попытки автора защитить себя от исков о клевете, оскорблении, унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации. Последнее, в частности, нередко встречается в журналистике.

В статье рассматривается выявление скрытых смыслов текста в лингвокриминалистической экспертизе при помощи методики рецептивных схем¹.

Рецептивные схемы, а также методика их применения подробно описаны в работах [1], [5]. Под рецептивными схемами имеются в виду ментальные (когнитивные) схемы восприятия скрытого смысла текста, присущие сознанию людей схемы (модели) понимания, «рецептивные схемы языкового сознания основаны на сформировавшемся в сознании этноса или отдельной социальной группы на базе когнитивного и языкового опыта носителей языка понятию равнозначности информации: некая информация, переданная определенным эксплицитным способом, рассматривается языковым сознанием как равнозначная другой информации, которая в данном конкретном случае не выражена вербально, эксплицитно» [5, 14].

Нередко при выборе метода анализа текста, предположительно содержащего скрытый смысл, лингвист задает себе вопрос о целесообразности использования экспериментального психолингвистического метода в качестве дополнительного исследовательского инструмента и средства верификации полученных результатов.

Достоинства и недостатки экспериментальных методов обсуждались в ряде научных текстов. Т.н. слабые стороны указанной группы методов связываются, как правило, с невозможностью воссоздания в процессе эксперимента условий восприятия текста, близких к естественным; с искусственным характером ситуации эксперимента [см., например, 4]; с тем, что носитель т.н. обыденного языкового сознания далеко не всегда способен сформулировать смысл / смыслы, которые он видит в тексте, ведь «процессы восприятия речи протекают лишь частично на уровне сознательного контроля, т.е. могут быть осознаны и отрефлектированы» [3, 87] и др.

Как можно заметить, все сомнения в эффективности эксперимента связаны с т.н. фактором реципиента. Мы полагаем, что помехи, производимые этим фактором, можно свести к минимуму, если испытуемым в лингвистическом эксперименте будет сам эксперт-лингвист. По словам А. Е. Кибрика, «если самонаблюдение является четко и операционно сформулированным принципом исследования, такая интроспективная методика по праву может быть названа экспериментальной: для экспериментального метода тот факт, что исследователь и информант совмещены в одном лице, является внешним обстоятельством» [2, 51]. Совмещение испытуемого и экспериментатора в одном лице возможно в рамках интроспективного метода (метода, основанного

¹ Авторы выражают благодарность замечательному лингвисту Кларе Петровне Ленченко за ценную консультацию, данную при подготовке настоящей статьи.

исключительно на самонаблюдении), так как язык-объект известен исследователю (относится к его компетенции), который, по мысли А. Е. Кибрика, сам является «генератором» данных на этом языке и строит лингвистическое описание, опираясь на таким образом добытые знания [2, 49].

Следовательно, при проведении лингвистической экспертизы текста возможно совмещение т.н. традиционных лингвистических методов и экспериментальных (без обращения к внешним информантам для интерпретации спорного текста).

Используемые в лингвистической экспертизе рецептивные схемы с точки зрения формальных и содержательных характеристик мы предлагаем называть логико-смысловыми. Настоящий термин, как представляется, отражает следующую особенность рецептивных схем: в них фиксируются общее смысловое содержание спорного высказывания, а также предикативные отношения в высказывании.

Рецептивные схемы, формулируемые в процессе анализа спорного текста, могут быть двух типов:

а) максимально абстрактная, содержательно и структурно необусловленная (в этом случае рецептивная схема получается универсальной, не детерминированной прямо синтаксической структурой конкретного текста и его денотативным содержанием; в формулировках рецептивной схемы используются лингвистические понятия);

б) максимально конкретная, содержательно и структурно обусловленная (в этом случае рецептивная схема получается более тесно связанной с денотативным содержанием и синтаксической структурой определенного текста).

Приведем пример практической реализации методики выявления рецептивных схем.

Спорный текст (все языковые особенности оригинала сохранены):

И вообще Иванов молодец — купил объект который с 2007 года продавался за 20 млн.-за 32!!! Супер. Погасил кредит за X7 и купил квартиру, счас стройку закончит, остаток долга за хату погасит. Все таки у Петрова (владелец риэлтерской фирмы), я 2 года замом проработал так что информацию об откате имею.

В первом предложении этого текста (*И вообще Иванов молодец — купил объект который с 2007 года продавался за 20 млн.-за 32!!!*) усматривается следующий скрытый смысл: *Иванов совершил нечестный поступок, купив недвижимость по цене, существенно превышающей рыночную.*

Рецептивная схема, по которой воспринимается данный смысл, может быть представлена следующим образом: *указание на существенную разницу между рыночной ценой и ценой совершения сделки равнозначно утверждению о нечистоплотном характере сделки.*

Релевантность сформулированной рецептивной схемы подтверждается примерами её актуализации в следующих высказываниях:

1) *ФБК, сравнив контракты на закупку для Росгвардии до и после того, как единственным поставщиком стала «Дружба народов», пришел к выводу, что закупочные цены на базовые продукты (например, капусту, лук и мясо) выросли в два-три раза².*

2) *Росфинмониторинг в прошлом году приобрел ноутбук для своего руководителя за 25 тыс. руб. А Ростехнадзор для своего руководителя — за 173 тыс. Такие любопытные сведения приводятся Счетной палатой в «Мониторинге развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации» — промежуточные итоги за 9 месяцев 2016 года³.*

Также в последней фразе рассматриваемого текста (*Все таки у Петрова (владелец риэлтерской фирмы), я 2 года замом проработал так что информацию об откате имею*) усматривается следующий скрытый смысл: *Иванов получил откат.*

Данный скрытый смысл выявляется благодаря тому, что в последнем предложении спорного текста резюмируется содержание предшествующих предложений: автор использует лексему, значение которой аккумулирует имплицитный смысл предыдущего контекста, содержит оценку фактов, указанных ранее. Подтвердить это мы можем своего рода лингвистическим экспериментом по отождествлению скрытых смыслов анализируемых фраз: *Иванов совершил нечестный поступок, купив недвижимость по цене, существенно превышающей рыночную = Иванов получил откат.*

Следовательно, рецептивная схема, по которой воспринимается скрытый смысл, может быть сформулирована следующим образом: *употребление лексики, которая в своём значении аккумулирует содержание предшествующего контекста (в рамках сверхфразового единства), говорит о том, что с помощью данной лексики квалифицируются /оцениваются факты, названные в предыдущем контексте.*

Релевантность сформулированной рецептивной схемы подтверждается примерами её актуализации в следующих высказываниях:

1) *В марте 2017 года ФБК опубликовал расследование «Он вам не Димон», в котором говорилось, что Дмитрий Медведев пользуется дорогостоящей недвижимостью, которая формально принадлежит другим людям, так или иначе с ним связанным. После*

² Кто кормит Росгвардию и при чем тут Медведев. Новое расследование ФБК // Медуза. Новости. — 28.08.2018. — [https://meduza.io/feature/2018/08/23/kto-kormit-rosghvardiyu-i-pri-chem-tut-medvedev-novoe-rassledovanie-fbk]

³ Откаты с триллионов: прояснились три главные схемы «кормления» чиновников // Московский комсомолец. — 26.01.2017. — [https://www.mk.ru/politics/2017/01/26/otkaty-s-trillionov-proyasnilis-triglavnye-skhemy-kormleniya-chinovnikov.html]

расследования «Он вам не Димон» в России прошли масштабные акции против КОРРУПЦИИ⁴.

Во втором предложении высказывания употреблена лексема «коррупция», аккумулирующая в своём значении содержание ближнего контекста (Дмитрий Медведев пользуется дорогостоящей недвижимостью, которая формально принадлежит другим людям, так или иначе с ним связанным), что актуализирует скрытый смысл «Дмитрий Медведев — коррупционер».

2) Федеральное агентство водных ресурсов заплатило за кресло для своего руководителя 15 тыс., а Федеральное агентство по рыболовству — 150 тыс. [...] В «табели о рангах» руководители агентств равны. Кресло для одного руководителя не может быть в 10 раз дороже кресла для другого руководителя. То, что оно все-таки в 10 раз дороже, Счетная палата объясняет несовершенством 44-го Федерального закона «О госзакупках»: закон недоработан, не утвержден до сих пор каталог услуг и товаров, поэтому такой разницей в ценах. [...] Но чиновники не идиоты. Если они несуразно тратят бюджетные средства — значит, так нужно. [...] Со всех этих средств каким-то образом собираются ОТКАТЫ — взимается административная рента. Все дело в ней. А вовсе не в плохом законе⁵.

В 6-м предложении приведенного высказывания употреблена лексема «откат», аккумулирующая в своём значении содержание предыдущего контекста (Федеральное агентство водных ресурсов заплатило за кресло для своего руководителя 15 тыс., а Федеральное агентство по рыболовству — 150 тыс.; чиновники несуразно тратят бюджетные средства), что подтверждает наличие скрытого смысла «руководитель федерального агентства по рыболовству получил откат».

Таким образом, на примере анализа спорного текста была продемонстрирована релевантность обоих типов рецептивных схем — как конкретного

⁴ Кто кормит Росгвардию и при чем тут Медведев. Новое расследование ФБК // Медуза. Новости. — 28.08.2018. — [https://meduza.io/feature/2018/08/23/kto-kormit-rosgvardiya-i-pri-chem-tut-medvedev-novoe-rassledovanie-fbk]

⁵ Откаты с триллионов: прояснились три главные схемы «кормления» чиновников // Московский комсомолец. — 26.01.2017. — [https://www.mk.ru/politics/2017/01/26/otkaty-s-trillionov-proyasnili-triglavnye-skhemu-kormleniya-chinovnikov.html]

Воронежский государственный университет
Саломатина М. С., доцент кафедры общего языкознания и стилистики
E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Лазоренко Андрей Юрьевич, студент филологического факультета
E-mail: lazorenko.andrei2018@yandex.ru

(указание на существенную разницу между рыночной ценой и ценой совершения сделки равнозначно утверждению о нечистоплотном характере сделки), так и абстрактного (употребление лексемы, которая в своём значении аккумулирует содержание предыдущего контекста (в рамках сверхфразового единства), говорит о том, что с помощью данной лексемы квалифицируются /оцениваются факты, названные в предыдущем контексте).

Выводы

1. Использование методики рецептивных схем при анализе скрытого смысла текста позволяет одновременно реализовать аналитический и интроспективный методы, что способствует получению более объективных и надежных результатов.

2. Использование рецептивных схем можно квалифицировать как экспериментальный метод исследования, реализуемый без обращения к группе информантов. Единственным информантом и интерпретатором в данном случае является сам исследователь, владеющий языком-объектом и знаниями о его структуре.

3. Формулирование рецептивных схем может происходить двумя путями, первый из которых предполагает попытку фиксации денотативного содержания и синтаксической структуры спорного высказывания; второй жестко не обусловлен денотативным содержанием и синтаксической структурой конкретного высказывания. Рецептивная схема второго типа обладает большей универсальностью и инвариантностью и может быть применена в процессе анализа текстов с различным денотативным содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. — М.: Флинта-Наука, 2007. — 592 с.
2. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 336 с.
3. Леонтьев А. А. Восприятие речи / А. А. Леонтьев // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 87.
4. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: курс лекций / Л. В. Сахарный. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 184 с.
5. Стернин И. А. Анализ скрытых смыслов в тексте / И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2011. — 66 с.

Voronezh State University
Salomatina Maria Sergeevna, Assistant Professor of the General Linguistics and Stylistics Department
E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Lazorenko Andrej Yur'evich, student of the Faculty of Philology
E-mail: lazorenko.andrei2018@yandex.ru

УЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ХРИСТИАНСТВЕ И ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО («БЕСЫ»)¹

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 3 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассмотрены проблематика, герои, конфликты романа Достоевского «Бесы» в свете учения свт. Тихона Задонского об истинном христианстве. Сделан акцент на противостоянии образов Тихона и Ставрогина как носителей Добра и зла в евангельском понимании.

Ключевые слова: святитель Тихон Задонский, Достоевский, Ставрогин, Шатов, преступление, грех, покаяние, Благодать, духовная радость.

Abstract: the article examines the problems, heroes, conflicts of Dostoevsky's novel "Demons" in the light of the teachings of St. Tikhon of Zadonsk about true Christianity. The emphasis is placed on the confrontation of the images of Tikhon and Stavrogin as carriers of Good and evil in the gospel understanding.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, Dostoevsky, Stavrogin, Shatov, crime, sin, repentance, grace, spiritual joy.

В своей главной книге «Об истинном христианстве» свт. Тихон Задонский четко разделяет христиан на истинных и ложных. Он размышляет о плотском, душевном христианине, который крещен, ходит в церковь, молится, участвует в таинствах, но настоящей веры, которая смогла бы принести плод добродетели, не имеет. Святитель пишет: «Ложные христиане находятся посреди церкви, но никакого участия в церкви не имеют, не суть сынове церкви, никакой части во Христе не имеют, хотя и исповедуют Его» [1, 90]. По-другому сказать, языком исповедуют, а сердце их мертво, равнодушно.

К истинным христианам относятся те, кто научился каяться в своих грехах, созидая внутренне-го человека. Бог ведет нас к покаянию, просветляя, вразумляя, наказуя и преображая на пути к истине. Неслучайно прп. Амвросий Оптинский дал краткое, но чрезвычайно важное определение состояния души самого Ф. М. Достоевского: «Этот — кающийся». Сам автор «Пятикнижия» в письме А. Майкову сообщал о своем грандиозном замысле нового художественного полотна: «Главный вопрос, который проведется во всех частях, — тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие...» С этим связано намерение автора ввести в роман «величавую, положительную, святую фигуру» Тихона Задонского. «...Может быть,

именно Тихон-то и составляет наш русский положительный тип, который ищет наша литература. Это уже не Костанжогло и не немец (забыл фамилию) в «Обломове», и не Лопухин, не Рахметов. Правда, я ничего не создам, я только вставлю действительного Тихона, которого я принял в свою душу давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важным подвигом»; «...но не все будут мрачные лица; будут и светлые... В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тоже святитель, живущий на спокойе в монастыре. С ним сопоставляю и свожу на время героя романа» (Речь идет о «Бесах») [2, 117–118].

Размышления свт. Тихона Задонского о духовном состоянии современных ему христиан, об их теплохладности, шаткости, беспочвенности, маловерии и безверии были весьма близки миропониманию Достоевского. Например, образ Сони Мармеладовой — воплощения женской жертвенной христианской любви — больше с такой силой не повторится в его творчестве. Однако в романе «Бесы», где мрак и тьма преисподней, казалось бы, переместились в русский губернский город, все же, кроме свт. Тихона, есть герой, испытавший в конце жизни прикосновение Божественной Благодати, которая выразилась в его духовном состоянии блаженно-го всепрощения и прикосновения к высшим абсолютным ценностям. Это Шатов, говорящая фамилия которого свидетельствует о его нравственных метаниях в поисках веры. В конце жизни, накануне гибели от рук Верховенского и компании, к Шатову приезжает его жена, которая должна родить ребенка от Ставрогина. В древности таких блудниц побива-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44191 «Наследие святителя Тихона Задонского и формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве».

ли камнями. Однако Шатов испытывает такой прилив любви и сострадания к Мари, который дает ей надежду на возрождение. Три года назад муж и жена расстались по причине идейных разногласий. Шатов восклицает с умилением: «Я слышал потом, что ты будто бы презирала меня за перемену убеждений. Кого же я бросил? Врагов живой жизни; устарелых либералишек, боящихся собственной независимости; лакеев мысли, врагов личности и свободы, дряхлых проповедников мертвечины и тухлятины!.. А главное, везде мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!» [3, 539]. На вопрос Мари, что он сейчас проповедует, Шатов твердо произносит: «Бога проповедую».

Сам Шатов предстает воплощением такой деятельной, сострадательной любви, которая напоминает христианское милосердие Сони Мармеладовой. Его жена рождает ребенка от Ставрогина, но Шатов даже не спрашивает ее об этом, его любовь к жене поднимается на такую духовную высоту, где нет ревности, упреков, подозрительности, расчета, мстительности и т.п. «Живая» жизнь, по Шатову, — это приятие той вечной традиции бытия человека, которая заповедана Творцом. Его любовь к жене приближается к той характеристике понятия, которую дает апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...» (1Кор. 13:4–8). Она самоотверженна. Для этой любви рождение ребенка — великая радость, «тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая». Шатов говорит в восторге:

«— Было двое, и вдруг третий человек, новый дух, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нет ничего выше на свете!» [3, 552].

Шатов не только помогает Мари в родах, он усыновляет ребенка и дает ему собственное имя. Так восстанавливается истинно христианская семья, а сам герой приближается к идеалу евангельской любви. Неслучайно, что именно Шатов указывает Ставрогину путь возможного возрождения — идти в монастырь, к св. Тихону. Самого же Шатова на пике его высшего духовного торжества зверски убивают революционеры, не давая ему возможности развиваться в новой, обретенной им христианской полноте жизни. Таким образом, проблема положительного героя в романе остается открытой, и она переносится автором в иную сферу бытия, где невидимая брань совершается повседневно и где действуют духовные законы развития человека, ведущие его либо к спасению души, либо к ее гибели.

Проблема «положительно прекрасного человека» — центральная в Пятикнижии Достоевского — получила свое качественно новое решение в романе

«Бесы», где таким героем является архиерей Тихон, прототипом которого стал любимый автором святой Русской Православной Церкви — святитель Тихон Задонский. Энергетическим узлом романа должна была стать глава «У Тихона», завершающая вторую часть произведения. Однако по цензурным соображениям она была изъята и впоследствии публиковалась как Приложение. А между тем именно диалогическое напряжение в столкновении Добра и зла, Бога и дьявола достигает в ней кульминационного пика. Парадокс состоит в том, что исповедь Ставрогина, которая должна была поразить масштабностью злодеяния, признается архиереем «смешной». Произошло самое неожиданное для Ставрогина: его гордость и тщеславие были поправлены юродством Тихона.

Анализ диалога показывает, что в нем сконцентрировались выстраданные Достоевским излюбленные темы и мотивы. Христианское отношение к ближнему, которое характеризуется любовью ко всем людям без исключения, присутствует в каждом из романов Пятикнижия. Так, в «Преступлении и наказании» после признания Раскольникова в убийстве Соня в порыве сострадания падает перед ним на колени. Князь Мышкин в финале «Идиота» жалеет Рогожина и страдает ему. Особенность «Бесов» в том, что «черные» дела Ставрогина ужасают именно своей мелочностью и меркантильностью. Ложная кража ножика, насилие над ребенком, участие в смертном грехе самоубийства опозоренной девочки — кого же «победил» Ставрогин в своем преступлении? Беззащитного, беспомощного, жалкого ребенка, «одного из малых сих». Тем более, что Матреша «все взяла на себя», каясь в том, что «Бога убила». Ставрогин же — практичный, расчетливый человек, он просто хочет «избавиться» от видения Матрешы, которая воплощает возмездие. Ставрогин хочет избавиться от угрызений совести, которая есть глас Божий в каждом человеке. Причем избавиться, не раскаиваясь в содеянном.

В данной главе высказывания Тихона построены на стилизации под творения свт. Тихона Задонского. Язык юродства — единственно возможный для таких, как Ставрогин, творящих зло от скуки. Образ Тихона, взявшего на себя подвиг юродства, — это образ истинного христианина, забывающего себя ради ближних. Первая духовная характеристика Тихона в романе представлена следующим образом:

«Сведения были разнообразны и противоположны. Но имели и нечто общее, именно то, что любившие и не любившие Тихона (а таковые были), все о нем как-то умалчивали — не любившие, вероятно, от пренебрежения, а приверженцы, и даже горячие, от какой-то скромности, что-то как будто хотели утаить о нем, какую-то его слабость, может быть, юродство» [3, 613]. (Заметим, что в восприятии светских героев «юродивыми» являлись и Соня, и князь Мышкин.) Об этой непохожести, странно-

сти свидетельствовал и интерьер кельи: «...рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные, а может быть, еще и хуже» [3, 635]. Далее мотив закрепляется в портрете, фиксируются «потупленные глаза и ненужная смешная улыбка».

«Потупленные глаза Тихона», которые становятся портретной доминантой, — о многом «говорящая» деталь описания. По учению святых отцов, инок не должен рассматривать ни мир, ни того, что в мире: он ушел от него. Это знак смирения, отсутствия любопытства и нежелание навязывать свою волю другому. Диалог героев приобретает духовную глубину после заявления Тихона, что «атеизм почтеннее светского равнодушия». Как известно, состояние теплохладности бичуется в Апокалипсисе как безнадежное в деле человеческого спасения. После цитирования Библии Ставрогин, заявивший, что «очень любит» своего собеседника, Тихон отвечает взаимностью. Если вспомнить начало знакомства Мышкина и Рогожина, то там тоже дружба начинается с признания взаимной симпатии. Как князь Мышкин получил от Рогожина определение «юродивый», так и Тихон от Ставрогина — такое же. Очевидно, что в мире нарастающего Апокалипсиса, который изображает Достоевский, истинный христианин только так и может восприниматься: как блаженный и неотмирный. В этом плане в «Братьях Карамазовых» существует уже отчетливое представление о том, что ради великой идеи юродство необходимо.

Сама исповедь Ставрогина не имеет, конечно же, никакого отношения к церковному таинству отпущения грехов, поскольку он не верит в Бога, а поклоняется бесу. Тихон это знает с момента появления героя. Но как дать понять заблудшему брату его грех безверия? Бес Ставрогина — «мелкий», из неудавшихся, подобный тому, который будет мучить Ивана Карамазова. И Тихон начинает разговор с признания факта, что Ставрогин (в основе его фамилии — крест) в потенциале может понести крест истинного христианского покаяния. Однако в представленной рукописи его нет. Диалог ведется на разных уровнях духовного понимания проблемы. Мастерство Достоевского состоит в том, что он показал Тихона не обличителем, не дидактиком, не схоластом, а врачом, страдающим больному в его мучениях: «Не стыдясь признаться в преступлении, зачем вы стыдитесь покаяния?.. вы как будто любуетесь психологией вашей и хвастаетесь за каждую мелочь, чтобы удивить читателя бесчувственностью, которой в вас нет. Что же это как не горделивый вызов от виноватого к судье» [3, 657].

Диагноз духовной болезни Ставрогина Тихон определил следующей чеканной формулой: «великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость». Тем не менее Ставрогин «оскорблен» признанием Тихона об «обыкновенности подобного преступления»: «Всеми этими ужасами наполнен весь мир». Себя Ти-

хон также считает за великого грешника, что является показателем его духовной зрелости. Чем более глубоко ощущает христианин свою греховность, тем более он становится смиренным и не осуждающим ближних: «Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват. Греха единичного нет» [1, 659].

Главным испытанием для Ставрогина может стать признание «некрасивости» преступления и то, что «смех будет всеобщим». Он не выдержит роли шута, поскольку не закален в духовной брани, ведь он претендует на роль сверхчеловека, человекобога. В диалоге встает вопрос о Христе: простит ли Он преступление Ставрогина?

«Я вам радостную весть за сие скажу, — с умилением промолвил Тихон, — и Христос простит, если только достигнете того, что простите сами себе... О нет, нет, не верьте, я хулу сказал: если и не достигнете примирения с собой и прощения себе, то и тогда Он простит за намерение и страдание ваше великое... ибо нет ни слов, ни мысли в языке человеческом для выражения всех путей и поводов Агнца, “дондеже пути его въявь не откроются нам”. Кто обнимет Его, необъятного, кто поймет всего, бесконечного!» [3, 661].

Данное высказывание Тихона представляет собой скрытую и в то же время развернутую цитату из книги свт. Тихона Задонского «Сокровище духовное». В оригинале текст этой главы называется «Преступники и радостная им весть», смысл которой, на наш взгляд, в следующем утверждении: «Не бойся, не отчаявайся, бедный грешниче! Христос Сын Бога живаго, Царь и Царя небесного Сын возлюбленный и едиnorodный, от Отца Своего небесного посланный, пришел тебя спасти и в небесное Свое царствие привести... Прииде Сын Божий грешники спасти, не такие и такие, а всякие, какие бы они ни были; только бы покаяться и веровали в пришедшего грешники спасти Иисуса Христа: и рай им отверзется рукою на кресте распятого Христа» [4, 18].

Следует еще раз подчеркнуть, что прощение грешников возможно только при условии истинного покаяния, которое предполагает окончательное и бесповоротное отвержение греха. В противном случае признание собственных ошибок, промахов, преступлений бесполезно. В романе Тихон предлагает Ставрогину и путь выхода из тупика: пойти на послушание к старцу, оставаясь в миру, чтобы пройти школу самоотречения, отказа от собственной воли и желания жить по стихиям мира сего. Это единственный путь спасения — предать себя в волю Божию. Ставрогин должен выйти из одиночества, связав себя обетом с другим человеком. Однако Ставрогин не в состоянии этот путь принять, поскольку он не раскаивается в содеянном. В этом — его трагедия, суть которой открыта для прозорливого старца. Тихон понимает его истинное намерение: объявить свое преступление людям и этим ограничиться. Но на пути

покаяния этот шаг — самый легкий и даже поверхностный, не затрагивающий глубины человеческой личности. Неизмеримо сложнее победить себя, зло в самом себе, очиститься и «простить» себе. Тогда и Бог простит. Но Ставрогин стоит на пороге нового преступления: убийства жены для удовлетворения страсти к Лизе, т.е. угождения собственной плоти, самолюбия, тщеславия и прочих пороков. К истинной любви герой-индивидуалист не способен. Тихон в этом фрагменте выступает как провидец, пытаясь предупредить новое, еще более отвратительное преступление Ставрогина:

«— Я вижу... я вижу как наяву,— воскликнул Тихон проникающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести,— что никогда вы, бедный, погибший юноша, не стояли так близко к самому ужасному преступлению, как в сию минуту!» [3, 666].

Ставрогин понимает, что Тихон прочитал в его душе истинные причины и мотивы его дальнейших поступков. В бешенстве покидая келью, он обзывает Тихона «проклятым психологом». Однако суть дела не в психологии, а в законах духовного развития человека, который оказывается в ситуации выбора, с кем ему быть: с Богом или с дьяволом. Ставрогин предпочел беса и с неотвратимой закономерностью послужил ему, окончив жизнь самоубийством.

Критики часто задаются вопросом: почему «положительно прекрасные» герои Достоевского — князь

Мышкин, Тихон, Алеша Карамазов — оказываются не в состоянии реально предотвратить страшные преступления? Но в этом и суть героев — православных христиан, которые лично делают все возможное для уменьшения зла в мире, но не посягают на главный дар Бога человеку — его свободу. Их задача — указать на болезнь, показать путь выздоровления, но не насиловать волю другого, потому что это бесплодное занятие. Семя может принести плод только тогда, когда человек борется с собственным злом при добровольном союзе с Богом. Об этом написан и последний роман Достоевского «Братья Карамазовы». Однако его анализ в свете учения свт. Тихона Задонского об истинном христианстве требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. — Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. — 826 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. IX. — Л.: Наука, 1974. — 526 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. / Ф. М. Достоевский. — Т. VII. — Л.: Наука, 1990. — 845 с.
4. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. — М.: Русский духовный центр, 1994. — 400 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ АНДРЕЯ НОВИКОВА «КОМБИНАТ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА»

О. А. Соловьева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2021 г.

Аннотация: в статье, посвященной повести А. Н. Новикова «Комбинат общественного благоустройства», написанной в 1930 году, рассмотрены особенности идеологического конфликта, возникающего между героями произведения на переходе от времени НЭПа к эпохе индустриализации.

Ключевые слова: А. Н. Новиков, Иваново-Вознесенск, Красный Манчестер, индустриализация, идеология.

Abstract: the article presented by the authors is based on the novella by A. N. Novikov "The Combine of public Improvement". This story was written in 1930. In the work of the authors, the features of the ideological conflict are considered. It arises between the characters of the work during the transition from the time of the new industrial policy of the USSR to the period of industrialization.

Keywords: A. N. Novikov, Ivanovo-Voznesensk, Red Manchester, industrialization, ideology.

Слова Александра Ивановича Герцена из книги «Былое и думы» послужили эпиграфом к повести «Комбинат общественного благоустройства», написанной Андреем Новиковым в 1930 году: «Но история не возвращается. Жизнь богата тканями, ей никогда не бывают нужны старые платья» [3, 148]. Традиционно эпиграф подсказывает главную мысль произведения. Однако эпиграф повести «Комбинат общественного благоустройства: Тихие мотивы многоликой жизни» оформлен неожиданно: противительный союз «но» словно продолжает некогда начатый спор, некоторое затянувшееся размышление о пути развития России. И не о ткачестве, которое является связующим звеном между прошлым и современностью, в конечном итоге в повести пойдет речь. В эпиграфе, как и в самой повести, за внешней безыскусностью утверждения скрыто авторское иносказание.

Герой повести Прохор Матвеевич Соков – директор Комбината общественного благоустройства в городе Талый-Отстегайск. Имя города, подчеркнуто «уездное», выбрано А. Новиковым не случайно. Как показывает все его творчество, писателя занимает герой, весьма далекий от столичных центров не столько географически, сколько ментально. Даже оказываясь в столице, новиковские персонажи не перестают жить интересами своего дома, рода, семьи.

Многие детали в повести «Тихие мотивы многоликой жизни» не только в тексте повести, но и в биографии А. Новикова указывают, что под именем Талый-Отстегайск «скрывается» Иваново-Вознесенск. Это утверждение, на первый взгляд, кажется спорным, т. к. промышленная и революционная история

реального города имеет мало общего с заштатным новиковским Отстегайском.

Иваново-Вознесенск, возникший в 1871 году путем слияния села Иваново и посада Вознесенск, был известен еще в дореволюционное время как центр текстильной промышленности, со временем получившим неофициальное название Красный Манчестер [4].

Иваново-вознесенские рабочие приняли активное участие в Первой русской революции. Здесь был создан первый Совет рабочих уполномоченных. Иваново-Вознесенск считался третьей пролетарской столицей, после Петербурга и Москвы. Революционная биография этого города освоена и советской литературой. Федор Клычков в романе «Чапаев» Дмитрия Андреевича Фурманова, «выросший в огромном рабочем центре, привыкший видеть стройную, широкую, организованную борьбу ткачей», говоря об Иваново-Вознесенске, «видел перед собой одну многотысячную рабочую рать, гордился тем, что близок был с этой ратью» [7, 86]. Герой подмечал, что жители города – рабочие-ткачи, сознательно вышедшие на борьбу, «не уйдут никогда, ни при какой обстановке» [7, 83].

Все эти сведения об Иваново-Вознесенске были известны А. Новикову, как и всякому активному участнику революционных событий в России. К тому же Александр Константинович Воронский, чрезвычайно важный в писательской биографии Андрея Новикова человек, был тесно связан с Иваново-Вознесенском: сразу после революции он возглавлял в нем губернскую газету «Рабочий край». В этой же газете в 1923–1924 годах работал Андрей Новиков.

В дальнейшем А. К. Воронский стал редактором литературно-художественного и общественно-политического журнала «Красная новь», где печатались

главные произведения Андрея Новикова, был руководителем литературной группы «Перевал», членом которой стал и Новиков.

И тем не менее есть основания для утверждения, что захолустный Талый-Отстегайск Андрея Новикова в главных чертах «списан» с революционного и совсем не захолустного Иваново-Вознесенска.

Промышленная жизнь Талый-Отстегайска напрямую связана с ткачеством. Город «постепенно менял свой сельский облик на городской, и если в прошлом на пустырях просушивалось тканье... впоследствии... на пустырях воздвиглись фабрики и заводы», там же «происходила упорная расцветка полотна» [5, 416]. Прохор Матвеевич Соков как руководитель Комбината общественного благоустройства доставляет в город сарпинку и миткаль. Затем «прессой местного значения» на предприятиях Талый-Отстегайска, чтобы найти «пробелы», будет объявлена ремизобёрдочная¹ тревога.

В реальном Иваново-Вознесенске успешность текстильной промышленности во многом определил Осип Степанович Соков. Это был предприимчивый и грамотный крестьянин екатерининской эпохи, промышлявший изготовлением печатных досок – «манер». Примерно в 1780 году реальный Соков основал здесь набивную мануфактуру.

Обращает на себя внимание следующий исторический факт: Осип Соков отправился на предприятие Лимана под Шлиссельбургом, где применялись новые технологии по окрашиванию тканей. Он сумел узнать секрет нанесения стойкой краски на ткань и, вернувшись обратно, применил на собственной отделочной набивной мануфактуре полученные знания. С этого и началась история знаменитых ивановских ситцев.

Отец главного героя повести А. Новикова был ткачом, где «фундаментом производства являлась основа, а его фасадом – уток». А сам Прохор Матвеевич Соков доподлинно знал, что набивные мастера по тканям переняли процессы производства у его предков. Вообще история «предков» героя А. Новикова является основой не только его жизни, но и всего Отстегайска. Дед Сокова терпел лишения, чтобы обеспечить потомкам «улучшенное бытие», так как считал, что он проживает жизнь «для улучшения рода». И наблюдая в повести тихое течение реки

¹ В повести упоминаются детали ткацкого станка и термины ткачества: ремиза – две деревянные планки в ткацком станке, соединенные нитяными петлями; бёрдо – принадлежность ткацкого станка, род гребня; основа – продольная система направления параллельных друг другу нитей в ткани, располагающихся вдоль обеих кромок ткани; уток – поперечная система направления параллельных друг другу нитей в ткани, располагающихся под прямым углом к системе основы, и проходящих от одной кромки ткани до другой. Вместе с системой основы образует ткацкое переплетение.

Отстегайки, Прохор Матвеевич размышляет, выдержит ли сооруженный его предками Соковский мост, прочный, но деревянный, современный автобус?! В связи с этим интересно отметить, идя от повести к реальности, что мост через реку Увось в городе Иваново в народной памяти сохранился под именем Соковского, поскольку он располагался недалеко от мануфактуры исторического Сокова.

С нашей точки зрения, не случайно город с таким революционным и промышленным прошлым, как Иваново-Вознесенск, становится «прототипом» Талый-Отстегайска из повести «Комбинат общественного благоустройства». Автор видит глубокую жизненную связь скромного, уютного, добротного, сытного, наполненного народными традициями Отстегайска с масштабным центром тяжелой промышленности Красным Манчестером. Герой повести «Комбинат общественного благоустройства» Соков, как и реальный Иваново-Вознесенск, как и вся страна, движется в социализм, но неспешным шагом, со своим самоваром. И с точки зрения А. Новикова, между жизненной реальностью и его героем нет внутреннего противоречия.

Эти соображения надо иметь в виду, говоря о повести, в центре внимания которой – мирное течение жизни, быт героев провинциального города, которому предстоит стать промышленным центром. Подзаголовок повести – «Тихие мотивы многоликой жизни» – точен и содержателен. «Многоликость» жизни, право на «тихие мотивы» отстаивает повесть А. Новикова в годы «великого перелома», в эпоху первых сталинских пятилеток. Своим путем в социализм идет не только главный герой.

Уже на первых страницах повести читатель узнает об организации, основанной еще при царизме – «Добровольное пожарное общество и общество спасения на водах». Оказалось, что эта организация «внеклассового наличия» существовала при всяких политических режимах и нисколько не противоречит послереволюционной жизни. Говорящая фамилия начальника общества – Быстроходов – подтверждает мысль Прохора Матвеевича, что и без классовой борьбы это общество войдет в социализм быстрыми шагами.

Эта мысль неожиданна для советской литературы 1920–1930-х годов, но не для литературной группы «Перевал». Так, А. К. Воронский утверждал в своих работах, что «замкнутых культур нет». И когда «один класс уступает место другому, и один общественный строй сменяется другим, если не происходит «гибели культуры», в том или ином виде и размере, от старого к новому передаются экономические и культурные приобретения. Иначе никакого прогресса, никакого поступательного хода «вперед и выше» не было бы» [1, 41].

Отзвуком реального, уже политического, противостояния идей времени первых пятилеток яв-

ляются противоречия, которые углубляются между двумя главными героями произведения. Судьбы Сокова и Талого становятся у Новикова обозначением разных путей человека в годы социалистического строительства.

Прохор Матвеевич Соков входит в эти годы с осознанием того, что он продолжает жизнь и судьбу своих предков, от которых остался не только мост, но и на дне реке Отстегайки «оставался еще несмытый след кильевой ладьи его дальнего предка» [5, 417]. Соглашение автора с такой позицией

«прочитывается» и в имени героя Прохор (греч. «я иду вперед», «первопроходец», «начинатель»). Столь же значимо библейское имя его отца, доставшаяся от предков фамилия с отчетливой этимологией. Так укорененный в смысловом поле повести Прохор Матвеевич имеет *тихий* нрав, *тихие* шаги, *тихий* ход.

Марк Талый во многом является противоположностью другу юности. Несмотря на общее участие в Первой мировой войне, в войне Гражданской, в годы строительства Марк скажет о своем друге: «Прохор одороден со мной... Но он ...монолит в осколке» [5, 454]. Андрей Новиков как журналист фиксирует в своей повести новое явление – роль идеологии в жизни своих современников, ее давление на отношения между людьми. «Генеральная линия» – выражение, которое стало центральным в речи И. В. Сталина «О правом уклоне в ВКП(б)» 1929 года – стала теперь линией, разделяющей даже прежде близких людей [6, 156]. Она прошла между Прохором и Марком, которые в прежние годы были одним целым, дополняли друг друга.

Своей рачительностью Соков дополнял неукорененность Талого, его неумение выживать. Примечательно, что значение слова *талый* – тающий, исчезающий под действием тепла. Марк и сегодня чувствует себя «на стыке другого мира, пока что неопознанного, но бредущего и осуществимого» [5, 451].

Однако до сих пор он и Соков существовали вместе, как две части имени их города – *Талый-Отстегайск*. Теперь их пути расходятся от того, что тревожный, восприимчивый к переменам жизни Марк согласно меняется вместе с «генеральной линией», тогда как Соков никак не может понять тех знаков опасных перемен, которые посылает ему меняющаяся реальность. Мечтой Прохора Матвеевича была реализация проекта Комбината общественного благоустройства, целью которого он видел «утепление жизни» «низового человека». «Но большевики оказались холодны, и предметам удобства предпочли первоначальности железо и сталь» [5, 499]. И мно-

гозначительно, что Марк Талый, до этого бывший заместителем Сокова, теперь назначен руководить строительством металлургического гиганта.

То, что ранее расценивалось как различие характеров прежних друзей, в современном Манчестере стало линией смены жизненных укладов страны в целом. Талый-Отстегайск за годы первых пятилеток должен был стать промышленным центром, «ускорителем» всей жизни масс.

Вернемся к иносказанию эпитафии, к словам А. И. Герцена. Истории действительно оказались не «нужны старые платья». Неспешный, *тихий* ход Соковых оказался не враждебным новым временам, но противоречащим ходу и напору «класса-творца», «прочного, стирающего грани противоречий», «уплотнившего останки одряхлевшего мира». Новое время потребовало не только новых темпов строительства, новых целей и ориентиров даже в частной жизни, но и коренной переделки человека. Главным героем, как показывает, А. Новиков становится даже не Марк Талый, а молчаливая масса. И тема, заявленная эпитафией, получает подтверждение в сменившейся стилистике повести: «...Людское движение закончилось, и люди остановились на обширной площади гиганта, покрытой асфальтом. Величавое сооружение будто бы приветствовало пришедших с самонадеянным и самоуверенным видом» [5, 499]. Началась другая, уже не «соковская», история Талый-Отстегайска на пути его превращения в красный Манчестер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая Г. А. Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей / Г. А. Белая. – М. : Советский писатель, 1989. – 400 с.
2. Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах. / А. А. Блок. – Том 3. – М. : Художественная литература, 1960. – 713 с.
3. Герцен А. И. Былое и думы // А. И. Герцен. Собрание сочинений [в 30 томах]. – Том 9. – М. : АН СССР, 1956. – 354 с.
4. История города Иваново [Администрация города Иваново]. – Режим доступа: <https://ivgoradm.ru/history/index.htm>
5. Новиков А. Н. Ратные подвиги простаков: Избранные произведения / А. Н. Новиков. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. – 528 с.
6. Платонов А. Н. Котлован. Текст, Материалы творческой истории / А. Н. Платонов. – С.-Пб. : Наука, 2000. – 379 с.
7. Фурманов Д. А. Чапаев // Д. А. Фурманов. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. – М. : Художественная литература, 1960. – 343 с.

Воронежский государственный университет
Соловьева О. А., преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: nevestuyk@mail.ru

Voronezh State University
Soloveva O. A., Lecturer of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Humanities of the Faculty of Philology
E-mail: nevestuyk@mail.ru

НЕОРЕАЛИЗМ КАК СМЫСЛОВАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Т. А. Тернова, А. Л. Насонов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 ноября 2021 г.

Аннотация: специфика культуры XX века состоит в нелинейности ее развития, смене эстетических ориентиров, многовариантности художественных решений, поиске промежуточных форм. Ключевые характеристики культуры XX столетия прямо соотносятся с особенностями и судьбой неореализма. Начав свое развитие в первом десятилетии XX века, это эстетическое явление, совмещающее черты реализма и модернизма, впоследствии развивалось в итальянском кино и литературе 1950–60-х гг., в русской литературе конца XX — начала XXI вв. Можно сделать вывод, что культура XX столетия развивалась под знаком неореализма.

Ключевые слова: русская литература XX века, современная русская литература, неореализм.

Abstract: the specificity of the culture of the 20th century lies in the non-linearity of its development, the change of aesthetic guidelines, the multivariance of artistic solutions, and the search for intermediate forms. The key characteristics of the culture of the twentieth century are directly correlated with the features and fate of neorealism. Having begun its development in the first decade of the 20th century, this aesthetic phenomenon, combining the features of realism and modernism, subsequently developed in Italian cinema and literature of the 1950s and 60s, in Russian literature of the late 20th and early 21st centuries. It can be concluded that the culture of the twentieth century developed under the sign of neorealism.

Keywords: Russian literature of the 20th century, modern Russian literature, neorealism

Литературный процесс — сложное и многоаспектное явление. Логика его развития неоднократно становилась предметом осмысления. Традиционен для литературоведения взгляд на смену литературных методов по принципу формирования классической парадигмы и отхода от нее. Развитие литературы понимается как линейное и состоящее из этапов. Такой взгляд на литературу был обобщен в работе С. Аверинцева «Категории поэтики в смене литературных эпох» [3]. Учитывая сказанное еще А. Н. Веселовским в конце XIX века, в качестве первого этапа он выделил «архаический период» развития культуры, в котором развивается фольклор и преобладает мифологическое сознание. На втором этапе развития литературы отмечается традиционализм художественного мышления, что проявляется в создании поэтик и риторик, зависимости авторов от жанровых канонов. Третий период ознаменован формированием «индивидуально-творческого художественного сознания» [3, 34]. На первый план выходит «поэтика автора», пишущий высвобождается от власти жанровых и стилистических канонов. Конечный эстетический результат определяется «одновременно <...> личностью писателя и окружающей его действительностью» [3, 34].

Такое представление о литературном процессе происходит из взгляда на развитие мировой куль-

туры как единой и развивающейся, пусть и не хронологически одновременно, но по единым законам и принципам, идущей по пути усложнения — как взгляда на мир, так и его художественного воплощения.

Другой взгляд на литературный процесс предполагает обнаружение в нем цикличности. Так, Е. Абдуллаев говорит о циклах в развитии поэзии и прозы, определяемых их взаимовлиянием и конкуренцией: «Прозаизация — не прямолинейный процесс. Внутри «большого» цикла прозаизации можно заметить несколько «малых» циклов, со своими подъемами и спадами. Поэзия периодически берет некий реванш; повышается ее общий уровень, обновляется язык; оживляется поэтический процесс, приобретая новые формы бытования. И — выдвину это пока в качестве предположения — одним из таких периодов контрастности поэзии и стали 2000-е» [1, 226].

О. Клинг высказывает идею о «диффузном состоянии» как «одной из характерных черт не только словесности, но и всего искусства начала XX века в целом», объясняющейся «общей эпохой, существованием в одном культурном хронотопе» разнородных, на первый взгляд, эстетических явлений, в частности, акмеизма и футуризма [14]. Аналогичным образом можно охарактеризовать и культурное состояние конца XX века.

Такой взгляд на литературу позволяет увидеть не только неоднородность эстетических явлений,

размытость их границ, но и предположить многовекторность, а значит, и нелинейность их развития.

Н. А. Богомолов, рассуждая над вопросом о хронологических рамках Серебряного века, отмечает наличие своеобразных «связок», размыкающихся во вторую половину XX столетия: «Пастернак — А. Вознесенский, Ахматова — группа молодых ленинградских поэтов, Крученых — Г. Айги» [5, 15].

Точка зрения на литературный процесс как нелинейный не случайно развивается на рубеже XX–XXI веков, когда произошло радикальное усложнение картины мира, в котором увидели ризоматическую, фрактальную системность.

Многие исследователи, особенно изнутри эпохи 1990-х, говорят о хаосе в литературе. Так, у М. М. Голубкова читаем: «Вероятно, вторая половина 80-х годов была последним периодом, когда литературный процесс подчинялся достаточно определенной логике, когда в нем с очевидностью прослеживались те или иные закономерности. Очень скоро, уже на рубеже 80–90-х годов, литературный процесс сменился литературным хаосом и начался новый период литературного развития — современный период» [9, 83].

Г. Т. Гарипова продолжает эту мысль: «Подобная ситуация «литературного коллажа» привела и к полному хаосу направленной системы русской литературы конца XX в.» [8, 37]. Одной из причин этого явления она считает «...тенденцию синтетизма двух парадигм художественности — классической (реалистические векторы) и неклассической (модернистский и постмодернистский векторы)» [8, 37]. По сути, в ее высказывании речь идет не столько о хаосе, сколько об отмеченной О. Клингом диффузии литературных форм: «Практически все произведения рубежного периода строились на сочетании мировоззренческой установки реализма и приемах поэтики модернизма (или постмодернизма) и наоборот» [8, 37].

Исследователями неоднократно отмечалось сходство процессов, происходивших в культуре двух рубежей — начала и конца XX столетия. Оба они ознаменованы развитием такой специфической тенденции, как неореализм (См., например, [5]).

Неореализм выражает собой две наиболее показательные тенденции рубежных культур: стремление к возвратным процессам и тенденцию к синтезу, диффузии, будучи промежуточным эстетическим явлением между реализмом и модернизмом. Возникновение и бытование неореализма спровоцировано мировоззренческими трансформациями, поиском нового взгляда на реальность, и потому не случайно он реализуется не только в сфере литературы, но и в других видах искусства (кино).

Понятие 'неореализм' впервые употреблено в 1916 году В. Жирмунским в статье «Преодолевшие символизм» [11] по отношению к акмеистам.

Е. И. Замятин обозначил этим термином особенности своего стиля, построенного на сочетании черт реализма и модернизма, «фантастики с бытом» [12, 415].

Термин неореализм применяется к творчеству ряда писателей 1900–1930-х гг., которые шли в том же направлении в своей литературной деятельности (И. Бунин, А. Куприн и др.). В дальнейшем развитие неореализма в литературе стало невозможным в силу главенства концепции социалистического реализма.

Выявляя трактовку неореализма в этот период, обратимся к справочной литературе советского времени. Так, в энциклопедическом слове 1954 года неореализм охарактеризован как «реакционная школа в современной буржуазной философии (главным образом американской и английской), близкая махизму. Неореализм пропагандирует субъективно-идеалистический тезис о тождестве реальных предметов и идей, считает математические и логические формы единственными свойствами реального мира, отрицает объективный характер противоречий, призывает к «гармонии» между трудом и капиталом и т.д.» [21; 485].

Аналогичное определение дано и в Словаре иностранных слов 1980 года издания: «Неореализм — одно из направлений в современной англо-американской буржуазной философии, замаскированная форма субъективного идеализма, отождествляющая бытие и сознание» [19, 341].

Этот источник тоже утверждает, что неореализм есть буржуазная философия. Именно философия, а не литература. Этот акцент чрезвычайно значим: возникновение и развитие неореализма не столько внутрилитературный факт, это выражение существенных черт мировоззрения эпохи. Неореализм возможен только тогда, когда общественное сознание готово признать относительность разного рода границ при сохранении представлений о базовых ценностях.

Мировоззрение, которое легло в основу неореализма, предполагает признание значимости большого и малого, общечеловеческого бытия и отдельной человеческой жизни, глобальных закономерностей и фактов быта. Это и становится основанием для рождения неореалистического кино (режиссеры Р. Росселлини, В. Де Сика, П. Джерми, Дж. Де Сантис, Л. Висконти и др.) с характерным для него вниманием к деталям, подробностям действительности. Неореализм итальянского кино продемонстрировал проницаемость границ искусства и жизненной практики. Так, вместо декораций здесь могли быть использованы разрушенные бомбежками дома, подбитые самолеты и танки, а вместо профессиональных актеров, — обычные люди: дворника играет дворник, полицейского — полицейский и т.д. Одним из ключевых моментов итальянского неореалистического кино стало достижение в изображенном жизненной правды [13].

Следует отметить, что итальянский неореализм развивался не только в кино, но и в литературе (Ита-ло Кальвино и в живописи (Ренато Гуттузо) [15].

С нашей точки зрения, неореализм выражает направленность развития культуры XX века в целом, и потому не случайно неореалистические тенденции в очередной раз обнаружили себя в русской литературе конца XX — начала XXI вв. Значимость неореализма в литературе подтверждается и наличием ряда посвященных ему диссертационных исследований [2], [17], [18] и учебных пособий [10].

А. А. Серова говорит о наличии «тезок-предшественников» того потока, который она считает настоящим «сильным и влиятельным» — неореализма 2000-х гг. [18, 15]. Интересна точка зрения В. Бондаренко, на которую ссылается исследователь. В статье «Новый реализм» он отметил наличие в современной литературе 1990–2010-х гг. «трех совершенно разных групп писателей», которые, «одна за другой, не догадываясь друг о друге, обозначили себя «новыми реалистами» [6].

Желая поставить под сомнение тезис «не догадываясь друг о друге», перечислим эти обозначенные критиком потоки. Первую группу составляли П. Басинский, О. Павлов, А. Варламов, С. Василенко, М. Тарковский, «бунтарями внутри либерального направления», выбравшие для себя в качестве литературной стратегии «добротный традиционный реализм» на фоне господства постмодернизма. Вторая группа объединилась вокруг теоретика С. Казначеева (М. Попов, Вяч. Дёгтев, В. Артемов, Ю. Козлов). Эти авторы «ввели в реализм максимально допустимый набор приёмов от постмодернизма, по сути, создали игровой реализм» [6]. Третья группа, С. Шаргунов, Р. Сенчин, З. Прилепин — это авторы, которые по-настоящему стали описывать новую реальность, выбрав для себя, в первую очередь, эту задачу, а не момент литературной борьбы со своими предшественниками в поле реализма. С этой мыслью, правда, нельзя согласиться до конца, ибо в своем манифесте «Стратегически мы победили» С. Шаргунов упрекает «реализм старый» [20, 443] в недостаточной жесткости изображения реальности. Мы полагаем, что можно поставить под сомнение единство этого третьего потока, но это не предмет данного исследования.

Факт самоназвания трех отдельных объединений подтверждает мысль о том, что направление поиска в русле неореализма — знаковая тенденция развития культуры XX века.

Как уже было отмечено, новейший период развития неореализма связан с деятельностью писателей 1990-х гг. О. Павлова, П. Басинского, В. Отрошенко и др. Они заявили о том, что берут на себя «добровольное страдание правдивости», желая продемонстрировать не столько реальность, сколько действительность — увидеть сущностный смысл

происходящего [16]. Представители этого потока выработали новую стилистику, которая сочетала в себе высокое и низкое, подробности и мифологические контексты. Неореализм занял специфическое место между литературными потоками, реализмом и модернизмом, противопоставив при этом себя постмодернизму со свойственным ему отрицанием ценностей.

8 декабря 2020 г. в связи с открытием книжной ярмарки в Белграде состоялась дискуссия «Литература — это преодоление страха» [7], которая была посвящена памяти О. Павлова и в ходе которой были представлены новые издания прозы О. Павлова, П. Басинского, В. Отрошенко. Беседу вела главный редактор журнала «Октябрь» Ирина Барина. Высказанное во многом имело задачей подведение итогов развития неореализма того этапа, который связан с именами участников дискуссии и их сторонников. Рождение неореализма было обосновано участниками разговора тем, что он возник на противостоянии постмодернизму, который стал диктатором в литературе. П. Басинский высказал мысль о том, что ведущей особенностью русского постмодернизма (вероятно, провоцирующей к актуализации неореализма) было то, что он скатывался в стеб, в большинстве случаев не претендуя на серьезность разговора с читателем. Для нас очень важна эта мысль, ибо из нее следует, что неореализм, не вытеснив постмодернизм, продемонстрировал свойственную всему XX веку тенденцию множественности направлений эстетического поиска.

Показательно, что В. Отрошенко, отвечая на вопрос о современном состоянии неореализма, сказал об аморфности разного рода границ в современной литературе, трудности определения соотношенности того или иного текста с модернизмом, реализмом и т.п. Он отметил, что 30 лет после возрождения неореализма «не прошли даром», а значит, неореализм внес вклад в развитие современной литературы.

П. Басинский подчеркнул, что реализм всегда обновляется, всегда в авангарде, никуда не уходит.

Нам, в свою очередь, хочется уточнить, что реализм в этом смысле всегда «нео», ибо является открытой системой, вбирает приемы от смежных и несмежных эстетических практик, сохраняя свой смысловой центр — ориентацию на этику, четкое представление о системе ценностей. А. А. Серова, определяя место неореализма в истории литературы, также отмечает неоднократность его проявлений, при этом она считает, что неореализм предвосхищает реалистический этап в развитии литературы: «новый реализм в истории культуры всегда являет собой одну из стадий развития реализма как типа художественного мышления, предвещающей возвращение реализма в литературе на позицию «канонизированного гребня», по выражению Виктора Шкловского» [18, 21]. Принимая в целом ее мысль о нелинейном развитии литературы, позволим себе высказать предположе-

ние о том, что неореализм варианта писательского поколения С. Шаргунова и есть пример возвращения реализма к его канонам.

Итак, неореализм в нашем понимании не только обозначение конкретных групп и литературных (и не только) потоков, а, по сути, метафора литературного процесса XX столетия. Поисковый характер неореализма, его балансирование на границе реализма и модернизма совпадают с ключевыми характеристиками культуры столетия с показательным для него отходом от канонов, пересмотром вопроса о линейности развития культуры. Будучи возвратным явлением в литературе, неореализм выражает направленность развития культуры XX века в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Е. Десятилетие поэзии — или прозы? / Е. Абдуллаев // Вопросы литературы. — 2013. — № 2. — С. 216–240.
2. Абишева У. К. Неореализм в русской литературе 1900–1910-х годов: дис. ... докт. филол. наук / У. К. Абишева. — М., 2006. — 396 с.
3. Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров и др. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. — М.: Наследие, 1994. — С. 3–38.
4. Бердникова О. А. «Новые реалисты» в современной русской литературе / О. А. Бердникова // ФИЛКО: Филология, культура и образование. — Воронеж — Штип (Македония), 2016. — С. 61–70.
5. Богомоллов Н. А. Вокруг Серебряного века / Н. А. Богомоллов. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 708 с.
6. Бондаренко В. Новый реализм / В. Бондаренко // Завтра. — 2003. — № 34 (509). — Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/2003-08-2071/> (дата обращения 11.02.2022) — Режим доступа
7. Видеодискуссия «Литература — это преодоление страха». — Режим доступа: <http://mibf.info/basinskiy-onlinefair> (дата обращения 11.02.2022)
8. Гарипова Г. Т. Логика и динамика развития русско-

го литературного процесса конца XX — начала XXI века: тенденции и перспективы / Г. Т. Гарипова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 20 (311). — Вып. 79. — С. 36–40.

9. Голубков М. М. Научные принципы периодизации русской литературы XX века / М. М. Голубков // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 1. — С. 78–84.
10. Давыдова Т. Т. Русский неореализм: Идеология, поэтика, творческая эволюция / Т. Т. Давыдова. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 329 с.
11. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм. Анна Ахматова / В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977. — С. 112–121.
12. Замятин Е. О синтетизме / Е. Замятин // Е. И. Замятин. — М.: Книга, 1988. — С. 412–420.
13. Кино Италии. Неореализм / сост. Г. Богемский. — М.: Искусство, 1989. — 431 с.
14. Клинг О. Серебряный век — через сто лет («Диффузное состояние» в русской литературе начала XX века) / О. Клинг // Вопросы литературы. — 2000. — № 6. — С. 83–113.
15. Луков В. А. Неореализм в литературе / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 1. — С. 289–292.
16. Павлов О. Метафизика русской прозы / О. Павлов // Октябрь. — 1998. — № 1. — С. 167–183.
17. Ротай Е. М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Ротай. — Краснодар, 2013. — 178 с.
18. Серова А. А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Серова. — Нижний Новгород, 2015. — 290 с.
19. Словарь иностранных слов / науч. ред. А. Г. Спиркин и др. — 7-е изд., перераб. — М.: Русский язык, 1980. — 624 с.
20. Шаргунов С. А. Стратегически мы победили / С. А. Шаргунов // Континент. — 2005. — № 125. — С. 443–445.
21. Энциклопедический словарь: В 3 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. — Т. 2. — М.: Гос. науч. изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1954. — 719 с.

Воронежский государственный университет Тернова Т. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: ternova@phil.vsu.ru

Насонов А. Л., аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: redaktor36@yandex.ru

*Voronezh State University
Ternova T. A., Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of Literature and the Humanities
E-mail: ternova@phil.vsu.ru*

*Nasonov A. L., Post-graduate student of the Department
of Russian Literature of the XX and XXI Centuries, Theory of
Literature and the Humanities.
E-mail: redaktor36@yandex.ru*

ПРОЦЕСС МИФОЛОГИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. С. Торосян, И. А. Зайцева, Т. В. Сатина

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 12 октября 2021 г.

Аннотация: цель статьи — определить особенности и направленность исследований мифопоэтики в современной литературе. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении процесса мифологизации литературы XXI века. В статье исследуется восприятие мифа в постмодернизме на примере произведений П. Крусанова, Е. Водолазкина и др. Художественный мир П. Крусанова обращен к природе мифологического сознания. Неомифологизм Е. Водолазкина базируется на разнообразных отсылках к произведениям древнерусской словесности, русской и западноевропейской литературы, теме смерти и воскресения, мифологическом времени и мотиве пути.

Ключевые слова: мифопоэтика, роман-миф, неомифологическое сознание, Крусанов, Водолазкин, постмодернизм, мифологема.

Abstract: the purpose of the study is to determine the features and direction of research on mythopoetics in modern Russian literature. The scientific novelty of the research lies in the consideration of the process of mythologization of literature of the XXI century. One of the distinctive features of the mythopoetics of modern Russian literature is the principle of playing with myth, implemented through dialogue-polemics with classical myth. The article examines the perception of myth in postmodernism by the example of the works of P. Krusanov, E. Vodolazkin and others. P. Krusanov's artistic worlds are addressed to the nature of mythological consciousness. The neo-mythologism of E. Vodolazkin is manifested in the writer's appeal to the works of Old Russian literature, to the theme of death and time, the motive of the path.

Keywords: mythopoetics, novel-myth, neo-mythological consciousness, Krusanov, Vodolazkin, postmodernism, mythologeme.

Мифопоэтика стала языком современной литературы, стремящимся универсализировать представления о мире. В русской литературе реабилитация мифологического типа мышления произошла в конце XIX столетия в творчестве символистов. В зарубежной литературе интерес к мифу как к средству преодоления кризиса (буржуазного, культурного, мировоззренческого и т.д.) и художественному приему появился в XX веке и воплотился в романах-мифах и романах-антимифах. Среди крупнейших представителей жанра роман-миф — Дж. Джойс, Т. Манн, Г. Г. Маркес. Их творчество является образцом литературного «мифологизирования», не случайного, а сознательного обращения к древней культуре, истории религий. Поэтика Джойса представляет собой оригинальную мифологизацию и использование нетрадиционных символов и образов. В творчестве же Т. Манна реализуются ритуально-мифологические модели, исследованием которых занималась сложившаяся в западном литературоведении и культурологии в 30-е гг. XX в. ритуально-мифологическая школа (Робертсон Смит, Дж. Фрейзер, Д. Харрисон, А. Б. Кук, Ф. М. Корнфорд и др.). Яркими и самобытными писателями-мифотворцами, определившими во многом поэтику мифологизирования в новейшей литературе, были Ф. Кафка, Дж. Апдайк.

Новаторским и важным в работах ученых, исследовавших трансформацию мифа в литературе, был, с одной стороны, анализ и переосмысление древних поэтических форм и символов, а с другой стороны, поиск ответа на вопрос: что такое неомифологический роман или роман-миф и чем он отличается от религиозного, идеологического, философского романа? По мнению А. В. Миронова, неомифологический роман использует структуры архаического сознания, состоящего из сцепления базовых метафор «жизни», «смерти», «еды», «брака» и т.д. Такому сознанию не нужна никакая идея Бога в отличие от религиозного романа, оно самодостаточно и знает о мире ровно столько, сколько нужно для нормального существования; ни построение новой жизни, где правит социальная справедливость подобно идеологическому роману; ни стремление постичь Истину через логику как в философском романе [7].

Культуролог и автор Словаря культуры XX в. В. Руднев также отмечает новаторскую поэтику «неомифологизма». Исследователь называет неомифологическое сознание главным направлением культурной ментальности XX века. Однако, по мнению ученого, в эпоху постмодернизма неомифологическое сознание не только оживилось, но одновременно и лишилось «его той сверхценной культовой роли, которую он играл в середине XX в» [9, 184]. В. Рудневу удалось кратко и точно определить суть нео-

мифологического сознания, которая состоит в том, что во всей культуре актуализируется интерес к изучению классического и архаического мифа и активно используются мифологические сюжеты и мотивы в художественных произведениях. По мнению О. В. Ермоленко, литература постмодернизма зачастую использует мифологические элементы как «строительный материал» для конструирования художественной реальности [4].

Я. В. Погребная рассматривает неомифологизм, во-первых, как новую редакцию мифологизма XIX в., которая вызвана новым осознанием смыслов, форм и способов участия мифа в литературе, во-вторых, как переосмысление отношения неомифа к архаическому мифу по главным, определяющим архаический миф, признакам: тождества означаемого и означающего, вымысла и правды, цикличности и обратимости времени и т.д. [8].

В качестве новой неомифологической реальности рассматриваются не только интеллектуальные произведения Джойса, Кафки, Фолкнера, но жанры массовой литературы. Одним из таких жанров является жанр фэнтези, который, по мнению современных исследователей, обладает свойствами и элементами мифа. Ярким примером неомифологической реальности, воплощенной в жанре фэнтези, является произведение Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Писатель и фольклорист, создавая свой собственный миф, основывался на главных принципах и функциях мифологии. Его творчество — это синтез разработанных им собственных мифологических сюжетов и сюжетов северной мифологии. Толкин переработал германский, скандинавский и кельтский эпос. Не менее важным мифологическим пластом во «Властелине колец» являются библейские мотивы. В соответствии с художественным замыслом Толкин пытался создать современную мифологию для Англии, целостный авторский миф со своей «книгой бытия», историей, историческими хрониками, географией и даже языками.

Проблема неомифологического содержания исследуется в цикле романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер», в частности использование писательницей героического мифа, мифической сюжетной структуры путешествия героя и структуры художественного времени, объединяющей линейное и циклическое время. По мнению Е. К. Тимошенко мифологизм произведений о Гарри Поттере — это не только упоминание персонажей греко-римской мифологии (напр., сфинкс, кентавр, василиск), но и широкое использование архетипов, мотивов и поверий из фольклора Британии, что позволяет, с одной стороны, создавать атмосферу мира волшебников, связывая его с миром мифическим и античным, а с другой — делает его глубоко национальным, придавая ему истинно британский характер [10].

Ключевые представления о процессе мифологизации литературы были сформулированы учеными

в XX в. Российские исследователи внесли огромный вклад в теорию мифа, определив векторы ее изучения: лингвистический подход (А. Потебня), ритуализм (А. Веселовский, М. М. Бахтин, В. Я. Пропп), развитие идей «памяти жанра» (О. М. Фрейдберг, М. М. Бахтин), этнологический анализ (С. А. Токарев), символизм (А. Ф. Лосев, Я. Э. Голосовкер), структурализм (В. Н. Топоров). Крупнейшим представителем неомифологической школы в отечественной науке был А. Ф. Лосев. В книге «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев формулирует сущность мифосознания: миф, по его мнению, это объективная реальность, с одной стороны, чудо — с другой. «Миф — не первобытная фантастика, а универсальный тип мировосприятия, предполагающий веру в чудо» [7, 198]. Чудо здесь понимается как одна из форм реальности. По А. Ф. Лосеву, миф сам по себе является необходимой категорией мысли и жизни, в нем нет ничего случайного, ненужного или выдуманного. Рецепция мифа как сакрального феномена в работах русского философа является ключом к пониманию неомифологической картины мира.

Сложно представить современное исследование мифопоэтики без трудов О. М. Фрейдберг, которая дала фундаментальную характеристику первобытному мышлению. О. М. Фрейдберг изучала становление литературных жанров, изменение семантики слов от эпохи к эпохе, понятие нерасчлененности (например, слитность субъекта и объекта), отсутствие каузальности и многое другое [12].

Исследователи неомифологической школы отмечают, что особенностью литературы неомифологизма XX в. является ее стремление к целостному освоению мифа в отличие литературы предшествующих лет, в которой использовались только элементы мифа (образы, мотивы и т.д.).

Следствием такого серьезного отношения к мифу стало создание авторской мифологии. Писатели-модернисты не стремились к воссозданию картины мира подобной действительности, как это было у писателей-реалистов. Они обнаруживают специфику художественного видения в его нарочитой мифологизированности и оригинальности. Писатель-модернист моделирует собственную реальность, обращается к мифу для создания собственного мифа.

Несмотря на все многообразие литературного мифотворчества, от русского символизма до магического реализма литературы Латинской Америки, процесс мифологизации современной литературы обладает общими чертами. Общие черты обнаруживаются в организации времени и пространства, обращении писателей к древнейшим архетипам, мифологическим образам и сюжетам.

Безусловно, постмодернизм оказал на процесс мифологизации современной литературы большое влияние. Для постмодернистской литературы характерно соединение черт традиционного мифа и автор-

ского нарратива, а главным литературным жанром становится авторский миф. Авторский миф — это продолжение тенденций модернистского мифологического романа, но с элементами постмодернизма.

Такие принципы постмодернизма, как всеобщее смешение и насмешливость над всем, цитатность, игра, в том числе игра с мифом, деконструкция мифа и, конечно же, ирония, которая побеждает серьезный модернистский трагизм, такой, например, как в произведениях Кафки, отличает мифологизацию современной литературы от мифологизации литературы конца XIX — первой половины XX века. Жанровая модель романа-мифа также претерпевает изменения. Постмодернисты отказываются от «мифоориентированного» текста, от признания его надтекстовой природы и стремятся ко все большей текстуализации мифа. Исследователи причисляют произведения, в которых основные категории мифопоэтики деформируются, к жанру роман-антимиф. Деформации подвергаются система образов, пространственно-временные отношения и диалог мифологического и романного текста. Постмодернизм свободно манипулирует мифом как текстом и разрушает мифологическую семантику, сохраняя мифопоэтическую форму в качестве отсылки на традицию мифологического повествования.

Проблема функционирования мифа в современной литературе как зарубежной, так и русской, остается открытой. В исследованиях, как правило, затрагиваются лишь частные проблемы функционирования мифов в художественной прозе конца XX — начала XXI веков. Мифологизация в современной русской литературе осуществляется двумя основными способами: включением в художественное произведение мифологических реминисценций, мотивом, мифологем и уподоблением художественной структуры произведения мифологической. Для мифопоэтики русской прозы конца XX — начала XXI веков характерен принцип игры с мифом, осуществляющийся с помощью диалога-полемики с классическим мифом. Главные волны переосмысления мифологизации в русской литературе второй половины XX в. связаны с творчеством Л. С. Петрушевской, Т. Толстой, П. Крусанова, В. Пелевина, Е. Водолазкина.

На рубеже XX–XXI вв. появляется большое количество произведений, сами названия которых говорят об актуальности мифа: «Онлирия» А. Кима (1995), «Медея и ее дети» Л. Улицкой (1996), «Укус ангела», П. Крусанова (1999), «Кысь» Т. Толстой (1996–2000), «Мифогенная любовь каст» С. Ануфриева, П. Пепперштейна (1999–2002), «Лавр» Е. Водолазкина (2012).

Для Крусанова и Водолазкина постмодернизм открывает новые возможности и приемы мифологизации. Современные писатели используют скрытый потенциал мифологического мышления и не боятся соединять разные пласты мифологии, не только архаической. Проза П. Крусанова представляет собой

целостную художественную систему, которая наследует и опирается на приемы мифопоэтики разных явлений русской и зарубежной литературы XX века: символистов рубежа XIX–XX веков, магического реализма второй половины XX века (Г. Г. Маркес), эстетики постмодернизма. Все это вместе взятое вписано у Крусанова в традицию Петербургского текста. Авторское мифотворчество писателя направлено на осмысление идеи «русского империализма». В «Укусе ангела» переосмысляется миф о культурном герое, в «Ночи внутри» — эсхатологический миф. Противостояние Востока и Запада, евразийские мотивы являются ключевыми элементами мифопоэтики П. Крусанова.

Творчество еще одного петербургского писателя Е. Водолазкина представляет собой яркий пример неомифологизма в современной литературе. Главной особенностью неомифа Водолазкина становится его отношение к категории времени. В исследовательских работах, посвященных творчеству русского писателя, авторы отмечают его стремление к упразднению времени и постижению вечности [2]. Ученые и критики часто, характеризуя художественное творчество писателя, называют его внеисторическим или неисторическим, вневременным [1]. Соотнесение понятий «исторического» и «неисторического», формирующих авторскую художественную философию Е. Водолазкина, рассматривается в статье М. В. Бочкиной и М. М. Голубкова [3]. Несмотря на подчеркнутую самим автором и исследователями внеисторичность произведений Водолазкина, очевидно, что концепция времени черпается писателем из средневекового сознания, основанного на соотношении цикличности и линейности [2].

И все же главной характеристикой времени, на которой основана авторская мифология Водолазкина, является условность разделения времени на прошлое, будущее и настоящее. Писатель использует постмодернистские принципы художественного нарратива — принципы соположения и интердискурсивности [1]. Принцип соположения основывается на совмещении в пространстве текста прошлого, настоящего, будущего времени, стилей — книжного и разговорного, подлинных и нереальных документов и т. д. Принцип интердискурсивности характеризуется постоянной взаимной подменой дискурсов, например исторического и мифологического. Так, например, в вымышленном мире романа «Оправдание острова» узнаются реальные события мировой истории. В «Лавре» и «Оправдании острова» в условное Средневековье проникают реалии и дискурс современности. В «Оправдании острова» главные герои князь Парфений и княгиня Ксения — муж и жена — вовсе будто застыли во времени, дожив до трёхсотсорокасемилетнего возраста, чтобы выполнить свое предназначение.

Неомифологизм проявляется и в актуализации хронотопа пути, границы, мифологического между-

мирия. Путь главного героя романа «Лавр» обладает мифологическими свойствами [11]. В различных мифологиях преодоление границ, пути, представления о переправе символизировало перемещение на тот свет, в мир мертвых. Река часто является границей между этими мирами. Перемещение также могло символизировать переход в новый социальный статус. Со сменой местоположения Арсений меняет имена, обретает новые способности и знания, символически умирает и возрождается.

В романе «Лавр» художественное пространство подобно мифологическому пространству сакрализуется: герой движется от периферии к центру, вертикально — снизу вверх. Сюжет романа имеет циклический характер, являющийся неотъемлемой чертой мифологической последовательности событий. Ключевое значение в «Лавре» имеет инициационный аспект, так как весь жизненный путь Арсения представляет собой непрерывную инициацию и посвящение, которыми пронизаны все основные элементы повествования.

Несмотря на то, что постмодернизм меняет отношение к мифу, десакрализирует его, роль мифов все более возрастает. Мифологическое сознание по-прежнему представляет огромный интерес для писателей. Причина этого интереса также не изменилась. Ее в XX в. сформулировал Р. Барт, утверждавший, что миф как живая память о прошлом способен излечить недуги современности. Мифологизм — характерное явление литературы и культуры XX в. и XXI веков и как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение, поэтому современные гуманитарные науки — филология, философия, культурология — уделяют серьезное внимание проблемам мифопоэтики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс / В. А. Андреева. СПб.: Норма, 2006. — 182 с.
2. Бочкина М. В. Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор»

Финансовый университет при Правительстве РФ
Торосян А. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
E-mail: anna-torosyan@bk.ru

Зайцева И. А., кандидат филологических наук, доцент
Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации

Сатина Т. В., кандидат филологических наук, доцент
Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации

/ М. В. Бочкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 3. С. 475–483.

3. Бочкина М. В. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина / М. В. Бочкина, М. М. Голубков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2018. — Т. 23. — № 2. — С. 188–197.

4. Ермоленко О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий / О. В. Ермоленко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 90–94.

5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — М.: Изд-во автора, 1930. 268 с.

6. Маглий А. Д. Времени нет. Евгений Водолазкин / А. Д. Маглий // Вопросы литературы. — 2016 — № 2. — С. 18–33.

7. Миронов А. В. Принципы исследования неомифологического романа XX века (жанровый аспект) Литературоведение. Межкультурная коммуникация // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010, № 4 (2), С. 903–906.

8. Погребная Я. В. Судьба героя как воплощение родового мифа в романе В. В. Набокова «подвиг» / Я. В. Погребная // Артикульт. — 2016. — № 1(21). — С. 102–107.

9. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — М.: Аграф, 1999. — 381 с.

10. Тимошенко Е. К. К проблеме неомифологического содержания романов Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер» / Е. К. Тимошенко // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. — 2017. — Т. 27. — № 5. — С. 767–770.

11. Торосян А. С. Мифопоэтическая картина мира в романе Е. Водолазкина «Лавр» / А. С. Торосян, Л. Н. Алешина, И. А. Зайцева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 78–87.

12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — М.: Наука, 1978. — 605 с.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Torosyan A. S., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication
E-mail: anna-torosyan@bk.ru

Zaitseva I. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication

Satina T. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Cross-cultural Communication

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГРУППЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ С ФОРМАНТОМ -СЯ

Динь Тхи Хонг Тхам, О. Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 декабря 2021 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования глаголов с формантом -ся в современном русском языке на материале текстов масс-медиа. В результате анализа выявлены инновационные процессы в составе, семантике и сочетаемости в группе русских глаголов с постфиксом -ся.

Ключевые слова: глагол с формантом -ся, функционирование, инновационный процесс, лексико-семантическая группа, сочетаемость.

Abstract: the article is devoted to the study of the peculiarities of functioning of verbs with the formant -ся in the modern Russian language on the basis of mass media texts. The analysis revealed innovative processes in the composition, semantics and compatibility in the group of Russian verbs with the postfix -ся.

Keywords: verb with the -ся, formant, functioning, innovation process, lexical-semantic group, compatibility.

Глаголы с постфиксом -ся занимают значительное место в русской вербальной системе и характеризуются рядом особенностей [1; 2; 3; 4]. Анализ их функционирования в современном русском языке на материале текстов массмедиа позволяет утверждать, что в группе глаголов с формантом -ся происходят инновационные процессы. Прежде всего следует отметить расширение количественного состава данной группы за счёт появления лексем-неологизмов. Инновационные процессы происходят в лексико-семантических группах, отражающих наиболее значимые для жизни современного социума сферы: общественные и экономические отношения, а также сферу коммуникации.

Современная коммуникация, особенно общение молодежи, переместилась в сферу интернета и осуществляется посредством размещения сообщений в различных социальных сетях. Для отражения процессов коммуникации в электронной среде в настоящее время используются следующие неологизмы с аффиксом -ся: *фейсбучиться* ← *фейсбук*, *чатиться* ← *чат*, *скайпиться* ← *скайп*, *зумиться* ← *зум*, *инстаграммиться* ← *инстаграмм* и др. Подобные единицы расширяют состав ЛСГ глаголов общения. Некоторые из данных лексем уже зафиксированы словарями новой лексики, ср., в частности: «*Чатиться* — находиться в чате; общаться таким образом (жарг.)» [НСЗ], *зумиться* — «проводить видеовстречу по сервису видеоконференций Zoom», однако большинство не имеет лексикографической фиксации.

Анализ контекстного окружения указанных глаголов позволяет выявить особенности сочетаемости

данных единиц: в большинстве случаев в качестве субъектного актанта используется существительное со значением лица (совокупности лиц), а в качестве объектного актанта — существительное в творительном падеже с предлогом С, номинирующее других участников коммуникации. Например: «*Большинство опрошенных заявили, что читают новости по дороге (64%), треть «сидит» в социальных сетях (37%), 22% «чатится» с друзьями и коллегами*» [Газета.ру, 03.10.2014].

Кроме того, достаточно регулярной является сочетаемость глагольных неологизмов данной группы с субстантивами, являющимися специализированными локативами интернет-пространства, — словами, называющими определенную коммуникационную сферу, область. Ср.: «*Во время работы мастера не нужно уходить есть гамбургеры или чатиться в сети с помощью мобильного*» [КП, 15.04.2013]; «*Он спокойно чатится в твиттере, общаясь с друзьями и болельщиками*» [Советский спорт, 14.02.2012].

В составе той же самой ЛСГ имеются и другие неологизмы с аффиксом -ся типа *комментиться* — «оставлять комментарии», *отписаться* — «отказаться от интернет-рассылки», и др., не имеющие пока узувального характера, но тем не менее встречающиеся в современных массмедийных текстах. Например: «*Недовольным Аллен предложила заблокировать ее аккаунт или отписаться от нее*» [Газета.ру, 20.09.2021].

Как синонимы выступают глагольные единицы типа *региться*, *зарегиться* / *зарегаться* — «зарегистрироваться», *логиниться* / *залогиниться* — «входить в программу, авторизоваться в онлайн игре, на сайте, в сервисе, в устройстве путем ввода име-

ни пользователя (логина) и пароля в соответствующие поля формы авторизации», ср. также схожее значение глаголов *чекинуться*, *зачекинуться* — «зарегистрировать своё присутствие в определённом месте с помощью мобильного устройства (ноутбук, планшет, смартфон и т.п.), обладающего возможностью определения местоположения и передачи его через интернет». Например: «*Авторы ролика показали все точки на карте, откуда когда-либо логинился жених*» [penta.ru, 24.08.2017]; «*Через мобильное приложение участники квеста смогут получить инструкции, чекинуться в точках маршрута и отвечать на тематические вопросы за бонусные баллы “Активного гражданина” и другие подарки*» [penta.ru, 03.11.2014].

Другие глагольные неологизмы с постфиксом -ся могут не образовывать настолько развернутых объединений, тем не менее они также расширяют состав других лексико-семантических групп. Например, в современных массмедиа широко используется жаргонная глагольная лексема *тащиться* в значении «испытывать восхищение, получать удовольствие (жарг.)» [НСЗ], которая как неогенная единица входит в состав ЛСГ глаголов эмоций и расширяет синонимический ряд *наслаждаться*, *радоваться*, *получать удовольствие*. Анализ контекстов употребления глагольной лексемы показывает необходимость реализации объектного актанта: глагол *тащиться*, как и сочетание *получать удовольствие*, с необходимостью требует распространения существительным с предлогом ОТ. Например: «*Приключения, джунгли, непобедимый герой — а тебе 10, и конечно, если ты не тащишься от подобных фильмов, с тобой что-то не так*» [penta.ru, 01.07.2016]; «*А вообще мы не очень любим возводить себе кумиров — у нас нет такого, чтобы, например, нравился Джонни Депп или мы тащились от Брэда Питта, хотя многие от них с ума сходят*» [КП, 01.09.2005].

В значении «веселиться» функционируют в массмедийных текстах жаргонные неологизмы-синонимы *колбаситься*, *оттопыриваться*, *оттягиваться*, демонстрирующие сходную лексическую сочетаемость. Например: «*Для тех, кто колбасился под песни Satan Live или Belfast на московских рейвах в 1990-х, это тоже может оказаться очень актуально*» [РБК Daily, 08.11.2012].

Анализ сочетаемости неологизмов с аффиксом -ся позволяет выявить круг единиц, которые с регулярностью демонстрируют способность распространения объектными актантами. Так, некоторые глаголы, реализуя свои потенциальные сочетаемостные возможности, требуют обязательного распространения существительными в косвенных падежах: например, глаголы *навариться* (на чем-то) и *номинироваться* / *выдвигаться* (на что-то): например, «*Я разгневан. Отчетливо и ясно предупреждаю всех: Конор Макгрегор не является и никогда не будет объектом для тех,*

кто желает навариться и нажиться на его имени!» [Газета.ru, 12.09.2020]; «*Финны хотели навариться на зрителях, заламывая по 7 евро (280 рублей) за стаканчик кофе или 200 грамм сидра*» [Советский спорт, 18.02.2012]; «*Кстати, если позицию российских властей по отношению к Ирану как-то можно объяснить возможностью наших профильных чиновников «навариться» на поставках обогащенного урана этой дивной стране, то в случае с ХАМАС экономическая «выгода» возможна, пожалуй, только от поставок оружия*» [Газета.ru, 15.06.2007]; «*В 2003 году актриса стала первой мексиканкой, которая номинировалась на премию “Оскар” в категории “Лучшая актриса”*» [Газета.ru, 02.09.2021].

Интересным оказывается, что в роли объектного актанта, выраженного субстантивом в вин. п. с предлогом на, используются не только существительные, обозначающие различные конкурсы, соревнования, премию и т.д., но и лексемы типа *работа*, *должность*. Ср.: «*Бывает даже так, что сотрудник хочет переехать в другой город, а подходящей вакансии там пока нет. Это тоже не должно стать препятствием для того, чтобы сотрудник номинировался на должность*» [рго.rbk.ru]. В этом случае лексема приобретает значение «устраиваться на работу, проходить отбор». На наш взгляд, данный пример отражает существующее в настоящее время мнение о том, что «*работа — главная ценность*».

Глагол *лохануться* расширяет ЛСГ глаголов со значением «попасть впросак» и вступает в синонимические отношения с единицами *ошибиться*, *промахнуться*, *просчитаться*, *опозориться*, *опростоволоситься*, *оплошать*, *проколоться* и др. Например: «*Нельзя же было «лохануться» перед родителями, тем более они впервые пришли на стадион посмотреть на меня*» [Газета.ru, 17.08.2013]

В анализируемом материале отмечены глаголы-неологизмы *обналичиться* — «Подвергнуться (подвергаться) обналичиванию (см.) в безличной форме (о денежных средствах, льготах и т.п.); 2. Произвести (производить) обналичивание своих денежных средств» [НСЗ] и *обкешиться*, выступающие в синонимичном значении и демонстрирующие одинаковый способ образования: в глаголе *обналичиться* производящей базой выступает исконно русская единица, в глаголе *обкешиться* — единица заимствованная (ср. кеш **cash** — «наличные деньги»). Ср. примеры: «*Выглядит это так, как будто ему нужно срочно “обналичиться”*» [penta.ru, 09.12.2016]; «*Тогда все тяготеют к игре на коротких позициях, она в чем-то удобнее, требуется меньший бэкграунд, объем памяти и т.п.; в пятницу можно закрыться и обналичиться, а с понедельника все заново*» [Газета.ru, 16.08.2004]; «*С одной стороны, прирост капитализации компании по классической теории корпоративных финансов — это и есть прирост благосостояния собственника. Но в реальности “обкешиться” очень*

сложно: в сделках на миллиарды долларов даже безналичных денег обычно нет, там идет обмен активами» [ВЕСТИ.ФМ, 27.05.2020].

Глагол *задружиться* предполагает употребление после него дополнения (с кем-то). Например: «На страничку к Ирине Демидовой выстроилась очередь желающих с ней **задружиться**» [КП, 25.04.2013]; «Достаточно либо **задружиться** с каким-нибудь региональным лидером, либо заручиться поддержкой депутатов местного Законодательного собрания — и возжеленное назначение в кармане» [КП, 27.12.2000].

У глагола *хайпиться* есть потребность в дополнении, отвечающем на вопрос на чем? Например: «**Хайпиться** на истории “Ольга Бузова vs Дмитрий Губерниев”, нанося ущерб “Матч ТВ”, я не рекомендую никому» [Газета ру, 16.06.2021].

Рассмотрим еще несколько примеров сочетаемостных особенностей неологизмов-глаголов:

— *выдавливаться* + из чего-то:

«Поэтому такие фигуры, как Пономарев, будут **выдавливаться** из политической и общественной сферы» [Известия, 21.04.2014]; «При таком подходе соглашения акционеров будут **выдавливаться** из нашей юрисдикции», — пессимистичен юрист» [РБК Daily, 31.08.2012];

— *хеджироваться* + от чего-то:

«Примечательно, что к развалу зоны евро готовятся и частные инвесторы — в середине недели банк JP Morgan посоветовал своим клиентам **хеджироваться** от краха евро, даже несмотря на то, что банк оценивает вероятность наступления такого события лишь в 20%» [РБК Daily, 09.12.2011]; «Компания не **хеджируется** от роста цен на авиатопливо, в то время как многие крупные авиакомпании из Ассоциации авиакомпаний Европы страхуют свои риски», — пояснил RBC daily ведущий эксперт крупной брокерской компании Nomura Holdings Марк Аграновский» [РБК Daily, 09.08.2006];

— *подсесть / подсаживаться* + на что-то:

«Воздействие препаратов на организм сравнивают с эффектом от употребления опиума. Американцы массово **подсаживаются** на опиоидные наркотики. Каждый день от передозировки умирает почти 150

человек» [lenta.ru, 08.08.2017]; «Кроме того, австралийские и новозеландские зрители **подсаживаются** на сериал, как правило, на два эпизода позже, чем в других странах» [lenta.ru, 24.09.2015];

— *самовывдвигаться* + во что-то:

«На последних выборах президента Татарстана среди кандидатов на пост главы республики **самовывдвигался** 42-летний... бомж» [Труд-7, 16.01.2002]

Таким образом, анализ неологизмов, представляющих собой глагольные единицы с постфиксом -ся, показал особенности их встраивания в парадигматические группировки: новые лексемы образуют периферийные зоны существующих в настоящее время лексико-семантических групп. Единицы периферии отличаются временным непостоянством (спустя какое-то время данные единицы могут покинуть группу или остаться в ней), недостаточной узусализацией (многие неологизмы с постфиксом -ся являются внутренними заимствованиями, т.е. проникли в массмедийный дискурс из других подсистем: жаргона, просторечия, разговорно-бытовой речи). Функционируя в массмедийном дискурсе, неологизмы — глаголы с постфиксом -ся реализуют свои сочетаемостные потенциальные возможности: в определенных контекстах некоторые лексемы демонстрируют устойчиво проявляющуюся регулярную сочетаемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. — 6-е изд., перераб. и доп. / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. — М.: Логос, 2002. — 528 с.
2. Динь Тхи Хонг Тхам, Чарыкова О. Н. Глаголы с формантом -ся с позиции носителя вьетнамского языка / Тхам Хонг Тхи Динь, О. Н. Чарыкова // Сопоставительные исследования 2016. — Воронеж: Истоки, 2016. — С. 218–222.
3. Листунова Е. И. Типологические характеристики медиальных глаголов: дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Листунова. — Волгоград, 1998. — 177 с.
4. Розенталь Д. Э. Современный русский язык: Учеб. пособие / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — М.: АЙРИС-пресс, 2014. — 448 с.

Воронежский государственный университет
Динь Тхи Хонг Тхам, аспирант 3-го года обучения кафедры
общего языкознания и стилистики.

Чарыкова О. Н., доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой общего языкознания и стилистики
E-mail: ochar@inbox.ru

Voronezh State University
Din Thi Huong Tham, Post-graduate student, the 3. year of
study The chair of general linguistics and stylistics

Charykova O. N., Doctor of Philology, Professor, head of the
Department of General Linguistics and Stylistics
E-mail: ochar@inbox.ru

ПЬЕСА М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: 120 ЛЕТ В ДИНАМИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 октября 2021 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности художественной структуры и процессы социально-эстетического функционирования пьесы «На дне» в большом историческом времени: понятие эстетической реальности произведений отечественной литературной классики представлено в феноменах системной самоорганизации на основе синергетического подхода

Ключевые слова: эстетическая реальность, художественная структура, литературная классика, общественное восприятие, феномены самоорганизации, синергетический подход.

Abstract: the article deals with the peculiarities of the artistic structure and the process of social and aesthetic functions of the play "At the Bottom" in the big historical time: the notion of the aesthetic reality of the works of art of the national literary classics is represented in the phenomena of systematic self organization on the basis of the synergy approach.

Keywords: aesthetic reality, artistic structure, national literary classic, public reception, phenomena of self organization, synergy approach.

«Необычайный успех», «поразительный успех», «огромный и вполне заслуженный успех», «баснословный успех», «грандиозный успех», «небывалый в истории русской литературы успех» [1, 41], — подобные оценки и выражения в газетных рецензиях и литературно-критических статьях создавали ведущий лейтмотив откликов на премьеру пьесы «На дне», состоявшуюся в Московском Художественном театре 18 декабря 1902 года. Стоит напомнить, что подобная реакция органично вписывалась в контекст общественного

восприятия М. Горького начала XX века, когда писатель стремительно обретал общероссийскую и европейскую известность, и моменты творческого триумфа воплощались в ярких формах социально-эстетического дискурса.

Фигура Горького оставалась одной из самых «заметных» для литературно-общественного восприятия всего XX столетия, где писателю принадлежит лидерство по самым разным параметрам: по уровню известности и славы в самом начале творческого пути; по степени «соцреалистической» канонизации в советскую эпоху; по ожесточенности споров о нем в «развенчаниях» и «реабилитациях» постсоветского периода... При всем этом одно уже ныне несомненно: личностно-творческий феномен Горького предстает по-своему знаковым для судеб отечественной культуры; и художественное наследие писателя — при всей неоднозначности и противоречивости его восприятия — принадлежит к корпусу русской литературной классики.

Среди критериев принадлежности к классическому наследию одним из наиболее весомых остается «жизнь в веках» [2] литературных произведений, их социально-эстетическое функционирование в большом историческом времени. При этом важным условием предстает *продуктивность* такого функционирования, где классика являет не просто художественно-эстетические ориентиры в виде неких застывших «образцов», но принадлежит, говоря словами Белинского о Пушкине, «к вечно живущим и движущимся явлениям, <...> продолжающим развиваться в сознании общества», где «каждая эпоха произносит о них свое суждение», но «ни одна и никогда не выскажет всего» [3, 555].

И следует констатировать, что на протяжении всего 120-летия своей «жизни» как артефакта искусства пьеса не имела аналогов в осмыслении горьковского художественного наследия — по степени неослабевающего внимания к произведению, количеству его сценических интерпретаций, разнообразию мнений и ожесточенности споров о нем. Немного найдется и в мировой драматургии пьес, которые можно было бы сопоставить в этом плане с «На дне».

В интенсивнейшей динамике общественного восприятия горьковского писательского феномена, в разноакцентности и изменчивости оценочных критериев и приоритетов рассмотрения, — «На дне» *устойчиво* оставалась в центре внимания горьковедения, критики и театра. По-своему показательны здесь и образовательные программы российской школы, где «На дне» в качестве одного из центральных произведений писателя присутствовала *всегда*

(соседствуя в разные времена с самыми различными иными «приоритетами» изучения — от «Матери» до «Несвоевременных мыслей»).

Тем самым именно пьеса «На дне» стабильно воплощает одну из «представительских» доминант по отношению к творческому наследию Горького. Поэтому по-своему закономерно, что обращение литературоведческой науки, критики, театра и образования к «На дне» порождало и порождает проблему осмысления горьковского писательского феномена в целом, его места и роли в истории русской литературы.

Все это укрупняет и нынешнее обращение к теме «жизни в веках» горьковской драмы. Насущная необходимость такого осмысления все явственнее ощущалась в горьковедении к концу XX столетия [4], [5]. В направлении, обозначавшемся тогда для дальнейшего научного поиска, просматривалась задача не просто расширения и уточнения аналитической базы таких материалов, но и их *систематизации*: выявления магистральных направлений в интерпретациях горьковской драмы, тенденций общественного восприятия в их синхронической и диахронической взаимосвязи, что позволило бы проникнуть в сущность неизменного текстового «инварианта» произведения на уровне художественной структуры и авторской позиции.

Результаты такого рода подхода позволили наблюдать прежде всего известную *регулярность* в смене акцентов при истолковании пьесы. При определении главного героя им провозглашался то Лука, то Сатин, то вновь Лука (иногда Клещ или Бубнов). Столь же регулярно менялись представления о близости этих героев в автору пьесы и, следовательно, об авторской позиции. Переменялись акценты и в выделении главного содержательно-смыслового плана произведения: социального, исторического, философского, нравственно-психологического. Такие настойчиво повторяющиеся разночтения, их синхронная и диахронная оппозиционность в динамике общественного восприятия, — все это подводило к выводу об особом принципе организации художественной структуры пьесы, ее текстовой первоосновы, как бы позволяющей акцентировать и аргументировать самые различные, порой прямо противоположные трактовки образно-смыслового содержания произведения. На этой основе была представлена концепция пьесы «На дне» как полифонической драмы (при известной коррекции положений М. М. Бахтина) — с ее принципиальным образно-структурным многоголосием, отсутствием «единодержавных» героев, системной диалогичностью авторской позиции, открытостью финала и «большого диалога» произведения для восприятия зрителем, читателем, исследователем [5, 45–98].

Как представляется, картина социально-эстетического функционирования горьковской драмы

в общественном восприятии и научном изучении уже XXI столетия по-своему объективно подтверждает вышеприведенные положения, — ибо *неизменной* остается *поляризация* точек зрения и подходов к этому произведению в работах, затрагивающих проблемы его образно-смыслового и структурно-жанрового своеобразия.

Здесь на одном из полюсов продолжают выступать защитники классической для советского литературоведения трактовки пьесы, сводимой к противопоставлению «подлинного» и «мнимого» гуманизма, к разоблачению утешительной лжи Луки Сатиним, устами которого говорит сам автор. Для других исследователей, так же оставляющих за Сатиним последнее и, по сути, авторское слово в качестве нового и единственного для Горького, такая новизна предстает, напротив, как девальвация писателем духовных ценностей на пути от «христоцентризма» к «антропоцентризму». В иных же работах прежде всего Лука как образно-смысловой центр пьесы представляет для исследователей особый интерес — в контексте достаточно категоричных заявлений о том, что «согласно современным интерпретациям пьесы «На дне», в центре ее оказывается не конфликтное противостояние Лука — Сатин, а синтез эволюционной триады: язычество — христианство — новая философия Человека» [6, 22].

Стоит по этому поводу заметить, что трактовки, обозначенные выше как «современные», бытовали к критике ещё в начале XX столетия [1, 51–69]. С другой стороны, достаточно неожиданными выглядят порой новейшие «предположения», например, о том, что именно старец Лука, воплотивший идеи и ценности «христианизированного толстовства», является истинным убийцей содержателя ночлежки Костылева [6, 25–26].

При всей спорности подобного рода положений на фоне устойчивого разброса мнений о ценностных приоритетах и образной персонификации авторской позиции, неоднозначности ее интерпретаций и оценок в сегодняшнем горьковедении, — стоит особо подчеркнуть процесс интенсивного *расширения* исследовательского поля зрения в последние годы, нахождения и актуализации «непривычных» аспектов рассмотрения горьковской драмы. При сосуществовании с традиционными подходами такая тенденция все более увеличивает смысловую амплитуду между различными точками зрения. Таким образом, «жизнь» пьесы «На дне» как произведения литературной классики имеет явную и неослабевающую тенденцию к интенсификации. Немаловажно отметить, что это отражает и определенные общие закономерности в литературно-общественном восприятии Горького на современном этапе.

Говоря об истоках исторически устойчивой репрезентативности горьковской пьесы по отношению к наследию писателя в целом, отметим, что «На

дне» — одна из важнейших вех на творческом пути художника, знаменующая переход от «раннего Горького» к Горькому «зрелому». Показательно, что именно с постановкой первых своих пьес писатель стремительно обретал громкую всероссийскую и мировую славу. То, что «На дне» определенным образом венчала предшествующее творчество Горького, признавалось и им самим. Но это было не просто «итогом... почти двадцатилетних наблюдений над миром «бывших людей» [7, 423]. Изображение этого мира уже и ранее неоднократно выступало для писателя в качестве определенного художнического инструмента — своеобразной «линзы», позволявшей увидеть в индивидуальном — при стертости социально-ролевого — остатки или, напротив, зачатки родового, общечеловеческого начала.

Диалогическое соотнесение насущного бытия и «праведной земли» тяготеет в пьесе «На дне» к формам самого широкого обобщения — как взаимодействие «жизни» и «духа». Здесь актуализировалась творческая формула, обозначенная для себя Горьким в самом начале писательского пути (1892), — призванность к «одухотворению жизни», — что отражало магистральный *смыслопоисковый* вектор направленности национального самосознания и отечественной литературы.

Таким образом, есть основания полагать, что в пьесе «На дне» автором достаточно осознанно предпринимались попытки своеобразной *фокусировки* своей художественной системы (собирающая ее «начал и концов», если использовать выражение Сатина из его монолога о человеке) — с последующим новым широким ее развертыванием на основе принципа всепроникающей диалогичности и ценностного полицентризма. Тем самым полифоническая драма «На дне» предстает интегрирующим центром личностно-творческих доминант писательского феномена Горького на рубеже XIX–XX столетий.

Вместе с тем пьеса «На дне» как литературно-художественный «артефакт» текстовой первоосновы произведения и как одно из явлений литературного процесса представляет особый тип *эстетической реальности* — по-своему *развивающейся системы*, где наращивание все новых смыслов в исторической динамике общественного восприятия образует особый *синергетический* эффект, выводящий литературное произведение как феномен культуры на качественно особый — *гиперпродуктивный* уровень социаль-

но-эстетического функционирования в диалогической парадигме.

Именно большое историческое время способно показать «внешнее» преобладание однозначных трактовок и определений, безапелляционных оценок и, казалось бы, конечных ответов. Вместе с тем сама их множественность, альтернативность, регулярная повторяемость высвечивает неуклонное расширение диалогической ауры в восприятии пьесы и в целом личностно-творческого феномена Горького, как бы задавшего в свое время некий алгоритм на будущее в самохарактеристике: «*мысли и чувства мои никогда не уравновесятся...*» (выделено нами. — А. У.) [8, 38].

В такой устойчивой неравновесности (трактуемой в русле синергетического подхода как источник жизнеспособности самоорганизующихся систем применительно и к литературному процессу) писательский феномен или отдельное произведение черпает энергию для «жизни в веках». Конечно, вспоминая вновь слова Белинского о Пушкине, и наша эпоха «не выскажет всего» о феномене Горького и его драме «На дне». Но очертить механизмы их аксиогенеза в горизонте отечественной и мировой культуры сегодня возможно и должно, — в свете насущных запросов современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиголов Г. М. Драматургия М. Горького 1902–1906 гг. в современной ей критике и публицистике / Г. М. Гиголов. — Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1975. — 320 с.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / В. Г. Белинский. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. IV. — 680 с.
3. См.: Литературные произведения в движении эпох. — М.: Наука, 1979. — 288 с.
4. Кузмичев И. К. «На дне» М. Горького: Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике / И. К. Кузмичев. — Горький: ГГУ, 1987. — 223 с.
5. Удодов А. Б. Пьеса М. Горького «На дне»: Художественная структура и авторская концепция человека / А. Б. Удодов. — Воронеж: ВГУ, 1989. — 184 с.
6. Богданова О. В. Образ старца Луки в пьесе М. Горького «На дне» / О. В. Богданова. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. — 2016. — № 2. — С. 22–26.
7. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. / М. Горький. — М.: ГИХЛ, 1953. — Т. 24. — 589 с.
8. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. / М. Горький. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. 28. — 600 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department
E-mail: kaf214@yandex.ru

СТИХОТВОРЕНИЯ И. А. БУНИНА О МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ

Аль-Рубаиави Хуссейн Шайяль

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье анализируются стихотворения, созданные И. Буниным под впечатлением от прочитанного и увиденного в ходе его первого посещения мусульманского Востока. В работе используются структурно-семантический и сравнительно-типологический методы исследования. Выявляется специфика актуализации цитат из Корана и отсылок к этой Книге в тексте произведений, опубликованных под общим названием «Ислам». Уточняется значение иносказательных проекций для реализации авторского замысла.

Ключевые слова: И. Бунин, художественный текст, мусульманский Восток, семантическая поэтика.

Abstract: the article analyzes the poems created by I. Bunin under the impression of what he read and saw during his first visit to the Muslim East. The paper uses structural-semantic and comparative-typological research methods. The author reveals the specifics of updating quotations from the Koran and references to this Book in the text of works published under the general title «Islam». The meaning of allegorical projections for the realization of the author's idea is clarified.

Keywords: I. Bunin, literary text, Muslim East, semantic poetics.

В Санкт-Петербургском издательстве «Знание» в 1906 году вышел третий том собрания сочинений И. А. Бунина с разделом «Ислам». Под этим названием были собраны стихотворения, написанные поэтом в годы, наступившие после его первого посещения мусульманских стран. В ходе поездки в Стамбул и на Ближний Восток И. А. Бунин знакомился не только с географией, природой, историческими артефактами, архитектурными и религиозными памятниками, но и с жизнью людей простого звания, сохранивших «живое ощущение» веры. Известны свидетельства о том, что русский писатель возил с собой в саквояже Коран, читал и перечитывал многие страницы Священной книги мусульман. По словам В. Н. Муромцевой-Буниной, «ислам вошел глубоко в его душу» [1, 226].

Цикл стихотворений, созданных под впечатлением от прочитанного, увиденного и услышанного на Востоке, объединяет девятнадцать произведений: «Путеводные знаки» (1906), «Пастухи» (1906), «Мираж» (1903), «Чёрный камень Каабы» (1903–1905), «Мудрым» (1906), «Зелёный стяг» (1906), «Священный прах» (1906), «За измену» (1903–1905), «Авраам» (1903–1906), «Ночь Аль-Кафра» (1903), «Сатана Богу» (1906), «Джинны» (1903–1906); «Зейнаб» (1906), «Склон гор» (1903–1904), «Белые крылья» (1906), «Гробница Сафии» (1903–1905), «Тэмджид» (1905), «Птица» (1903–1906), «Тайна» (1905).

Нельзя недооценивать литературного и социально-исторического значения этой публикации

для соотечественников поэта: после неудачной русско-японской войны, событий революции 1905 года, других «ран общественного сознания», вызвавших девальвацию многих онтологических и культурных ценностей, казавшихся прежде незыблемыми, читающая Россия открывала в творчестве И. Бунина мир Востока глазами «пилигрима», отправившегося на поиски «потерянного рая» [2, 289–295], почти ничем не омраченного. Закономерно и показательно, что стихотворения «Невольник», «Хая-Баш (Мертвая голова)», «К Востоку», «Стамбул», датированные 1905 годом и передающие настроения «тоски», «покорности» и скуки «безнадежного» существования под «тусклым небом», озвученного воем собак и плачем шакалов, не вошли в состав цикла «Ислам», поскольку их образно-семантическая специфика не отвечала поиску жизнеутверждающих состояний человеческого духа.

После выхода третьего тома собрания сочинений интерес И. Бунина к восточной проблематике отнюдь не был исчерпан. В 1906 году поэт завершает работу над стихотворением «Айя-София». В 1907 пишет стихотворения «Чалма на мудром — как луна», печатает «Магомет в изгнании», «Мекам» и «Нищий» (последнее произведение — с эпиграфом: «Возноси хвалы при уходе звезд». Коран, 52:49). Позже появятся «За Дамаском» (1908), «Источник звезды» (1908), «Судный день» с подзаголовком: «Из суры «О Великой Вести» (78-я сура Корана)» (1912), «Завеса» (1912), «Шипит и не встает верблюд» (1912), «Потомки пророка» (1912), «Завет Саади» (1913), «Магомет и Сафия» (1914), «Среди звезд» (1916), «У ворот Сиона

над Кедром» (1917), «Феска» (1920) и другие стихотворения.

Но актуализация цитат из Корана в поэзии о мусульманском Востоке в 1903–1906 годах уже осознавалась И. Буниным как значимая творческая стратегия: названия сур и строки из Священной книги мусульман обыгрывались в заголовочных комплексах произведений, эпиграфы, отсылающие к Корану, были предпосланы многим стихотворениям из цикла «Ислам». Среди них — «Пастухи» (эпиграф: «Просветляйтесь молитвой в час заката». — Коран, 17: 78), «Ковсерь», в ранней редакции — «Мираж» (эпиграф: «Мы дали тебе Ковсерь». — Коран, 108:1), «Ночь Аль-Кадра», в ранней редакции — «Млечная Река» (эпиграф: «В эту ночь ангелы сходят с неба». — Коран, 97: 4–5), «Тэмджид» (эпиграф: «<https://ruslit.traumlibrary.net/book/bunin-ss06-01/bunin-ss06-01.html> — с0050660н не спит, не дремлет». — Коран, 2: 255), «Тайна» (эпиграф: «Элиф. Лам. Мим». — Коран, 29:1, 30:1, 31:1, 32:1), «Птица» (эпиграф: «Мы привязали к шее каждого его птицу». — Коран, 14: 17), «За измену» (эпиграф: «Вспомни тех, что покинули страну свою ради страха смерти». — Коран, 2: 244).

Перефразированные аяты из Вечной книги характерны для произведений, созданных И. Буниным в разные годы, но их расположение в составе цикла «Ислам» определяется не временем создания, а общей семантической логикой.

Открывает цикл стихотворение «Путеводные знаки», опубликованное в 1906 году с эпиграфом: «Он Бог созвездия Пса. Он ставит путеводные знаки». Современный исследователь указывает, что эти строки стали известны поэту из переведенной на русский язык 16-й суры Корана: «Он поставил высокие горы на земле для того, чтобы они передвигались вместе с вами. Он начертал реки и дороги для того, чтобы вы умели найти направление в пути. Он расположил знаки на дорогах. Люди руководятся также в пути звездами» (перевод М. Казимирского) [3, 351].

Заголовочный комплекс и образно-семантический ряд этого стихотворения задают важнейший для цикла «Ислам» мотив «правого пути», позволяющего обнаружить в современности созвучия с Кораном. Отметим, что в самой Священной книге многократно приводятся указания на особый смысл «путеводной» рецепции текста [4, 6]. «Он вывел меня на прямой путь...» (Коран, сура 6); «Разве не навело их на прямой путь...», «кто последует за Моим руководством, тот не собьется и не будет несчастным!» (Коран, сура 20); «Мы покажем им Наши знамения по странам и в них самих, пока не станет им ясно, что это — истина» (Коран, сура 41).

Согласимся также с тем, что «мотивы предопределённого свыше пути и ниспосланной с небес тайны, объединяющей разные конфессии и культуры, — важнейшие в восточной лирике Бунина» [4, 6–7]. И в «Путеводных знаках», в этом стихотворении,

открывающем цикл «Ислам», небесные и земные «знамения» соотнесены с подробностями ветхозаветной истории:

Бог для ночных паломников в Могребе
Зажег огни — святые звезды Пса.
Привет тебе, сверкающая в небе
Алмазно-синяя роса!
Путь по пескам от Газы до Арима
Бог оживил приметам, как встарь.
Привет вам, камни — четки пилигрима,
В пустыне ведшие Агарь! [5, 17].

Лирический герой узнает и приветствует приметы и «знаки», знакомые по Корану, и одновременно различает связь увиденного с библейскими сюжетами. «Четки пилигрима, / В пустыне ведшие Агарь», отсылают к истории о служанке Авраама. Агарь, родившая ему сына, а затем изгнанная из дома Авраама, была вынуждена искать свой путь к спасению в пустыне, спасаясь милостью Божьей.

Лирические произведения И. Бунина, посвященные мусульманскому Востоку, справедливо считаются замечательным примером погружения творческого человека в чужую культуру [6]. В стихотворении «Путеводные знаки» откликаются аяты из 53 суры Корана: «это Он господин Сириуса». Упоминаются также «святые звезды Пса», самой яркой из которых, как известно, является Сириус — звезда, ярко сверкающая голубым светом на ночном небе. Взор лирического героя обращен не только к древнему пути «от Газы до Арима», но и к Магрибу — самой западной части арабского мира, где заходит солнце и появляются первые звезды, указывая на час вечерней молитвы.

«Святое созвездие Пса» в стихотворении «Джинны» воспринимается лирическим героем как символ небесного могущества и защиты:

Звезды горят над безлюдной землею,
Царственно блещет святое созвездие Пса
Вдруг потемнело — и огненно-красной змеею
Кто-то прорезал над темной землей небеса [7, 268].

Путнику, ставшему свидетелем чудесных событий и «знамений» в пустынной местности, авторский посредник, посвященный в религиозно-мифологический смысл происходящего, подсказывает, что падающих звезд не нужно опасаться: огненно-красный след оставляют на небесном своде сверкающие золотом копья, которыми ангелы отгоняют джиннов («демонов ночи»).

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много.
Это не вихри, а джинны тревожат ее,
Это архангел, слуга милосердного Бога,
В демонов ночи метнул золотое копьё [7, 268].

Звездная символика, соотносящая земное изменение событий с небесным, объединяет «Путеводные знаки» со стихотворением «Пастухи» («Тонет солнце, рдяным углем тонет»). В этом произведении «Вечный Коран» разворачивается на небе как огром-

ный текст (в буквальном переводе с арабского языка на русский язык Коран — это «чтение»). Тем самым подчеркивается небесное происхождение нерукотворной Книги — «Небесного Писания, освещающего путь людей» (Коран, сура 2: 170, 176, 213; сура 5: 10, 86; сура 10: 15, 17, 38–40, 95; сура 28: 49–50 и другие).

Пастухи пустыни, что мы знаем!

Мы, как сказки детства, вспоминаем

Минареты наших отчих стран.

Разверни же, Вечный, над пустыней

На вечерней тверди темно-синей

Книгу звезд небесных — наш Коран! [5, 11].

Отсылки к Корану, аяты которого вызывают у правоверных не только религиозный восторг, но и «сладкий страх», и трепет, не мешают И. Бунину напоминать о милосердии Всевышнего: по воле Его «оживают приметы», огромные камни в песках указывают заблудившимся путь, ночью «зажигаются звезды» и служат светильниками для странников. Ср.: «Мы украсили уже небо ближайшее светильниками...» (Коран, сура 67: 5).

Труд людей простого звания сопоставляется по этому с заботами Всемилостивейшего Аллаха, благодаря которому самые бесплодные земли становятся пригодными для жизни. Выразительный пример находим в стихотворении «Мираж» (более поздняя редакция «Ковсерь»):

На сотни верст безлюдны

Солончаков нагие берега.

Но воды в них — небесно-изумрудны

И шелк песков белее, чем снега.

В шелках песков лишь сизые полыни

Растит Аллах для кочевых отар [7, 274].

Видение, явившееся странствующему в пустыне, охарактеризовано как «мираж зеркальный»: в невыносимую жару, похожую на «адский огонь, Сакар», милосердное небо сохраняет надежду на преодоление невзгод и мучений. В этом произведении содержатся иносказательные отсылки к сурам, предсказывающим воздаяния и вечный покой, ожидающих в Раю достойных рабов Божьих (Суры 2: 102, 200; 9: 38; 30: 33; 35: 5). Всех, кто следует предписанию «Терпи, молись — и верь», ждут райские «сады Джиннат», «Река всех рек, лазурная Ковсерь» [7, 274].

Сура «Изобилие» (Аль-Каусар), сообщающая о сущей покой райской реке Каусар, в Коране является 108-й из 114-ти и расположена в завершающей части Священной Книги — весьма выразительно здесь общается, чем отличаются верующие и «неверные», что ждет каждого в конце жизненного пути. В цикле «Ислам» стихотворение «Мираж» занимает место в составе первых стихотворений, где воссоздаются первые впечатления странника от увиденного и услышанного на Востоке. Таким образом, обращаясь к произведениям цикла, читатель получает возможность познакомиться с символическими образами, передающими представления мусульман о Священ-

ном Коране, о Рае и путях его обретения, о связях с верой деяний.

«Святые пилигримы», паломники и путники, устремленные к «далеким райским странам», в лирике И. Бунина о мусульманском Востоке соизмеряют свои странствия с известными по хадисам событиями. Показательно, в частности, стихотворение «Белые крылья» — параллель с сюжетом из жизни пророка Мухаммеда — для лирического героя здесь является духовным ориентиром:

В пустыне красной над Пророком

Летел архангел Гавриил

И жгучий зной в пути далеком

Смягчал сиянием белых крыл.

И я в пути, и я в пустыне,

И я, не смея отдохнуть,

Как Магомет к святой Медине,

Держу к заветной цели путь [5, 10].

Путь в Медину — это путь из Мекки к месту, куда переселился Пророк в 622 году, но это еще и аллегорическое обозначение духовного пути к месту своего предназначения: в Медине Мухаммед жил и продолжал сообщать людям ниспосланные с небес пророчества — суры, обнародованные им в Медине, в основном касались правил жизни в общине. После кончины Пророка его похоронили в Медине, правоверные стали считать это место святым (тем же эпитетом охарактеризован город Пророка у И. Бунина: «к святой Медине»).

Стихотворения о мусульманском Востоке под пером великого русского писателя наполняются реалиями, открывающими русскоязычным читателям многие культурные составляющие Ислама.

Важнейшим произведением в анализируемом цикле стихотворений является «Млечная река» (в окончательной авторской редакции «Ночь Аль-Кадр» — в эту «Ночь предопределения» (Лейлат аль-Кадр) Джibraил начал читать Пророку Мухаммеду Коран.

Священная ночь для мусульман является символом веры, а для многих поколений художников слова — источником творческого вдохновения. В первой четверти XX века к образам этой суры обращались, перекладывая ее на русский язык, разные поэты. «Святой ночью» назвал Лейлат аль-Кадр символист Эллис (Л. Кобылинский): «Мы низвели Коран в святую ночь Алькадра <...> И Дух, и Ангелы нисходят в ночь Алькадра» [8, 109]. А. Кусиков, разделявший принципы имагинизма, предложил свою версию коранических строк: «Мы ниспослали Коран в ночь Аль-Кадр / О, если б знал ты, как ночь эта светится. / Ночь Аль-Кадр лучше тысячи месяцев. / В эту ночь ангелы на землю сходят по Нашему повелению. / Мир до зари, и не бродят тени» [8, 167].

В стихотворении «Млечная река» И. Буниным расставлены свои акценты. Когда «ангелы сходят с неба» [2, 8], недостижимое становится возможным — символы небесного могущества проециру-

ются на метафизическое измерение жизни. Первые строки указывают на всеобщее молитвенное единение на закате солнца, охватывающее даже покрытые снегом горные вершины:

Ночь Аль-Кадра. Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам воздвиглись их чалмы.
Пел муэzzин. Еще алеют льдины,
Но из теснин, с долин уж дышит холод тьмы
Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэzzин. Перед Великим Троном
Уже течет, дымясь, Алмазная Река [5, 8].

Под «Алмазной Рекой», текущей «перед Великим Троном» и растапливающей «холод тьмы», как пишет Т. М. Двинятина, предположительно, «имеется в виду космическая мировая река, «стержень» вселенной, мировой путь <...>. В данном случае [Алмазная Река. — *Х. Ш.*] может пониматься как нисхождение Корана» [3, 344].

Символические значения этого образа, очевидно, включают указание на истоки исламского верования, явленного в ниспосланных с небес словах Всевышнего. Неподвластные тлену, они — подобно алмазу — вечные. По дошедшему до наших дней преданию, «на крупных алмазах мастера вырезали слова из Корана, так как мудрость Аллаха подобна вечным алмазам» [цит. по: 9, 424]. Вечным назван Коран и в других произведениях поэта.

В стихотворении «Млечная река» события Священной ночи осеняют «незримый путь святого пилигрима». Мотив усилен появлением неслышно ступающего по избранному пути архангела Гавриила:

И Гавриил — неслышно и незримо —
Обходит спящий мир. Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай земле твоей ночь мира и любви! [5, 9].

И. Бунин приводит христианское имя Архангела, незримо обходящего «спящий мир», — в Исламе приближенного к Всевышнему ангела, посредника между Ним и пророками, зовут Джibriлем (Джибраилом). И обращается к Господу с мольбой о благословении пути святого пилигрима. В «Млечной реке» русский поэт следует общему правилу, реализованному в цикле «Ислам», — правилу соединения и конкорданса образов, восходящих к разным культурным кодам.

В лирике о мусульманском Востоке И. Бунину

важно донести до читателей мысль о том, что в результате вмешательства и помощи небесных сил — «Божественного начала», признанного разными конфессиями в качестве «высшего нравственного абсолюта, окружающий мир перестает быть враждебным к людям» [8, 119].

ЛИТЕРАТУРА

1. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Советский писатель, 2007.
2. Бердникова О. А. Возвращение в «потерянный рай» (некоторые аспекты художественной антропологии И. А. Бунина) / О. А. Бердникова // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. — 2008. — Вып. 5. — С. 289–295.
3. Двинятина Т. М. Примечания / Т. М. Двинятина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. — Т. 2. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — С. 343–492.
4. Алейников О. Ю. «Потаённые» смыслы в лирике И. Бунина о мусульманском Востоке / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 4. — С. 5–7.
5. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. — Т. 2. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
6. Бердникова О. А. «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции: Монография / О. А. Бердникова. — Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009.
7. Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. — Т. 1. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014.
8. Взаимопроникновение культур: Коран в русской поэзии / [авторы-сост. Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко; отв. ред. М. П. Мчедлов]; Ин-т социологии РАН. — М.: Наука, 2006.
9. Алейников О. Ю. Испытание Востоком / О. Ю. Алейников // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. Сборник научных статей. — М.: ИМЛИ РАН, 2014. — С. 417–427.
10. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. Изд. 16-е. — Ростов н/Д: Феникс, 2014. Все цитаты из Корана, кроме специально оговоренных, приводятся по этому изданию. В тексте указываются номера сур и аятов.
11. Двинятина Т. М. Иван Бунин: жизнь и поэзия / Т. М. Двинятина // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. Т. 1. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. — С. 5–91.

Воронежский государственный университет
Аль-Рубаиави Хуссейн Шайяль
E-mail: sarinhussain82@gmail.com

Voronezh State University
Al-Rubaiawi Hussein Shayal
E-mail: sarinhussain82@gmail.com

ЭТНОНИМЫ В БЫЛИННОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ БЫЛИНЫ «ДОБРЫНЯ ЧУДЬ ПОКОРИЛ»)

И. П. Черноусова, Яссин Сарханг Раш Яссин

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 14 ноября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика семантики этнонимов в былинной картине мира, которая проявляется в расширении значения слова за счет наложения этно-исторической коннотации, содержащей эмоционально-оценочную информацию. Такого рода трансформацию значения мы называем генерализацией семантики этнонима, а этноисторическую коннотацию — аксиологическим ореолом этнонима. В былине «Добрыня чудь покорил» выявлены названия семи этносов, представляющих обобщенный образ врага русского народа, среди которых выделяются финно-угорские народности (чудь), этносы Восточной и Средней Азии (сорочина, калмыки, татары), Крыма и Кавказа (черкасы), Северной Азии / Сибири (чукчи и алыторы). В этнонимах анализируемой былины последовательно перечислены воинственные этносы, находившиеся по периметру границ России и представлявшие опасность нападения для святой Руси. В этом находят выражение этностереотипные представления, связанные с оппозицией «свой» / «чужой» и сформированные в процессе различных исторических событий.

Ключевые слова: этнонимы, этнический стереотип, генерализация семантики этнонима, аксиологический ореол этнонима, былинная картина мира, оппозиция «свой-чужой».

Abstract: the article explores the specificity of ethnonymic semantics in the epic tale picture of the world manifested in the expansion of the meaning of a word due to the superimposition of ethno-historical connotations containing emotional and evaluative information. We call this type of transformation of meaning 'the generalisation of the semantics of an ethnonym', while proposing the term 'the axiological halo of an ethnonym' for the ethno-historical connotation. The epic tale "Dobrynya conquers the Chudes" has been found to contain the names of seven ethnic groups representing a generalised image of the enemy of the Russian people, among which there are Finno-Ugric peoples (Chudes), ethnic groups of East and Central Asia (Saracens, Kalmyks, Tatars), Crimea and the Caucasus (Circassians), North Asia / Siberia (the Chukchi and Alyutors). The ethnonyms of the analysed epic tale reflect the belligerent ethnic groups that were located along the borders of Russia and posed a threat of attacking Holy Rus. This is a manifestation of ethno-stereotypical ideas associated with the opposition "own" / "alien" and formed in the course of various historical events.

Keywords: ethnonyms, ethnic stereotype, generalisation of the semantics of an ethnonym, axiological halo of an ethnonym, epic tale picture of the world, the "own-alien" opposition.

Работа выполнена в рамках антропоцентрической парадигмы, в русле лингвофольклористики и нового научного направления — лингвистической имагологии, изучающего образ чужой страны и чужого народа, создаваемый языковыми средствами. В исследовании использовались лексико-семантический, контекстный методы и методика историко-лингвокультурологического анализа.

Объектом исследования являются этнонимы (названия этнических общностей), функционирующие в былинной картине мира, **предметом** — отражение в семантике этнонимов традиционных знаний о представителях этносов, закрепленных в этнических стереотипах.

Мы исходим из того, что при изучении этнонимов в фольклорно-языковой картине мира необходимо учитывать не только указание на государственную и национальную принадлежность человека (информация, которая содержится в толковых словарях), но и устойчивые представления о различных этнических группах. «Этнические стереотипы находят свое выражение в различных импликациях, осуществляющих приращение смысла к исходным значениям слов этнонимов» [1, 114]. Этностереотипные представления, связанные с основной лингвокультурной оппозицией «свой» / «чужой», являющиеся истинными или ложными, положительными или отрицательными, содержат эмоциональную, оценочную и экспрессивную информацию и образуют аксиологический ореол этнонимов.

Цель работы — определить специфику семантики этнонимов в былинной картине мира. Поставленная цель предполагает выявление этностереотипных представлений, находящих отражение в значении этнонимов в былинной картине мира.

Научная новизна заключается в том, что это первое исследование этнонимов в былине с учетом этнических стереотипов, представляющих собой устойчивый образ своего или чужого этноса.

Базой эмпирического материала послужили «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» [2], для анализа взята былина «Добрыня чудь покорил», в которой подробно описаны подвиги Добрыни. На почетном пиру в стольном городе Киеве князь Владимир дает богатырям княжеское поручение, которое вызывается выполнить Добрыня Никитич. Суть богатырского подвига Добрыни заключается в расчистке, освобождении прямоезжей дороги, что способствует единению народа.

*«Есть ли в Киве тако(й) человек
Из сильных-могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальнюю,
А и дальну службу заочную,
Кто бы съездил в орды немирныя
И очистил дороги прямоезжия
До моего тестя любимова,
До грозна короля Этмануила Этмануловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополюю,
А и тех черкас петигорских
И тех калмыков с татарами,
Чушки все бы и аюторы?»*

<...>

*«Здравствуй ты, асударь Владимир-князь
Со душою княгинею Апраксевиною!
Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
Съездил в дальны орды немирныя
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимова,
До грознова короля Этмануила Этмануловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополюю
И тех черкас петигорских,
А и тех калмыков с татарами,
Чушки все и аюторы!».*
Втапоры за то князь похвалил:
*«Исполать тебе, доброй молодец,
Что служишь князю верою и правдою!»*
[2, № 21, с. 136, 140].

Здесь в былине представлен собирательный образ врага русского народа, состоящий из семи этносов: чудь белоглазая, сорочина долгополая, черкасы петигорские, калмыки, татары, чушки, аюторы, в котором находят выражение этностереотипы: эти воинственные народы, враждебно настроенные по отношению к святой Руси («орды немирные»), представляют опасность нападения. Анализ эпитетов, относящихся к эт-

нонимам, покажет, какие дополнительные признаки включаются в сферу стереотипных представлений.

Рассмотрим сначала этноним, который содержится в названии былины, — *чудь*. Этот этноним издавна привлекал внимание исследователей. «Чудь — название в древнерусских летописях эстов и родственных им угро-финских племен (заволочская чудь), живших во владениях Новгорода Великого к востоку от Онежского озера — по рекам Онега и Северная Двина» [3 (т. 29), 251]. Существуют различные этимологии этого названия (славянская, германская, финно-угорская и даже «скифская» [4, 165–168]).

Р. А. Агеева, изучившая различные точки зрения исследователей по вопросу об этнической принадлежности чуди (всего шестнадцать точек зрения), признает первичными значениями терминов *чудь*, *чухна*, *чухарь* следующие: 1) вообще финно-угорские народы; 2) прибалтийско-финские народы, в том числе эсты, воть, ижора, карелы, финны, вепсы; 3) (в Заволочье) население бассейна Онеги, Двины, Мезени, Пинеги, Печоры; 4) древнее население, оставившее городища и могильники; 5) древний воинственный народ. Важным она считает, что 1) как самоназвание, этот термин употребляют эсты, воть, вепсы; 2) своими предками чудь считают: коми (зыряне и пермяки), вепсы, частично русские (некоторые семьи на Севере) [5, 195]. Она приходит к выводу, что **чудью** назывались известные и, вероятно, некоторые неизвестные прибалтийско-финские племена (или племена, подвергшиеся их влиянию). Следы их нужно искать в Эстонии и к востоку от нее — в Новгородской, Псковской, Ленинградской, Калининской областях, а также в Заволочье [Там же].

В былине этноним *чудь* употребляется с бранным эпитетом *белоглазая* из-за светло-серого оттенка глаз, характерного для многих финно-угорских народностей. Включение чуди в состав этносов, представляющих обобщенный образ врага, связано с этностереотипом, который сформировался у русских, столкнувшихся с финно-угорскими народами, не желающими им подчиняться при заселении Северо-Восточной Руси. Здесь в былинной картине мира находит отражение факт славянской колонизации Северо-Восточной Руси, начавшейся в VI веке и продлившейся вплоть до позднего Средневековья.

О загадочном исчезновении этого племени говорят пословицы в Словаре В. И. Даля: «Чудь — в землю ушла. Чудь живьем закопалась. Чудь под землей пропала» [6, 612].

Этноним *сарацины* (*сарацины устар.*) — 1. У античных историков — кочевое племя западной и южной Аравии. 2. В эпоху средневековья — арабы и вообще все мусульмане [7 (т. 13), стб. 186]; Старинное название мусульманских народов (арабов, турок и т.п.), принятое у европейцев [8 (т. 4), 37]. *Сарацин* — араб, мусульманин [9 (т. 3), 561].

Употребление в былине этнонима *сарацины* в качестве потенциального врага связано со стереотип-

ным представлением «чужой — принадлежащий другой вере, иноверец», вероятно, для эпических сказителей было известно, что во время крестовых походов сарацины противостояли европейцам на Ближнем Востоке. Эпитет *долгополая*, относящийся к этнониму *сорочина*, имеющий отрицательную оценочность, связан с этностереотипом, что сарацины носили одежду с длинными полами.

Черкесы — 1. Народность, живущая в Карачаево-Черкесской автономной области РСФСР; представители этой народности. 2. Устар. Общее название народностей, населявших Северный Кавказ; представители этих народностей. [7 (т. 17), 886–887]. Современное название *черкесы* фигурирует сначала в форме *черкасы* [9 (т. 4), 344].

В былине используется форма *черкасы*, которая существовала в русском языке вплоть до XIX века, в значении «народности Северного Кавказа, проживающие в исторической области Пятигорье — районе, прилегающем к горе Бештау», поэтому используется эпитет *пятигорские*. В былинной картине мира находят отражение этнические стереотипы, связанные с представлениями о черкесах как о воинственном народе.

Этноним *татары* имеет несколько значений: 1. Название некоторых народностей тюркской языковой группы, живущих в Поволжье, Сибири, Крыму, на Кавказе (в том числе народ, составляющий основное население Татарской АССР); отдельные представители одной из этих народностей. 2. Название различных тюркских, монгольских и некоторых других племен, объединенных в XIII–XV вв. в единое государство — Золотую Орду [7 (15), 140]. В былинах этот этноним используется во втором значении, имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, что объясняется историческими событиями — монгольским нашествием на Русь и монголо-татарским игом (XIII–XV вв.).

Калмык «не что иное, как русская транскрипция самоназвания хальмг». Наиболее распространенное мнение, что «калмык, правильное калмак, есть собственное имя, данное западным монголам от туркестанцев. Сего слова нет в монгольском языке и монголами не употребляется» [10, 11].

В. П. Дарбакова, изучившая различные точки зрения об этимологии этнонима *калмык*, считает, что «этноним хальмг, по всей вероятности, происходит от слова, означающего 'смешанный', поскольку ойраты, отделившиеся от общей массы населения Джунгарского ханства, представляли собой состоящую из разнородных ойратских племен этническую общность, лишь в России — сложившуюся в калмыцкую народность, после революции: в калмыцкую социалистическую нацию» [11, 267–268].

Калмыки — монгольская народность, долгое время ведшая кочевой образ жизни [7 (т. 5), 713]. Предки калмыков — ойраты входили в XIII–XIV вв. в военно-

феодалную империю Чингисхана и его преемников [3 (т. 11), 220], и, вероятно, поэтому в былине употребляются «калмыки с татарами». В стереотипном представлении русского народа калмыки так же, как и татары, значились среди степных народов, часто нападавших на русские границы.

Чукчи (чукчи) — малочисленный коренной народ крайнего северо-востока Азии, разбросанный на огромной территории, алыторы (алюторцы) — этническая группа из коренных малочисленных народов Севера России, живущих на севере Камчатского края.

В комментариях к «Сборнику Кириши Данилова» отмечено, что в перечислении этнонимов: *чудь, сорочина, черкасы пятигорские, калмыки, татары, чукчи, алыторы* «отложились, с одной стороны, обычные эпические представления, с другой — уральско-сибирские впечатления. Чукчи — чукчи, алыторы — алыторцы, одна из наиболее значительных групп коряков, населявшая обширную территорию Камчатского перешейка. Возможно, былина отразила воспоминания сибирских певцов о вооруженных столкновениях с коряками во второй половине XVII в., вызванных произвольным взятием дани» [12, 442]. Здесь в былинной картине мира находит отражение факт завоевания русскими крайнего северо-востока Азии, или освоение Сибири в XVII веке.

Таким образом, семантика этнонимов в былинной картине мира отличается от значений, представленных в словарях. Изменения, или трансформацию значения, происходящих за счет наложения этноисторической коннотации, мы называем генерализацией семантики этнонимов. Термин *генерализация* в значении «расширение семантики родового (кланового), общинного (фратрии, курии, аймака), племенного имени» использовал Г. К. Валеев [13, 177]. Е. С. Березкина, изучавшая этнонимическую лексику в устном народном поэтическом творчестве через призму оппозиции «свое» и «чужое», выявила такую закономерность: «Этнонимическая лексика имеет тенденцию к расширению своего значения от денотативного к оценочному» [14, 5]. В былинной картине мира в этническом имени народа нами выявлено расширение семантики, отмеченной в словарях, за счет добавления эмоционально-оценочных оттенков в значении, которые связаны с существующими этностереотипами.

Мы видим, что в этнонимах анализируемой былины последовательно перечислены этносы, находившиеся по периметру границ России: Север Восточной Европы (чудь), Северный Кавказ (черкесы), Поволжье (калмыки), восточная Азия (татары), Ближний Восток (сарацины), Дальний Восток (чукчи), северо-восточная часть Евразии (алюторы). В названии этих этносов в былинной картине мира содержится традиционный смысл: «относящийся к чужим, представляющий угрозу для Руси».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мучкина Е. С. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов / Е. С. Мучкина // Филология и человек. 2010. № 4. — С. 107–117.
2. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 665 с. **В примерах сохраняется орфография и пунктуация источника.**
3. Большая советская энциклопедия (В 30 томах) / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — Т. 11. — 608 с.; Т. 29. — 1978. — 640 с.
4. Агеева Р. А. Этнический термин «чудь» на территории Севера и Северо-Запада СССР / Р. А. Агеева // Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений», Рига, 1966. — С. 165–168.
5. Агеева Р. А. Об этнониме чудь (чухна, чухарь) / Р. А. Агеева // Этнонимы (ред. В. А. Никонов). — М.: Наука, 1970. — С. 194–203.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. — т. IV — 683 с.
7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.-Л.: АН СССР, Том 5, 1956. — 1918 стб. Т. 13, 1962–1516, Т. 15, 1963–1286 стб. Т. 17, 1965–2126 стб.
8. Словарь русского языка: в 4 томах. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981 — Т. IV — 792 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в четырех томах / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986–1987. — Т. III. — 832 с.; Т. IV. — 864 с.
10. Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с ХУ столетия до настоящего времени. / Н. Я. Бичурин [Иакинф]. — 2-е изд. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. — 127 с.
11. Дарбакова В. П. К этимологии этнонима калмык / В. П. Дарбакова // Этнонимы (ред. В. А. Никонов). — М.: Наука, 1970. — С. 265–268.
12. Евгеньева А. П. и др. Комментарий / А. П. Евгеньева // Сборник Кириши Данилова. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подг. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым. 2-е доп. изд. — М.: Наука, 1977. — С. 425–460.
13. Валеев Г. К. Генерализация семантики этнонима / Г. К. Валеев // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. — Вып. 73. — С. 175–178.
14. Берёзкина Е. С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве: дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Березкина. — Курск, 2001. — 255 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Черноусова И. П., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Яссин Сарханг Раш Яссин, аспирант кафедры русского языка и литературы Института филологии

E-mail: sarhang.yassin@gmail.com

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyuan-Shansky

Chernousova I. P., Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian language and literature Institute of Philology

E-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Yassin Sarhang Rash Yassin, PhD student in the Department of Russian language and literature Institute of Philology

E-mail: sarhang.yassin@gmail.com

ПРИРОДНЫЙ МИР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ДЕТСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА (1907–1915 ГГ.)

Е. Ю. Шестакова

Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя

Поступила в редакцию 16 ноября 2021 г.

Аннотация: статья посвящена раскрытию специфики воплощения природного мира в произведениях о детстве писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева. Аналитическим материалом исследования стали тексты, относящиеся к дооктябрьскому периоду творчества. Автор, прибегая к широкой флористической и фаунистической образности, обращается к важнейшим духовно-нравственным вопросам: ответственности человека за судьбу животного, хрупкости, уязвимости животного и ребенка. Использование богатого мотивного спектра позволило писателю отобразить красоту природного мира, неповторимость внутреннего мира животного, близость героя-ребенка и природы.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, природный мир, произведения о детстве, образ ребенка, образ животного, творчество, русская литература.

Abstract: the article is devoted to the disclosure of the specifics of the embodiment of the natural world in the works about the childhood of the writer of the Russian diaspora Ivan Sergeevich Shmelev. The analytical material of the study was texts related to the pre-October period of creativity. The author, resorting to a broad floral and faunal imagery, addresses the most important spiritual and moral issues: the responsibility of a person for the fate of an animal, the fragility, vulnerability of an animal and a child. The use of a rich motivational spectrum allowed the writer to reflect the beauty of the natural world, the uniqueness of the inner world of the animal, the closeness of the child hero and nature.

Keywords: I. S. Shmelev, the natural world, works about childhood, the image of a child, the image of an animal, creativity, Russian literature.

Для поэтики произведений выдающегося писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) характерно устойчивое устремление к теме детства, являющейся важной «тематической доминантой», «через призму которой Шмелев-художник и Шмелев-мыслитель раскрывает процесс душестроительства» [1, 256]. Проблематика детства в творчестве писателя находится в неразрывной связи с образом природы. Такая ценностно-смысловая установка берет начало в дореволюционном периоде творчества автора, обогащенном объемными и богатыми картинами природного мира, включающего образы животных, птиц, насекомых, растений. Герои в повести «Мэри» (1907), рассказах «Мой Марс» (1910), «Светлая страница» (1910), «На морском берегу» (1910), «Липа и пальма» (1912), «Одной дорогой» (1912), драматической сказке «Догоним солнце» (1915) предстают в прочном единении с природным окружением, выполняющим разнообразные композиционные и содержательные функции.

Начальные пейзажные зарисовки в повести «Мэри» («Дождь порывами стучался в окно <...> По темным квадратам окна ползли дождевые струи <...> Утро было серенькое, тусклое <...> в это скучное

октябрьское утро») [2, 7] не просто служат фоном описываемых событий, но выражают внутреннее угнетенное состояние Числова, утратившего былую жокейскую славу и уважение. Ощущение потерянности, огорченности, униженности героя передается в образах «мокрого забора», грязи, «серенького столба» [2, 8], а непрерывный дождь становится выражением душевного плача старика. Появление молодой лошади Мэри, полной жизненной задора и энергии, прерывает поток невеселых дум Числова. Поведение животного («маленькая, сухая головка игриво поматывалась»), его внешний облик («голубые глаза», «что-то нежное, детское сквозило во всей фигурке»), своеобразие издаваемых звуков («детское ржание») [2, 12] напоминают ребенка. Мэри по-детски чиста, искренна, готова отдать всю себя без остатка в благодарность за кров и вкусный овес. Тем трагичнее воспринимается ее гибель в финальной части повести.

Образ лошади в тексте возникает в устойчивом окружении собаки Жука и воробья. Анималистические и орнитологические образы повести олицетворяются, пес и птица наделяются неповторимым характером, разным проявлением эмоций и темперамента. Жук меланхоличен, медлителен, добродушен, ласков и внимателен по отношению к Мэри. Воробей задид-

рист, криклив, ворчлив, необычайно подвижен, постоянно недоволен юной лошадей. В конце повести воробей изменяет свое отношение к Мэри, осознавая цену жертвы, принесенной ею в обмен на любовь и заботу человека. Автор прибегает к звукоподражанию, передавая особенности «речи» птицы: «— Чуть-жив! <...> Чуть-жив! <...> Вот она, жизнь-то <...> начинается! <...>» [2, 20]. В целом диалоги животных уподоблены обмену репликами, характерными для человеческого общения, с использованием форм вежливого обращения («господа», «вы», «вы очень любезны») и юмористических приемов.

Внутренний мир юной лошади, воссозданный в повести, наполнен разнообразными чувствами и мыслями, автор передает ее смятение («Мэри затихла: темнота пугала ее. Она опустила головку в пустую кормушку, обнюхала пол <...> Что ее ждет? Зачем привезли ее?»), тоску («Как скучно! Я никогда не увижу солнца»), игривость («— Я хотела поиграть с вами»), порядочность («Поверьте, я вовсе не хочу есть даром овес <...> И для вас, господа, я рада что-нибудь сделать: вы такие добрые»), радостное ожидание будущих событий («— И-их-хи-хи-и <...> — радостно заржала она. — Вот оно <...> начинается <...> Это так интересно») [2, 21–23]. Эта игривая «детскость» Мэри особенно импонирует восьмилетнему Сене, внуку Числова. Он ежедневно приходит на конюшню и не отходит от лошади. Перед роковым заездом, живо предчувствуя беду, мальчик, наделенный даром «чуткости к миру природы, животным» [3, 321], пытается остановить деда, защитить любимую лошадь от предстоящего испытания.

Среди образов животных повести выделяют скаковые лошади, участвующие в заезде вместе с Мэри. Они очерчены бегло, фрагментарно, в общих чертах. В Громе подчеркивается тяжеловесность («Он выбрасывал в стороны свои на взгляд тяжелые ноги», «гигант»), в Жанетте — грациозность, красота («Она порхала снежинкой»), в Пуле — крепость, выносливость («гнедая, плотная, точно свинцовая лошадь скакала к трибунам», «идет, как машина»), в Леди — яркий темперамент, изящество («Она неспокойна: конюх держит ее <...> пошла ровным, легким аллюром, мотая тонкой головкой <...> она очень эффектна») [2, 59–60]. Автор не дает прямых оценок ни лошадям, ни жокеям, но в подтексте эпизода, посвященного скачкам, прочитывается ключевая установка повести — напомнить об ответственности человека за животного. По сути, все описанные скаковые лошади неизбежно разделят судьбу Мэри, став жертвами человеческого тщеславия и жадности обогащения.

Основная трагическая тональность повести достигает особой остроты в обрисовке образа Ваксы — старой лошади-водовоза. Уже в деталях внешнего вида животного акцентируется семантика увядания, болезненности, страдания и скорой смерти: «с потерятой местами кожей», «натертое до крови плечо по-

водило легкой дрожью», «повислые уши», «желтые стертые зубы смотрели из-за отвислых губ», «слабые тяжелые веки совсем закрыли глаза», «из кривого, воспаленного глаза сочились слезы» [2, 40–43]. Судьба Ваксы, чья жизнь была отдана служению человеку, становится прообразом будущего, ожидающего Мэри. И в этом смысле эпизод встречи двух лошадей обретает символическое звучание, перед кончиной Мэри признается, что она «стала как Вакса» [2, 76].

Трагическая окрашенность содержательно-повествовательной структуры произведения усиливается в финальных пейзажных картинах, описывающих дом Числова и резко контрастирующих с предыдущими природоописаниями. «Скучный серенький домик», продуваемый «свободно гуляющим ветром» и окруженный «старым вязом» [2, 44], буквально вопиет о бедности его обитателей, граничащей с нищетой. В конце повести пейзажная образность получает мажорное наполнение, вбирая яркую цветовую образность («Сентябрь уже позолотил вершину старого вяза. Тысячи листьев покрыли новую зеленую крышу домика. <...> Белый забор протянулся красивой узорчатой лентой <...> белая труба весело посылала к небу синеватую струйку дыма»), характеристики изобилия и достатка («Поправленный домик уже не имел сиротливого вида: он подбодрился, выпрямился, крылечко игриво выступило во двор») [2, 72]. Эта разница становится еще более очевидной в сопоставлении с описанием внешности Мэри перед смертью: «Плечи ее провалились, влажная шерсть потускнела, гривка не топорщилась щеткой. <...> Ввалились бока,гнулись тонкие ноги» [2, 74].

Образы коней выполняют ключевую роль в рассказе «Светлая страница». Автор подробно останавливается на внешнем облике животных, акцентируя внимание на их старости, изможденности, усталости, израненности. В образе Стальной подчеркнуты «красные воспаленные глаза», «задняя нога», «обернутая в грязную тряпку», «обвислость» [4, 121]. Губошлеп потерял все зубы, шерсть, «весь он точно изъеден молью, и в потертых местах виднелись розоватые пятна кожи» [4, 122]. Кость напоминает живой скелет, в ней «были видны ребра, сильно выдавались ключицы с впадинами и острый хребет, на котором можно было пересчитать все позвонки» [4, 122–123]. Плечи Сахарной «были сильно побиты, с болячками в пластырях» [4, 123].

Отношение героев-детей и Сидора Кривого к лошадям определяет ведущую гуманистическую направленность рассказа. Мальчики поражены открывшейся перед ними сценой: старые, отслужившие свое животные, обречены умереть на живодерне. Страстное желание главного героя отстоять Сахарную, предотвратить страшную гибель, обусловлено склонностью детской души к любви и милосердию. Кривой ощущает глубокую духовную близость со своими подопечными («Я-то уж их вот как знаю.

Все-то их жилки знаю»), ласково называет их «моими животинками» [4, 122]. Именно Сидор рассказывает детям о таинственных «разговорах» лошадей, интерпретируя их как жалобу на судьбу: некогда привилегированное положение сменяется водокачкой, а чуть позже — неизбежной живодерней. Особенно тяжело Губошлепу, как бывшему военному коню, вынужденному испытать нарастающее бессилие, болезненность и ненужность. Пленителен эпизод, описывающий «дружбу» Сахарной и Губошлепа. Старый конь любит класть на шею подруги «свою мягкую морду» [4, 124] и начать лизать. Сидор Кривой рассуждает о высокой миссии человека по отношению к животным, сопоставимой с божественной миссией. Как Господь является Хозяином для человека, так и человек, по мысли старого солдата, — хозяин «над всей землей» [4, 128].

Анималистическая образность становится ключевой в рассказе «Мой Марс», главный герой которого, ирландский сеттер, называется настоящим другом рассказчика. Юмористическое начало определяет своеобразие художественной структуры рассказа. Все эпизоды, связанные с Марсом, и характеристики, данные ему, наполнены очевидным комическим эффектом. Художественная установка — «внешность обманчива», заявленная в начале рассказа, руководит автором при раскрытии образа собаки: «Весь рыжий, ласковые глаза. Очень смиренный, когда спит на коврике, под вешалкой. Даже иногда улыбается во сне. Очень мило виляет роскошным хвостом. А вы попробуйте выдернуть у него косточку из пасти! <...> шельма порядочная» [5, 70]. В поведении собаки выделяются черты игривости, подвижности («<...> с визгом и лаем вынырнул Марс. Он вертелся и лаял так, точно его проткнули раскаленным железом. Он крутился желтым клубком, мчался винтом, сверля воздух своим вертлявым хвостом, прыгал, кидался на прохожих и фонари, проделывая все свои ловкие штуки, бросался к моему лицу и яростно гавкал»), добродушия («<...> он очень великодушен. Он поразительно любит детей. <...> Очень добродушно он относится и к маленьким собачкам»), очаровательной непосредственности («Хотя и английского происхождения, но не горд и внимательно следит за кусками, поводя носом и выпрашивая глазами») [5, 71].

Естественность в проявлении чувств, свойственная собаке, вступает в противоречие с чопорностью поведения и внутренней закрытостью, сдержанностью, принятыми в человеческом обществе. Оказавшись на корабле, Марс вызывает в окружающих людях лишь раздражение и неприятие. Его свободное, непринужденное поведение трактуется как противоречащее установленным нормам и требующее наказания. Однако угроза гибели собаки пробуждает в человеческих сердцах предрасположенность к искреннему сопереживанию. Рассказчик наблюдает за разительными изменениями в выражениях лиц

людей: «Я вижу встревоженные лица. Я слышу жалующие голоса» [5, 75]. Спасение Марса вызывает общее воодушевление и радость: «И все, решительно все, довольны, веселы, счастливы даже» [5, 75]. В людях проступает «детское», чистое, искреннее начало [3, 320–321]. В сущности, повествователь обнажает перед читателем его истинное естество, глубинное, настоящее в человеке связано с искрой Божьей — любовью, участием, состраданием.

Хрупкость, уязвимость животного, его зависимость от воли и решения человека показаны в рассказе «Одной дорогой». Мотив незащитности животного, звучащий в тексте, связан с образом собаки Норки, появляющейся в начале повествования. Этот мотив крепнет по мере развития сюжета и достигает кульминации в эпизоде рождения и гибели щенков. Внутренний мир мыслей и переживаний животного передается опосредованно, от третьего лица — авторского «голоса». Размышления Норки отрывочны, мысль быстро переходит с одного объекта размышления к другому, и тут же останавливается: «Она не могла долго думать и начинала дремать» [6, 4]. Животному присуще чувство привязанности к человеку и дому, верности им, стремлении защищать от чужого вторжения. Воспоминания о первом хозяине постоянно посещают Норку, наполняют ее сердце теплом и благодарностью. Собственно, его смерть становится основной причиной бездомности собаки, ее бесприютности и нескончаемых мучительных скитаний.

Образ дороги (пути), ведущий в тексте, объединяет человека (четырёхлетнюю Катюшу) и животное, заставляет их ощутить внутреннюю близость, выраженную в нищете, одиночестве, поиске временного крова и хлеба насущного. Здесь с особой силой проявляется следование И. С. Шмелевым «"демократической" линии русской литературы» [7], выражающейся в установке на отображение ценности человека, его личности, индивидуальности, и, шире, интересе к внутренней жизни любого живого существа. Внутреннее мироощущение и миропонимание собаки и ребенка рассматриваются как равноценные величины, в одинаковой степени достойные авторского и читательского внимания. Яркая деталь («задрожавшее сердце») как нельзя точно отражает переживания Норки, осознавшей, что она навсегда утратила возможность жить в доме любимого хозяина. Тревожный поиск ею своих унесенных тряпичником щенков, раздирающий душу ночной вой сопоставляется с одиночеством Катюши, вынужденной целые дни проводить в тени двора, наблюдая за проходящими мимо людьми, состоянием моря и проплывающими по нему парусниками. Финальное воссоединение Катюши и Норки следует логике сюжетно-смыслового развития рассказа, ребенок и животное объединяются в своей ранимости и незащитности, чтобы поддерживать и укреплять друг

друга, двигаясь по непростой, полной опасностей и невзгод дороге жизни.

Особая внутренняя близость героя-ребенка и липы описана в рассказе «Липа и пальма». Эта тема предстает в обрамлении обширной картины, до предела насыщенной образами природы: «ключья талого снега», «лежащие в полях», «зеленые молодые побеги», растущие на «спуске к реке», «золото пуховиков вербы у реки» [8, 3], гуси, грачи, скворцы, черемуха, пчелы. Богатое колористическое разнообразие свойственно описаниям цветов и растений: «Сирень раскинет кудрявые кисти, мышинный горошек выбросит фиолетовые цепочки, в лугах потянет медоносной кашкой, шиповник за пасекой осыплет себя розовым цветом, а там <...> запестреет гречиха, и липа повесит золотые сережки» [8, 4]. Природные образы в рассказе олицетворяются, их чувства выражают радость от наступления весны и обилия солнечного света: «Подымались на бурых ножках голубые подснежники и улыбались весне. А она, шумная и зеленая, шла в шорохе снеговых потоков <...> — Солнце! — тоненькими голосками звенели первогодки (пчелы. — *Е. Ш.*). — Много, много солнца!» [8, 4].

Рассказ строится с помощью системы оппозиций, в основе которой лежит противопоставление естественного природного мира, чья жизнь полнокровна и насыщена, и оранжерейных растений. Мотив красоты оранжерейных цветов («розовые и желтые тюльпанчики», «нежная семейка ландышей», «хрупкие, точно фарфоровые, гиацинты», «облитые бело-розовым цветом азалии») соединяется с темой мертвенности («цветы были мертвы», «они спали <...> в своем хрустальном гробу»), мотивами холода («холодом поблескивали стекала оранжереи»), тишины, печали, сна («Тихие цветы печально глядели в море лунного света. Что-то зеленое и темное сонно стояло за ними») [8, 5]. Напротив, растения, находящиеся за пределами «хрустального гроба» [8, 6], наполнены солнцем, светом, живительной энергией. В особенности это характерно для липы, которая весной стоит «в благодатном величии», «обвешанная гроздьями золотистых цветов» [8, 16].

Духовное «противостояние» липы и пальмы, питомицы «стеклянного сада», составляет основной ценностно-содержательный стержень рассказа. Пальма «чужда земле» [8, 12], полна холодного высокомерия, проявляющегося в резко-уничжительном, откровенно грубом отношении к липе. Липа выказывает почтение гордой красавице, призывает вырваться из стеклянной темницы на вольные просторы, к ветру и солнцу. Все остальные флористические и фаунистические образы рассказа выстраиваются вокруг центрального конфликта между липой и пальмой. Липа особо любима пчелами, с удовольствием собирающими нектар с ее ароматных цветов, скворец яростно ненавидит высокомерную пальму, возмущается, «шипит» [8, 14], протестуя против незаслужен-

ного пиетета перед нею. Острота противостояния двух деревьев достигает кульминации после решения хозяина оранжереи срубить липу, загораживающую пальме солнце. Грач, скворец, пчелы вступают в открытое противостояние с виновницей предстоящей расправы с любимой липой, стремятся физически уничтожить высокомерную преступницу.

Липа осознает неизбежность скорой гибели, метафорический образ «льющихся золотых слез» выражает ее внутреннюю подавленность, острое переживание горя, страх перед кончиной. Вместе с тем она полна смирения перед судьбой, никого не осуждает и не обвиняет: «Будет так, как нужно» [8, 19]. Плач липы чутко улавливают птицы и пчелы. Благородство липы, ее страдания до глубины души трогают садовника Ивана Степаныча и сына хозяина Андриюшу. Мальчик ощущает глубинную внутреннюю связь с деревом, «слышит» его прощальный голос в игре дудочки, «встречается» с ним во сне. Он стремится предотвратить предстоящее «убийство», упрощает отцу не губить липу, воспринимая ее живым существом, способным испытывать страдания и умеющим любить.

Концовка рассказа, отражающая развязку напряженного трагического сюжета, получает неожиданное решение. Зло, задуманное тщеславным, жестоким человеком, разрушается, торжествует справедливость, привнесенная извне, высшей силой. Это понимание выражено в словах Ивана Степаныча: «Дела Божьи» [8, 45]. Мотив холода и смерти венчает эпизод гибели пальмы. Образы-метафоры «холодных сетей» мороза, «страшной серебряной сетки» инея, мотивы печали, грусти, тоски, тема смерти пронизывают финальную пейзажную картину. Внутренний холод «души» пальмы словно вырывается наружу, целиком заполняя окружающее пространство, захватывая и ее саму в смертельные объятия.

Проблема жестокого отношения человека к животному, получающая справедливое разрешение, поднимается и в рассказе «На морском берегу». Капитан, дядя главного героя — мальчика Жоржика, одержим страстным желанием уничтожить черепах, съедающих его виноград. Яма-темница, лишенная солнечного света, до предела наполненная заживо погребенными животными, поражает рассказчика — воспитателя Жоржика. Черепахи уравниваются с человеком, воспринимаются такими же созданиями Божиими. Это понимание в полной мере постиг старый грек Димитраки, в доме которого живет черепаха на правах друга, члена семьи. Рассказчик поражается ее сообразительности, чуткости, верности. Черепахи, оказавшиеся в яме капитана, освобождаются Жоржиком, чье детское сердце не знает жестокости и беспощадности. Капитан наказывается за свой эгоизм, в подтексте появляется тема возмездия Господа, проявляющаяся как победа добра над злом.

Божьими созданиями в рассказе предстают

не только черепахи, но и «мошки, и былинки» [9, 14]. Весь природный мир включается в благодатное пространство, сотворенное Господом: «зелень тополей и верб», «стада гусей», «дремлющих на жирном черноземе», «меловые срезы холмов», «сияющих в свете ленивого полудня», «золотящиеся поля зацветающего подсолнечника [9, 15]. Образ солнца доминирует в пейзажных картинах рассказа, оно «садится красным огромным шаром», осеняет пространство «ярким кровавым отсветом» [9, 17]. Одухотворенная красота природы призвана завуалировать «убожество» человеческой жизни, полной несчастий и испытаний.

Восхитительные цветы дикого чеснока и «снежных каперсов», «чудесно сияющих атласными, нежными цветами», «благодушно почвокивание дроздов», «звонкий гром цикад», вид «белого кружева прибоа» [9, 20] являются истинным утешением старого Димитраки, потерявшего родину и семью. В целом морские пейзажи призваны скрасить трагические события, происходящие в жизни маленького героя, наслаждение «крепкой соленой свежестью морского утра», видом «моря с бело-розовыми полосами течений на зеленоватой глади», дали, «курящейся фиолетовыми тенями» [9, 25], утишает горестные мысли мальчика и его воспитателя.

Пейзажное пространство в рассказе антиномично, идиллический мир (остров Хиос — родина Димитраки; «неизведанные страны» Жоржика) контрастирует с реальной локацией, которая, несмотря на свою внешнюю красоту, неизбежно связана с темой потерь, расставаний, страданий, болезни, одиночества и смерти. Идиллический хронотопа обладает свойствами «рая», совершенного счастья и безмятежности, вечной жизни, он изолирован от физических и душевных мучений. Образ сада капитана, связанный с мотивом изобилия («И чего-чего не было здесь! Какие-то особенные “трехфунтовые” груши. <...> Китайские персики, японская черная слива. <...> весело цвели мальвы <...> Розовые олеандры <...> посылали тонкий аромат свежей миндальной горечи») [9, 27], акцентирует идею создания рая на земле, является попыткой перенесения идиллического хронотопа в границы реального пространства. В конечном счете, природный фон, возникающий в тексте, соединяется с темой надежд героев на лучшее существование, лишённое искаженности и дисгармоничности.

Тема надежд на счастливую жизнь и образы героев-мечтателей появляются в драматической сказке «Догоним солнце». Все природные образы произведения (птицы, животные, пресмыкающиеся, насекомые, цветы, растения, грибы) разделены на верящих в мечту и стремящихся воплотить ее в жизнь, и на тех, кто внутренне несвободен, сугубо прагматичен и предпочитает полусонное существование в «болоте». Образ солнца в тексте является важной семантической доминантой, наделенной значением

высокой, прекрасной цели, к которой должно стремиться каждое живое существо. О гимне солнцу, присутствующем в драматической сказке, рассуждает Я. О. Дзыга, обнаруживая «концептуальные мотивы детей солнца, “жизнеподательной” солнечной системы» [10, 90]. Образ солнца развивает мотив «опасной дороги», связанной с испытаниями и несчастьями, требующей «терпения и смелости» [11, 7]. Эпизод об угрозе острижения крыльев юного журавля прочитывается иносказательно, как стремление лишить героя-мечтателя физической и духовной возможности в достижении высшей цели и лучшей судьбы.

Итак, рассматривая важнейшие особенности поэтики природного мира в дореволюционных произведениях о детстве И. С. Шмелева, можно отметить, что пейзажные зарисовки связаны с эмоциональным состоянием героев, выполняют функцию психологического подтекста. Ведущей семантической доминантой шмелевских произведений становится антропоморфизм анималистической и орнитологической образной системы. Прием звукоподражания, передача диалогизированной формы общения животных и птиц связаны с художественной установкой автора на анималистичность трактовки образной структуры произведений. В текстах со всей полнотой раскрывается внутренний мир животных, передаются их чувства и мысли. Мотив «детскости», характерный для анималистичных образов, восходит к проблеме ответственности человека за судьбу животного. С природоописаниями соединена гуманистическая проблематика произведений. Амбивалентность художественной структуры пейзажной образно-мотивной системы произведений определяет наличие как трагического, так и ярко выраженного юмористического начала. Проблема внешнего и внутреннего в человеке и животном воссоединяется с образом искры Божией, присущей каждому живому существу — созданию Господа. В дореволюционных произведениях о детстве И. С. Шмелева нашла отражение тема хрупкости, уязвимости животного и ребенка, их зависимости от воли и решения взрослого человека, мотив особой внутренней близости героя-ребенка и природного мира. Система оппозиций определяет специфику поэтики шмелевских произведений о природе и детях. В текстах нашли отражение мотивы красоты природы, тема надежд на достижение гармоничности в отношениях человека и природы, образы героев-мечтателей, образ солнца как выражение высокой цели, к которой должно стремиться каждое живое существо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скоропадская А. А. Образы иноплеменников в ранней прозе И. С. Шмелева / А. А. Скоропадская // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 255–271.
2. Шмелев И. С. Мэри: рассказ / И. С. Шмелев. — Париж: Возрождение, 77 с.

3. Сосновская О. А. От «Света знания» к «свету разума»: образ детства в прозе И. С. Шмелева 1906–1910 гг. / О. А. Сосновская // Проблемы исторической поэтики. — 2016. — № 14. — С. 311–332.
4. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. / И. С. Шмелев. — Т. 8 (доп.). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки. — М.: Русская книга, 2000. — 608 с.
5. Шмелев И. С. Мой Марс: рассказ / И. С. Шмелев. — М.: Советская Россия, 1990. — 284 с.
6. Шмелев И. С. Одной дорогой / И. С. Шмелев. — М.: Издание редакции журнала «Юная Россия», 1912. — 48 с.
7. Есаулов И. А. Поэтика литературы русского зарубежья: (Шмелев и Набоков: два типа завершения традиции) // И. А. Есаулов. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1995. — С. 238–266.
8. Шмелев И. С. Липа и пальма: рассказ с рис. / И. С. Шмелев. — М.: Издание редакции журнала «Юная Россия», типография К. Л. Меньшова, 1912. — 45 с.
9. Шмелев И. С. На морском берегу / И. С. Шмелев. — Белград: Русская типография, 1930. — 53 с.
10. Дзыга Я. О. Образ солнца в творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта / Я. О. Дзыга // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. — Т. 153. — Кн. 2. — С. 86–96.
11. Шмелев И. С. Догоним солнце. Солдат Кузьма / И. С. Шмелев. — М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — 67 с.

Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя
Шестакова Е. Ю., кандидат филологических наук, библиотечарь
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

N. V. Gogol Central Library
Shestackova E. Yu., Candidate of Philological Sciences, librarian
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

СИСТЕМА СООБЩЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ

В. А. Евдокимов

Омская гуманитарная академия

Поступила в редакцию 17 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассмотрен механизм сохранения целостности материалов региональных сетевых информационных агентств как гибкой, самоорганизующейся системы, способной корректировать свое состояние. Проанализирована структура системы материалов этих агентств. Показаны многообразные связи элементов системы журналистских произведений, отражающих реакцию сетевых служб новостей на события и процессы, происходящие в регионах, стране.

Ключевые слова: универсальное региональное сетевое информационное агентство, система, структура.

Abstract: the functioning of regional network news agencies is a flexible, self-organizing system capable of correcting its condition. At the highest level of the hierarchy of its components — search, collecting information, at the lowest level — processing and distribution of messages. The messages of Russian universal regional network news services form an open system, dynamically developing integrity that interacts with the external environment, reflects different social and political events and processes. Dynamism of social development, innovative processes, coexistence of different cultures, vertical and horizontal mobility of people, the implementation of their creative possibilities determine the mechanism of maintaining the integrity of the system of materials of universal regional network news agencies.

Keywords: universal regional network news agencies, system, structure.

Региональные сетевые информационные агентства, возникшие в России сравнительно недавно, в 1990-е гг., формируют картину жизни территориальных сообществ, распространяют сообщения о событиях, происходящих в политике, экономике, культуре, социальной сфере. Если функционирование мировых и общенациональных информационных агентств подвергнуто обстоятельному изучению [1–7], то процесс становления и развития универсальных региональных сетевых служб новостей удостоен меньшего внимания, хотя таковых насчитывается в России значительное количество. В группу региональных включены сетевые информационные агентства, освещающие преимущественно жизнь краев, областей, республик, находящихся в составе Российской Федерации.

Используя метод контент-анализа, автор принял попытку определить структуру системы материалов, распространяемых универсальными региональными сетевыми информационными агентствами. В выборку для исследования представлены две республики, находящиеся в составе Российской Федерации, — Татарстан и Башкортостан, два края — Пермский, Красноярский и шесть областей (Новосибирская, Омская, Нижегородская, Воронежская,

Свердловская, Челябинская). Центрами территорий являются города, численность населения которых превышает один миллион человек. Регионами накоплен экономический, научный, технологический потенциал, опыт участия в формировании информационного пространства страны. В фокусе внимания региональных сетевых информационных агентств — деятельность институтов, гражданских, социокультурных и производственных организаций.

Рассматривая материалы региональных сетевых информационных агентств, вышедшие в свет в первой половине 2021 г., автор учел различные категории и признаки (название агентства, события и процессы, происходящие преимущественно на территории одного региона, язык, тематика публикаций, наличие сайта в интернете, номер и дата государственной регистрации, год создания). В выборку включены универсальные региональные сетевые информационные агентства, выпускающие материалы на русском языке о жизни краев, областей, республик, находящихся в составе Российской Федерации, и не учтены филиалы общенациональных или межрегиональных информационных агентств, а также службы новостей, в фокусе внимания которых находятся события, происходящие в городах. Исследованы публикации, подготовленные журналистами универсальных региональных сетевых информационных агентств и перепечатанные из дру-

гих медиа. Данные об универсальных региональных информационных сетевых агентствах представлены в таблице 1.

Таблица 1. Выборка универсальных региональных сетевых информационных агентств

Наименование региона. Количество анализируемых универсальных региональных сетевых информационных агентств

1. Воронежская область 1
2. Нижегородская область 4
3. Новосибирская область 2
4. Омская область 6
5. Свердловская область 2
6. Челябинская область 4
7. Республика Башкортостан 2
8. Республика Татарстан 2
9. Красноярский край 3
10. Пермский край 1

Всего 27

В соответствии с таблицей 1 в выборку для исследования включены универсальные региональные сетевые информационные агентства общего интереса, которые зарегистрированы и регулярно распространяют сообщения преимущественно о событиях и процессах, происходящих в краях, областях и республиках, находящихся в составе Российской Федерации, имеют сайты в Интернете. Учредителями большинства территориальных сетевых информационных агентств являются частные компании, меньшая часть служб новостей создана региональными органами государственной власти.

Исследователями предприняты попытки определить существо деятельности информационных агентств в XXI в. Я. Н. Засурский характеризовал информационные агентства как специализированные предприятия (организации, службы, центры), обслуживающие средства массовой информации [8, 104]. Информационное агентство описывают и как организацию, специализирующуюся на продаже государственным и коммерческим структурам новостей и аналитической информации [9, 62], и как информационно-коммуникативный комплекс по накоплению, обработке и распространению общезначимых сведений, обеспечивающий оптимальное функционирование коммуникативной системы в рамках массового общества [1, 144]. Т. И. Фролова интерпретирует информационные агентства как специализированные предприятия (организации, службы, центры), основными функциями которых являются сбор, обработка и распространение новой оперативной информации: политической, экономической, социальной, культурной [2, 356]. Существенными признаками, которые позволяют выделить информационные агентства как самостоятельную типологическую группу, являются аудиторные и целевые: поиск, сбор, обработка, распространение и хранение информации, предназначенной для последующего использования про-

фессионалами средств массовой информации. Преимущественно новостной контент, эксклюзивность, оперативность, непрерывность и большой объем информации являются основными характеристиками информационных агентств [3, 18–19].

Оперативные эксклюзивные сообщения аудитория рассчитывает получать и от информационных онлайн-агентств как специализированных организаций, сочетающих функции средства массовой информации и информационного агентства, занимающихся сбором, обработкой и распространением информации через Интернет средствами массовой информации и массовой аудитории [10, 8]. Информационное интернет-агентство характеризуют и как оригинальное электронное издание, изначально созданное и функционирующее в сетях [11]. Система сетевых информационных агентств, по мнению исследователей, реализует функции средств массовой информации в интернет-пространстве [12].

Причиной возникновения универсальных региональных сетевых агентств является интерес жителей краев, областей, республик, находящихся в составе Российской Федерации, к местной информации. Сетевые службы новостей заполняют информационные лакуны и подпитывают национальные агентства сообщениями из глубинки [13, 131]. Правда, исследователи полагают, что от местных служб новостей было бы некорректным требовать большого объема информации, оперативности, непрерывности [3, 28]. Традиционное лидерство информационных агентств в оперативности предоставления сообщений ослабевает [14, 269–270].

Чтобы заполнить информационные лакуны, региональные сетевые агентства ведут поиск, сбор, обработку и распространение сведений, которые должны быть интересными и для массмедиа, и для аудитории, конкурентоспособными в сравнении с материалами, предлагаемыми читателям онлайн-изданиями, агрегаторами новостей, сайтами развлечений. Сообщения сетевых служб новостей формируют открытую систему, динамически развивающуюся целостность, взаимодействующую с внешней средой — организациями, учреждениями, предприятиями, их пресс-службами. Динамизм общественного развития, инновационные процессы, сосуществование разных культур, вертикальная и горизонтальная мобильность людей, реализация их творческих возможностей определяют действие механизма сохранения целостности этой системы. Одни элементы системы подчинены другим. На ее высшем уровне находятся материалы под рубриками «Политика», «Экономика», «Общество», «Культура». На низшем уровне системы — сообщения под рубриками «Наука», «Образование», «Спорт», «Агропром». Вертикальные связи устойчивы, элементы высшего уровня координируют компоненты низшего уровня системы публикаций. Региональные сетевые информационные агентства

отражают решения, принимаемые субъектами политической власти и выполняемые учреждениями науки, образования, здравоохранения, социальной защиты населения. Соотношение сообщений, находящихся на высшем или низшем уровне иерархии системы материалов информационных агентств, не является постоянным. Ориентация экономики региона на производство значительного для страны объема сельскохозяйственной продукции может создать условия для перемещения журналистских произведений под рубрикой «Агропром» на высший уровень иерархии системы материалов сетевого информационного агентства.

На низшем уровне системы материалов региональных сетевых информационных агентств находятся и публикации под рубриками «Происшествия», «Криминал». Судя по расположению рубрик на сайтах, некоторые информационные агентства, например «Башинформ», «ДжастМедиа», придают освещению происшествий большее значение, чем сообщениям о событиях, происходящих в сфере культуры. Публикуя многочисленные материалы о происшествиях рядом с сообщениями о разнообразных формах взаимодействия людей в социальном пространстве, сетевые информационные агентства, вероятно, и учитывают интерес читателей к противоречиям действительности, конфликтным ситуациям, правоприменительной практике, и предпринимают попытку облегчить восприятие массовой аудиторией журналистских произведений о политике, экономике, науке. Структура системы материалов региональных служб новостей гибка: если в какой-то период общественно-политическая жизнь региона бедна событиями, пустоты в информировании аудитории чаще всего заполняют сообщения о происшествиях.

Таблица 2. Тематика материалов универсальных региональных сетевых информационных агентств (в процентах, первая половина 2021 г.)

Политика	10,8
Экономика	8,2
Социальная сфера	11,3
Культура	8,8
Право	7,6
Наука	5,7
Образование	7,4
Здравоохранение	14,1
Спорт	9,9
Происшествия	16,2

В таблице 2 представлена тематика материалов, опубликованных региональными сетевыми информационными агентствами в первой половине 2021 г. Связи элементов системы журналистских произведений многообразны, они отражает реакцию служб новостей на события и процессы, происходящие в регионах, стране. В первой половине 2021 г. сетевыми службами новостей борьба с пандемией коронавирусной инфекции посвящено больше материалов, разме-

щенных под различными рубриками, чем событиям, происшедшим в сферах культуры, науки, образования.

Деятельность региональных сетевых информационных агентств представляет гибкую, самоорганизующуюся систему, способную корректировать свое состояние. На высшем уровне иерархии ее компонентов — поиск, сбор информации, на низшем уровне — обработка, распространение и хранение сообщений. Для того, чтобы соответствовать статусу, информационному агентству, видимо, необходимо иметь сеть корреспондентов в городах и районных центрах, а также постоянные источники сообщений, осведомленные о функционировании органов государственной или муниципальной власти, субъектов правоохранительной системы, частных компаний. Такими возможностями региональные сетевые службы новостей, как правило, не обладают, как и доступом к технологиям, привычным для крупных общенациональных информационных агентств. Вследствие этого не исключено периодическое замедление функционирования одних подсистем и их элементов и возникновение трудностей, влияющих на другие компоненты системы деятельности региональных сетевых служб новостей. Быстрота обработки и распространения информации зависит от качества поиска и ее сбора. Если же элементы, находящиеся на высшем уровне системы деятельности региональных сетевых информационных агентств, передают ограниченное количество сообщений на низший уровень, то становится ощутимой нехватка сведений, которые могут быть обработаны журналистами и отправлены потребителям. Сохранить целостность системы функционирования сетевых служб новостей позволяют интегративные свойства, проявляемые ее элементами, недостаток оригинальных материалов компенсируется использованием известий, почерпнутых в массмедиа, пресс-релизах, в частности цитированием сообщений о происшествиях, подготовленных пресс-службами правоохранительных органов.

Таблица 3. Характеристика сообщений, распространяемых универсальными региональными сетевыми информационными агентствами (в процентах от общего объема распространенных сообщений, первая половина 2021 г.)

Эксклюзивные материалы	37,4
Перепечатанные материалы массмедиа	25,7
Изложение пресс-релизов	36,9

В таблице 3 представлены данные о количестве распространенных универсальными региональными сетевыми информационными агентствами эксклюзивных, перепечатанных из массмедиа материалов, а также основанных на пресс-релизах. Соотношение этих произведений изменчиво. С одной стороны, существует потенциал территориальных сетевых информационных агентств. В ряде регионов сетевые информационные агентства, в основном учрежден-

ные территориальными органами государственной власти, распространяют значительное количество эксклюзивных сообщений, обеспечивают оперативность, непрерывность предоставления их аудитории. Информационное агентство «Нижний Новгород» размещает эксклюзивные сообщения ежедневно. Сетевые службы новостей «Медиакорсеть» из Башкортостана и красноярское «Пресс-лайн» также распространяют немалое количество эксклюзивных журналистских произведений, в основном аналитических. С другой стороны, привлекательность для массмедиа ряда распространяемых сетевыми новостными службами сообщений объясняется умением редакций придать скандальный характер текстам, основанным на слухах, непроверенных данных. Ленты новостей некоторых сетевых информационных агентств подобны дайджестам, лишены оперативных эксклюзивных сообщений.

Нехватку эксклюзивных материалов часть региональных сетевых служб новостей компенсирует заимствованиями. Компания «Яндекс», исследовавшая российскую интернет-медиа сферу, выявила в России 16 процентов сообщений под копирайтинг, на Дальнем Востоке и в Сибири — соответственно 26 и 20 процентов таких материалов [15]. Примерно половина и более новостного контента в Рунете — дословные перепечатки с других ресурсов. Новостные интернет-ресурсы часто становятся «мусоросборниками» и препятствуют информационным агентствам [3, 10]. Исследователи объясняют это явление тем, что интернет-журналистика формировалась стихийно, часто людьми, не имеющими отношения к традиционным средствам массовой информации [16, 47], поверхностно осведомленными о специфике деятельности информационных агентств.

Таблица 4. Структура системы мультимедийных продуктов, используемых универсальными региональными сетевыми информационными агентствами

Тексты	40,6
Фотографии	29,2
Видеоиллюстрации, видеосюжеты	8,3
Аудиоиллюстрации, аудиоверсии	4,5
Инфографика	5,4
Элементы интерактивности	9,5
Подкасты	2,5

Для аудитории привлекательны не только эксклюзивные материалы, но и мультимедийные продукты, включающие тексты, фотографии, видеоиллюстрации и видеосюжеты, аудиоиллюстрации и аудиоверсии, инфографику, элементы интерактивности, подкасты. Мультимедийные продукты позволяют предоставлять читателям вместо части текста визуальные изображения, «соединять различные фрагменты медиасферы в ассоциативно-информационное целое» [17, 76]. Структура системы мультимедийных продуктов, используемых универсаль-

ными региональными сетевыми информационными агентствами, отражена в таблице 4. На высшем уровне системы — тексты и фотографии, на низшем — видеоиллюстрации и видеосюжеты, инфографика, аудиоиллюстрации и аудиоверсии, элементы интерактивности, подкасты. Основу мультимедийной продукции региональных сетевых информационных агентств составляют тексты, дополняемые видеосюжетами, аудиозаписями, инфографикой. Одни сетевые информационные агентства, учрежденные региональными органами государственной власти, например «Нижний Новгород» и «Время Н», размещают мультимедийные материалы чаще, чем частные, хотя и нерегулярно, другие не имеют возможности использовать их. Не обладая технологическими ресурсами, региональные сетевые информационные агентства взаимодействуют с радиостанциями, используют подкасты как цифровые записи радио- или телепрограмм. Предпочитая элементы интерактивности, «Сибирское агентство новостей» вовлекает аудиторию в производство информации.

С точки зрения цели деятельности универсальные региональные сетевые информационные агентства можно разделить на три группы. В первой — собственно сетевые службы новостей, которые распространяют более половины оперативных эксклюзивных материалов, следуют стандартам деятельности информационных агентств, чаще всего используют мультимедийные продукты, следуя фактам, создают оригинальные произведения [18, 131]. Деятельность сетевых служб новостей разнообразна: челябинское информационное агентство «Первое областное» распространяет тексты, фотографии, видеосюжеты, аудиозаписи, «Воронеж» — инфографику, «Омскрегион» привлекает внимание аудитории к блогам, «Татар-информ» организует пресс-конференции, брифинги, проводит беседы за круглым столом. Целостность системы данных универсальных региональных сетевых информационных агентств обеспечивает координация функционирования подсистем деятельности и их элементов, близкое к пропорциональному освещению событий и процессов, происходящих в различных сферах жизни территориальных сообществ.

Во второй группе — многочисленные коммерчески ориентированные региональные сетевые информационные агентства. Их технологические возможности ограничены. Реклама нередко публикуется под видом журналистских произведений. Примерно 30–40 процентам распространяемых этими информационными агентствами материалов свойственны оперативность и эксклюзивность. Диапазон представлений региональных сетевых служб новостей об оперативности деятельности весьма широк: от ежечасного размещения сообщений на сайтах о том, что произошло сегодня, до 3–4 публикаций в месяц, как поступает пермское агентство «Перископ». На сайте агентства «Медиакорсеть» под рубрикой «Подробно» в июне

2021 г. размещены материалы, повествующие о прошлогодних событиях. Сообщение под рубрикой «Главные новости» на сайте агентства «Омск-информ» может находиться в течение нескольких суток. Сетевые службы новостей иногда черпают сообщения о событиях, происшедших в регионах, на лентах общенациональных информационных агентств. «Сибирское агентство новостей» в июне распространило известие о том, что «уровень воды в Енисее в черте Красноярска... снизился... Об изменениях сообщил ТАСС со ссылкой на сообщение мэрии».

В третью группу входит незначительное количество региональных сетевых информационных агентств, отражающих запросы групп интересов. Освещение социально-политических событий и процессов, конфликтов, публикация малого количества оперативных сообщений, преобладание аналитических материалов являются особенностью их деятельности.

Таким образом, функционирование универсальных региональных сетевых информационных агентств представляет гибкую, самоорганизующуюся систему, способную корректировать свое состояние. На высшем уровне иерархии ее компонентов — поиск, сбор информации, на низшем уровне — обработка, распространение и хранение сообщений. Материалы региональных сетевых служб новостей формируют динамически развивающуюся целостность, взаимодействующую с внешней средой, отражающую разнообразные события и процессы. Действие механизма сохранения целостности этой системы определяют динамизм общественного развития, инновационные процессы, сосуществование разных культур. Формируется и система мультимедийных продуктов, используемых службами новостей. Перспективы универсальных региональных сетевых информационных агентств зависят от возможностей решения проблем экономического, технологического, кадрового, организационного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапунов В. И. Зарубежные информационные агентства / В. И. Сапунов. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2006.
2. Фролова Т. И. Информационные агентства / Т. И. Фролова // Средства массовой информации России. — М.: Аспект Пресс, 2010.
3. Вартанова Е. Л. Типология информационных агентств / Е. Л. Вартанова, Г. В. Вирен, Т. И. Фролова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2013. — № 3. — С. 6–30.

4. Mathien M. Les agences de presse internationales / M. Mathien, C. Conso. — Paris: Presse Universitaires de France, 1997.

5. Fenby J. The International News Services / J. Fenby. — New York: Schocken Books, 1986

6. Hoene H. Report ueber Nachrichtenagenturen / H. Hoene. — Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1984.

7. Wilke J. Die Nachrichten-Macher: zu Strukturen und Arbeitsweisen von Nachrichtenagenturen am Beispiel von AP und DPA / J. Wilke, B. Rosenberger. — Koeln: Bohlau, 1991.

8. Засурский Я. Н. Система средств массовой информации России / Я. Н. Засурский. — М.: Аспект Пресс, 2003.

9. Чимаров С. Ю. Теория и практика массовой информации / С. Ю. Чимаров, С. С. Ярошевский. — СПб.: СПбГИЭУ, 2005.

10. Могилевская Э. В. Информационные агентства в Интернете: особенности и принципы функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Могилевская. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2008.

11. Акопов А. И. Социокультурные и правовые проблемы интернет-журналистики / А. И. Акопов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2003. — № 1–2. — С. 14–18.

12. Друш П. С. Трансформация международных информационных агентств / П. С. Друш, М. В. Тюркин // Век информации. — 2020. — Т. 4. — № 4.

13. Польшов В. А. Информационные агентства в сетевом пространстве: системные характеристики / В. А. Польшов // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 8. — С. 128–139.

14. Шмелева Е. В. Типологический анализ региональных информационных агентств / Е. В. Шмелева // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. — 2010. — Вып. 4. — С. 264–273.

15. Новости в Интернете: средства массовой информации и читатели. — Режим доступа: https://yandex.ru/company/researchers/2014/ya_news/ (дата обращения: 22.12.2021).

16. Калмыков А. А. Интернет-журналистика: теоретические основы / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. — М.: Академия медиаиндустрии, 2018.

17. Jordan K. Multimedia: from Wagner to Virtual Reality / K. Jordan, R. Packer. — New York: Norton & Company, 2002.

18. Тулупов В. В. Метод, стиль, жанр и наджанровые образования в публицистике / В. В. Тулупов, Е. В. Тюрина // Вестник Воронеж. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 130–134.

Омская гуманитарная академия
Евдокимов В. А., доктор политических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: evdokimovva@list.ru

Omsk Humanitarian Academy
Evdokimov V. A., Doctor of Political Science, Professor of the Philology, Journalism and Mass Communications Department
E-mail: evdokimovva@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

А. Е. Ерицян

Российско-Армянский университет

Поступила в редакцию 21 декабря 2021 г.

Аннотация: в данной статье мы изучили особенности процесса формирования новых мультимедийных жанров в интернет-СМИ, а также на основе мониторинга ведущих русскоязычных СМИ рассмотрели их специфические характеристики и тенденции развития.

Ключевые слова: мультимедийная журналистика, интернет-СМИ, медиатренд, жанр, лонгрид.

Abstract: in this paper, we investigate the features of the formation of new multimedia genres in online media, and also consider the specific features of new genres of multimedia journalism and their development trends, based on the monitoring of influential Russian-language online media.

Keywords: multimedia journalism, online media, media trend, genre, longread.

В нашем исследовании особенности процесса формирования новых жанров журналистики будут проиллюстрированы на примере контента таких русскоязычных интернет-СМИ, как «Русская служба Би-би-си», «Лента.Ру», ТАСС, Meduza, «Настоящее время», русскоязычная версия Deutsche welle, Esquire.ru и др.

Вопреки специфике современного медиатекста, который характеризуется также и размытостью жанровых границ, жанры продолжают оставаться основным теоретическим и практическим столпом как в традиционной, так и в мультимедийной журналистике. Современный исследователь пишет: «Можно обойтись без жанров? Наверное, да. Только в этом случае автору статьи каждый раз пришлось бы выдумывать форму для своего произведения, а читатель затем должен был бы эту форму разгадывать, чтобы понять смысл текста <...> Жанры необходимы и для удобства журналиста, которому достаточно всего лишь выбрать наиболее подходящую форму для своего материала, и для удобства читателя, который идентифицировав жанр, сможет сразу же понять, что за информация ему будет предложена» [1, 6].

Действительно, жанры в современных интернет-СМИ отличаются от традиционных, газетных жанров. Некоторые жанры трансформируются, приобретают новые, более уместные для той или иной цифровой платформы черты, некоторые и вовсе теряют популярность, «отсекаются». Однако параллельно идет также процесс формирования новых, более адаптированных к особенностям интернет-изданий жанров.

К таким жанрам на основе мониторинга вышеотмеченных СМИ мы отнесли: *лонгрид, короткую видеозаметку, фактчек, мультимедийную историю*

и «Правила жизни». Кратко представим основные характеристики каждого из них.

Так, *лонгрид* — это один из самых популярных и парадоксальных жанров современных интернет-СМИ. Парадоксальность данного жанра заключается в том, что именно этот жанр, отличительной чертой которого являются масштабные объемы (само название уже говорит за себя), стал развиваться именно тогда, когда повсеместно наблюдалась тенденция к сокращению текстов и формированию малых жанров. Впервые о лонгриде как отдельном жанре мультимедийной журналистики заговорили после публикации объемного материала *Snowfall: The Avalanche at Tunnel Creek* («Снегопад: лавина в проходе Крик») в *The New York Times* [2]. Подобный формат удостоился высокой оценки читателей и был сразу же подхвачен другими популярными СМИ. В чем же заключался секрет успеха данного формата? Все дело в специфике подачи информации: «В основе материала был длинный текст (более 16 000 слов), который в нужных местах снабжался мультимедийными элементами (фотогалереи, видео, аудиоцитаты, графика и т.д.). Они были подвешены в текст настолько органично, что у пользователя создавалось впечатление так называемого расширенного чтения (англ. *extended reading experience*)» [2].

Данный материал вышел в 2012 г., и современные лонгриды несколько отличаются как разнообразием тем, так и объемом (на нашей практике мы убедились, что оптимальный объем — 6 тыс. знаков). Но при этом у данного жанра остаются неизменными два основных принципа: наличие и органичность мультимедийных элементов, эффект «расширенного чтения». При этом органичность касается не только мультимедийных, но и текстовых элементов; лонгрид обычно поделен на несколько блоков с отдель-

ными, креативными микрзаголовками (так читателям легче было воспринимать объемный текст); каждый из блоков может претендовать на отдельный материал, но вместе они составляют единый, гармоничный текст (этот принцип актуален также и в случае отсылок, вставок — исторических справок, пояснений и т.п. — гиперссылок, которые встречаются в лонгридах).

Лонгрид — это сложный, полностью мультимедийный, гипертекстуальный и интертекстуальный жанр, в котором абсолютно все элементы различных знаковых систем должны образовать единый, гармоничный и интересный для читателя мультимедийный продукт. Тематика лонгридов варьируется от серьезных общественно-политических и экономических вопросов (аналитика, прогнозы, проблемные репортажи) до захватывающих историй из жизни, рассказов о научных открытиях, исторических событиях и др. Лонгриды также публикуются в рамках мультимедийных проектов — с интерактивными картами, особой визуализацией и графическим дизайном (см. проект «Первая Республика» армянского интернет-издания «Медиамакс») [3].

Короткая видеозаметка — это своеобразный формат подачи информации, который сочетает в себе элементы как информационного, так и художественного репортажа, но при этом не является репортажем в чистом, классическом понимании жанра. Данный формат очень трудно отнести к какому-либо традиционному жанру, так как появился он тогда, когда различные СМИ начали ретранслировать свой контент в социальных сетях (Facebook, Twitter, Instagram, TikTok). Последние, в свою очередь, стали диктовать собственные правила и необходимость следования внутренним микротрендам. Так и появились короткие видеозаметки на страницах авторитетных СМИ в социальных сетях. По содержанию — это история, будничная рассказ или краткое описание новости (своеобразная подводка или даже новостной «трейлер»). По форме — видео, длящееся не более трех минут, которое с помощью определенной драматургии сюжета и видеоряда воздействует, прежде всего, на эмоции аудитории.

Подобные видеозаметки практически ежедневно выходят на странице BBC в Facebook, а с развитием социальной сети TikTok, которая заложила тренд на короткий, но острый и динамичный видеоконтент, данный формат становится неотъемлемой частью деятельности конвергентной редакции и, безусловно, потребует более детального и отдельного изучения.

В ходе нашего мониторинга мы выделили материалы, выходящие в рубрике или с меткой «фактчекинг», или «фактчек», в отдельный, характерный для интернет-СМИ жанр. По содержанию *фактчек* (дословно «проверка фактов») — это типичная исследовательская статья, однако по форме фактчек отличается от традиционного, газетного расследо-

вания, что дает нам право выделить его как отдельный жанр или формат современной журналистики. В фактчеке за основу берется какой-либо факт (это может быть даже взволновавший общественность фейковый пост в соцсетях или слух), затем автор начинает его последовательную проверку. В заключительном абзаце, выводе, автор либо подтверждает данный факт, либо опровергает его. Фактчеки распространены в таких интернет-СМИ, как Meduza, «Настоящее время», русской версии Deutsche Welle. Элементы данного жанра могут стать основой для более серьезной серии журналистских расследований или «фишкой» изданий, которые специализируются на верификации данных.

Что касается *мультимедийной истории*, то данный формат можно отнести и к определенному типу лонгрида, а можно выделить и в отдельный жанр, исходя из его тематических особенностей. Мультимедийная история — это история из жизни, которая чаще всего апеллирует к чувствам читателя. В основном это истории обычных людей, которые собраны в единый материал и повествуют о какой-либо острой социальной проблеме.

«Правила жизни» — это своеобразный гляцевый жанр, который обычно встречается на страницах электронных журналов. Они состоят из высказываний знаменитостей. Редакторы графически выделяют ключевые слова или фразы в высказываниях, что выделяет данный жанр как в визуальном, так и структурном плане. Правила жизни — это фирменный прием гляцевого издания Esquire [3].

Выводы: На основе анализа новых жанров журналистики мы пришли к выводу, что ключевыми факторами, влияющими на их формирование, являются, во-первых, особенности и возможности канала распространения информации (в данном случае это интернет, позволяющий вместить в рамках одного материала различные мультимедийные элементы). Во-вторых — развитие медиатрендов (в данном случае повсеместный переход медиа, бизнеса и других сфер в социальные сети, которые диктуют свои форматы для подачи и оформления материалов). Нельзя пренебрегать и потребностями аудитории, которая также зависима от медиатрендов и цифровых платформ (тем более в эпоху пандемии Covid-19).

На основе контент-анализа материалов вышеотмеченных жанров выделим их специфические особенности, которые также являются основными критериями конкурентности новых форматов подачи информации и материалов мультимедийной журналистики в целом. Это мультимедийность; адаптированность к различным цифровым платформам; креативность и мультимедийное мышление автора; более свободный, непринужденный стиль повествования (за исключением информационных жанров); традиционная база (в основе новых жанров — традиционные жанры журналистики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесниченко А. В. Практическая журналистика: учебное пособие / А. В. Колесниченко – М.: МГУ, 2013.
2. Галустян А. Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики / А. Галустян, Д. Кульчиц-

кая // New media. – Режим доступа: <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/mul-timedijny-e-longridy-kak-novy-j-format-onlajn-zhurnalistiki/> (дата обращения: 21.12.21).

3. Esquire. – Режим доступа: <https://esquire.ru/rules/> (дата обращения: 21.12.21).

*Российско-Армянский университет
Ерицян А. Е., преподаватель, аспирант Института
медиа, рекламы и кино
E-mail: asyaeritsyan@gmail.com*

*Russian-Armenian University
Yeritsyan H. E., Lecturer, Postgraduate Student of the Institute
of Media, Advertising and Cinema
E-mail: asyaeritsyan@gmail.com*

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВЫПУСКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ «КОММУНА»

А. А. Кажикин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 января 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности формирования публицистического образа на страницах воронежской областной газеты «Коммуна» средствами иллюстративного оформления в послевоенном 1946 г. Дана характеристика иллюстративного оформления издания за указанный период, определены основные публицистические образы, запечатленные в рисунках и фотографиях газеты, и их характерные черты.

Ключевые слова: публицистический образ, региональная печать, иллюстрация.

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of the formation of a publicistic image on the pages of the Voronezh regional newspaper «Commune» by means of illustrative design in the post-war 1946.

Keywords: publicistic image, regional newspaper, illustration.

Советская региональная журналистика в первые годы непростой мирной жизни после Великой Отечественной войны внесла значимый вклад в формирование публицистических образов, ставших на долгие годы типизированными эталонами, на которые предлагалось ориентироваться читательской аудитории.

Составить представление о собирательном образе героя-современника помогают не только тексты заметок, портретных очерков, фельетонов, но и иллюстрации. Анализ номеров газеты «Коммуна» — системообразующего печатного органа Воронежского областного и городского комитетов ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся — за 1946 г. [1] позволил выявить характерные акценты и концептуальные черты этого образа.

В 1946 г. газета «Коммуна» выходила пять раз в неделю (преимущественно во вторник, среду, пятницу, субботу и воскресенье) объемом четыре полосы формата А2. Иллюстративное оформление издания оставалось достаточно скудным и неритмичным, уступая ведущую роль текстам заметок, очерков, фельетонов, а также развернутых стенограмм заседаний участников Нюрнбергского процесса, избирательной кампании по выборам депутатов Верховного Совета СССР и др. В течение года в выпущенных 258 номерах было опубликовано 716 иллюстраций (в среднем — менее трех снимков на номер). При этом 41 выпуск газеты (почти 16% от годового объема) не содержит иллюстраций вовсе. В апреле шесть номеров подряд вышли без иллюстративного оформления, в июне и сентябре — по четыре номера подряд. При этом размер иллюстраций, несмотря на большой формат издания и одновременно низкое качество воспроизведения растровой графики полиграфическим обо-

дованием, в большинстве случаев оставался крайне мал — шириной на одну или две колонки.

На постоянной основе в газете публиковали свои снимки местные фотокорреспонденты Ханаан Копелиович, трагически ушедший из жизни в середине 1946 г., его супруга Тамара Карпова-Копелиович, Серафим Антюфеев и Давид Фрейдлис [2, 29]. Именно эти авторы запечатлели в истории образы земляков-современников, занятых восстановлением Воронежа, промышленности и сельского хозяйства региона. Значительным подспорьем в дополнение к их снимкам служили фотографии телеграфного агентства ТАСС, которые рассказывали о восстановлении народного хозяйства в столице и на многочисленных ударных стройках Советского Союза, показывали послевоенную жизнь в стране. Газета «Коммуна» в тот период являлась для воронежских читателей важным источником всесоюзных новостей, поэтому количество фотографий ТАСС практически не уступает количеству местных снимков. Важное отличие между этими двумя группами иллюстраций заключается в следующем: если в снимках воронежских фотокорреспондентов центральное место занимает герой-современник — человек труда (более 90% снимков содержат ярко выраженные публицистические образы), то фотографии ТАСС преимущественно дают обезличенную картину послевоенной жизни в стране и за рубежом. Типичные подписи снимков ТАСС подтверждают это: «Маньчжурия. Улица в деревне», «Памятник героям штурма Берлина», «Восстановленная шахта «Новая» Криворожского железорудного бассейна», «Паровоз Н-0002, выпущенный Коломенским заводом имени Куйбышева», «Уральский завод тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе освоил выпуск для нефтяной промышленности усовершенствованных установок глубокого

бурения. На снимке: один из агрегатов буровой установки — грязевой насос», «По городам Советского Союза. Улица Спартака в Челябинске».

Несмотря на то, что именно воронежские авторы внесли решающий вклад в создание наглядного собирательного образа рядового послевоенного советского человека на страницах газеты «Коммуна», отправной точкой в его формировании все-таки следует считать характерные особенности изображения вождей страны Советов: В. И. Ленина, И. В. Сталина и их ближайшего окружения.

Образ Ленина появляется в январском номере газеты по случаю годовщины его смерти (№ 16): серия рисунков П. Васильева показывает нам Владимира Ильича в кругу соратников: «И. В. Сталин в кабинете у В. И. Ленина», «В. И. Ленин отдает распоряжения красногвардейцам», «В. И. Ленин в Смольном разговаривает с красногвардейцами». Репортажный характер рисунков подчеркивает близость основоположника советского государства к народу, его включенность в текущую жизнь. Воронежские фотографы в своих снимках продолжают эту незримую концепцию: в № 14 опубликована фотография кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, встречающихся с рабочими и служащими Семилукского завода. Среди всех силуэтов самым заметным и крупным является белый бюст Ленина на заднем плане. Молчаливо возвышающийся над всеми, даже после смерти он таким образом остается в гуще событий советского общества.

Образ Сталина предстает на страницах газеты «Коммуна» иначе — в виде портретных рисунков, где генералиссимус всегда в одиночестве. Так создается образ сияющей, высочайшей и недостижимой вершины государства — вождя народа, единственного и незаменимого. Их количество и размер больше, рисунки практически не содержат подписей (за исключением № 36, где размещен пламенный текст «Да здравствует генералиссимус Сталин, великий вождь и полководец советского народа»), а сам И. В. Сталин всегда предстает на первой полосе по особым поводам: день голосования по выбору депутатов Верховного Совета СССР (№ 30), 28-я годовщина образования Красной Армии (№ 40), день победы над Японией (№ 176), День танкистов (№ 179), годовщина Октябрьской революции (№ 221), День артиллерии (№ 233), День Сталинской конституции (№ 240). Портретные рисунки Сталина всегда служат дополнением к публикуемым приказам или речам за его подписью. Таким образом, иллюстрация в газете становится одним из инструментов формирования культа личности, который впоследствии пройдет непростой этап развенчания.

Аналогично представлены и образы ближайшего окружения И. В. Сталина: В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, А. А. Андреев, А. А. Жданов, Л. М. Каганович предстают в одиноче-

стве на портретных рисунках, сопровождающих их официальные речи и выступления.

Контрастно по сравнению с ними на страницах «Коммуны» выглядит другой ключевой публицистический образ — образ человека труда. Рабочие и крестьяне запечатлены на своих рабочих местах в процессе исполнения трудовых обязанностей. Для снимков всегда выбираются не просто положительные персонажи, а стахановцы, выдающие в сутки от трех до пяти норм на рабочем месте, Герои Советского Союза, продолжающие быть примером не только на полях сражений, но и в труде, лучшие звеньевые и бригадиры. Для собирательного образа человека труда фотокорреспонденты намеренно берут широкую палитру самых рядовых профессий: на снимках мы видим токарей, машинистов, пресовщицу, слесарей, звеньевую колхоза, кузнецов, тракторную бригаду, птичницу, свиарку и конюха — участников совещания, строгальщика, фрезеровщика, продавцов хлебного магазина, шлифовщика, ткачиху с ученицей и др. При этом подписи к фотографиям поясняют, почему именно эти земляки попали в центр объектива фотографа: «В Лискинском паровозном депо создана колонна локомотивов им. Верховного Совета СССР. Право быть в этой колонне завоевывает бригада, значительно перевыполняющая все заданные нормы. На снимке: машинисты В. А. Афанасьев и Н. М. Артюхов, первыми получившие право быть в колонне им. Верховного Совета СССР» (№ 3), «Стахановец Воронежского завода им. Калинина токарь-расточник И. И. Мокроусов, включившись в соревнование в честь выборов в Верховный Совет СССР, выполняет производственное задание на 200–250 проц.» (№ 3), «По боевому борются стахановцы Богучарской МТС за быстрее завершение ремонта тракторов. На снимке — токарь-стахановец т. Елшин, систематически выполняющий нормы на ремонте тракторов до 200 проц.» (№ 33).

В большинстве случаев публицистический образ человека труда наделен чертами коллективизма и партийности (комсомольцы и коммунисты осуществляют трудовые свершения вместе со своими колхозом, заводом, бригадой, звеном, рабочей группой): «Одной из лучших комсомольско-молодежных бригад в области считается бригада слесарей В. Ф. Фурсова с липецкого завода ферросплавов. На снимке: бригада слесарей Д. Н. Андрейченко, Н. А. Банных, бригадир Фурсов, В. Я. Скаков и Н. Ф. Чернышев» (№ 50). Наряду с репортажными фотографиями встречается немало постановочных, где герои неизменно излучают улыбки. Таким образом, перед читателями предстает яркий образ положительного героя-стахановца, уверенно преодолевающего в трудовой борьбе все препятствия на пути к светлому будущему.

Для увлеченных ударным трудом работников разных профессий на страницах газеты «Коммуна» практически не остается места отдыху, увлечени-

ям, семейной жизни. Даже в редких случаях, когда на снимках находят отражение иные грани публицистического образа, кроме профессиональной, они все равно остаются тесно привязаны к темам государственного и социалистического строительства, борьбы и преодоления. В № 47 подпись к снимку гласит: «На 47-м избирательном участке семья дежурного депо Отрожка т. А. К. Терентьева опускает бюллетени: слева направо: т. Терентьев, его жена Пелагея Ефимовна, сыновья Виктор — инженер паровозной службы управления Юго-Восточной железной дороги и Георгий — старшина, недавно демобилизованный из Дальневосточных войск Красной Армии».

Образ интеллигенции, несмотря на публикуемые «Коммуной» в 1946 г. программные одобрительные статьи И. В. Сталина в адрес классовой прослойки, предстает в иллюстрациях газеты редко и совершенно очевидно стоит на заднем плане по сравнению с рабочими и крестьянами. Интересен следующий факт: если фотокорреспонденты всесоюзного агентства ТАСС показывают интеллигенцию, не занятую трудом («В Ленинградском доме ветеранов сцены. На снимке: артисты-пенсионеры в комнате отдыха. Фото В. Федосеева. ТАСС», № 18), то воронежские фотографы сохраняют курс на полноценную вовлеченность представителей умственного труда в общее дело восстановления народного хозяйства («Большую плодотворную работу по борьбе с малярией в нашей области проводит профессор П. П. Муффель. На снимке — проф. Муффель у себя в лаборатории», № 7). «В мастерской архитектора А. В. Миронова закончены работы над семью проектами жилых домов, которые должны строиться в Воронеже на проспекте Революции, по ул. Карла Маркса и Фридриха Энгельса. На снимке: архитектор Миронов и главный инженер мастерской Е. Г. Шамраев», № 39).

В иллюстрациях газеты «Коммуна» встречается немало плакатов и снимков, где центральное место занимает женщина. В них подчеркивается равноправие мужчин и женщин в советском обществе, полноценная вовлеченность женщин в политические процессы, восстановление экономики: в № 10 на плакате художника В. Иванова мы видим собирательный образ трудящейся в рабочей одежде, стирающей руки над Верховным Советом СССР и призывающей всех женщин принять активное участие в голосовании. Но при этом палитра оттенков в женских образах значительно шире по сравнению с мужскими. Героини фотографов «Коммуны» в разных номерах не только звеньевые колхозов, стахановки заводов, но и студентки-отличницы, пришедшие с фронта,

участницы Русского народного хора, образованного в Воронеже в годы войны, кандидаты в депутаты, агитаторы, лыжницы, побеждающие в областных соревнованиях.

Наряду с женским образом присутствует на страницах «Коммуны» и детский. Он тесно привязан к тяжелой судьбе тысяч детей, оставшихся после Великой Отечественной войны сиротами. Одной из главных задач журналистов, в том числе фотографов, становится демонстрация того, как Советская власть простирает заботу на этих детей, заменяя собой им потерянных родных. На постановочном снимке в первом номере за 1946 г. мы видим двух улыбающихся в объектив детей. Подпись гласит: «Исключительной заботой государства пользуются в нашей стране дети, потерявшие родителей во время Великой Отечественной войны. Для них созданы детские дома, им предоставлена возможность учиться. На снимке — воспитанники Коленцовского детского дома, Евлаковского района, Петя Жуйко и Лиля Культина — ученики 4-го класса».

Иллюстративное оформление газеты «Коммуна» за 1946 г. дает ясное представление о расстановке акцентов в формировании образа современника. Его отличает в первую очередь иконический подход: герой плакатов и фотографий — это всегда положительный образ, демонстрирующий пример остальным (если в текстах еще можно встретить отрицательных персонажей — нерадивого председателя колхоза, слабого секретаря горкома, то в иллюстрации, центре читательского внимания, им нет места). Наглядное формирование двуединого представления об идеальном портрете советского человека, в котором одну часть неколебимо занимают мудрые вожди партии, а вторую — преданный им народ, самоотверженно продолжающий борьбу не на полях сражений, а на социалистических стройках, четко соответствует базовым принципам классовости, партийности, коллективизма, которые широко внедрялись в печати еще в довоенное время. Иллюстрация не предлагает читателю со-размышлять, дискутировать, сомневаться, сопереживать героям. Выполняя функции пропаганды, агитации и организации, она дает четкие образцы для подражания, лишённые недостатков или полутонных в характерах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коммуна. — 1946. — №№ 1–258 (архив номеров).
2. Вязовой М. П. Слейкой и блокнотом / М. П. Вязовой // Акценты: Новое в массовой коммуникации. — № 5–6. — 2017. — С. 25–39.

*Воронежский государственный университет
Кажикин А. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: kzhikin2008@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kazhikin A. A., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Public Relation, Advertising and Design Department
E-mail: kzhikin2008@yandex.ru*

МЕДИА В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

С. В. Карпий

Донецкий национальный университет

Поступила в редакцию 2 января 2022 г.

Аннотация: в статье на стыке смежных научных специальностей «журналистика» и «русский язык» рассматривается актуальный научный вопрос образования, формирования, становления и функционирования медиа в условиях государственной самоидентификации на примере Донецкой Народной Республики. Данные процессы оказывают воздействие на медиатеорию, технологию создания контента, модель медианпотребления, лексико-стилистические условия, что в комплексе свидетельствует о наличии кардинальных отличий от традиционных диспозиций эволюции СМИ.

Ключевые слова: медиа, государственная самоидентификация, медиаландшафт, лексика, стилистика, русская речь.

Abstract: the article at the junction of related scientific specialties «Journalism» and «Russian language» examines the actual scientific issue of education, formation, formation and functioning of media in the context of state self-identification on the example of the Donetsk People's Republic. These processes have an impact on media theory, content creation technology, media consumption model, lexical and stylistic conditions, which together indicate the presence of fundamental differences from the traditional dispositions of media evolution.

Keywords: media, state self-identification, media landscape, vocabulary, stylistics, Russian speech.

Введение. Практика демонстрирует, что трансформационные процессы в глобальной медиасреде носят не только узконаучный, но и межотраслевой, а порой и мультидисциплинарный или синтетический характер, доказательством чему является появление изысканий, касающихся изучения предметных знаний в нескольких областях, например таких, как языкознание и журналистика. Причина — попытка в данной филологической смежной плоскости осуществить всеобъемлющее рассмотрение современных фундаментальных кластеров, кейсов, спектра возможностей цифровых сервисов, тенденций, языковых и журналистских теорий и концепций, касающихся принципов межличностной, а также групповой медиакоммуникации общества Донбасса.

Одна из них — изучение специфики становления, развития, функционирования и эволюции медиа как многоаспектного феномена новообразованных полиэтнических государств, структурно-содержательная и вариативная лексическая составляющая которых подверглась изменениям вследствие исторических, экономических внутри- и внешнеполитических, вооруженных, информационных и массово-коммуникационных процессов под воздействием развития информационно-коммуникационных технологий.

Более того, медиа как массовый производитель контента являются прямым отображением языковой личности журналиста, а также социальной, политической и экономической жизни нового государства со свойственным ему коммуникационным стилем.

Только в данной связи современные проявления журнализма и исследуются в лингвистическом, экономическом, историческом, социологическом, политологическом, культурологическом и других аспектах.

Это обусловлено формированием в течение последнего столетия десятилетиями периода образования, становления и существования Донбасса инновационных информационных сфер и пространств, новых медиа и коммуникационных медиаплатформ, критериев эффективности массовых коммуникаций, развитием креативных индустрий и дистрибуции, изменением принципов журналистской деятельности, модификацией медиатекстов, медиаисследованием функционально-коммуникативных разновидностей русского языка, эволюцией искусственного интеллекта.

Вместе с тем медиа, на современном этапе развития государства с отложенным политическим статусом, вынуждают общество овладевать коммуникационно-техническими навыками для восприятия, систематизации, обработки и интерпретации большого объема информации. Существенная теоретико-методологическая основа в данном аспекте заложена Е. Л. Вартановой [1, 9], одним из исследователей медиа в глобальном и национальном аспекте.

Постановка проблемы и базовые теоретические подходы. На развитие медиа оказывает воздействие не только научно-технологический прогресс, но и традиционные методы, а также геоинформационные тенденции, следствием чего является появление новых самопровозглашенных государств в мировом политическом и экономическом пространстве, национальная идентичность которых позиционируется

в медиа различного типа. Данные явления современности оказывают воздействие на дальнейший вектор развития медиасферы каждого из них, в зависимости от ментальных и этнических особенностей, языковой, информационной и социокультурной составляющих.

Указанные и сопутствующие тенденции в медиасреде поэтому и требуют от квалифицированного журналиста как носителя в том числе языковой национальной культуры освоения универсальных профессиональных знаний, опоры на современные исследования в области СМИ и лингвистики, использования инновационных стратегий противоборствующей медиакommunikации, возникающей в условиях государственной самоидентификации на фоне информационных, глобальных, глокальных и гибридных войн, базовым инструментом которых являются медиа.

Перед академическим же сообществом возникает задача — осмыслить, описать и научно обосновать функциональные лексико-стилистические условия, а также принципы формирования и функционирования медиаресурсов в период государственной самоидентификации, поскольку данный процесс имеет кардинальные отличия от традиционных и классических диспозиций развития СМИ.

В специфической информационной среде в условиях становления и развития государственности важно умение эффективно использовать массовоинформационный, лексико-семантический инструментарий и множество современных медиатехнологий. Немаловажным является стремление применять доступные медиаресурсы в развивающейся цифровой среде самоидентифицирующегося государства, в котором образовались с учетом особенностей исторического развития территории новые специфические модели медиапотребления, создания контента, а медиасистемы при этом постепенно адаптируются в глобальном мировом дискурсе.

Все это — результат современной непрерывной трансформации средств массовых коммуникаций, особенно в противоборствующей информационной среде. Связанные с этим процессы, требуют синхронного медиалингвистического исследования и изучения, а изменения наблюдаются буквально во всех видах СМИ: печатных, цифровых, кроссмедийных, теле- и радиовещательных.

Уникальными в самоидентифицирующихся государствах являются функциональные особенности медиакommunikации, методы и способы привлечения внимания аудитории, подходы к производству контента, построения бизнес-моделей. При этом доминирующим в данных процессах межкультурной коммуникации является, прежде всего, национальный аудиторный фактор. В связи с этим происходит диффузия жанров, изменение подходов к принципам журнализма, возникают новые виды межкультурной коммуникации, усиливается рекреативность и интерактивность радио, телевидения, пересматриваются критерии классификации телепрограмм, развивается газетно-жур-

нальное производство, цифровая и мультимедийная среда, комплексно улучшается лексико-семантическое содержание контента других видов медиа.

Особого внимания в новых государствах заслуживают современные тенденции, касающиеся исследования языка СМИ в нормативном, функционально-стилистическом, прагматическом, коммуникативном и когнитивном, локутивном, перлокутивном, иллокутивном аспектах, потому что в условиях формирования системы массово-коммуникативных жанров изменению поддаются структурно-композиционные особенности публицистической и информационной речи.

На фоне ведения различных информационных войн и контрпропаганды в семиотическом, этическом, риторическом аспектах, условиях самоидентификации эволюционирует также информационно-политический дискурс. На его языковую составляющую и содержание обращено внимание внутренней и внешней аудитории развивающихся электронных СМИ.

Современный глобальный и национальный массовокоммуникативный дискурс отдельно взятого временно не признанного или частично признанного государства представляет собой особую информационную и публицистическую картину мира, и на это прямое воздействие оказывает медиалингвистика. В данном контексте доминантным становится речевое поведение практикующих журналистов нового государства, а следовательно, под пристальным вниманием исследователей медиасистем формирующихся стран оказываются журналистские тексты, создающие критический внутри- и внешнеполитический дискурс нового государства. Не меньший интерес академического сообщества вызывает и система аргументации, так как речь и ее профессиональная культура в языке СМИ самоидентифицирующихся субъектов приобретают новые формы.

В данном контексте объектом пристального исследования становится и стилистика медиатекстов. К тому же стоит учитывать и тот факт, что в условиях цифровизации происходит трансформация телесмотра, а также контент-стратегий современных медиасистем. Они, в свою очередь, сказываются на функционировании новых цифровых медиа, конвергентных редакций, коммуникативных процессах в интернете, мобильных средах, применении новых технологических платформ, развитии теории коммуникации в целом самоидентифицирующегося государства.

В условиях развития транспарентного общества, в связи с вышеизложенным, практикующим журналистам государств, находящихся на стадии самоидентификации, особенно необходимо обладать соответствующими универсальными и общепрофессиональными компетенциями. В данном случае они смогут использовать современные информационно-коммуникативные технологии, способствующие конвергенции СМИ, в коллективной, индивидуальной,

а также научной и профессиональной сфере. Посредством медиасистем им удастся оказать сопротивление в различных информационных войнах современности и функционировать в условиях временной государственной непризнанности.

К тому же стоит понимать, что уникальная парадигма медиаиндустрии, функционирующей в особых условиях, приводит к трансформации профессиональной деятельности журналиста, потому что поддается изменению вектор его социальной, коммуникативной роли и ответственности, пересматриваются подходы к этике творческой работы. В данной связи изменяется сущность, содержание и структура медиатекстов, на что оказывает воздействие развитие новых жанровых систем, классификаций, методики работы с информацией в условиях цифровой среды, а также конвергентных процессов в редакциях самоидентифицирующихся стран.

Медиа государств с отложенным политическим статусом отводится еще и роль контрпропаганды, которая осуществляется в условиях повсеместного развития визуальной коммуникации, композиции изданий, языка и стиля, медиапроизводства, визуализации текста. Меняется также сущность и самого медиарынка, а вместе с ним и журналистика, массовые коммуникации, медиабизнес, медиаэкономика, медиаменеджмент.

Отсюда появляются новые медиатеории, технологии связи с общественностью, которые являются органичным компонентом социальных коммуникаций, значительно обогащающим потенциал современной журналистики.

Первичное изучение существующей теоретической базы, касающейся исследования формирования и функционирования медиасистем в условиях государственной самоидентификации, информационных войн и медийного противоборства демонстрирует, что вышеуказанные явления не изучены глубинным образом с учетом специфики гибридных информационных войн, направленных против самообразовавшихся государств.

Актуальность. Следствием масштабных вооруженных противостояний является не только информационные войны со свойственным противоборствующим инструментарием, но и образование новых геополитических субъектов, провозгласивших себя суверенными, обладающими всеми признаками государственности и стремящимися к легитимации, для чего необходимо поддержание идеологии в медиа. Одним из них является наличие структурированной мультимедиа-системы, проводящей внутреннюю и внешнюю информационную, языковую, идеологическую и социокультурную политику. Ее результатом должно стать признание независимости самоидентифицирующейся страны другими государствами-членами ООН, что позволит ей стать полноправным членом мирового сообщества.

Этап геополитической легализации самопровозглашенных государств, как демонстрирует практика, может длиться десятилетиями. В течение данного периода в особых условиях приходится функционировать национальным медиасистемам, возникшим путем трансформации предыдущих, формировавшихся десятилетиями. В данном аспекте актуализируется вопрос трансформации региональной журналистики, на что в своих исследованиях указывает В. В. Тулупов [2].

Отдельного внимания заслуживает образование, развитие, эволюция медиаландшафта Донецкой Народной Республики. Немаловажной является и специфика, структура, стилистика, язык, содержание противоборствующей информационной повестки страны с отложенным политическим статусом. В рассмотрении нуждается медиалингвостилистическая специфика медиасистемы государства, имеющая индивидуальные черты, тенденции, закономерности, принципы журнализма.

Несмотря на актуальность поднятых вопросов, ранее академическим сообществом не предпринимались попытки изучения, описания и научного обоснования характерных особенностей языка СМИ непризнанного государства, являющегося частью мировой мультимедиа-системы. Отсутствуют методы исследования подобного явления, не проводился и теоретико-методологический, лингвистический анализ аспектов становления медиаинфраструктуры в условиях государственной самоидентификации. В изучении нуждается роль медиасистемы в формировании коммуникативной стратегии, языка, а также инвариантной лингвоконцептосферы государственной идентичности в мировом мультимедийном дискурсе.

Мультимедиа как объект исследования. В связи с вышеизложенным объектом научных исследований в ближайшей перспективе должны стать мультимедиа в глобальном мировом дискурсе как признак государственности, языковой и национальной идентичности, а также коммуникативный, стилиобразующий, легитимизационный, идеологический, внешне- и внутривнутриполитический информационный инструмент.

Под пристальным вниманием научного сообщества должен оказаться и концепт функционирования медиа в условиях государственной самоидентификации, чтобы комплексно изучить релевантные закономерности функционирования медиасистем и информационного пространства каждого из новообразованных государств в медиалингвостилистическом аспекте и их роль в глобальном мультимедиадискурсе.

Данный научный подход позволил бы решить следующие задачи:

1) исследовать трансформационный период системы СМИ каждого из трех самоидентифицирующихся государств;

2) описать возникновение, становление, развитие и эволюцию лингвомедиа среды новых субъектов геополитики;

3) провести сопоставительный структурный анализ языка медиаресурсов;

4) осуществить функциональный и лексико-стилистический разбор специфики медиасреды государств с отложенным политическим статусом;

5) охарактеризовать жанрово-типологическую и стилистическую структуру СМИ;

6) представить лингвистические и экстралингвистические механизмы медиа самоидентифицирующегося государства;

7) установить комплекс речевых технологий позиционирования информационных стратегий;

8) научно обосновать этапы формирования языкового стиля государства в медиасистемах.

Таким образом, опытным путем еще и удастся объяснить или подтвердить возникшие в медиалингвостере гипотезы, суть которых заключается в следующем:

1. Медиа Донецкой Народной Республики в условиях государственной самоидентификации имеют особый языковой концепт функционирования, сложившийся в течение последних ста тридцати четырех лет, общая суть которого заключается в противоборстве, формировании стиля и легитимации новообразовавшегося геополитического субъекта путем реализации стратегий информационной и лингвистической политики.

2. Медиа являются одним из признаков государственности, а также национальной и языковой идентичности.

3. Медиа непризнанных или частично признанных государств образованы путем трансформации и переформатирования предыдущих информационных систем.

4. СМИ ДНР функционируют в особых условиях государственной самоидентификации, вооруженного и информационного противостояния, коммуникативных барьеров, искусственной информационной блокады, информационно-коммуникативного противоборства и обладают уникальной спецификой, сложившейся в течение всей истории журналистики Донбасса.

Методология исследования. Исследование медиа в условиях государственной самоидентификации требует и особого методологического подхода. Это наблюдение, экспериментирование, моделирование и классификация. Однако преимущество должно быть за лингвистическими методами — для всестороннего познания языковых средств. Чтобы детально изучить социальное функционирование языка СМИ и охарактеризовать элементы его механизмов в период государственной самоидентификации, желательнее применение описательного метода, а также категориального, дискретного, компонентного и контекстного анализа.

Структурный — позволит исследовать язык ме-

диа Донецкой Народной Республики как единую функциональную лингвистическую компоненту. Стилистический — продемонстрирует на конкретных примерах природу и признаки стиля языка и речи медиа. Дедуктивный и индуктивный — проверит соответствие или несоответствие наблюдаемых явлений и обобщит их. Эвристический — поможет собрать и задокументировать факты при проведении анализа медиатекстов, архивной и законодательной базы.

Научная новизна такого исследования заключается в следующих аспектах:

— тема функционирования медиа в условиях государственной самоидентификации впервые стала предметом всестороннего научного исследования в медиалингвостилистическом аспекте;

— представлены базовые механизмы функционирования медиа Донецкой Народной Республики в условиях государственной самоидентификации;

— проведен теоретико-методологический и лингвистический анализ аспектов становления развития медиа;

— получена информация о языковой специфике формирования противоборствующего информационного поля в особых условиях становления нового государства;

— обоснована роль медиа в формировании внутренней и внешней коммуникативной стратегии государства с отложенным политическим статусом;

— изучены особенности формирования языкового стиля непризнанного государства в мировом мультимедиадискурсе;

— проанализированы устно-письменные тактики формирования информационной повестки;

— впервые описаны процессы в системе медиа Донецкой Народной Республики;

— теория языка и журналистики дополнена понятиями, порожденными в процессе информационно-коммуникативной деятельности в течение всего периода существования Донбасса;

— установлена степень эффективности лингвистического инструментария медиа Донецкой Народной Республики.

В основе научного исследования о становлении и развитии медиа в условиях государственной самоидентификации могут стать следующие положения:

1. Методологический и лингвистический аспект становления медиа в условиях государственной самоидентификации базируется на историческом, концептуальном и аксиологическом характере трансформации СМИ, которые имеют уникальную языковую сущность, индивидуальные составляющие, характерные особенности, функциональную лексико-стилистическую специфику структуры, адаптировавшейся не только в глобальном, но глокальном аспекте медиадискурса. Отличительные черты свойственны и информационному полю самопровозглашенных государств, сформированному под воздействием ха-

рактерной национальной коммуникативной и социокультурной составляющей. В комплексе данные явления определяют сознание и самоопределение мультикультурных и полиэтнических масс, а медиалингводискурс является рупором национальной, языковой идентичности и государственной идеологии.

2. Медиа самопровозглашенных субъектов мировой политики отводится уникальная роль в формировании коммуникативной стратегии страны, которая зиждется на том, что средства массовой информации также являются определяющей составляющей государственности. Более того, они представляют собой геополитический коммуникативный инструмент, выполняющий особую полифункциональную миссию. Для этого СМИ должны обладать текущей, перспективной и целевой содержательной моделью для противостояния внешнему институциональному угнетению внутригосударственных социальных групп. Выполнению данной задачи должны способствовать лингвистические и экстралингвистические механизмы медиа самоидентифицирующегося государства, а также комплекс речевых технологий позиционирования информационно-коммуникативных стратегий.

3. Медиа Донецкой Народной Республики обладает уникальным языком информационно-аналитического дискурса, потому что СМИ данного нового государства являются, прежде всего, коммуникативным инструментом проведения медиаполитики не только в условиях государственной самоидентификации, но и вооруженного и информационного противостояния. Данному медиадискурсу свойственна специфическая стилистика, вариативная тактика создания информационно-коммуникативной повестки, а медиакампании сопровождаются выразительными языковыми приемами, отличающимися от традиционных лексической, структурной, композиционной, идейно-жанровой и стилистической спецификой.

4. Самопровозглашенному субъекту мировой политики свойственна инвариантная лингвоконцептосфера государственной идентичности в мировом мультимедиадискурсе. Она базируется на необходимости медиатизации государства как общественно-коммуникативной единицы, дискурсивном анализе национальной идентичности в медиа, формировании концепта коммуникативных идеологических инструментов и языкового стиля государства, лингвистическом инструментарии легитимации страны, информационно-коммуникационном суверенитете.

5. В теории медиалингвистики и журналистики возникновение, формирование и становление медиа не рассмотрено детальным образом, из-за чего

отсутствуют исследования, касающиеся формирования, становления и функционирования систем СМИ в уникальных условиях государственной самоидентификации Донецкой Народной Республики.

Теоретическая и практическая значимость данного научного изыскания выражается в том, что:

— подтверждаются доводы о том, что СМИ новых государств развиваются в особых общественно-политических и лексико-стилистических условиях, отличающихся от информационного поля признанных мировым сообществом стран;

— устанавливается специфика сегментации медиапотребления, коммуникативной и социокультурной среды;

— представляются аргументы того, что локальные медиасистемы отдельных непризнанных государств также являются частью мирового медиалингводискурса со специфическими свойствами.

Заключение. Медиа являются одним из признаков государственности, в особенности для субъектов с отложенным политическим статусом. Не узконаучный, а межотраслевой характер трансформационных процессов в глобальной медиасреде заставляет рассматривать информационное пространство непризнанных государств на стыке двух научных специальностей: «журналистика» и «русский язык». В рамках данной статьи также актуализирована необходимость научного обоснования функциональных лексико-стилистических условий, принципов эволюции медиасистем в особых условиях становления государства, информационно-коммуникативного противоборства и трансформации профессиональной деятельности журналиста, специфики языка СМИ в нормативном, стилистическом, прагматическом, коммуникативном, когнитивном аспектах. В целом язык медиасистем Донецкой Народной Республики, Южной Осетии и Абхазии представляет собой единую функциональную лингвистическую компоненту. В самоидентифицирующихся государствах уникальными являются и функциональные особенности медиакоммуникации, методы и способы привлечения внимания аудитории, подходы к производству контента, построения бизнес-моделей с учетом специфики медиапотребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс / Е. Л. Вартанова. — М.: Факультет журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019.
2. Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2013. — № 1-2 (112-113). — С. 2-7.

Донецкий национальный университет
Карпий С. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики
E-mail: eskalive25@gmail.com

Donetsk National University
Karpuy S. V., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism Department
E-mail: eskalive25@gmail.com

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ»: ПРИНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ОТКЛОНИТЬ

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 января 2022 г.

Аннотация: в статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования политической рекламы в Российской Федерации. В частности, делается попытка обосновать необходимость разработки и принятия Федерального закона «О политической рекламе».

Ключевые слова: политическая реклама, СМИ, Федеральный закон «О политической рекламе», журналистика, связи с общественностью.

Abstract: the article analyzes the current problems of legal regulation of political advertising in the Russian Federation. In particular, an attempt is made to justify the need to develop and adopt a Federal law «On political Advertising».

Keywords: political advertising, mass media, Federal Law «On Political Advertising», journalism, public relations.

Формулируя постановку проблемы данной статьи, мы исходим из того, что политическая реклама как вид практической деятельности является составной частью современной политической коммуникации и политического маркетинга и действует не только во время подготовки и проведения избирательных кампаний, но и в период между ними.

Автор согласен с точкой зрения отечественных ученых, считающих, что отправной точкой отсчета в развитии политической рекламы в нашей стране в постсоветский период следует считать конец 1980-х — начало 1990-х гг., когда произошел распад СССР и наступил новый этап российской истории, отличительными чертами которого стали курс на демократизацию и гласность.

По мнению Т. Э. Гринберг, весной 1989 г., когда были объявлены выборы народных депутатов СССР, «у избирателей фактически впервые появилась возможность реального выбора, а у кандидатов, не принадлежащих к партийной номенклатуре и элитным социальным группам, — вхождения в политическую элиту страны через выборную должность» [1, 6].

Л. А. Андросова приводит слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева из доклада на совещании в ЦК КПСС в июле 1989 г. о том, что партийные организации «должны быть готовы к тому, чтобы умело вести в самых различных условиях работу с населением», используя для этого разнообразные формы и методы, в том числе «пропаганду и политическое рекламирование кандидатов». «До этого о политической рекламе вслух не говорили, само понятие рекламы трактовалось как нечто низменное, недостойное внимания серьезных политиков.

Да и не было у нас политической рекламы, поскольку она действительна лишь в ситуации выбора, существовала лишь односторонняя агитация», — отмечает автор [2, 3].

За прошедшие 30 с лишним лет политическая реклама в нашей стране прошла большой путь: от слепого копирования западных предвыборных технологий, повального увлечения «черным» и «серым» пиаром — до выбора собственного пути развития и завоевания своего места в структуре массовой коммуникации.

Подобные слова можно сказать и о науке, которая изучает феномен политической рекламы, успешно взаимодействуя с целым комплексом отраслевых дисциплин (журналистика, связи с общественностью, теория массовых коммуникаций, политология, социология, психология, политическая философия, культурология, политический консалтинг, имиджелогия и др.).

Большой вклад в разработку теоретической базы политической коммуникации, политического маркетинга и политической рекламы внесли Е. А. Блажнов, Б. Л. Борисов, И. Л. Викентьев, М. Н. Грачев, Т. Э. Гринберг, Ж. П. Гуревич, А. И. Ковлер, А. П. Короченский, П. А. Кузнецов, В. Л. Музыкант, Е. В. Егорова-Гантман, С. Ф. Лисовский, Д. В. Ольшанский, К. В. Плешаков, Г. Г. Почепцов, Н. В. Старых, А. Н. Толкачев, А. Н. Чумиков, В. В. Ученова, О. А. Феофанов и др.

Можно сказать, что ученые свою миссию выполнили, проанализировав огромный массив эмпирического материала, попытавшись сформулировать основные положения, функции и задачи политической рекламы. Дальнейшее продвижение упирается в отсутствие Федерального закона «О политической рекламе». Попытки внести на рассмотрение Федерального Собра-

ния Российской Федерации проект данного нормативного правового акта предпринимались неоднократно, но они, к сожалению, не увенчались успехом.

Зачем нужен Федеральный закон «О политической рекламе»? Выскажу личную точку зрения не только как преподаватель, вот уже более 15 лет читающий студентам лекции в рамках учебной дисциплины «Политическая реклама», но и как специалист-практик, принимавший непосредственное участие в избирательных кампаниях 1990-х и нулевых годов XX в. в качестве пресс-секретаря, заместителя руководителя предвыборного штаба по связям с общественностью и агитационно-массовой работе. И защитивший, кстати говоря, кандидатскую диссертацию в 2005 г. на тему: «Рекламные и PR-технологии в СМИ в региональных избирательных кампаниях современной России (1995–2005 гг.)» (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор В. В. Тулупов).

Назову лишь несколько, на мой взгляд, наиболее важных и актуальных причин.

Первая причина. Федеральный закон «О политической рекламе» заполнит нишу в отечественном законодательстве, регулирующем процесс предвыборной агитации во время подготовки и проведения выборов различного уровня: Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, законодательных собраний субъектов Российской Федерации, представительных органов местного самоуправления, а также, как отмечалось выше, в период между ними.

В настоящее время вопросы размещения политической рекламы регулируется общими нормами избирательного законодательства Российской Федерации, определенными для предвыборной агитации, что, на наш взгляд, не всегда адекватно отражает суть происходящих политических процессов.

Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ (в послед. ред.) «О рекламе» содержит положение, не предполагающее двойного толкования: «Статья 2. Настоящий Федеральный закон не распространяется на: 1) политическую рекламу, в том числе предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума» [3].

В Федеральном законе от 10.01.2003 N19-ФЗ (в послед. ред.) «О выборах Президента Российской Федерации» дается определение предвыборной агитации (ст. 49), а в Федеральном законе от 12.06.2002 N67-ФЗ (в послед. ред.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» — предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума (ст. 48). При этом ни в одном нормативном правовом акте, входящем в состав избирательного законодательства Российской Федерации, в том числе Федеральных законах «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 20 декабря 2002 года N175-ФЗ

и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. N154-ФЗ, не содержится норм, в которых политическая реклама рассматривалась бы как форма политической агитации.

Пришло время данную юридическую коллизию отрегулировать в соответствии с требованиями времени и запросами общества.

Вторая причина. Принятие Федерального закона «О политической рекламе» позволит внести ясность в ситуацию, связанную с разграничением таких понятий, как предвыборная агитация и информирование избирателей о ходе подготовки и проведения выборов и референдумов, деятельности избирательных комиссий федерального, регионального и местного уровней, органов государственной власти и местного самоуправления в период политических процессов.

Отсутствие четких критериев в отечественном законодательстве на практике может привести (и приводит) к возникновению серьезных нарушений во время политических процессов: проведение предвыборной агитации с использованием административного ресурса; участие в агитации должностных лиц органов государственной и муниципальной власти; доведение агитационных материалов до широкого круга избирателей до официального старта избирательной кампании; выпуск и распространение предвыборных материалов под видом журналистской продукции и т.д.

Также необходимо дать правовое определение таких понятий как «электорат», «предвыборная агитация», «негативная политическая реклама», «косвенная реклама», «незаконная реклама», «ненадлежащая реклама», «скрытая реклама», «политические технологии» и др.

Третья причина. Нормы Федерального закона позволят более эффективно бороться с такими явлениями в деятельности средств массовой информации, как скрытая политическая реклама или так называемая «пиарналистика», «черные» и «серые» технологии. Какие признаки могут указывать на то, что данный материал (статья в газете или на сайте информационного агентства, сюжет по телевидению, репортаж по радио и т.д.) является ничем иным, как PR-продуктом или прямой агитацией? Такими признаками могут быть: содержание материала; его подготовка непосредственно самим субъектом политического процесса (избирательным штабом политической партии или конкретного кандидата в депутаты) или под его контролем; отсутствие указания на рекламный характер публикуемого или выходящего в эфир материала; оплата размещения агитационного материала не из средств избирательного фонда политической партии или конкретного кандидата и т.д.

Необходимо признать, что сейчас данные нарушения избирательного законодательства трудно доказуемы с юридической точки зрения.

И, наконец, **четвертая причина**. Нет сомнения, что Федеральный закон «О политической рекламе» даст мощный толчок научным исследованиям, посвященным изучению политической рекламы, ее конструктивному взаимодействию с другими отраслевыми науками. В настоящее время в научной литературе существует множество определений политической рекламы, в чем-то схожих, а в чем-то противоречащих друг другу.

В некоторых источниках политическая реклама выделяется в качестве особой разновидности социальной рекламы, которая действует в рамках предвыборной кампании [4, 17.]. В других работах анализируются случаи, когда «политическая реклама отождествляется с предвыборной агитацией, причем политическая реклама есть категория общая, а предвыборная агитация рассматривается как разновидность политической рекламы» [5, 23].

Как отмечает М. В. Баранова, «Под политической рекламой часто понимают одну из возможных форм предвыборной агитации в СМИ. (...) Вместе с тем политическая реклама является более широким понятием, поскольку может иметь целью не только побудить избирателя к голосованию «за» или «против», но и стимулировать любую форму политического участия» [6].

По мнению А. А. Аксенова: «Политическая реклама — это форма политической коммуникации в условиях выбора, адресное воздействие на электоральные группы в лаконичной, оригинальной, легко запоминающейся форме. Политическая реклама отражает суть политической платформы определенных политических сил, настраивает избирателей на их поддержку, формирует и внедряет в массовое сознание определенное представление о характере этих политических сил, создает желаемую психологическую установку на голосование» [7, 12].

Обобщая сказанное, можно предложить следующее определение политической рекламы: «Политическая реклама — это распространяемая в соответствии с законодательством информация о деятельности органов государственной власти и государственного управления, политических партий и общественных организаций, отдельных политических деятелей, которая предназначена для неопределенного круга лиц и призвана формировать или поддерживать интерес к этим структурам и лицам, идеям и начинаниям и способствовать реализации их задач и целей».

Насущную необходимость правового регулирования политической рекламы признают не только ученые, эксперты, участники политического процес-

са, но и сами законодатели. Например, председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. И. Матвиенко заявила в статье, опубликованной в «Парламентской газете»: «Остро ощущается потребность в принятии закона, регулирующего область политической рекламы, притом не только в период выборов, но и в целом, как составной части деятельности партий» [8].

В принципе существующие пробелы в федеральном законодательстве в сфере политической рекламы можно устранить путем совершенствования действующего Федерального закона «О рекламе», внесения в него полноценного раздела, отражающего дефиницию политической рекламы и характерные признаки, отличающие ее от других видов рекламы и смежных правовых понятий.

Но более правильным и эффективным решением нам представляется разработка и принятие Федерального закона «О политической рекламе». Мы убеждены в том, что данный нормативный правовой акт будет способствовать дальнейшему конституционно-правовому развитию государства и гражданского общества, укреплению политической системы и демократических институтов в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама: учеб. пособие / Т. Э. Гринберг. — М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Андросова Л. А. Политическая и социальная реклама: учеб. пособие / Л. А. Андросова. — Пенза: Информационно-издательский центр ПензГУ, 2008.
3. Федеральный закон от 13.03.2006 N38-ФЗ (в послед. ред.) «О рекламе». — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 10.01.2022).
4. Дюдина П. А. Политическая реклама: цели и средства (к проблеме конституционно-правового регулирования) / П. А. Дюдина // Реклама и право. — 2008. — N2.
5. Бузин А. Ю. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации / А. Ю. Бузин // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — N3.
6. Баранова М. В. Пробелы правового регулирования политической рекламы / М. В. Баранова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probely-pravovogo-regulirovaniya-politicheskoy-reklamy> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Аксенов А. А. Реклама в политике: учеб. пособие / А. А. Аксенов. — Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013.
8. Матвиенко В. И. Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности / В. И. Матвиенко // Парламентская газета. — 2016. — 12 авг.

*Воронежский государственный университет
Колобов В. В., доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kolobov V. V., Doctor of Philology, Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: kolobov2015@yandex.ru*

РЫНОК РЕКЛАМЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

К. С. Корнилова, В. С. Царикова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются изменения, которые произошли в сфере рекламного рынка во время пандемии коронавируса COVID-19 (2020–2021 г.). С одной стороны, это был сложный период как для компаний, так и для рекламодателей и потребителей. Некоторые рекламные агентства в полной мере ощутили на себе воздействие кризисных явлений и влияние негативных макроэкономических факторов, что привело к сокращению их деятельности или полной ликвидации бизнеса. Но некоторым компаниям, действующим на рынке маркетинга и рекламы, во время пандемии все-таки удалось найти те решения, которые позволили не только сохранить бизнес, несмотря на кризисную ситуацию, сложившуюся во всем мире, но и увеличить доходы от операционной деятельности. Авторами рассмотрены основные тенденции рекламного рынка, возникшие в период пандемии коронавируса COVID-19, проведен анализ решений, которые принимались различными участниками рынка рекламы, систематизированы наиболее удачные инструменты развития отдельных компаний, использованные в кризисных условиях.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, пандемия, реклама, рекламный рынок, изменения в рекламной сфере, новые подходы к рекламе, современная концепция рекламы.

Abstract: the article examines the changes that have occurred in the advertising market during the COVID-19 coronavirus pandemic. On the one hand, it was a difficult period for both companies, advertisers and consumers. Some advertising agencies have fully felt the impact of the crisis and the impact of negative macroeconomic factors, which led to a reduction in their activities or a complete liquidation of their business. But some companies operating in the marketing and advertising market, during the pandemic, nevertheless managed to find those solutions that allowed not only to preserve their business, despite the crisis situation prevailing around the world, but also to increase income from operating activities. The authors examines the main trends in the advertising market that arose during the COVID-19 coronavirus pandemic, analyzes the decisions made by various participants in the advertising market, systematizes the most successful development tools for individual companies used in crisis conditions.

Keywords: coronavirus infection, pandemic, advertising, advertising market, changes in the advertising field, new approaches to advertising, modern advertising concept.

Введение. Во время пандемии COVID-19 в 2020 году многие предприятия поменяли свои форматы: кто-то оказался в безвыходном положении и не смог справиться со сложившимся впоследствии финансовым кризисом, кто-то, наоборот, смог найти ряд комплексных подходов к решению этой задачи. Так, пандемия поставила многих участников бизнеса в абсолютно неравные условия. В данном исследовании мы будем рассматривать, какие изменения произошли в рекламной сфере и как эти изменения повлияли на рынок в целом. Кроме того, будут рассмотрены методы решения этого вопроса: каким компаниям и с помощью чего удалось справиться с кризисной ситуацией.

Актуальность исследования обусловлена тем, что многим предприятиям так и не удалось изменить деятельность компании в соответствии с новыми реалиями ведения бизнеса. Но при этом нам хотелось бы обратить свое внимание на особо яркие кейсы из российской и зарубежной практики, чтобы

выявить, благодаря чему некоторым маркетологам удалось спасти свои компании в создавшейся кризисной ситуации. Считаем, что позитивный опыт некоторых рекламных агентств может послужить примером для других компаний: чтобы избежать ошибок в будущем, необходимо изучать опыт деятельности конкурентов в условиях действия негативных макроэкономических факторов.

Цель статьи — провести комплексное изучение изменения рекламного рынка во время пандемии коронавируса, попытаться понять, что именно послужило толчком к росту или к спаду рекламных кампаний, какое влияние COVID-19 оказал на рекламный рынок в целом. Кроме того, важной задачей работы является выяснение причин успеха тех или иных рекламных кампаний в кризисных условиях деятельности. Также задачей работы является восполнение существующего пробела знаний о специфике использования маркетинговых инструментов и рекламных средств во время коронавирусной инфекции с разработкой рекомендаций для рекламных

агентств по разрешению сложных производственных ситуаций в условиях пандемии.

Обзор литературы. Анализ научно-теоретической литературы по проблемам возникновения кризисных явлений позволяет выявить следующие макроэкономические причины их возникновения:

— неравномерность соотношения прибыли и риска в различных видах деятельности, способствующая привлечению большего количества субъектов бизнеса в наиболее рискованные отрасли (А. Смит);

— значительные инновационные затраты на производство новых видов товаров, услуг, которые впоследствии становятся значительно дешевле для новых производителей и потребителей (К. Маркс);

— цикличность экономики, чередование депрессии и подъема (Й. Шумпетер);

— изменения процентной ставки и повышенная зависимость от финансового капитала, приводящие при сокращении объемов деятельности к невозможности обслуживания обязательств (А. Фишер).

Все эти аспекты в полной мере применимы к организациям, действующим на любых сегментах рынка, т.к. данные условия выступают фундаментальными, влекущими за собой серьезные изменения и оказывающими значительное влияние не только на деятельность отдельной компании, но и рынка в целом.

Необходимо отметить, что в связи с участвовавшими экономическими кризисами и их глобальным характером вопросы возникновения кризисных явлений и специфика ситуации преодоления их последствий неизменно привлекают интерес в научном сообществе и среди практикующих специалистов. Это в полной мере касается и рынка рекламной деятельности и маркетинга. Из наиболее интересных исследований в этой области за последние годы необходимо отметить работы Е. П. Кочеткова [1], Е. А. Файншмидта [2] и О. А. Фирсовой [3].

Вместе с тем на сегодняшний день, ввиду особенностей пандемии COVID-19, феномен изменения рынка рекламы и направлений маркетинговой деятельности в кризисный период остается пока еще малоизученным в научной литературе, что делает данное исследование не только актуальным, но и востребованным в научной среде.

Методология исследования. В качестве основных методов исследования использованы: сравнительный, структурный и системный анализы. В ходе проведенного исследования также применялся комплексный анализ статистических данных и результатов социологических исследований российских и иностранных консалтинговых компаний.

Общие тенденции влияния пандемии на рынок рекламы. На сегодняшний день с уверенностью можно сказать, что пандемия COVID-19 оказала серьезное воздействие как на мировую экономику, так и на национальную экономику России. Вынужден-

ные локдауны оказали свое негативное воздействие на фондовые рынки, усугубили падение цен на нефть и другие энергоресурсы, замедлили, а в некоторых случаях даже остановили промышленное производство в разных странах и регионах мира. В условиях глобализации COVID-19 практически одновременно повлиял на экономику всех стран мира, независимо от того, в какой мере они пострадали от этой пандемии.

Воздействие глобального кризиса на мировую экономику приводит к сочетанию различных факторов, когда при проявлении одного негативного события или тенденции порождается другое явление, имеющее уже больший масштаб негативных последствий. Прежде всего, хотелось бы отметить те явные изменения, которые возникли на начальных этапах пандемии коронавируса, когда сложившаяся критическая ситуация застала врасплох многие компании, действующие в сфере маркетинга и рекламы. Это:

1) финансовые трудности, связанные с резким падением доходов и спроса ввиду вынужденных локдаунов;

2) изменение режима работы — вынужденный переход на дистанционный режим работы сотрудников и необходимость срочной цифровизации бизнес-процессов, к которой могли быть не готовы некоторые компании;

3) необходимость поиска новых форм контента, которые срочно нужно было адаптировать под новые форматы взаимодействия с партнерами, контрагентами и заказчиками.

В условиях пандемии многие рекламодатели были вынуждены замораживать свои бюджеты, что сказалось на доходах рекламной отрасли. Так, согласно отчету компании Launchmetrics, количество постов, например в социальной сети Instagram с пометкой AD («Реклама»), уменьшилось на 31% в период с февраля по апрель 2020 г. [4].

Финансовый кризис начала пандемии охватил разные сферы рекламного рынка, на чем мы остановимся более подробно.

Прежде всего возникли проблемы в рекламном взаимодействии, которое изменилось в результате пандемии по многим критериям: работе с блогерами и рекламным интеграциям в профилях Instagram звезд и инфлюенсеров.

Сами блогеры, которые сейчас во многом выступают «двигателями» рекламы и порой играют значительную роль в создании и распространении контента, заявили о том, что они ощутили в своей деятельности влияние пандемии. Хотя деятельность блогеров во многом нерегулируема и их можно назвать самостоятельными игроками рынка рекламы, все же они получают предложения от рекламных и SMM-агентств.

Так, агентство RODNYA провело опрос у инфлюенсеров и установило, что 61,7% опрошенных выска-

зались о снижении рекламных запросов. При этом 14,9% респондентов упомянули о значительном снижении доходов от своей рекламной деятельности и еще 42,6% опрошенных указали на незначительное снижение доходов от своей рекламной деятельности. В ходе опроса 57% респондентов заявили, что компании преимущественно выбирали вариант сторис, как самый дешевый вариант рекламы, тем самым максимально сократив свои расходы и вложения в рекламные кампании [5].

Все это говорит о том, что даже эта часть рекламного рынка (работа с блогерами и инфлюенсерами) в начале пандемии в течение 2020 г. финансово пострадала.

Можно выделить несколько общих тенденций, сложившихся на рекламном рынке в начале пандемии:

1. Изменение возраста потенциальной аудитории: представители поколения Z стали платежеспособными. В ходе введенных ограничений и в период изоляции подростки и дети не отрывались от экранов смартфонов, что сделало из них не просто опытных пользователей, но и потенциальных клиентов онлайн-магазинов, гейм-пространств, платных сообществ и др. В этой ситуации рекламным агентствам стоило обратить на внимание на данную трансформацию сегмента потребителей и адаптировать рекламу под более доступную аудиторию.

Как отмечает глава «АКАР-Урал» и PR-директор AG Deltaplan А. Парфун, «мы все привыкли рассуждать о миллениалах как о детях, но они уже давно не носят памперсы. Тем, кто родился в начале 2000-х, уже есть по 18 лет, они совершеннолетние и становятся активными потребителями. А это значит, что крупному бизнесу необходимо менять стиль коммуникации: упрощать свои рекламные сообщения, использовать визуальный контент, общаться в чатах — в общем, идти за своим потребителем и говорить с ним на одном языке» [6].

2. Интеграция старшего поколения. Обычно люди пожилого возраста потребляют информацию по принципу сарафанного радио либо узнают что-то на улице традиционным способом: читая объявления и знакомясь с рекламными предложениями непосредственно в магазинах. Во время пандемии пенсионерам часто было запрещено покидать дома, поэтому рекламным агентствам нужно было также продумать, как изменить теле- и радиорекламу, чтобы еще больше заинтересовать старшее поколение.

Мы приходим к выводу, что успешные рекламные кампании должны были одновременно работать на разные аудитории, что может показаться довольно сложным на первый взгляд, но вполне осуществимым в реальности.

3. Теперь социально-демографический фактор не играл никакой роли, потому что все люди оставались дома. В последнее время популярность набирает

социально-демографический таргетинг — нацеливание рекламы на определенный сегмент аудитории по социальным и демографическим признакам. Зачастую реклама как раз выстраивалась в зависимости от того, где живет и находится клиент. Но во время пандемии этот признак был абсолютно неважным, потому что большинство потребителей оставалось дома и заказывало товары с помощью интернет-ресурсов, и было абсолютно неважным, из какого города тот или иной товар будет доставлен.

4. Тотальная цифровизация: онлайн-формат стал доминирующим не только на рынке рекламы. Так, глава отдела брендовых продаж MGID И. Ниссенбаум-Левицкий отмечает, что некоторые компании быстро поменяли вид коммуникации и, например, перестроили тест-драйвы в онлайн-консультации [7].

Пандемия даже пошла на пользу некоторым предприятиям, у которых не было возможности или желания перейти в онлайн-формат: произошел вынужденный переход в цифровую реальность.

Также нельзя не упомянуть общий тренд для нынешнего поколения: мобильный трафик во многом превышает десктопный, потому что телефон становится основным средством получения информации, способом общения и взаимодействия [8]. Именно поэтому сегодня рекламные агентства должны ориентироваться больше на формат размещения рекламы в телефоне, что имеет свои технические особенности.

Инструменты продажи рекламы и маркетинговых услуг в ходе пандемии. В ходе пандемии коронавируса новые инструменты продаж в рекламе были связаны как с тематикой рекламных сообщений, так и с технологиями их подачи.

Если говорить о тематике рекламных сообщений, то многие рекламодатели пострадали из-за того, что не хотели, чтобы их компания и продукты ассоциировались с болезнью или смертью. Однако некоторые компании не учитывали этот «тематический» фактор и как раз демонстрировали «образцовое» поведение — если это реклама онлайн-сервиса по просмотру кино, то кампания оказывалась выигрышной, потому что указывалось на опасность распространения инфекции и действовало правило «оставаться дома».

Помимо освещения темы болезни и коронавирусной инфекции непосредственно в рекламных кампаниях, некоторые рекламодатели начали демонстрировать солидарность и инвестировать деньги в медицинские компании, о чем активно начали рассказывать, рекламируя свои продукты. Так, Бренд Ralph Lauren рассказал в своем Instagram-аккаунте о том, что выделил 10 млн. долл. США на борьбу с коронавирусом. А Банк «Точка», например, запустил фонд помощи предпринимателям и сам перечислил в него 10 млн. руб. [9]

Одно из нововведений, которые ощутил на себе абсолютно каждый рекламодатель в ходе панде-

мии — это использование системы триггерных продаж. Умелым маркетологам легко удавалось находить «болевые точки» клиентов, которые теперь можно было с легкостью угадать. Если человек хочет заниматься спортом, то ему можно предложить онлайн-сервис занятий спортом, обязательно указав, что именно этот сервис станет помощником при организации занятий дома. Таких примеров было множество в различных сферах, например, «Додо-пицца» активно продвигала рекламную кампанию, в которой рассказывала о бесконтактной доставке, т.к. многие клиенты беспокоились из-за распространения коронавирусной инфекции.

Во время пандемии активнее начинает использоваться лидогенерация: рекламодатели активнее отправляли различного рода рассылки, чтобы привлечь внимание клиента. Реклама в пространствах города становится невозможной, поэтому в ход идут различные методы лидогенерации.

Однако во многом побеждал креатив: для некоторых компаний повсеместный онлайн-формат был не падением, а резко появившейся точкой роста.

Необходимо отметить изменение приоритетов в использовании площадок для размещения рекламы. Например, согласно исследованию Министерства цифрового развития, приток пользователей ведущих СМИ России увеличился на 65 млн. человек. Это происходило по причине того, что на первом месте по тематическим предпочтениям пользователей были новости: люди хотели оставаться в актуальной повестке дня и следить за главным инфоповодом — коронавирусом, новыми фактами о инфекции, количеством заболевших, известиями о вакцине и мировом опыте. Таким образом, в выигрыше оставались те фирмы, которые размещали свои рекламные кампании на онлайн-порталах ведущих СМИ, потому что это помогало повысить охват аудитории.

Даже для тех компаний, для которых digital-формат казался невозможным вариантом, выход в онлайн помог сохранить свой статус. Например, Lexus и Mercedes быстро поменяли свою коммуникацию и стали проводить консультации в режиме онлайн, что не допустило падения продаж [9].

Важным фактором, помогающим многим рекламодателям оставаться на связи со своими клиентами, стала эмпатия — необходимо было выстраивать очень узкие связи между компанией-производителем и потребителем, потому что это помогало «чувствовать» его боли и страхи. Хорошими решениями контент-маркетинга выступали различные анкеты, посты в социальных сетях для общения с подписчиками, разнообразного рода конкурсы, объединенные одной тематикой — домашним времяпрепровождением. Клиенты видели поддержку в лице компании, когда рассказывали о своем опыте, именно поэтому доверие к продукту повышалось.

Наравне с эмпатией необходимо упомянуть и о всеобщем единении. Пандемия — это не время конкуренции. В выигрыше оставались те, кто объединялся с конкурентами для достижения более глобальной цели, чем продажи. Так, на российском ТВ самые известные конкурирующие каналы объединились в съемке общего видео, чтобы призвать телезрителей оставаться дома.

Заключение. Проведенный анализ показал, что хотя и немногие рекламные компании смогли сохранить прибыльность своей деятельности в условиях пандемии коронавируса COVID-19, некоторым операторам рынка все же удалось найти правильные и подходящие решения по выходу из кризисной ситуации в условиях воздействия негативных макроэкономических факторов и возникновения неопределенности.

Важными решениями для бизнеса и рекламодателей можно назвать выход в онлайн и реализацию новой, подходящей формы для онлайн-общения, демонстрацию социальной ответственности, преимущественное использование для рекламных сообщений мобильных устройств.

К новым инструментам антикризисной политики в области маркетинга и рекламной деятельности, возникшим в ходе пандемии коронавируса, следует отнести: применение системы триггерных продаж, активное использование лидогенерации, изменение в использовании площадок для размещения рекламы (приоритет онлайн-ресурсам), изменение в отношении к клиентам (эмпатия и тесная связь с потребителем), всеобщее единение — необходимость объединения усилий конкурентов для достижения глобальной цели по предотвращению угрозы заболевания и преодоления последствий пандемии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочетков Е. П. Трансформация антикризисного управления в условиях цифровой экономики. Обеспечение финансово-экономической устойчивости высокотехнологического бизнеса: монография / Е. П. Кочетков. — М.: Проспект, 2020.
2. Файншмидт Е. А. Теория антикризисного управления / Е. А. Файншмидт. — М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2018.
3. Фирсова О. А. Управление рисками организаций / О. А. Фирсова. — М.: МАБИБ, 2018.
4. Пир во время локдауна: какое влияние оказала пандемия на доходы инстаграмеров. — Режим доступа: <https://www.cossa.ru/trends/271429> (дата обращения: 12.12.21).
5. Реклама 2020. Как меняется мировой рынок рекламы и чем это грозит бизнесу. — Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/5db96d287a8aa9b7f54096bd> (дата обращения: 13.12.21).
6. Как пандемия повлияла на бизнес и продажи рекламы. — Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo/sostav.ru/s/publication/iab-russia-45165.html> (дата обращения: 13.12.21).

13.12.21).

7. Исследование GroupM: влияние пандемии на рекламный рынок. — Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/partners/5f033dd37a8aa977f8897576> (дата обращения: 13.12.21).

8. Для чего разделять трафик на десктоп и мобильные устройства? — Режим доступа: <https://vc.ru/>

marketing/151541-dlya-chego-razdelyat-trafik-na-desktop-i-mobilnye-ustroystva (дата обращения: 13.12.21).

9. Бельченко П. До/после: как коронавирус изменил рекламу брендов / П. Бельченко. — Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/128914-do-posle-kak-koronavirus-izmenil-reklamu-brendov> (дата обращения: 13.12.21).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

*Корнилова К. С., кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью
E-mail: k.kornilova84@gmail.com*

*Царикова В. С., студентка факультета журналистики
E-mail: zveronika66@gmail.com*

Lomonosov Moscow State University

*Kornilova K. S., Candidate of Philology, Researcher at the Advertising and Public Relations Department
E-mail: k.kornilova84@gmail.com*

*Tsarikova V. S., Student of the Faculty of Journalism
E-mail: zveronika66@gmail.com*

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ЖУРНАЛИСТСКУЮ НАУКУ БЕЛОРУССИИ

А. П. Короченский

Белгородский государственный национальный научно-исследовательский университет

Поступила в редакцию 19 января 2022 г.

Аннотация: в рецензии на работу белорусского автора (Кононова Е. И. *Информационное общество: мейнстрим национальных медиасистем.* — Минск: Издательский центр БГУ, 2020. — 143 с.) представлен анализ подхода к изучаемой проблематике развития современных медиасистем информационно богатых европейских стран и Китая, а также оценка результатов исследования, проведенного Е. И. Кононовой.

Ключевые слова: медиасистемы, диджитализация, конвергенция, информационное общество.

Abstract: in the review of the work of the Belarusian author (Kononova E. I. *Information Society: the mainstream of national media systems.* — Minsk: The BSU Publishing Center, 2020. — 143 p.) presents an analysis of the approach to the studied problems of the development of modern media systems of information-rich European countries and China, as well as an assessment of the results of a study conducted by E. I. Kononova.

Keywords: media systems, digitalization, convergence, information society

Работа доцента кафедры международной журналистики Белорусского государственного университета Елены Ивановны Кононовой посвящена рассмотрению трансформации и развития национальных медиасистем под влиянием процессов диджитализации (цифровизации) средств коммуникации и журналистской деятельности. Книга являет собой пример прогрессирующего становления в современной журналистской науке такого важного направления, как изучение развития медиасистем стран мира в новом контексте, сформированном под влиянием внедрения цифровых технологий и глобализации. Выход в свет этой работы свидетельствует о растущем авторитете белорусских исследований в сравнительно новом направлении для университетской науки республики — исследованиях международной журналистики.

В поле зрения автора попали европейские примеры — и не только. В европейском контексте для анализа были выбраны развитые медиасистемы информационно богатых государств: Великобритании, Германии, скандинавских стран. В качестве азиатского примера представлена медиасистема Китайской Народной Республики (КНР) — как с характеристиками, роднящими ее с организацией медиа в других быстро развивающихся странах мира (а это обусловлено прежде всего высоким уровнем продвинутой технологий, используемых в Китае), так и с чертами, свидетельствующими о «непохожести», порожденной аутентичностью китайского общества, его культуры, языка и пр.

Работа располагает к тому, чтобы ознакомить будущих белорусских журналистов с опытом новейших преобразований в зарубежных медиасистемах, кото-

рый имеет существенное значение для Белоруссии, где идут аналогичные процессы. Особенно большое значение имеет мировой опыт конвергенции медиа, ставший реальностью в условиях тотальной цифровизации медиасистем.

Особое внимание к работе привлекает тот факт, что ее автор имел возможность непосредственно знакомиться с актуальными переменами в европейских медиасистемах и изучить китайскую медиасистему, ее специфику благодаря длительной работе в КНР в качестве приглашенного преподавателя. В целом сформулированные в книге положения основательно аргументированы, подкреплены новейшими материалами.

Работа начинается с теоретического обоснования концепции информационного общества, которая служит краеугольным камнем для развертывания дальнейших суждений об актуальных переменных в медиасистемах. При этом автор опирается на труды теоретиков, являющихся однозначными приверженцами названной концепции. Необходимо упомянуть также, что на концепте информационного общества построен ряд многосторонних международных документов, одобренных национальными лидерами ведущих стран мира. Вместе с тем существует и весьма аргументированная критика концепции информационного общества. Так, М. Кастельс именует нынешнее состояние иначе — как «информационную эпоху» [1]. И не без оснований. Сегодня ни одна страна мира, в том числе информационно богатые государства, не могут предъявить полного выдвинутым теоретиками соответствия общепринятым признакам информационного общества. Это позволяет характеризовать концепцию информационного общества как технобюрократическую утопию. Очевидно, что

при этом в работе должны упоминаться не только апологетические воззрения на сущность информационного общества, но и приниматься во внимание аргументированная критика этой концепции. Так, Ф. Уэбстер, задав совершенно уместный вопрос «Существует ли информационное общество?», заметил: «Хотя понятие информационного общества и играло важную роль, оно вводило в заблуждение, особенно тем, что намекало на существование нового типа общества. Я полностью убежден, что для понимания современного общества очень важно разобраться в тенденциях развития информации, но сценарии, в которых фигурирует информационное общество, мало помогают в решении этой задачи» [2, 361].

В числе достоинств работы Е. И. Кононовой необходимо назвать то, что автор не ограничивается передачей аудитории выработанного ею постулированного знания, а использует большой массив материала, побуждающего собственную когнитивную активность будущих журналистов. Так, она вводит в оборот большое количество новейших статистических материалов, которые не только иллюстрируют

сформулированные положения, но и дают читателям дополнительный материал для самостоятельных размышлений о сущности и особенностях перемен в современных медиасистемах.

Отрадно, что в республике, испытавшей в последнее время немалые потрясения, неуклонно продолжается созидательная работа, продвигающая вперед образование и науку. Наглядным подтверждением тому служит работа Е. И. Кононовой, которая поспособствует становлению в Минске белорусской научно-образовательной школы подготовки журналистов-международников, способных уверенно владеть всем тем внушительным потенциалом, которым располагают сегодня медиасистемы, подвергшиеся цифровизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс.— М.: Высшая школа экономики, 2000.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер.— М.: Аспект Пресс, 2004.

Белгородский государственный национальный научно-исследовательский университет

Короченский А. П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики

E-mail: webmaster@bsu.edu.ru

*Belgorod National Research University
Korochensky A. P., Doctor of Philology, Professor of the
Journalism Department*

E-mail: webmaster@bsu.edu.ru

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕСКОВ И ВОРОНЕЖСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

В. В. Кульнев

*Центрально-Черноземное межрегиональное управление
Федеральной службы по надзору в сфере природопользования*

А. И. Масалыкин

*Автономное учреждение Воронежской области
«Воронежский зоопарк им. А. С. Попова»*

Поступила в редакцию 10 января 2022 г.

Аннотация: в статье приведены некоторые сведения об особенностях развития системы особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации. Показана роль Василия Михайловича Пескова в развитии заповедного дела, популяризации природоохранной деятельности человека и экологического туризма.

Ключевые слова: заповедное дело, культурное наследие, природоохранное законодательство, экологический туризм.

Abstract: the article provides information on the several peculiarities of the development of the system of specially protected natural territories in the Russian Federation. The role of Vasily Mikhailovich Peskov in the development of protected areas, popularization of human nature conservation and ecological tourism is shown.

Key words: conservation, cultural heritage, environmental legislation, eco-tourism.

Заповедное дело в России зародилось задолго до 1917 г. На его становление оказали воздействие западноевропейские идеи по охране природы и опыт создания северо-американских национальных природных парков, накопленный с последней четверти XIX в. Несмотря на это воздействие, сеть заповедников СССР приобрела свою уникальность, стала одним из важнейших достижений страны в мире XX в.

Идея заповедной природы имеет глубинные корни в истории России и была обозначена в отечественной литературе задолго до её реализации. В теории и практике заповедного дела России сложились три основных его трактовки: утилитарно-прагматическая, эоцентрическая и научно-экологическая. Идея классических заповедников базируется на научно-экологическом подходе, обоснованном в трудах В. В. Докучаева, Г. А. Кожевникова, Ф. Р. Штильмарка и др. В разные периоды истории заповедного дела в России эти три подхода вступали в противоречия друг с другом, что приводило к конфликтам и крушению сложившейся заповедной системы [1].

В наши дни, особо охраняемые природные территории с каждым годом играют все большую роль в территориальных формах охраны природы [2].

В условиях надвигающегося экологического кризиса развитие и полноценное функционирование систем особо охраняемых природных территорий всех уровней организации может существенно сни-

зить техногенное воздействие на компоненты окружающей природной среды. Можно утверждать, что по мере возрастания экологического кризиса закономерно возрастает значимость особо охраняемых природных территорий. Постольку такая форма территориальной организации пространства помогает поддерживать общий и региональный балансы, поддерживать природно-ресурсный потенциал и оказывать влияние на моральный климат общества, не безразличного к ухудшению экологической обстановки. Наибольшее значение при этом имеют заповедники, которые играют важнейшую роль в сохранении биологического разнообразия [2].

Цели и задачи заповедников прописаны в Федеральном законе Российской Федерации от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [3], Положении о государственных природных заповедниках в Российской Федерации», утвержденным постановлением Правительства РСФСР от 18.12.1991 № 48 «Об утверждении Положения о государственных природных заповедниках в Российской Федерации» [4], в постановлении Правительства Российской Федерации от 23.04.1996 № 527 «О внесении изменений и дополнений в Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации» [5], и в индивидуальных Положениях об особо охраняемых природных территориях. Например, «Положение о федеральном государственном учреждении «Воронежский государственный природный биосферный заповедник», утвержден-

ное 16.01.2001 руководителем Департамента охраны окружающей среды и экологической безопасности Министерства природных ресурсов Российской Федерации Амирханом Магомедовичем Амирхановым, ныне заместителем руководителя Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

В мае 2001 г. в России начались серьезные реформы, в результате которых были ликвидированы Государственный комитет по охране природы и экологии, Государственный комитет по лесному хозяйству и другие структуры. Василий Михайлович Песков все эти изменения воспринял с негодованием. До этого момента федеральные ООПТ находились в системе Государственного комитета по охране природы и экологии (контролирующий орган). Появилась система аренды лесных ресурсов на 49 лет. В июне того же года Василий Михайлович Песков при нашей встрече скажет, что реформа была направлена на удаление лишних барьеров при использовании природных ресурсов нашей страны. Этого требовала экономика.

Заповедники и национальные парки сохранили организационно-правовой статус федерального государственного природоохранного учреждения и относятся к некоммерческим организациям.

В настоящее время заповедники и национальные парки находятся в системе Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Функции их остались прежними: охрана биоразнообразия природной территории, изучение динамики процессов, происходящих в природных объектах и экологическое просвещение. Одним из структурных подразделений в заповедниках являются отделы охраны. Государственные инспекторы по охране окружающей среды, составляющие штат сотрудников указанных отделов, имеют необходимые полномочия, оружие и способны реально противостоять большинству видов антропогенных воздействий на особо охраняемых природных территориях.

Воронежский заповедник был создан на северном участке крупного лесного массива «Усманский бор» в 1927 г., а через 3 года в селе Орлово в 20 км от заповедника родился Василий Михайлович Песков — известный и талантливый писатель — публицист, журналист, фотокорреспондент, путешественник. Во всех его книгах и очерках всегда чувствовалась любовь к природе, человеку и отечеству.

Дом, где он родился, был расположен на улице не далеко от реки Усмань, которая берет свое начало в Липецкой области и протекает через территорию Воронежского заповедника, потом впадает по открытым степным местам и возвращается в «Усманский бор», где впадает в реку Воронеж (приток реки Дон).

Он очень любил «реку детства» и много писал о ней, защищал ее в непростое время. Эта небольшая река с ее живописными лесными и степными берегами, старицами и затонами оказывала особое влияние на становление Василия Михайловича, как

человека, писателя, журналиста. Он не имел биологического образования, но в природе и ее обитателях, в человеке мог видеть какие-то особые явления, которые не замечали другие. Он сам был «самородком» и о «самородках» писал. Его произведения были доступны любому человеку, не зависимо от его образования и воспитания. При общении с ним люди чувствовали себя счастливым. Его можно было слушать часами.

С Василием Михайловичем мы познакомились в 1976 г., в Воронежском лесотехническом институте. Василий Михайлович и Леонид Леонидович Семаго (известный орнитолог, доцент кафедры зоологии позвоночных ВГУ) предложили участвовать в съемке фильма «Жизнь водохранилища» для телевизионной передачи «В мире животных» (1975–1990 гг.). Эту передачу смотрели все, и дети и взрослые. Где бы мы ни появлялись во время съемок, везде слышали удивительные восклицания — «посмотри это же Василий Песков!». Дети называли его дядя Вася Песков, который рассказывает о животных. Популярность была просто удивительная. В семидесятые годы профессии биолога, зоолога, ботаника, лесоведа, охотоведа были очень популярны и в нашем институте и в университете и в педагогическом институте. Тяга к знаниям о природе и ее обитателях была огромна.

Василий Михайлович приезжая на Родину, всегда посещал Воронежский заповедник. Он поддерживал хорошие отношения с сотрудниками заповедника. Ему была всегда интересна жизнь заповедника, его достижения и проблемы.

В восьмидесятые годы пришлось участвовать в съемке фильма о природе Хоперского заповедника. В 1984 г. Василий Михайлович, Александр Георгиевич Николаев и один из авторов проплыли по нашей любимой реке Усманке. Целую книгу и несколько очерков Василий Михайлович посвятил этой теме.

С 2005 по 2009 гг. один из авторов работал директором Воронежского заповедника. В эти годы мы совершили много поездок по области, где искали сохранившиеся ветряные и водяные мельницы. К этим объектам он относился, как к чему-то особому нашей страны. Несколько раз посещали государственный музей-заповедник М. А. Шолохова, расположенного в станице Вешенская Ростовской области.

В 2008 году после поездки в Ломовской природный парк, расположенный в Воробьевском районе Воронежской области, мы предложили Василию Михайловичу посетить Воронежский зоопарк, где познакомили его с директором зоопарка Александром Серафимовичем Поповым. Все последующие годы они были очень близкими друзьями. А. С. Попов относился к В. М. Пескову, как к отцу. В период болезни Василия Михайловича Александр Серафимович возил его по больницам, в санаторий. А. С. Попов с 2010 по март 2013 года работал директором Воронежского заповедника.

Благодаря усилиям В. М. Пескова и А. С. Попова Воронежский заповедник получил пилотный проект по организации экологического туризма. В 2011 г. в заповеднике были начаты работы по реализации этого проекта.

В марте 2013 г. скоростно ушел из жизни А. С. Попов. Василий Михайлович очень тяжело переживал это событие, а в августе того же года его самого не стало.

Оценить вклад Василия Михайловича в популяризацию знаний о природе и бережному отношению к ней невозможно. Его произведения учат нас видеть и беречь прекрасное не только в окружающей нас природе, но в живущих вокруг нас людей.

Начатые работы А. С. Поповым на территории заповедника по организации экологического туризма продолжили уже другие директора заповедника.

Воронежскому заповеднику в 2013 г. было присвоено имя Василия Михайловича Пескова. Был создан небольшой музей, который постепенно пополняется уникальными экспонатами. В рамках его деятельности начали проводиться мероприятия — «Песковские чтения» (в марте) и День памяти В. М. Пескова (в августе) [6].

В 2019 г. директором ФГБУ «Воронежский государственный природный биосферный заповедник им. В. М. Пескова» назначили Анатолия Алексеевича Тарасова. Благодаря его усилиям 25 декабря 2020 г. около комплекса на центральной усадьбе был открыт памятник Василию Михайловичу Пескову, была создана новая экспозиция музея Василия Пескова. За свою жизнь Василий Михайлович посетил многие заповедники и национальные парки, в том числе и зарубежные (США, Европа, Африка и Азия)

Кульнев В. В., Центрально-Черноземное межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования

E-mail: kulnev@rpn36.ru

Масалькин А. И., Автономное учреждение Воронежской области «Воронежский зоопарк им. А. С. Попова»

E-mail: masalykin55@mail.ru

и где его помнят и уважают, по сей день. Содержание его очерков и книг актуально и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чибилев А. А. Заповедное дело в России: гармония и конфликты. / А. А. Чибилев // Охрана природы и региональное развитие: гармония и конфликты (к Году экологии в России). Материалы международной научно-практической конференции и школы-семинара молодых ученых-степеведов «Геоэкологические проблемы степных регионов», проведенных в рамках XXI сессии Объединенного научного совета по фундаментальным географическим проблемам при Международной ассоциации академий наук (МАН) и Научного совета РАН по фундаментальным географическим проблемам, 2017. — С. 243–246.
2. Байлагасов Л. В. Теория и практика заповедного дела: учебное пособие / Л. В. Байлагасов. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях».
4. Постановление Правительства РФ от 18.12.1991 № 48 «Об утверждении Положения о государственных природных заповедниках в Российской Федерации».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.1996 № 527 «О внесении изменений и дополнений в Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации».
6. Кашкин С. Н. Вклад Василия Михайловича Пескова в развитие заповедного дела / С. Н. Кашкин, В. В. Кульнев // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Журналистика и география». — Воронеж: Кварта, 2020. — С. 200–204.

Kul'nev V.V., Federal service for supervision of environmental management

E-mail: kulnev@rpn36.ru

Masalykin A. I., Voronezh Zoo named after S. Popov

E-mail: masalykin55@mail.ru

ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ И ДАВЛЕНИЯ — К ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

К. В. Марчан

Московский педагогический государственный университет

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проявления информационной войны, в процессе которой проходят проверку профессиональные и этические стандарты.

Ключевые слова: информационная война, политическая журналистика, политические ток-шоу, менталитет, конфликт, «язык вражды», убеждение, внушение, манипуляция, постмодернизм.

Abstract: the article examines the manifestations of information warfare, during which professional and ethical standards are tested.

Keywords: information war, political journalism, political talk shows, mentality, conflict, «hate speech».

Об информационном противостоянии политологи и журналисты-международники особенно активно стали говорить более тридцати лет назад — после событий в Персидском заливе в 1991 г. Хотя военные и политики, выступая в качестве экспертов, уже тогда активно оперировали специальными терминами типа *casus belli* (повод к войне), «атака» и т.п. Медиа-исследователи сначала были осторожны, применяя словосочетания типа «информационное давление», «информационно-психологическое противостояние» [1], но по мере обострения международной ситуации, которое коснулось и непосредственно России, все чаще стало звучать словосочетание «информационная война» [2]. Что это: пропагандистский перехлест или реальная оценка положения дел?

В. Т. Третьяков, считающий, что информационная война Запада против России ведется как минимум с осени 2013 г.,¹ назвал ее особенности, среди которых выделим лишь некоторые: информационная война никогда официально не объявляется, а часто даже отрицается сам факт ее ведения; «мирная» инфраструктура противника (посольства, корпункты СМИ и др.) используются для боевых действий; информационная деятельность осуществляется в условиях свободы СМИ и абсолютной прозрачности границ для распространения любой информации

¹ Речь, видимо, идет о современных информационных баталиях, поскольку против нашей страны, обладающей обширной территорией, информационное давление, предшествовавшее реальным войнам, осуществлялось на протяжении многих веков.

в интернете и др. [2]. Межгосударственные противоречия экономического, политического и исторического характера всегда являлись *предпосылками* информационных войн, но не было таких, как сегодня, *возможностей* — современных технических средств и коммуникативных технологий, способствующих глобализации и еще большей открытости информационного пространства.

Считается, что во время войны все средства хороши, но эффективен ли, например, сугубо агрессивный подход в ходе информационного противостояния? Ведь анализ комментариев в социальных сетях показывает, что даже собственная аудитория СМИ негативно относится к речевой агрессии, к «языку вражды» и т.п., не принимает тона и манеры некоторых ведущих политического ток-шоу, а главное — конфликтных и деконструктивных дискуссий [3]. Безусловно, на общую картину коммуникации оказывают влияние социальные медиа, где аудитория в большей степени является равноправным участником процесса и за счет их природной интерактивности оперативно включается в обсуждение, выносит социальные оценки. При этом культура комментариев под публикациями находится на невысоком уровне и конфликтность в такого рода общении превалирует в виртуальных беседах. Сегодня «битвы в комментах» из социальных сетей перешли и на телеэкраны.

Конфликт мы понимаем как отсутствие согласия между сторонами, однако выразиться он может в разных формах: либо оппоненты не сходятся по принципиальным вопросам, либо они изначально не настроены на разрешение конфликта. И последнее, к сожалению, закрепляется в виде тенденции, становясь доминантой современной массовой ком-

муникации. В итоге мы иногда имеем дело с видимостью коммуникации, фантомом диалога. В свое время французский философ Жан Бодрийяр в статье «Войны в заливе не было» пришел к пессимистическому выводу: «...в современной коммуникации нет больше собеседника» [4]. Но ведь необходимо переломить данную ситуацию.

Почему такое происходит? Неужели российские журналисты не понимают, что эксплуатация одних и тех же тем, навязывание и продавливание позиций, невнятное комментирование, приводящее к вымыванию сути социально важных фактов, призрачный плюрализм мнений и иллюзорная свобода слова, трансформирующаяся в свободу злоупотреблений словом и оскорблений, чревато падением доверия к журналистике и потерей репутации конкретного СМИ и конкретного корреспондента? Конечно, понимают, ведь на российском телевидении работают настоящие профессионалы, и политические ток-шоу [5], которые они ведут, имеют достаточно высокий рейтинг: на канале «Первый» — это «Время покажет»; на «России 1» — «60 минут», «Вечер с Владимиром Соловьевым», на Пятом канале — «Открытая студия»; на НТВ — «Место встречи», «Своя правда»; на ТВЦ — «Право знать»; «Право голоса»; на ОТР — «Прав? Да!» и др.

Да, порой просто сдерживать эмоции, когда участник дискуссии — отечественный оппозиционер или иностранец — намеренно искажает положение дел, занимаясь откровенным манипулированием, когда твой собеседник сознательно отрицает терпимость к чужим убеждениям, к чужому мнению. Да, важно защищать свои национальные интересы в рамках горячих дискуссий, особенно когда приглашенные оппоненты открыто глумятся и намеренно провоцируют конфликт. Но журналист-модератор должен держать марку и сдерживать негативную реакцию, которой зачастую и добиваются участники таких диспутов. Трудно, но необходимо. Это и есть профессионализм, подкрепленный этикой. Если ведущий использует «лексику вражды» (а большинство российских тележурналистов, на наш взгляд, все же прибегают к ней без расистского умысла), он должен допускаться к эфиру лишь после того, как приобретет профессиональные ориентиры, овладеет специфическими навыками освещения таких деликатных тем, как взаимоотношения представителей различных этносов и конфессий, таких взрывоопасных тем, как история и сегодняшний день межгосударственных отношений.

Особый разговор — о тех СМИ и журналистах, которые ведут себя намеренно агрессивно, прибегая к провокациям потому, что это привлекает аудиторию и повышает рейтинг канала. Ими должно заниматься профессиональное сообщество в рамках саморегулирования [5], ведь задача СМИ — прививать, культивировать толерантность, что в какой-то степени

будет способствовать стабильности и спокойствию в обществе. Очевидно, что эта зависимость не носит линейного характера, но прежде всего нельзя недооценивать такого существенного фактора влияния на формирование определенных представлений и установок людей (молодежи в первую очередь), как телевидение, которое до сих пор называют каналом народного общения.

Сегодня, видимо, уже всем известны значения понятий «постправда» [6] и «фейк», тем не менее есть необходимость в уточнении дефиниций, поскольку границы их применения продолжают расширяться. Поначалу слово «постправда» (или «постистина — от англ. *post-truth*) означало лишь некие обстоятельства, при которых мнения, эмоции были важнее объективных фактов, сегодня же все чаще говорят об «эпохе постправды», когда у большинства населения нет веры к большинству источников информации, кроме избранных ими самими по ответственности их мировоззрению. Более того, «широкое распространение фейковых новостей привело к появлению повседневной политической культуры, которая по аналогии с постмодерном названа постправдой...» [7].

Соккрытие правды сегодня происходит тонко: например, при помощи отвлекающих маневров, когда правду не прячут, а просто топят во лжи. Когда плодятся факты, обладающие внешней достоверностью, в которые обязательно кто-то поверит, и в этой информационной паутине даже профессионалам трудно отличить правду от злонамеренного вымысла. Тем более что во времена господства социальных сетей с их хором глупостей, заглушающих одинокие голоса правды, это делать все труднее и труднее. Но на это и расчет тех, кто сознательно манипулирует общественным сознанием, кто, как писал в свое время Станислав Лем, умело «топит зерно истины в лавине несуразных вымыслов». Возможно, блогеры и тролли живут и действуют по девизу Ницше, считавшего, что «фактов нет, а есть лишь их интерпретация», но это всего лишь красивый парадокс, потому что мир заинтересован в поиске и нахождении истины. К тому же есть мнение, что крылатые выражения фиксируют не только мудрость, но и заблуждения человечества, выступая своеобразным утешением для некоторых представителей многоликого социума.

Ситуация осложняется тем фактом, что «...информационная война против России ведется как на русском, так и на английском и других иностранных языках. И в этом у США априорное преимущество, ибо десятки миллионов граждан России хорошо или очень хорошо знают английский язык (или другие западные языки), а абсолютное большинство граждан США не знает никакого другого языка, кроме английского <...> большая часть населения стран, участвующих вместе с США в информационной вой-

не против России, не знает русского языка, но знает английский. Это очень важный фактор, ибо информационная война, направленная против России, покрывает своими действиями и другие страны» [2].

Общественно-политической журналистике изначально присущ политико-идеологический модус. При этом сам по себе термин «идеология» (греч. *idea* — «мысль, понятие» + *logos* — «слово, учение») не несет ни положительных, ни негативных коннотаций — понятие «идея» понимается как *знание*, соединенное со стремлением к *действию*. Именно в этой сфере журналисты чаще всего не просто «несут» знания в массы, занимаясь своеобразным ликбезом в сфере политических идей, а используют «насильственные» тактики убеждения и даже манипулирования.

Главным действующим лицом массовой коммуникации в рамках СМИ является автор как инициатор диалога с аудиторией. И ответственность за выбор той или иной коммуникативной тактики ложится на его плечи. Эта проблема относится к сфере этики и ценностных установок личности журналиста. Исходя из этого, автор медиатекстов выбирает приемы подачи информации и их «эстетической обработки». И чаще всего выбор журналистов падает на «готовые оценки» и «некритическое восприятие», не предполагающие диалога. Диалог может проявляться внешне, когда модератор дискуссии лишь демонстрирует поиск истины в споре, но в реальности же придерживается манипуляции, при которой инициатор не ставит себе задачи сконцентрировать внимание на акте эффективной коммуникации с реципиентом. Это лишь имитация диалога вовне, здесь нет попытки разрешения спора, поиска компромисса или хотя бы нескольких путей развития ситуации с учетом интересов разных сторон. Такой журналист создает мнимое впечатление конструктивного разговора. Как правило, он убежден в своей правоте, у него — своя точка зрения, и его не интересуют мнения других. Причем это касается как его самого, так и активных участников спора в рамках ток-шоу. Так снижается порог ответственности за объективность передаваемого сообщения.

В теории современной массовой коммуникации до сих пор остро стоит проблема разграничения понятий убеждения и манипулирования. *Убеждение* — это воздействие, оставляющее адресату возможность выбора; *манипуляция* воздействует на адресата без осознания им этого воздействия, то есть навязывает с помощью определенных языковых приемов авторскую точку зрения как достоверную и единственно возможную. Учитывая тот факт, что СМИ обладают высокой степенью воздействия на аудиторию, вопрос о разграничении методов убеждения и внушения, используемых в массовой коммуникации, всегда остается открытым. Сегодня к тому же заметна такая опасная тенденция, как заведомое использование скрытых оценок, которые побуждают не к со-

размышлению, как должно, а к некритическому восприятию предложенной информации.

Коснемся форм, а вернее манеры выражений. Современные журналисты продолжают активно использовать приемы постмодернистской эстетики. Прежде всего, это проявляется в скепсисе и циничном тоне, которые буквально пронизывают медиакоммуникацию. Всеподавляющий сарказм, перманентный стеб, высмеивание на грани фола направлены на всех без исключения, так что о диалоге говорить не приходится. Тотальная, агрессивная ирония становится характерной чертой современных текстов и передач.

Современная политическая журналистика — солидарная с властью или находящаяся в оппозиции к ней — сверхэмоциональна, и в этом нет ничего предосудительного, это-то как раз нормально и естественно для обозначения позиции. Но важно при этом осознавать ответственность за произнесенное слово, соблюдать меру в использовании сарказма и иронии, даже в отношении оппонентов. Необходимо просто помнить, что эти средства не всегда и не везде уместны. Скептический взгляд на мир в эстетике постмодернизма — это не только защитная реакция человека на проявления внешней действительности, но и четко определенная позиция личности, находящейся в конфликте с окружающим миром. И сегодня это явление стало модным. Но подобная манера подачи материала (мнений, оценок) все чаще сказывается негативным образом на эффективности и действенности процесса коммуникации, так как аудитория либо раздражается, уставая от постоянного давления, либо вообще не воспринимает информацию.

Таким образом, постмодернистский дискурс проведет наивысшую степень свободы автора от диктата идеологии, стиля и даже морали, что чревато нарушением эстетических и этических норм. Так, абсолютная свобода зачастую провоцирует злоупотребления ею, именно поэтому необходимо осознавать ответственность перед аудиторией за собственное высказывание. И этот нравственный принцип должен оставаться ключевым для профессионального журналиста в любые времена.

Обсуждение, дискуссия, спор — интернациональные и проверенные веками методы поиска истины. Жанр ток-шоу, изобретенный более полувека назад американским журналистом Филом Донахью [5], популярен во всем мире, но, кажется, лишь на нашем телевидении так отчаянно и зачастую непримиримо спорят сегодняшние и бывшие соотечественники, иностранцы, нередко приглашаемые на подобные передачи. Попробуем разобраться, почему так происходит.

Россия многие века была сельской страной, и лишь 50 лет назад села и деревни стали исчезать, а народ — перетекать в города. Сформировались, по сути, три укрупненные страты: исконные горожа-

не, горожане — вчерашние сельчане, исконные сельчане (внутри них, конечно, есть свое деление по статусу, профессии, материальному положению и др.).

Сельское («природное») сознание формировалось под воздействием таких факторов, как географическое положение, обширность территории, суровый климат и ландшафт [8]. Именно это выковало различные черты национального характера, часть из которых условно можно назвать «положительными», а часть — «отрицательными». К первой отнесем широту души, волю, коллективизм, терпеливость, мечтательность, наблюдательность, гостеприимство и др. Ко второй — противоречивость, безудержность, бесхозяйственность, лень, меланхоличность, медлительность и др. При этом каждая черта не может быть оценена однозначно со знаком плюс или со знаком минус. Например, медлительность, с одной стороны, вредит в ситуации, когда необходимо принимать оперативные решения, с другой стороны, позволяет не торопить события, способствует неспешному детальному анализу ситуации, принятию продуманного решения. Коллективизм хорош при работе в команде, но излишняя робость в случае, когда от исполнителя требуется личная инициатива и личная ответственность, расчет лишь на коллективные решения может стопорить ход дела.

Особенности менталитета конкретизируются на уровне культуры. Сельская культура — это особые доверительные («простые») отношения внутри закрытой и сплоченной общины; это зависимость от мнения односельчан и почти абсолютное доверие информации, интерпретированной внутри своей среды; это размеренный ритм жизни, небогатой событиями, и др. Городская культура — плод урбанизации и книжности — при всей разнообразности проявлений также обладает общими признаками, к которым отнесем: индивидуализм и анонимность социальных отношений; динамизм жизни, насыщенной событиями и перемещениями; высокая степень информированности; стремление к комфортности и др.

Маргиналы² несут на себе (в разной, конечно, степени) отпечаток двух описанных выше культур. Возможно, сегодня тех, кто находится в неопределенном положении, в России большинство³. Их привычная культура разрушена, а в новую они не вписались (кстати, этот болезненный процесс особенно ярко

отражен в творчестве Шукшина). Это порождает различные психологические комплексы, развивает такие черты характера, как честолюбие, обидчивость, эгоцентричность и др.

Российское общество традиционно делится на либералов, консерваторов и социалистов. Основная ценность первых — свобода, распространяемая на все сферы жизни общества, и прежде всего на экономику и право. Консерваторы ратуют за сохранение традиций, «устоявшегося уклада». Социалисты выступают за регулируемую роль государства, которое должно обеспечивать решение социальных вопросов. «В течение более чем двадцати лет в обществе старались внедрить иные идеи. О равенстве и свободе предпринимательства, о равных возможностях и так далее. Только рупоры данной идеологии в большинстве своем опирались на западные примеры и принципы. Кроме того, известно, что и зарплату они получали не в РФ. А это для многих выглядело как предательство. И если в начале строительства новой России подобные факты воспринимались как «перенимание опыта», то после украинского кризиса отношение к долларовой зарплате несколько изменилось. И дело не в том, что движение либералов делало для людей что-то плохое. Скорее, здесь сыграла свою роль историческая память. Не забыл народ, что России приходилось много раз воевать. И все захватчики приходили именно с той стороны, откуда нынче нас пытаются поучать» [9]⁴.

В сегодняшних дискуссиях прослеживается явная связь с противостоянием западников и славянофилов, начавшимся полтора века назад. Именно тогда интеллектуалы обозначали различные точки зрения на пути развития России, на соотношение особенного и общечеловеческого, национального и интернационального и т.д.

В России, как и в любой другой многомиллионной, многонациональной и многоконфессиональной

⁴ «Есть у тебя собственное видение как любить — никто за это камнями не забрасает. Иное дело, если ты кричишь на всю страну о своих предпочтениях. Пока это не затрагивает большинство населения, никто слова не скажет. Как только общество начинает чувствовать угрозу, дело обретает иной оборот. К примеру, нынче многие задаются вопросом: «Если либералы так громко защищают меньшинство, то кто вступится за большинство?» Явный перекокс в политическом давлении на народ. Последний начинает сопротивляться. Ну не приживаются в нем ценности, так любые Западу. Высказывания либералов, особенно в последнее время, только усугубляют ситуацию, невыгодную для них же. Например, фраза Ходорковского «у такого государства стыдно не украсть» не может восприниматься как слоган человека, достойного доверия. Или высказывание К. Собчак о том, что Россия — «страна генетического отребья». Это унижительно и для народа, и для данного представителя «элит» [9].

² Термин «маргинал» (от лат. *margo* — край) ввел в научный оборот в 1928 г. американский социолог Роберт Парк. Поначалу понятие имело негативный смысл и обозначало людей, находящихся на границе социальных страт.

³ Помимо социальных маргиналов, т.е. групп людей, по тем или иным причинам не вписывающихся в ту или иную социальную структуру, существует множество других их разновидностей: этнические, биологические, возрастные, социальные, экономические, политические, религиозные и криминальные маргиналы.

стране, существуют также религиозные, этнические, поколенческие, половые, социально-статусные и другие противоречия. Но выделенные выше — *культурологические* и *идеологические*, на наш взгляд, особенно заметны в публичной коммуникации.

При этом, что отраднo, большинство из названных телевизионных передач демонстрируют образцы качественной журналистики. В частности, ведущие дают слово каждой из спорящих сторон, привлекают независимых экспертов (ученых, политиков, представителей власти), обращаются к аудитории, высказывают и свою точку зрения. Среди наиболее активных участников ток-шоу есть как условно «левые», или «государственники» (Михаил Делягин, Иосиф Дискин, Леонид Калашников, Франц Клинецвич, Спиридон Килинкарлов, Игорь Коротченко, Вероника Крашенинникова, Дмитрий Куликов, Алексей Мухин, Сергей Михеев, Вячеслав Никонов, Дмитрий Орлов, Виталий Третьяков, Карен Шахназаров и др.), так и условно «правые», или «оппозиционеры» (Майкл Бом, Николай Злобин, Якуб Корейба, Борис Надеждин, Андрей Окара, Сергей Станкевич и др.). Интересно, что один из американских экспертов, участвовавших в передаче «Право голоса», заявил: столь открытые дискуссии на их телевидении просто невозможны.

Да, современная война бывает не только явной — со стрельбой и жертвами, но и скрытой — в виде экономического и информационного противостояния, которое может принимать активные формы (санкции, эмбарго, таможенные союзы, пропагандистские кампании), а также фазы или разновидности (наступательная, оборонительная и смешанная). И если пять-шесть лет назад эксперты отмечали лишь процесс информационно-психологического противостояния, в котором активно применялись методы пропаганды, то сегодня напрашивается иной вывод: в мире идет настоящая информационная война, основные признаки которой: наличие поля противостояния и активных участников, соответствующей инфраструктуры и перманентной деятельности с целью воздействия на разум каждого человека с использованием метода систематического нанесения ущерба противнику, в том числе посредством СМИ.

Россию втягивают в войну, в том числе в информационную, представляя ее западной аудитории в качестве страны-монстра, страны-агрессора. И неслучайно была создана российская международная многоязычная сеть информационных теле- и радиоканалов «Россия сегодня», представляющих альтернативный взгляд на происходящее в России и мире. Как неслучайно и то, что иностранные медиарегуляторы перманентно создают искусственные трудности для вещания RT [10].

Информационная война, как и любая другая война, нежелательна, поскольку при этом проигрывают все: *социальные отношения*, ухудшающиеся в поли-

тической, экономической, международной и других сферах; *аудитория*, устающая от преобладания в медиаповестке негативной информации с постоянными конфликтами, стрессами и страхами; *журналисты*, переживающие профессиональное выгорание. Информационная война сеет хаос, ведет к разрушению общественного диалога, и важно, чтобы в этих условиях отечественным журналистам хватало сдержанности в следовании этическим стандартам, хватало профессионального мастерства, способствующего сохранению равновесия мнений в обществе, и демонстрации образцов цивилизованной дискуссии. И особенно важно достигнуть конвенции с молодежной аудиторией, традиционно критически настроенной к традиционным СМИ, к информации, ими передаваемой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулупов В. В. Информационно-психологическое противостояние / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2015. — № 7–8. — С. 2–4.
2. Третьяков В. Т. Информационная война — тоже война / В. Т. Третьяков // РИА Новости. — 2016. — 21 марта. — Режим доступа: <https://ria.ru/20160321/1393849944.html> (дата обращения: 23.12.2021).
3. Кузнецова Н. Е. Профессиональные стандарты в политической тележурналистике (на примере программ Первого канала и канала «Россия 1»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Е. Кузнецова. — Воронеж, 2021. — 25 с.
4. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр // Художественный журнал. — 1994. — № 3. — С. 33.
5. Могилевская Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования / Э. Могилевская. — Релга.ру. — 2006. — № 15 (137). — 17 авг. — Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?searchPattern=могилевская&textid=114&level1=main&level2=article> (дата обращения: 24.02.21).
6. «Постправда» названа «словом года» в 2016 г. — Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 24.02.21).
7. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик / Ю. М. Ершов // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2018. — № 52. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feyka-v-kontekste-kommunikatsionnyh-praktik> (дата обращения: 23.12.2021).
8. Волынкина В. М. Влияние географических факторов на менталитет русской нации / В. М. Волынкина. — Режим доступа: <http://рустрана.рф/article.php?nid=3481> (дата обращения: 03.12.2015).
9. Даниленко Н. Кто такие либералы? Либералы России / Н. Даниленко. — Режим доступа: http://www.syl.ru/article/183092/new_kto-takie-liberalyi-liberalyi-rossii (дата обращения: 24.02.21).
10. Как в зарубежных странах препятствовали работе телеканала RT // ТАСС. — 2021. — 22 дек. — Режим доступа: <https://tass.ru/info/13273755> (дата обращения: 24.02.21).

Московский педагогический государственный университет

*Марчан К. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики и медиакоммуникаций*

E-mail: kv.marchan@mpgu.su

Воронежский государственный университет

*Тулунов В. В., доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы
и дизайна, декан факультета журналистики*

E-mail: vlvtul@mail.ru

Moscow Pedagogical State University

*Marchan K. V., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism and Media Communications Department*

E-mail: kv.marchan@mpgu.su

Voronezh State University

*Tulupov V. V., Doctor of Philology, Professor, Head of the
Public Relations, Advertising and Design Department, Dean of
the Faculty of Journalism*

E-mail: vlvtul@mail.ru

«БЛОКНОТ СТАВРОПОЛЬ» КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС О СОЦИАЛЬНОМ САМОЧУВСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ В ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ

М. А. Ничеговская

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 14 января 2022 г.

Аннотация: в данной статье приведено исследование социального самочувствия населения Ставропольского края в социально-экономической сфере в рамках обыденного дискурса, представленного в виде писем в редакцию сетевого издания «Блокнот Ставрополь». Анализ обыденного дискурса показал, что социально-экономическая ситуация в контексте сетевого издания «Блокнот Ставрополь» оценена жителями Ставропольского края отрицательно и является самой негативной сферой жизнедеятельности.

Ключевые слова: социальное самочувствие населения, обыденный дискурс, социально-экономическая сфера.

Abstract: the article presents the research in the field of social well-being of the population of the Stavropol Territory in the socio-economic sphere within the framework of everyday discourse, presented in the form of letters to the editors of the online publication «Bloknot Stavropol». An analysis of everyday discourse showed that the socio-economic situation in the context of the online publication «Bloknot Stavropol» is assessed negatively by the inhabitants of the Stavropol Territory and is the most negative sphere of life.

Keywords: social well-being of the population, everyday discourse, socio-economic sphere.

Сетевое издание «Блокнот Ставрополь», издаваемое в городе Ставрополе, входит в региональную сеть «Блокнот», включающую в себя 28 региональных сайтов и характеризующую себя как «площадка для всех: мальчиков, девочек, бабушек, дедушек, ученых и водителей такси, целью и задачей которой является единение русскоязычного мира, создание пространства эффективной коммуникации в нем» [1].

Так как региональные СМИ отражают события и проблематику региона, а также представляют подробную картину жизни и включены в процессы, происходящие на местах, то целесообразно их считать одним из оптимальных источников для изучения социального самочувствия населения.

Социальное самочувствие, выступая интегральным показателем адаптации населения к новым условиям, в котором отражается соотношение между притязаниями субъекта и степенью их реализации, является важной характеристикой положения дел в обществе, как отдельного человека, так и социальных групп. В социальном самочувствии в концентрированном виде отражаются степень адаптации к различным сферам общественной жизни, ожидание будущего, самооценки успеха, уровень тревожности и уровень результативности проводимых реформ [2].

Факторы, оказывающие влияние на социальное самочувствие населения, делятся на внешние — объективные (состояние политических и экономических

сфер региона, доступность образования, медицинской помощи и т.д.) и внутренние — субъективные (внутреннее состояние, характерное для определенного индивида: настроение, состояние собственного здоровья и здоровья родных и т.д.).

Для определения социального самочувствия населения, по мнению большинства исследователей, преобладающей является именно социально-экономическая удовлетворенность индивида (удовлетворенность содержанием работой и ее условиями, вознаграждением, организацией труда, материальными условиями жизни и т.д.)

В сетевом издании «Блокнот» широко используется взаимодействие СМИ с аудиторией, зачастую авторами материалов могут стать сами читатели. Так, помимо рубрики «Письмо в редакцию», служащей рупором населения, на основе которой журналисты создают публикации, на сайте издания существует рубрика «Народный репортер», в которой читатели могут проявить себя в роли ньюсмейкеров, в социальных сетях «Блокнота» (VK, «Одноклассники» или Instagram). Кроме того, в контексте обратной связи с аудиторией «Блокнот» практикует комментарии как под постами в социальных сетях, так и под публикациями на сайте. Все вышеперечисленные способы взаимодействия с аудиторией могут служить источником информации о социальном самочувствии населения.

Анализ сплошной выборки публикаций рубрики «Письмо в редакцию» за 2021 г. в сетевом изда-

нии «Блокнот Ставрополь» показал, что социально-экономическая сфера в Ставропольском крае имеет негативный характер и не является благоприятной, с точки зрения обыденного дискурса.

В результате сплошной выборки 165 публикаций за 2021 г. было выявлено, что издание «Блокнот» стабильно (ежемесячно) публикует письма читателей, в среднем — 13 писем в месяц, что говорит о заинтересованности редакции в проблемах аудитории. Максимальное количество писем было опубликовано в апреле месяце, где из 20 обращений 65% составляют письма о проблемах ЖКХ.

Анализ читательских писем показал, что самая большая доля публикаций (93%) относится именно к социально-экономической проблематике. Неслучайно, что социально-экономическая обстановка в регионе оказывает непосредственное влияние на материальное положение каждого отдельного гражданина и его семьи, на его благополучие, своевременное и доступное получение медицинской помощи и образования и т.д.

Публикации, содержащие благодарность или описывающие положительный исход дел, составляют всего 1%, остальные 99% — это письма-жалобы, излагающие неблагоприятно сложившуюся социально-экономическую ситуацию в регионе.

Рейтинг тем обыденного дискурса сайта «Блокнот Ставрополь» в области неблагоприятной социально-экономической сферы Ставропольского края выглядит так:

Проблемы ЖКХ, недобросовестные застройщики — 59%.

Проблемы здравоохранения — 16%.

Проблемы экологической обстановки — 13%.

Мошенничество и экономические преступления — 7%.

Высокие цены, отсутствие социальных выплат — 4%.

Семейные проблемы межличностного характера — 1%.

Самой популярной проблемой в социально-экономической сфере Ставропольского края, согласно обыденному дискурсу издания «Блокнот Ставрополь», стали проблема ЖКХ. **Большинство писем — о ненадлежащем выполнении обязанностей коммунальными службами, отсутствии капитального ремонта жилья и прилегающей территории, ремонта дорог в краевом центре, неудовлетворительном состоянии дорожных покрытий за его пределами, отсутствии городского и сельского транспорта, незаконных застройках.**

В период с января по апрель самыми популярными публикациями являлись те, в которых читатели жаловались на отсутствие уборки снега коммунальными службами на дорогах и тротуарах. В весенне-летние месяцы особо остро обсуждались следующие темы: ливневки ненадлежащего качества, размытые

и неотремонтированные дороги, отсутствие горячей воды и капитального ремонта.

Авторами писем являлись не только пенсионеры, но и представители молодежи, а также люди среднего возраста. Так, автором письма, послужившего основой для публикации «Администрация Кисловодска шесть лет не может подвести коммуникации к дому многодетной семьи» выступил мужчина средних лет, отец семейства, уставший писать многочисленные жалобы в прокуратуру и администрацию: «К дому провели только электричество. Газ, воду и канализацию не могут. Зато в прошлом году постелили асфальт, — рассказал глава семьи» [3].

Часто редакция «Блокнота Ставрополь» публикует коллективные письма-жалобы, например, как в случае обращения жителей дачного товарищества «Долина», которые на протяжении семи лет жалуются на узкую дорогу без тротуаров, по которой ученики школы № 11 вынуждены ходить в образовательное учреждение. Зачастую в таких случаях журналисты выезжают на место события, берут интервью и более детально описывают данную проблему [4].

Второй (по уровню злободневности) проблемой в социально-экономической сфере, согласно мнению читателей ресурса «Блокнот Ставрополь» за 2021 г., стала проблема здравоохранения. Основными направлениями в этой сфере являются: ненадлежащее качество или отсутствие медицинской помощи, непрофессионализм медицинских работников, ненадлежащее качество медицинских учреждений, отсутствие медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты и самого персонала в населенных пунктах, дорогостоящие медицинские услуги и препараты.

Так, в публикации «“Есть только парацетамол” — в поликлинике № 3 Ставрополя семье с заболевшими CoVID-19 заявили об отсутствии лекарств» говорится о том, что родители двоих детей 9 и 10 лет пожаловались редакции «Блокнота», что их дочери пришел положительный тест на CoVID-19, однако бесплатных лекарств, о наличии которых часто отчитываются краевые власти, в поликлинике № 3 не оказалось: «Мне сказали: вы же вот ходите, говорите, не умираете — значит, в состоянии дойти до изолятора и там сдать мазок. Но в этом изоляторе огромные очереди всегда, я же могу кого-то заразить или наоборот — подцепить какой-нибудь вирус от других» [5].

В публикации «Трупы на полу, “синие пациенты” и истерики врачей: ставропольчанка пожаловалась на инфекционную больницу» автор письма Алина Шульман не только в письменном виде изложила суть проблемы, но и предоставила видеозапись, отражающую суть происходящего: «Я начала кричать: «Мне что, также ждать, что мой отец будет лежать в черном пакете так же, как и эта женщина? Телефон в руки взяла и вызвала». Она набрала, скорая приехала. Отца отвезли в госпиталь в Горячевод-

ске. Но по приезду выяснилось, что в Ессентукской инфекционке отцу не дали выписку, слава богу, что приехали и забрали. Сейчас отец в крайне тяжелом состоянии, даже не разговаривает» [6]. Письмо вызвало немалый отклик у читателей, которые под постом оставили 22 комментария, делясь своим опытом получения медицинской помощи или защищая медиков, которые и так «в условиях пандемии работают на износ».

Авторами писем в сфере проблем здравоохранения выступают не только пациенты и их родственники, но и медицинские работники. Например, письмо врача-невролога Центральной районной поликлиники Зеленокумска Натальи Григорьевой послужило основой для публикации «Не могла ли я ее заразить»: «В выплате губернаторской мне отказали на основании того, что больная контактировала со мной 12 мая, а анализ был взят 30 числа. В инкубационный период не укладываемся. В то же время у меня есть копия журнала из инфекционного отделения, где написано, что мазок ей брали неделей раньше. Никто не указывает этот мазок нигде. У меня вопрос, почему?» [7].

Проблема экологической обстановки края вызвала также немалую обеспокоенность у его жителей. В 10% публикаций рубрики «Обращение в редакцию» были затронуты темы вывоза мусора, жестокого обращения с животными, загрязнения природы и водоемов, ловли рыбы в запрещенных зонах, вырубки леса под застройку. Так, в публикации «“Сосны чем-то травят”: жители улицы Чапаева в Ставрополе бьют тревогу из-за вырубки соснового бора» ставропольцы к своему обращению приложили фотоматериалы, на которых показано состояние леса до и после вырубки сосен ради жилого комплекса. Данное обращение поддержала редакция «Блокнота», ссылаясь на то, что проблема поднимается уже не в первый раз, имеются доказательства нарушения, и отметила, что «просит считать данную публикацию официальным обращением в прокуратуру края и краевую природоохранную прокуратуру с просьбой провести проверку для установления правомерности вырубки застройщиком соснового бора на улице Чапаева и истинной причины гибели зеленых насаждений» [8].

В целом на сайте «Блокнот Ставрополь» из 165 писем читателей за 2021 г. в 154 присутствуют маркеры социального самочувствия, отражающие социально-экономическую сферу Ставропольского края. В остальных материалах внимание обращено к сфере политики и культуры. Анализ обыденного дискурса

с позиций ценностной ориентации читателей сетевого издания «Блокнот Ставрополь» за 2021 г. позволил выявить отрицательное восприятие социально-экономической ситуации в крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сетевое издание «Блокнот «Ставрополь».— Режим доступа: <https://bloknot.ru/o-kompanii> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Ничеговская М. А. Социальное самочувствие населения полиэтничного региона как показатель социальной адаптации: дис. ... канд. соц. наук / М. А. Ничеговская.— Ставрополь, 2017.— Режим доступа: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/dissertation_nichegovskaya.pdf (дата обращения: 12.01.2022).
3. Максименко П. Администрация Кисловодска шесть лет не может подвести коммуникации к дому многодетной семьи / П. Максименко // Блокнот Ставрополь.— 2021.— 13 апр.— Режим доступа: <https://bloknot-stavropol.ru/news/administratsiya-kislovodska-shest-let-ne-mozhet-po-1334260> (дата обращения: 11.12.2021).
4. Швыдченко В. Ученики 11 школы в Ставрополе вынуждены добираться на уроки под угрозой наезда автомобилей / В. Швыдченко // Блокнот Ставрополь.— 2021.— 30 сент.— Режим доступа: <https://bloknot-stavropol.ru/news/ucheniki-11-shkoly-v-stavropole-vynuzhdeny-dobirat-1396933> (дата обращения: 11.12.2021).
5. Гончарова Н. «Есть только парацетамол» — в поликлинике № 3 Ставрополя семье с заболевшими CoVID-19 заявили об отсутствии лекарств // Блокнот Ставрополь.— 2021.— 5 ноября.— Режим доступа: <https://bloknot-stavropol.ru/news/est-tolko-paracetamol-v-poliklinike-3-stavropolya-1411408> (дата обращения: 11.12.2021).
6. Орлова О. Трупы на полу, «синие пациенты» и истерика врачей: ставропольчанка пожаловалась на инфекционную больницу / О. Орлова // Блокнот Ставрополь.— 2021.— 7 дек.— Режим доступа: <https://bloknot-stavropol.ru/news/trupy-na-polu-sinie-patsienty-i-isteriki-vrachey-s-1423697> (дата обращения: 11.12.2021).
7. «Не могла ли я ее заразить?»: медик из Зеленокумска боится, что могла невольно стать причиной смерти пациентки // Блокнот Ставрополь.— 2021.— 21 янв.— Режим доступа: <https://bloknot-stavropol.ru/news/ne-mogla-li-ya-ee-zarazit-medik-iz-zelenokumska-bo-1301163> (дата обращения: 11.12.2021).
8. Огарев Н. «Сосны чем-то травят»: жители улицы Чапаева в Ставрополе бьют тревогу из-за вырубки соснового бора / Н. Огарев // Блокнот Ставрополь.— 2021.— 2 июня.— Режим доступа: <https://bloknot-stavropol.ru/news/sosny-chem-to-travyat-zhiteli-ulitsy-chapaeva-v-st-1351584> (дата обращения: 11.12.2021).

*Северо-Кавказский федеральный университет
Ничеговская М. А., кандидат социологических наук, доцент
кафедры журналистики
E-mail: just_maria87@mail.ru*

*North-Caucasian Federal University
Nichegovskaya M. A., Candidate of Sociology, Associate
Professor of the Journalism Department
E-mail: just_maria87@mail.ru*

ТВОРЧЕСТВО КАК ЛИНИЯ ЖИЗНИ¹

В. Ф. Олешко

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 24 декабря 2021 г.

Аннотация: данный текст представляет собой рецензию на книгу «Исследования журналистского творчества: современные подходы. Памяти А. А. Тертычного» (М.: Факультет журналистики МГУ, 2021. 192 с.). Ответственным редактором выступила О. В. Смирнова.

Ключевые слова: учебное пособие, расследовательская журналистика, аналитические жанры, монография.

Abstract: this text is a review of the book «Studies of Journalistic Creativity: modern approaches. In memory of A. A. Tertychny» (Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University, 2021. 192 p.). The responsible editor was O. V. Smirnova.

Keywords: textbook, investigative journalism, analytical genres, monograph.

Эта книга стала своего рода эпитафией в связи с уходом из жизни коллеги — Александра Алексеевича Тертычного. Мы не написали «коллеги с факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова», поскольку он был близким коллегой для исследователей журналистики и преподавателей практически всех университетов России, ближнего и дальнего зарубежья, ведь книги данного автора входили в списки обязательной литературы по большинству читаемых дисциплин. Не акцентируем внимания на ученой степени и звании А. А. Тертычного — доктор филологических наук, профессор, поскольку для журналистов-практиков все эти издания и многочисленные переиздания были в прямом смысле настольными или даже настенными. Ничуть не преувеличиваем: во время командировок по стране неоднократно видел в редакциях страницы отсканированного учебного пособия «Аналитическая журналистика» даже развешенными по стенам кабинетов сотрудников...

Тем горше был уход из жизни в начале 2019 года этого замечательного человека. И здесь именно коллеги журфака МГУ реализовали замечательную идею — подготовить силами профессоров ведущих вузов России коллективную монографию. Посвятив ее памяти А. А. Тертычного, и в то же время с опорой на его труды наметить пути развития теории и практики журналистики. Ведь красной линией через большинство из них проходила идея определения текстотворчества как важнейшего фактора, характеризующего концептуальные отличия различных видов массовой коммуникации от публицистики. Эта,

¹ Текст подготовлен при финансовой поддержке гранта РФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

казалось бы, очевидная истина в течение достаточно длительного времени рассматривалась (в том числе и в теории журналистики) лишь с точки зрения прикладной ценности работ, включающих данного рода тематику. Вот и ставшее для нескольких поколений студентов-журналистов опять же таки настольным учебное пособие А. А. Тертычного «Жанры периодической печати» [2] рекомендовалось, как правило, лишь в качестве своеобразного «букваря» начинающего журналиста или справочника для успешной самореализации автора в том или ином конкретном жанре. Поэтому сегодня, в период развития журналистики как конвергентной, нередко можно услышать мнение, что жанровый подход к медийной практике устарел, а мультимедийность текстов предполагает не столько авторское самовыражение, сколько их «обвес» контекстным технологическим сопровождением и «расшаривание» по Глобальной сети.

Но, на наш взгляд, именно сейчас со всей отчетливостью можно оценить экспертно-прогностический талант Александра Алексеевича Тертычного, который он реализовал в этой и в других своих работах. И текстотворчеством в его понимании всегда было не столько умение следовать некоему жанровому стандарту, а прежде всего креативность и самореализация в контексте диалоговых отношений с аудиторией, что в первую очередь отличает журналистику от того, что ей не является. В качестве своеобразного программного тезиса исследователь писал: «Аудиторию интересует не только то, что происходит в окружающем мире (события, происшествия, процессы, ситуации), но и люди как основные действующие лица происходящего, прежде всего со стороны их личностных особенностей» [2].

В хрестоматийных работах по аналитическим жанрам [1; 3], расследовательской журналистике [6], в серии статей в журнале «Журналист» в 2006–

2009 г., а также в хронологически одной из последних его публикаций [4] в качестве центрального тезиса можно выделить тот, что мы определяем как культуру текстотворчества журналиста. Не случайно одна из долго вынашиваемых, по утверждению коллег, книга А. А. Тертычного так и была озаглавлена — «Логическая культура журналиста» [3]. Рассмотрев в ней множество конкретных примеров, демонстрирующих логическое мастерство современных авторов, а также проанализировав наиболее часто встречающиеся в публикациях российской прессы логические ошибки, автор диалектически точно представил методологию, при помощи которой и сегодня, с одной стороны, можно избежать подобных ошибок, а с другой — легко определить манипулятивные интенции любого актора.

Диалог журналиста с аудиторией, предполагает, писал профессор А. А. Тертычный еще на рубеже веков, «генерирование возможных вариантов (программ) деятельности, способных привести к удовлетворению общественной потребности, связанной с отображаемым в тексте явлением, что представляет немалую трудность. Программирование в журналистском тексте предстает как совокупность определенных мер, действий, средств, условий, предлагаемых для решения тех или иных проблем» [2]. В дальнейшем данный тезис многократно был представлен и в других работах ученого и педагога как автора. Более того, рассматривая ситуацию, при которой «феномен публицистики, в ходе “перестройки” российского общества, казалось бы, навсегда был отвержен, так называемой журналистикой “факта”» [5, 95], Александр Алексеевич в данной статье не только выявляет ситуативные социально-политические факторы, затрудняющие существование и развитие публицистики в современном информационном пространстве России, но и по сути формулирует сущность настоящей журналистики как диалога различных культур, то есть эффективного канала для коммуникации, а в идеале и взаимодействия представителей различных социально-демографических групп с разнообразным спектром мировоззренческих установок.

Этот тезис, в той или иной форме отраженный в работах А. А. Тертычного, сегодня можно рассматривать и как прогноз дальнейшего развития различных медиасфер, и как способ сохранения значимости социального института журналистики в цифровую эпоху. Но в любом случае их методология и гражданский пафос позволили авторам рецензируемой коллективной монографии выделить несколько направлений исследований, актуальных именно для современной медийной практики.

«А. А. Тертычный, — отмечает в предисловии декан факультета журналистики МГУ профессор Е. Л. Вартанова, — вне всякого сомнения, продолжил тот магистральный путь академического осмысления журналистики, который был проложен

Е. П. Прохоровым, В. М. Гороховым, Г. В. Лазутиной и другими исследователями с присущими им верой в высокую миссию журналистики, ее гуманистический потенциал и примат творческого начала». А еще констатируется, что «А. А. Тертычного можно смело назвать исследователем-почвенником, исследователем-патриотом. В своей работе он постоянно держал фокус на отечественную, в первую очередь региональную, практику. Но это не означало, что он не видел недостатков этой практики: он анализировал многочисленные проблемы и риски, связанные, например, с тем, что местные журналисты, с их зависимостью от местных властей, редко осмеливаются расследовать случаи коррупции. В последние годы он, конечно же, внимательно наблюдал и за развитием журналистских расследований в цифровой среде».

Ответственный редактор издания О. В. Смирнова, описывая в первой главе вместе с коллегами по родной для профессора кафедре «жизнь, работу и философию Александра Тертычного», отмечает: «Нельзя не упомянуть и о его профессиональных связях с региональными факультетами журналистики, в первую очередь с журфаком Воронежского университета, где он долгие годы был председателем ГАКа, членом диссертационного совета, входил в редколлегию журнала “Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика”. В одном из интервью Александру Алексеевичу задали вопрос, чувствует ли он себя “живым классиком”. Ответил с присущим ему юмором: “Главное, я себя живым ощущаю”. Теперь он уверенно перешел в ранг классика» (с. 16).

Журналистское творчество и фундаментальные теоретические подходы к исследованиям медиасфер цифровой эпохи проанализированы в первой и во второй главах данной монографии. Профессор МГУ М. В. Шкондин и профессор СПбГУ С. Г. Корконосенко констатируют при этом, что задача журналистики — отражать целостный мир, текущую реальность через репрезентацию многогранной повседневности, создавать «летопись современности». В целом же «рассуждения в предлагаемой системе координат точно перекликаются с профессиональными стандартами журналистики, в которых центральные позиции отводятся достоверности, точности, оперативности как стремлению поспеть за событийной изменчивостью жизни» (с. 29). Доктор филологических наук Л. Г. Свитич, рассмотрев в системе взаимосвязи журналистики нового времени в целом с медиасредой, делает следующий вывод: «Поскольку судьбы человечества сегодня напрямую связаны с возрастанием роли информационных систем и журналистики, ее духовного, творческого потенциала, важно, чтобы эта креативность соотносилась с высокими ценностями, сущностным проникновением в явления и процессы жизнедеятельности общества, способностью помогать ему динамично и успешно развиваться» (с. 53).

Г. В. Лазутина акцентировала внимание на стимулах к совершенствованию практики исследований журналистских текстов. Предлагаемое в книге научное описание медиаведческого подхода, как отмечено ей, хотя и «не претендует на строгость и доказательность, свойственных верифицированным научным теориям», но, безусловно, представляет собой завершающую часть гипотезы, сформировавшейся в результате исследовательской практики авторитетнейшего ученого МГУ «в контексте анализа исследовательских усилий коллег» (с. 71).

Отдельно следует выделить представление в данной монографии результатов деятельности ученых научных школ региональных университетов, опирающихся на методологию, разработанную при участии А. А. Тертычного. Так, коллектив авторов, представляющих Уральский федеральный университет, рассматривает современный социальный институт журналистики как диалог культур, профессор ВГУ В. В. Тулупов выделяет и анализирует компоненты мастерства современного журналиста, которые можно характеризовать как компоненты эффективного медийного творчества. Собственно, практической, прикладной можно в целом считать третью главу данной коллективной монографии, что соответствует и тому, что всегда характеризовало авторское кредо А. А. Тертычного. Исследователи МГУ рассмотрели при этом самые различные аспекты новейшей медийной практики. Так А. В. Колесниченко анализирует в п. 3.2 современное журналистское творчество в контексте трансформации форм и методов в условиях конвергенции и цифровизации. Далее, совместно с Л. Г. Свитиц, М. В. Шкондиным и О. В. Смирновой, представляет результаты масштабного социологического исследования творческих аспектов деятельности современных региональных журналистов. А в заключительном параграфе 3.4 Т. И. Фролова и А. В. Замков обращаются к принципиально новой исследовательской тематике — роботизации журналистики как вызову, обусловленному повсеместной цифровизацией всех сфер нашей жизни.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

*Олешко В. Ф., доктор философских наук, профессор, ведущий кафедрой периодической печати и сетевых изданий
E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru*

Профессор Александр Алексеевич Тертычный, как представитель московской академической школы, уверен, останется в памяти поколений журналистов не только как разработчик теории жанров периодической печати, но и как ученый, особое внимание уделявший функциям журналистики, в том числе творческим. И замечательно, как пишет доктор филологических наук, профессор, академик РАО, декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Е. Л. Вартанова, что современные исследователи, теоретики разных академических школ «все чаще говорят о возрастании роли творческих профессий в современной экономике, о становлении нового — креативного — класса в структуре общества, о растущем влиянии творческих профессий, и особенно тех, которые создают содержание для медиа, все глубже проникающих в нашу жизнь» (с. 6).

Данная монография, безусловно, является одним из тех краеугольных камней, которые закладываются в основание храма коммуникативно-культурной Памяти не только о конкретном человеке, но и о тех, кто вместе с ним жил, творил и продолжает это дело во имя будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: учеб. пособие / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2010.
2. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2000. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/03.htm> (дата обращения: 23.12.2021).
3. Тертычный А. А. Логическая культура журналиста: учеб. пособие / А. А. Тертычный. — М.: Изд-во МГУ, 2005.
4. Тертычный А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах / А. А. Тертычный // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 10: Журналистика. — 2016. — № 6. — С. 46–69.
5. Тертычный А. А. Публицистика в современных российских СМИ: рефлексия и практика / А. А. Тертычный // Вестник РУДН. — Сер.: Литературоведение. Журналистика. — 2018. — Т. 23. — № 1. — С. 95–102.
6. Тертычный А. А. Расследовательская журналистика: учеб. пособие / А. А. Тертычный. — М.: Аспект Пресс, 2002.

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

*Oleshko V. F., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Periodicals and Online Publications Department
E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru*

ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д. В. Петросян

Ереванский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2022 г.

Аннотация: в статье представлены особенности формирования личностной идентичности в виртуальной реальности. В контексте сравнительной характеристики реальных и виртуальных идентичностей особое внимание уделено деятельности армянских пользователей в соцсети Facebook. В трансформациях их виртуальной идентичности (контакты на единой платформе, стремление к самоутверждению в сетевой реальности, идеализация биографической идентичности и т.д.) заметен ряд прямых и косвенных проявлений национальной идентичности.

Ключевые слова: личная идентичность, реальная действительность, виртуальная действительность, социальные сети, Facebook, армянский пользователь.

Abstract: the article presents the features of formation of personal identity in virtual reality. In the context of the comparative characteristics of real and virtual identities, special attention has been paid to the activities of Armenian users on the Facebook social network. In their transformations of virtual identity (socializing on a single platform, aspirations for self-assertion in network reality, idealization of biographical identity, etc.), a number of direct and indirect manifestations of national identity, psychology and character are noticeable.

Keywords: personal identity, reality, virtual reality, social networks, Facebook, Armenian user.

Введение. Проблема идентичности была и остается в центре всестороннего изучения национальной и личной жизни, и пристальное внимание теоретиков к идентичности личности, ее трансформациям естественно, поскольку бурное развитие коммуникации влечет за собой серьезные изменения в социокультурной жизни общества [1–5].

Гиперактивность личности в социальных сетях, ежедневное присутствие в них значительной части населения планеты подталкивают исследователя к переосмыслению собственных представлений о действительности. В этом контексте сейчас часто говорится как минимум о двух уровнях действительности: реальной и виртуальной [6–9]. Кстати, виртуальная действительность больше ничем не уступает реальной, а виртуальная идентичность личности, можно сказать, придала новые качества типу идентичности, обусловленному его физическим существованием. По словам исследователя, «виртуальная идентичность» есть «составная часть социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном потребление и передачу знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего — в компьютерном виртуальном пространстве Интернета» [10, 112].

Новые качества виртуальной идентичности, характеризующие личность, присущи и армянским пользователям. Цель статьи — раскрыть на их примере трансформации, происходящие в деятельности, осуществляемой в социальной сети Facebook, исходя из ряда особенностей национальной среды и психологии.

Основная часть. Сравнительная характеристика реальной и виртуальной идентичности. В начале XXI в. новые возможности коммуникации ускорили процесс формирования реальной и виртуальной идентичности внутри личности. Общим для них является то, что обе расширяют границы индивидуальной идентичности, одна — в реальном, другая — в виртуальном мире. Однако теоретики чаще обращаются к различиям этих идентичностей, которые, в кратком изложении, имеют следующие характеристики:

Реальная идентичность формируется в определенном пространстве, имеющем географические границы, а в случае виртуальной идентичности, то есть в пространстве Всемирной сети, для личности нет пространственных ограничений [5, 196–197].

Отсутствие границ в виртуальной реальности выводит проблему национальных и общечеловеческих взаимодействий на новый уровень. Идентичность личности оказывается под непосредственным воздействием глобальных цивилизационных процессов, что не столь очевидно в случае реальной действительности, где основное влияние по-прежнему

оказывают архетипические факторы национальной культуры, психологии, традиций.

Признаки реальной идентичности активизируются в среде человеческих отношений, где возможности знакомств ограничены. В виртуальной реальности картина другая. Здесь образ человека, его виртуальный «паспорт» находятся в поле зрения всех пользователей и вероятность доступа и знакомства, а соответственно, и *выбор собеседников несравненно выше.*

Важным обстоятельством является самопрезентация личности и в ее рамках — *проблема биографической идентичности.* Если в реальном мире биография обычно переплетена с деятельностью индивида и не заметна извне, то в виртуальном пространстве действия, поступки, эмоции того же индивида создают любопытную картину визуальной биографии с разнообразными формами проявления «самопрезентации собственного Я» [10, 114] (фото, видео, прямой эфир и др.).

При анализе реальной идентичности исследователи отмечают: индивид чаще говорит о своих проблемах в жизни. В виртуальном пространстве описания личности индивидуума в основном *направлены на идеализацию собственного образа.* По мнению исследователя, пользователь в социальных сетях «может без особого труда создать идеальный образ себя, который, в сравнении с реальным, менее аутентичен, потому что отражает представления личности о воображаемом, идеальном наборе собственных качеств...» [11, 111–112].

Еще один существенный факт: в реальной действительности, в человеческих отношениях личность может выступать и в качестве собственного «Я», и под замещающей это «Я» маской, если не хочет раскрывать свой истинный посыл или сущность. В социальных сетях *дистанция между «Я» и масками сокращается.* Предоставляя биографические данные в аккаунте, человек уменьшает вероятность использования маски [12, 355]. С другой стороны, это не ограничивает его в том, чтобы, при необходимости, исходя из собственных интересов и убеждений, освободиться от внутренних ограничений, дабы выглядеть в социальной сети более представительно.

Указанные утверждения с их общими и отличительными аспектами в конечном итоге сводятся к следующему: присутствие личности в двух разных действительностях создает духовно-интеллектуальное поле, в котором компоненты реальной и виртуальной идентичности пронизывают и дополняют друг друга, увеличивая потенциал выражения идентичности личности.

Виртуальные трансформации идентичностей армянских пользователей в Facebook. Одновременное присутствие реальной и виртуальной идентичностей стало неотъемлемой частью повседневной жизни армянских пользователей. Поэтому наблюдаемые

нами сравнительные параллели характерны и для них, наряду с индивидуальными качествами идентичности, в которых замечен ряд проявлений национальной идентичности, психологии и характера.

В частности, отсутствие пространственных границ в Интернете по-новому раскрывает образ армянина, живущего вне родины. В отличие от реальной, виртуальная действительность создает для него возможность напрямую реагировать в социальной сети на события в Армении, брать на себя обязанности, которые обычно есть у армянина, живущего на родине. Особенно это заметно, когда мы изучаем в Facebook отражение событий, связанных с внутривнутриполитической жизнью. Эмоциональные реакции армян диаспоры столь же интенсивны и непосредственны, как и живущих в Армении. «Сейчас в огонь подливают бензин, — пишет армянский пользователь, проживающий в Европе, через несколько недель после 44-дневной Арцахской войны. — Хватит ли у нас воли и мудрости, чтобы не добавить к нашим недавним трагедиям еще одну катастрофу? Давайте держаться подальше от столкновений, давайте держаться подальше от межэтнических конфликтов, давайте не поддаваться на провокации, хотя бы из любви к бессмертным, пожертвовавшим своими жизнями» (Ованес Баберян)¹.

В виртуальной реальности происходят удивительные трансформации идентичности личности также в контексте национальных и общечеловеческих взаимодействий. Для армянского интеллектуала, особенно в случае владения языками, Интернет, в том числе социальная сеть Facebook, является лучшей площадкой для изучения инновационных процессов, происходящих на международной арене. Стремление к расширению знаний приводит его к новым поискам. В результате сочетание национального и общечеловеческого, обусловленное взаимопроникновением систем ценностей, может придать новое качество индивидуальной идентичности пользователя. Такова, например, страница Вардана Седракяна в Facebook. Его мысли и комментарии по тому или иному вопросу взвешены, оценки наследия людей искусства, цитаты из их высказываний подобраны со вкусом и уместны: «Научимся ли мы четко отличать главное от второстепенного, судить о людях по тому, что они сделали... самостоятельно осмыслять происходящее... пытаться понять, поддержать, там, где это возможно... Короче говоря, научимся ли мы слушать друг друга. Это сложная проблема, но как велика будет гордость, вызванная ее решением...» (цитирует фрагмент размышлений известного армянского лингвиста Эдуарда Атаяна).

¹ В этой и последующих цитатах, не нарушая принцип конфиденциальности персональных данных, мы приводим комментарии конкретных пользователей Facebook под вымышленными именами и фамилиями.

К сожалению, количество таких пользователей невелико. Наиболее активны в социальной сети те, кто, имея возможность репрезентации, используют пространство Facebook для описания различных деталей собственной жизни и быта. В реальной действительности эти «знания» могли быть доступны только ограниченному кругу близких людей. Еще одно наблюдение: такие пользователи, из-за плохого владения письменной речью, наполняют свои страницы в основном фото- и видеоматериалами. Целью является, прежде всего, стремление к самоутверждению, использование возможности утверждения важности собственной личности посредством построения собственной биографической идентичности.

Вышесказанное указывает на еще одну трансформацию виртуальной идентичности армянского пользователя. На его странице в Facebook часто можно увидеть действия, направленные на идеализацию собственного имиджа. Их адресатом являются не блистающие высокими способностями пользователи соцсети, которые публикуют в постах в Facebook материалы о трудностях и негативных явлениях из реальной жизни, а в визуальном пространстве мы наблюдаем при этом «идиллические» образы того же человека в семейной, рабочей и дружеской атмосфере. Естественно, впечатления о них должны быть дополнены соответствующими комментариями: «Дорогая, ты и смайлик правильный поставила, солнце, ты — солнце!» «Как всегда, женственно», «С ума сойти, ты как модель», «Мамина красавица, ты идеальна, доченька», «Самая вкусная мама на свете, как же я тебя люблю...» — и т.д. И так — сотни и тысячи комментариев и смайликов... Иными словами, в пространстве социальных сетей виртуальная идентичность человека может формироваться также путем сочетания противопоставляемых друг другу мнений в вербальном и визуальном измерениях (в тексте — жалобы на действительность, на фотографиях — восхваление личной жизни), что также является одной из особенностей этой идентичности.

Любопытные явления можно заметить в связи с сокращением в Facebook пространства между «Я» личности и ее масками. Хотя личные данные из реальной действительности, представленные в социальных сетях, внешне уменьшают вероятность появления пользователя «в маске» на его собственной странице, но в его духовном мире эти маски, или внутренние «Я», всегда присутствуют. И это заметно в пространстве диалога, особенно когда пользователи являются представителями мира литературы и искусства. Даже в маленьких зарисовках их творческие поиски раскрывают театральные маски, делая автора непринужденным и многоликим. В этом плане, пожалуй, интересна страница пользователя Сепуха Григоряна в Facebook, зарисовки которого демонстрируют множество внутренних масок и тонких переходов от одной к другой: юмористических,

стилистически-языковых и содержательных. «Клочок воспоминания в память о Лусине», «Книга пицц», «О том, что у страха в душе «героя» четырехкомнатная квартира и роскошная дача», «Развлекательная экскурсия по миру Танатоса» и т.д.

Заключение. В наши дни идентичность армянской личности, исходя из особенностей национальной среды и психологии, проявляется в виртуальной реальности с любопытными трансформациями. Особенно это заметно в соцсети Facebook, которая предлагает широкие возможности для презентации этой идентичности.

В этом контексте для армянских пользователей характерно стремление, в силу отсутствия пространственных ограничений в сети, выступать единой «платформой» по вопросам, связанным с национальной жизнью, склонность к приобщению в Facebook к инновационным процессам на международной арене, гибкость в замене своего «Я» внутренними масками и т.д. Параллельно с этим растет число пользователей, которые очень активны в социальных сетях, в частности в Facebook, в основном из-за простого желания создать виртуальную биографическую идентичность и, таким образом, утвердиться в виртуальной реальности. Несмотря на все это, присутствие виртуальной идентичности в армянском медиапространстве наряду с реальной идентичностью в качестве ключевого компонента новых медиа продолжает обогащать образ армянской личности, а в широком смысле — и облик национальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысак И. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры / И. Лысак, Л. Косенчук. — М.: Спутник», 2016.
2. Жаркова Е. С. Социальные сети и личность: проблема идентичности / Е. С. Жаркова // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». — 2017. — № 8 (2). — С. 124–127.
3. Старцев А. А. Идентичность и идентификация личности в социальных сетях / А. А. Старцев, Н. В. Гришанин, Н. В. Кириллина // Коммуникология. — 2018. — Т. 6. — № 4. — С. 76–87.
4. Пронкина Е. С. Репрезентации личной жизни в социальных медиа (на примере социальной сети «ВКонтакте») / Е. С. Пронкина // Обсерватория культуры. — 2017. — Т. 14. — № 4. — С. 404–410.
5. Тихонов О. В. Социальные сети как пространство самопрезентации индивида / О. В. Тихонов // Вестник Казанского технологического университета. — 2012. — Т. 15. — № 22. — С. 196–197.
6. Асмолов А. Г. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире / А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов // Вестник Московского университета. Психология. — 2010. — № 1. — С. 3–21.
7. Войскунский А. Е. Альтернативная идентичность в социальных сетях / А. Е. Войскунский, А. С. Евдокименко,

Н. Ю. Федунина // Вестник Московского университета. Психология. — 2013. — № 1. — С. 66–83,

8. Козлова Н. С. Реальная и виртуальная идентичность / Н. С. Козлова // Социум и власть. — № 2 (52). — 2015. — С. 118–121.

9. Пронин В. В. Трансформация идентичности в пространстве интернета / В. В. Пронин // Вестник Нижегородского университета. Социальные науки. — 2011. — № 4 (24). — С. 126–132.

10. Солдатова Е. Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е. Л. Солдатова,

Д. Н. Погорелов // Образование и наука. — Т. 20. — Т. 5. — 2018. — С. 112.

11. Рыльская Е. А. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики / Е. А. Рыльская, Д. Н. Погорелов // Ярославский педагогический вестник. — 2021. — № 1 (118). — С. 111–112.

12. Шиханов А. В. Влияние социальных сетей на сближение представлений о личности «в кадре» и «за кадром» / А. В. Шиханов // Ярославский педагогический вестник. — 2017. — № 3. — С. 353–358.

Ереванский государственный университет

Петросян Д. В., доктор филологических наук, профессор кафедры новых медиа и коммуникаций

E-mail: davidpetrosyan@ysu.am

Yerevan State University

Petrosyan D. V., Doctor of Philology, Professor of the New Media and Communications Department

E-mail: davidpetrosyan@ysu.am

А. ЭКЗЮПЕРИ КАК ПИСАТЕЛЬ-ГУМАНИСТ НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА ОЧЕРКОВ О МОСКВЕ 1935 ГОДА

С. В. Романова

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Поступило в редакцию 15 января 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается гуманистическая позиция А. де Сент-Экзюпери в осмыслении связей «человек-время» в цикле очерков о Москве. Писатель-публицист изучает положение человека, в котором он оказался в результате социального эксперимента. В свойственной автору стилистической манере краткости и фрагментарности изложения материала, но с опорой на ёмкие метафоры и символы, А. Экзюпери выступает как гуманист и отстаивает право человека быть счастливым в разных обстоятельствах.

Ключевые слова: писатель-гуманист, цикл очерков, Москва, человек, духовный мир, внутренние мысли, переживания и чувства.

Abstract: the article deals with the humanistic position of A. de Saint-Exupery in understanding the connections "man-time" in a series of essays about Moscow. The writer-publicist studies the position of a person in which he found himself as a result of a social experiment. In the characteristic style of the author of brevity and fragmentation of the presentation of the material, but relying on capacious metaphors and symbols, A. Exupery acts as a humanist and defends the right of a person to be happy in different circumstances.

Key words: humanist writer, series of essays, Moscow, man, spiritual world, inner thoughts, experiences and feelings.

Уже первые литературные опыты Антуана де Сент-Экзюпери формируют определенное отношение к его творчеству: в своем большинстве произведения автобиографичны, отличаются некоторой краткостью и сухостью изложения пережитого (многие литературоведы говорили о репортажном стиле А. Экзюпери), но всегда при этом душевны, проникновенны и являлись отражением духовной жизни XX века [1].

В 1935 году писатель становится корреспондентом газеты «Пари-Суар». В качестве журналиста в апреле 1935 г. де Сент-Экзюпери отправляется в Москву, где он провел 19 дней. В результате он пишет 6 очерков, которые становятся откровением для публики. Цикл очерков о Москве предвосхищает появление очерков о поездке в Испанию и становится этапным в творческой эволюции писателя.

Цель исследования — отражение гуманистической позиции А. де Сент-Экзюпери в осмыслении связей «человек-время» на примере цикла очерков о Москве («Под гул тысячи самолетов Москва готовится праздновать годовщину революции», «По пути в Советский Союз», «Москва! А где же революция?», «Преступление и наказание перед лицом советского правосудия», «Трагическая гибель самолета «Максим Горький», «Удивительная вечеринка с мадемуазель Ксавье и десятью чуточку пьяными старушками, оплакивающими свои двадцать лет...»).

Очерк относится к малой форме прозаического повествования, и, являясь художественно-публицистическим жанром, принципиально отличается от рассказа. Автор очерка всегда опирается на реальные факты, основа повествования — документальная. В рассказе писатель может прибегать к вымыслу: «В очерке, как правило, содержанием является нечто действительно бывшее, случившееся, что читатели увидели бы сами, оказавшись в одних обстоятельствах с автором, подтверждаемое очевидцами, документами и т.д. Очерк — это как бы корреспонденция с места события, это размышления писателя над рядом фактов, это рассказ о судьбах людей, описание в действительности увиденного пейзажа, путешествия, это, наконец, исторический экскурс» [2].

В нашем исследовании мы обращаемся к анализу путевого очерка. В содержательном плане все путевые очерки похожи: автор делится впечатлением от увиденного во время путешествия. Что касается формальной стороны, то здесь автором могут использоваться различные средства. Чаще всего писатель прибегает к описанию предметной сферы: художественной детали, портретной характеристики, пейзажа. Основными признаками детали являются ее изобразительная емкость и конкретность. Важное значение в путевом очерке имеет и портретная характеристика, основная функция которой заключается в передаче типического и особенного в характере героя повествования. Пейзаж в путевом очерке играет функцию иллюстрации. К числу выразительных

средств относят также диалоги, которые «оживляют» очерк. При этом прямая речь художественной публицистики отличается от прямой речи художественной литературы. Если в художественной литературе у прямой речи существует только одна функция — изобразительная, то в художественной публицистике к ней вплотную примыкает еще и информативная. Авторы используют и языковые возможности, часто обращаясь к различным средствам художественной выразительности: эпитет, метафору, метонимию, гиперболу, литоту и др. Именно под воздействием языковых средств возникает художественный образ, под которым следует понимать иносказательную, ассоциативную, метафорическую мысль, раскрывающую одно явление через другое. В идейном плане очерки чаще всего поднимают проблемы современности, а объектом изображения становятся явления общественного порядка. Органически сочетая в себе документальность, публицистичность и художественность, очерк призван отвечать на самые разные и актуальные вопросы.

Обращение к циклу очерков о Москве А. де Сент-Экзюпери связано с попыткой осмысления авторской оценки духовного мира человека в тяжелых исторических обстоятельствах. Свой цикл о Москве писатель открывает очерком «Под гул тысячи самолетов Москва готовится праздновать годовщину революции», в нем он делится первыми впечатлениями о пребывании в России.

Обращаясь к анализу очерка, хотелось бы ещё раз напомнить о том, что А. де Сен-Экзюпери был летчиком, и прежде, чем побывать в России, писатель имел служебные командировки во все части света. А. Экзюпери имел вполне конкретное представление об Америке, Африке, Индокитае, Греции, Турции, Италии и других европейских странах. Кроме того, писатель вырос в «свободной» Франции. Мы напоминаем об этом не просто так, а с тем, чтобы было понятно, с каким уже «духовным» багажом писатель приезжает в ранее не известную ему Москву. Это важно ещё понять, потому что очерк — это не сугубо художественное произведение, в котором автор общается к вымыслу (о чем мы упоминали ранее), а живой отклик автора на увиденное и услышанное в реальной действительности.

Прибывая в Москву, А. де Сент-Экзюпери погружается в обстановку секретности, подозрительности, запрета и покорности: «Оказывается, вдоль красных стен гулять запрещено» [3, 29]. Писатель, оставаясь свободным человеком, не удивляется (удивить его уже чем-то сложно), но не совсем понимает обстановки, в которой оказывается. А. де Сент-Экзюпери рассказывает о том, как хотел посетить демонстрацию на Красной площади, но без приглашительного на праздник его не пустили. Оказывается, надо было заранее заполнить анкету, которая бы ещё подверглась тщательной проверке администрацией сверху.

Такая осторожность и предусмотрительность смущает впервые прибывшего корреспондента. Складывается ощущение, что любое человеческое желание должно быть продиктовано «сверху». Не попав на демонстрацию, автор не может и вернуться к себе в гостиницу: «Ранним утром Первого мая я спустился, собираясь пройтись по городу, но нашел дверь гостиницы запертой. Мне сообщили, что откроется она только в пять часов вечера. Те, у кого не было приглашительного билета, оказались пленниками» [3, 30].

С первых минут пребывания в Москве автору становится понятным, кто является «главным мастером», «хозяином» отдельной человеческой судьбы и всего народа, установившегося порядка и образа жизни: «Охрана днем и ночью бдит над запретным кварталом, где обитает Хозяин... Как же оберегают этого человека! Зеленый безмолвный пояс окружает Сталина, ни один человек не проскользнет через него незамеченным, любое появление покажется взрывом» [3, 30].

В сложившихся исторических обстоятельствах больше всего писателя волнует сам человек, он пытается встретить кого-то, заговорить с кем-то, но человек появляется пока только в образе массы, толпы: «Толпа продвигалась медленно, неотвратно, шаг за шагом, и тоже была похожа на темную лаву... Медленное шествие людей в темных одеждах с красными флагами, не ведающих о своей силе, впечатляло больше, чем маршировка солдат, солдаты исполняют свою работу, покончив с ней, становятся разными людьми. Эти же были едины во всем — в рабочей одежде, плоти, мыслях. Я видел, что они движутся вперед и тогда, когда остановились на месте» [3, 30].

Писатель пытается найти причины, в котором обезличивается человек, в котором он становится незримым, потерянным не только для других, но и сам для себя. В очерке «Преступление и наказание перед лицом советского правосудия» А. Экзюпери осмысливает внутренние связи слаженно действующего механизма, определяющие взаимоотношения человека и государства: «Первое, что сказал судья, едва началась наша беседа в его кабинете, — показалось мне и самой главной его мыслью: «Не в том дело, чтобы наказывать, а в том, чтобы исправлять» [3, 34]. В этом своеобразном государстве-фетише человек выковывается, культивируется, как некий продукт. Постепенно выкристаллизовывается «нужный элемент» для государства, внутренняя сущность которого заключается в отречении от самого себя: «Так, может быть, создают нового человека — стойкого, влюбленного в свой завод и коллектив, как садовник во Франции влюблен в свой сад» [3, 34]. Все было бы ничего, если бы в этом благородном служении Отечеству осталось место для личной свободы, права выбора и ответственности. Уклоняющиеся «элементы» жестоко наказуемы: «Этот судья не позволяет себе судить. Он как врач, которого ничто не поражает. Он

лечит, если может, а если не может, то, служа всему обществу, расстреливает» [3, 37].

И самое страшное для писателя-гуманиста, что человек постепенно привыкает к своему статусу, нивелируется и теряет себя для своей собственной жизни, уже не понимая этого. Одиночкам-борцам нет места в этой «идеальной» системе: «Здесь любят огромный мир. Здесь живут, быть может, не столько в доме, сколько в мечте. Нужно приучить этих людей к земле. Нужно приучить их к земному. И власть борется с этими вечными странниками. С внутренним зовом тех, кто заметил звезду» [3, 38]. А писатель отстаивает право на личное счастье человека, развитие его внутренних, духовных сил: «Основной проблемой в произведениях Экзюпери является проблема бытия человека, а именно выбор ложного, чужого пути в жизни под воздействием различных факторов. К таким факторам относится мнение общества, отсутствие осмысленной цели в жизни, инертность. Различные обстоятельства уводят человека от своего призвания, заставляя жить ложной судьбой. Такая жизнь не может сделать человека счастливым» [4, 122].

Однако писатель понимает, что человек внутри жив, но стереотипность мышления и поведения куют из него «машину»: «Чудом было обретение человечности, единое целое рассыпалось на живых людей...Послышались звуки аккордеона...Десятки людей, мужчин и женщин, ... улыбаясь во весь рот, танцевали, и улица стала доброй и симпатичной, похожей на улицу парижского предместья в ночь на 14 июля» [3, 38]. В этот момент живой человек со своей душой встает впервые перед глазами автора: «Незнакомец окликнул меня и протянул сигарету...» [3, 42]. Писатель вдруг понимает, что в обезличенной массе людей человек все-таки жив, ему не чужды прекрасные чувства, а осознание всеобщей радости и единства становится интимно-личным переживанием. Это контрастность поражает автора: безликость, мертвенность и серость вдруг сменяются на игру самых разных настоящих эмоций. И все же в этой дисгармонии писатель отмечает некоторую противоестественность и вынужденную обязательность в поведенческом кодексе советского гражданина. Метафорически А. Экзюпери выражает все подчиняющую себе силу, как «тяжесть железного кулака, нависшего над Москвой» [3, 45].

Осознание проблемы автор раскрывает через самую близкую для него тему в очерке «Трагическая гибель самолета “Максим Горький”». Экзюпери сам за день до катастрофы летал на самом большом в мире самолете. Ощущения были потрясающими: с одной стороны, до автора «доходили послания восьми моторов» и он «чувствовал, как струится по телу живая горячая вибрация», а с другой, — весь этот устроенный и сложный механизм самолета несколько сбивал яркие впечатления писателя [5].

Самолет «Максим Горький» — это яркий символ-образ. По мысли автора, Советский Союз как идеальный проект искусственно созданной системы рано или поздно будет обречен на полное фиаско. А. Экзюпери, как никто другой, понимал, что помимо объективно существующей реальности, всегда есть место внезапно возникающим обстоятельствам (которые не назовешь случайными), способным резко изменить ситуацию. «Максим Горький» как своеобразный культ, жертвенник нового земного рая, сам становится заложником и жертвой, казалось бы, несокрушимого механизма. А. де Экзюпери с долей легкой иронии напоминает о том, что даже такое монументальное сооружение может быть внезапно, без всяких на то причин уничтожено, потому что основу этого «организма» образуют иллюзорные идеи: «Во время уверенного спокойного полета «Максима Горького» его траекторию, прямую, как выстрел, пересек истребитель» [3, 38].

Безусловно, автора волнует не бездушная машина-государство, его душа «болеет» за человека, ему интересно, что в результате подобных социальных проектов происходит с самим человеком. Поэтому он всматривается в лица и сердца встречающихся ему на пути отдельно взятых людей. В очерке «По пути в Советский Союз» писатель выразил свою надежду и веру в человека.

Повествовательная фабула этого очерка построена на градации, которая раскрывает и передает впечатления автора: «Я продвигался узкими коридорами, которые образовали изгибы лежащих тел... Спящие видели скверные сны, возвращаясь в свою нищету. Большие бритые головы мотались на деревянных скамейках» [3, 39]. Мы как бы видим тот же слепок из массы, который не может не удивить отсутствием жизненной, настоящей энергии, читатель сам, словно погружается в царство сна, атмосферу мертвенной тишины и безразличия. Но цель, с которой автор начинает об этом говорить, — не желание унижить и показать весь ужас и нищету трудящегося народа, а объективное признание отсутствия свободы воли у человека быть и стать тем, кем бы он мог стать, отсутствие возможности прожить свою жизнь в полноте ярких эмоций и впечатлений: «Я ведь не о нищете, не о грязи, не о некрасивости. Этот мужчина и эта женщина когда-то познакомились. Мужчина наверняка улыбнулся женщине. Он наверняка после работы принес ей цветы... А она, не сомневаясь в своей женской прелести, возможно, из присущего женщинам кокетства, мучила его» [3, 41]. Теперь же открывалась картина, вызывающая сострадание и боль за нереализованные возможности человеческого духа: «Младенец сосал материнскую грудь, а мать до того устала, что, похоже, спала...Я посмотрел на отца. Голый череп каменной тяжести. Спит тревожно, ему неудобно, тело скованно грубой одеждой, которая топорщится горбами. Похоже, лежит груда глины» [3, 42].

Экзюпери своими рассуждениями словно возвращает человека в мир живых связей, пытается его одухотворить, напомнить о смысле и его предназначении в жизни. И здесь стилиевая манера автора в полной мере позволяет раскрыть идейный замысел произведения. В свойственном Экзюпери стиле сухой фрагментарности и сдержанности, очерки, тем не менее, изобилуют средствами художественной выразительности. Но, как и упоминалось ранее, все метафоры и образы у автора очень ёмкие, колоритные, так, что вырастают в своеобразный символ. С особой любовью и нежностью А. Экзюпери говорит и напоминает о главном, о самоценности внутреннего мира каждого человека, об актуальности развития духовного потенциала: «Я присел напротив семейной пары. Примостившись между мужчиной и женщиной, спал ребенок. ... До чего хорошо! Среди кривых ветвей сияло золотое яблочко. Я наклонился, чтобы разглядеть получше безупречно гладкое личико, красиво очерченный рот. Я сказал себе: «Вот лицо музыканта, это маленький Моцарт, чудесное обещание, подаренное жизнью!» [3, 44].

В кульминационных моментах автор прибегает к особому приему, «монолог в монологе», тем самым, усиливая внутреннюю речь и расставляя акценты: «Я подумал: «Как же он сделался грудой глины, вот загадка. Какие жернова перемололи его и изуродовали? Олень, газель, любое животное, состарившись, не теряют природной стати. Почему же так искажается добротное человеческое естество?» [3, 47]. Монолог «в монологе» это своего рода авторский крик души.

В какое бы путешествие ни отправился писатель, по-видимому, самым интересным для него всегда оставался человек: «Как только пересечешь французскую границу, весна занимает тебя чуть меньше, зато судьбы людей, похоже, волнуют чуть больше» [3, 57].

Хочется отметить и еще одну важную черту, которая ярко характеризует творчество писателя. Экзюпери воздерживается от категоричных и резких оценок и критики, старается быть предельно объективным. В очерке «Москва! А где же революция?» он развенчивает мысль о том, что как-то однозначно можно подытожить происходящее, существующую реальность с вполне конкретными явлениями. Еще сложнее дело обстоит, когда речь идет о человеке или о многомиллионном народе. Писатель понимает, что образ современной Москвы — это дело не одного дня: «По другим приметам можно открыть, как глубоко эта почва была перепахана революцией» [3, 58]. Но вместе с тем, Москва не так доступна и проста в восприятии: «Не откроешь Москву на перроне... Только президенты республик целуют разнаряженную малышку и сразу постигают душу города. Только они радостно делятся своим неожиданным открытием в приветственной речи...» [3, 59].

Завершает цикл очерков о Москве «Удивительная вечеринка с мадемуазель Ксавье и десятью чуточку

пьяными старушками, оплакивающими свои двадцать лет...». Встреча автора с бывшей французской гувернанткой, сценарий жизни которой был заранее определен революцией, оставляет впечатление невыразимой грусти, до глубины щемящей сердце, по чему-то такому родному, но уже навеки ускользающему. Мадам Ксавье, как и многомиллионный народ, верит в свое почти совершившееся счастье: « — В будущем году моя очередь получать квартиру, и мы все соберемся у меня! Вот увидите, как там будет мило! Я уже вышиваю салфетки...Мадемуазель Ксавье через год исполнится всего семьдесят три. У нее будет своя квартира. Она наконец начнет жить...» [3, 41]. Писатель нам еще раз напоминает о том, как важны обычные земные радости, но все же, эти материальные ценности, которые, действительно, делают на какое-то время счастливым, преходящи и ничто по сравнению с целым миром мыслей и чувств отдельно взятого человека. Дорог сам человек.

В своем завершающем очерке автор остается верным своим гуманистическим принципам: его присутствие в любой точке Москвы — это песня и ода человеку, вера в его жизнеутверждающие начала: «Мы все чуточку захмелели и поем старинные песни. У старушек их детство встает перед глазами, они плачут, в душе им снова по двадцать лет (ведь они называют меня не иначе как «мой дружок»!). Я словно прекрасный принц, опьяненный славой и водкой, среди обнимающих меня маленьких старушек!» [3, 51].

Заключение. Главной темой жизни для известного французского писателя А. де Сент-Экзюпери всегда оставалась философская тема о счастье и смысле жизни человека. Любовь к человеку, знание о его духовной красоте и служение человеку дают право говорить о собственной антропологии автора. Его интересовали исключительно люди и их душевный склад, богатая палитра их чувств и переживаний. Все фабулы его очерков о Москве сконцентрированы и вращаются вокруг того, чтобы понять человека. В художественной системе А. Экзюпери нет чего-то статичного, определенного, все в ней динамично и непредсказуемо. Автор открывает для себя человека через собственное переживание, проникновение в жизнь этого человека, рассматривая конкретный случай конкретной судьбы. Даже в повторяющихся многомиллионных судьбах многомиллионного народа Экзюпери пытается найти конкретного человека с его слабостями и величием. При этом, писатель старается не давать конкретных оценок, он просто делится пережитым впечатлением, оставляя право осмысления за читателем. Это является важнейшей особенностью стиля писателя-гуманиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клетеник И. К. Творчество А. де Сент-Экзюпери: автореф. дис. ... кан. фил. наук: 10.01.03 / И. К. Клетеник. — Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. — М, 1968.

2. Краснов В. Г. Очерк — малая повествовательная форма / В. Г. Клетеник. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-malaya-povestvovatel'naya-forma/viewer> (дата доступа: 10.12.2021).

3. Сент-Экзюпери, А. Можно верить в людей... Записные книжки хорошего человека / А. де Сент-Экзюпери. — М., 2015.

4. Ильиных М. В. Проблема личности в философии Антуана де Сент-Экзюпери / М. В. Ильиных, Е. М. Кучина // Вестник науки. Философские науки. — 2018. — № 2 (2). — С. 122–123.

5. Буранова Ж. А. Поэтика произведений Антуана де Сент-Экзюпери / Ж. А. Буранова // Гуманитарный тракт. — 2018. — № 2. — С. 45–46.

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
Романова С. В.; преподаватель кафедры мировых языков
E-mail: lanilya83@gmail.com

Vitebsk State University named after P. M. Masherov
Romanova S. V.; lecturer of the Department of World Languages
E-mail: lanilya83@gmail.com

К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ И ФОРМАТАХ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Е. В. Тюрина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются подходы к идентификации и систематизации жанров журналистики, а также взаимодействие понятий «жанр» и «формат» в пределах журналистского творчества. Автор выявляет пересечения указанных понятий и указывает на различия.

Ключевые слова: жанры журналистики, формат, жанрообразующие признаки, признаки формата

Abstract: the article discusses approaches to the identification and systematization of journalism genres, examines the interaction of the concepts of genre and format within journalistic creativity. The author identifies the intersections of these concepts and points out the differences.

Keywords: genres of journalism, format, genre-forming features, format features

Теория журналистских жанров традиционно является одной из самых дискуссионных тем в научном пространстве. И это логично: научное знание о журналистике начало формироваться относительно недавно, в первой половине XX в., хотя первые отечественные газеты появились еще в XVIII в. О том, что газета является сложно организованным многогранным образованием, так как содержит в себе разномасштабные материалы, отличающиеся по структуре, задачам, выразительным средствам, писал еще К. Маркс [1, 214], и у исследователей еще в ранние советские годы возник интерес к систематизации разнородных журналистских материалов, к их упорядочиванию и аккумуляции в пределах одной системы. Не угасает он и до сих пор.

Однако мы видим, что, во-первых, «чистокровные» жанры в современных печатных и сетевых изданиях представлены крайне редко — все чаще можно встретить материалы, которые могут содержать в себе предметно-методологические признаки, относящиеся к разным жанрам. Например, жанрообразующие признаки публикации о человеке могут указывать на то, что перед нами очерк, однако ней вполне органично смотрятся репортажные фрагменты. Возникают закономерные вопросы: это очерк или репортаж? Или это разновидности первого — «очерк-репортаж» или «портретный репортаж»?

Во-вторых, в последние годы в научной оборот введено понятие формата, которое можно трактовать по-разному: как вид или род творчества, тип издания, вид коммуникативного канала или, например, способ подачи информации [2, 20–21]. Последнее значение формата для нас наиболее интересно, так как мы видим явное пересечение с жанровой проблематикой. Дело в том, что анализ и последующую

систематизацию журналистских жанров осложняет еще и наличие публикаций, которые не вписываются ни в одну классическую жанровую концепцию. Например, к какому жанру или хотя бы группе жанров отнести тест, подборку или чек-лист? Или эти материалы проходят по номинации «формат»? И если да, то на какие предметно-методологические категории мы при этом будем опираться?

В-третьих, в практической журналистике присутствует очевидное смешение понятий «формат» и «жанр» («в формате заметки», «очерк в формате издания», «в жанре лонгрид»), что также порождает трудности у исследователей при квалифицировании эмпирического материала.

Поэтому, на наш взгляд, для начала следует определиться, что мы будем понимать под журналистскими жанрами и под форматами как способами подачи информации. А для этого, думается, необходимо понять природу указанных номинаций. И начать стоит с категории жанра, подробно изученной отечественными исследователями.

Появление термина «жанр» (фр.— вид) в эстетике французского классицизма XVII в. было вызвано необходимостью разграничить различные произведения, принадлежащие к тем или иным родам творчества [3, 114]. В традиционном понимании жанр — это род произведений в пределах какого-нибудь искусства, отличающийся особыми, только ему свойственными сюжетами, стилистическими признаками [4]. Журналистские жанры также имеют отличительные черты, позволяющие дифференцировать публикации и определять их в ту или иную группу, сформированную на основании выделенных устойчивых признаков. Но в отечественной теории журналистики нет общепринятой жанровой концепции. Более того, при анализе наиболее известных систем журналистских жанров мы можем заметить расхождения у авторов

как минимум по 3 позициям: *отбору своеобразных признаков, выявлению предметно-методологических категорий и систематизации жанров.*

Если рассматривать отбор своеобразных признаков (они и дают ответ на вопрос «На каком основании журналистские произведения будут отнесены к конкретному жанру?»), то здесь приоритет у московской школы, представители которой выделяют таких критериев, как *предмет, функция, метод* [5, 4–7]. Предмет отображения подразумевает что именно будет лежать в основе материала. Так, если автор задумал написать заметку, то будет описывать факт действительности (например, что студентов воронежских вузов частично перевели на дистанционное обучение [6]). Функция, в свою очередь, расширяет представление о предмете и показывает, с какой целью автор писал данный материал: хотел сообщить о факте действительности (функция заметки) или был нацелен на то, чтобы сформировать у аудитории представление о событии речевого характера (функция отчета). Под методом подразумевают наглядно-образное обобщение, которое опирается на творческие приемы, позволяющие журналисту особым образом отражать предмет материала: например, это может быть репортажный метод, который заключается в фиксации хода наблюдения и его результата, подразумевающая наглядность.

На наш взгляд, данная концепция является практико-ориентированной, однако она далеко не единственная. Например, есть подход Е. И. Пронина, который при классифицировании жанров предложил опираться лишь на *предметный подход и целевую установку* [7, 49–50]. При этом предметом отображения могут выступать: *реалии* (материальные подробности развития событий), *позиции* (понимание события отдельными людьми), *идеалы* (анализ события с позиции идейно-нравственных ценностей), *абсурды* (социально-комический аспект события), *шедевры* (социальное значение произведений сфер духовного производства), *мнения* (оценка события его участникам), *контакты* (совместный поиск истины журналистом и участником события), *решения* (позиция официальных инстанций), *эффекты* (результат воздействия журналистской публикации). А целевой установкой, в свою очередь, могут быть оповещение, ориентирование, коррекция, символизация. Развитие общества требует учета «процессов социальной практики», и это ведет к возникновению новых жанровых образований — в данном случае 36 жанров, среди которых названы, например, напоминание, сатирическая заметка, уведомление.

У ростовского исследователя А. И. Аكوпова есть жанровая система, организованная как схема-матрица и построенная на типических признаках, «каждый из которых включает компоненты». Выделены 4 основания: *задачи публикации, метод отображения действительности, масштаб отображения дей-*

ствительности, средства изображения. При этом, например, первый из них включает в себя 5 компонентов: от «информирования общественности о фактах действительности» до «эстетического и эмоционального художественного освещения жизни». Фактически данная концепция позволяет представить любой жанр как формулу, считает ростовский исследователь. Так, репортаж, по его мнению, может выглядеть как: $P = 1a^2a^3b^4v^4$, где P — репортаж; 1, 2, 3, 4 — типические признаки жанра, а, б, в — их компоненты, ^ — знак логического сложения [8, 9].

Воронежский ученый Л. Е. Кройчик выделил иные основания: «1) *сообщение о новости или проблеме; 2) фрагментарное или обстоятельное осмысление ситуации; 3) приемы эмоционального воздействия*» [9, 138].

Расхождения проявляются и в выявлении предметно-методологических категорий непосредственно в журналистских материалах. Например, опубликован материал о пресс-конференции (событие речевого характера), а предмет и функция указывают на то, что перед нами отчет (если следовать категориальной методологии). Но метод отображения может быть репортажным. Отсюда вопрос: это отчет или репортаж? Если отчет, то можно ли говорить о такой разновидности как «репортажный отчет»? Считать ли журналистским жанром опубликованные в газете поздравление, некролог, которые давно стали постоянным элементом пресс-контента?

Расхождения присутствуют и в систематизации выявленных жанров. Л. Е. Кройчик, отойдя от традиционного распределения жанров по информационной, аналитической и художественно-публицистической группам, избрал иной подход: он выделил пять групп — оперативно-новостные, оперативно-исследовательские, исследовательско-новостные, исследовательские, исследовательско-образные.

Наполнение групп также может различаться. Так, у А. А. Тертычного в общей сложности идентифицировано 42 жанра, 22 из которых размещены в аналитической группе, а у М. Н. Кима их 48. То есть мы видим, что разночтений в жанровой теории достаточно, и отсутствие общепринятой концепции, некоего стандарта, провоцируют исследователей на относительно свободное толкование жанров и, как следствие, в границы одного жанра могут с подачи теоретиков попадать различные по предметно-методологическим категориям публикации. Хотя с точки зрения практики это не является критичной ситуацией, так как задача журналиста — создавать материал, который будет отвечать потребностям аудитории в социально значимой информации, а какие примы и методы для этого будут использованы автором, как он их будет синтезировать — уже не так важно.

Тем не менее, возвращаясь к вопросу о теоретическом значении правомерной дифференциации журналистских материалов по жанрам и жанровым груп-

пам, стоит обратить внимание еще на один аспект, который в последние годы довольно активно проявляется в медиасреде. Речь идет о полисемантическом понятии «формат» (от лат. *formato* — придаю форму), который нередко пытаются презентовать как синоним жанра.

В полиграфии этот термин закрепился давно и под ним можно понимать «линейные размеры печатной формы, выраженные в метрических и типометрических единицах» [10]. В область производства журналистского контента он вошел сравнительно недавно и стал все чаще использоваться при обозначении способов подачи информации. Появление новых видов журналистских материалов (лонгридов, тестов, игр и т.д.) побудило профессиональное сообщество найти новую номинацию для подобных журналистских образований, которая бы наиболее точно отражала не только содержательную, но и организационно-технологическую суть таких материалов. Например, исследователь Г. В. Лазутина определяет формат как «совокупность признаков какого-либо предмета коммуникации, если понимать таковой как направляемый аудитории информационный продукт», а Г. Я. Солганик обозначает формат как «совокупность характеристик, признаков, определяющих соответствие норме правилам какого-либо мероприятия, события, явления и т.п.» [2, 17; 11, 23]. Оба определения объясняют термин, но, на наш взгляд, при его использовании в контексте журналистского творчества, важно уточнить, что речь идет, прежде всего, о форме материала, о том, как он выглядит, какой имеет вид. Поэтому здесь на первый план выходят не столько содержательные характеристики, сколько формальные, которые перманентно прослеживаются в материалах подобного вида. Следовательно, можно говорить о том, что *формат как способ подачи информации* — это устоявшийся вид материалов медийного характера, обладающий специфическими признаками. На наш взгляд, признаки журналистских жанров — это предмет, метод и функция — возможно использовать и для анализа форматов журналистики, но с акцентом на форме, на «упаковке» публикации.

Предмет отображения лежит в основе содержания: это может быть ситуация (корреспонденция), событие (репортаж) и пр. А если перед нами, например, такой материал, как «Известные, неожиданные и важные факты о Великой Отечественной войне — в тесте РИА «Воронеж»» [12]? Вопросы и ответы в тесте могут быть связаны как с социально значимыми фактами, так и с различными ситуациями или, например, с явлением. Но при анализе тестовых форматов речь идет, прежде всего, о своеобразной организации информации, о технологических приемах, используемых при построении материала социально значимого характера. Своеобразие в формы в тесте — в совокупности вопросов и ответов. Цель

теста — привлечь внимание аудитории к теме материала и постараться удержать это внимание, чтобы читатель потратил время на решение теста, а не на социальные сети, видео на YouTube или, скажем, на другой материал издания-конкурента. Поэтому функция теста — вовлечение аудитории и удержание ее внимания на социально значимой теме. Каким образом происходит вовлечение и удержание внимания? Автор теста создает иллюзию конкурентной ситуации, при которой пользователь стремится набрать максимальное количество баллов. Пользователь (читатель) может конкурировать как с другими пользователями, если текст предполагает демонстрацию результатов других участников, например, в процентном значении (например, так считают 55% пользователей; вы справились лучше, чем 80% других участников и т.д.), так и с системой (когда нет демонстрации результатов других пользователей). Следовательно, методом можно считать моделирование игровой ситуации, в основе которой лежит принцип конкуренции.

Разумеется, тест — это далеко не единственный формат, который в нынешних медиа пользуется популярностью. Есть лонгриды, подборки, игры, чек-листы и многое другое. Эти виды медиаторчества требуют осмысления и систематизации. По нашему мнению, несмотря на то, что признаки для определения формата могут быть заимствованы у жанров, сами форматы практически не ложатся в триединую жанровую концепцию, а потому, вероятно, требуется иной подход к оценке их функционирования в пределах одной системы. И возможно, это именно тот виток эволюции, который в ближайшие годы предстоит пройти теории журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черепанов М. С. Проблемы теории публицистики / М. С. Черепанов — Москва: Мысль, 1973. — 269 с.
2. Лазутина Г. В. Жанр и формат в терминологии современной журналистики / Г. В. Лазутина // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — Москва, 2010. — № 6. — С. 14–21.
3. Распопова С. С. О понятии «жанр» в теории журналистики / С. С. Распопова // Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск, 2012. — № 6 (260). — С. 114–117.
4. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/799138> (дата обращения: 11.12.2021).
5. Теория и практика советской периодической печати: учебное пособие для вузов / под ред. В. Д. Пельта. — Москва: Высшая школа, 1980. — 376 с.
6. Квасова С. Студентов воронежских вузов частично перевели на удалёнку / С. Квасова // Вести Воронеж. — 2022. — 26 января. — URL: <https://vestivrn.ru/news/2022/01/26/studentov-voronezhskikh-vuzov-chastichno-pereveli-na-udalyonku/> (дата обращения: 11.12.2021).

26.01.2022).

7. Социальная практика и журналистский текст / Под ред. Я. Н. Засурского, Е. И. Пронина. — Москва: Издательство МГУ, 1990. — 176 с.

8. Акопов А. А. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. Учебно-методическое пособие для студентов-журналистов / А. А. Акопов. — Ростов-на-Дону: издательство института массовых коммуникаций, 1996. — 88 с.

9. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студентов вузов по специальности

«Журналистика». — Санкт-Петербург, 2000. — 272 с.

10. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/encЗр/310342> (дата обращения: 11.01.2021).

11. Солганик Г. Я. Формат и жанр как термины / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — Москва, 2010. — № 6. — С. 22–24.

12. Карташова Л. «Известные, неожиданные и важные факты о Великой Отечественной войне — в тесте РИА «Воронеж»» / Л. Карташова // РИА «Воронеж» [сайт]. — 2021. — URL: <https://riavrn.ru/projects/test-vov-2021/> (дата обращения: 5.01.2022).

Воронежский государственный университет

Тюрина Е. В., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики и литературы

E-mail: alenatyrina@mail.ru

Voronezh State University

Tyurina E. V., Candidate of Philology, Lecturer of the Department of Journalism and Literature

E-mail: alenatyrina@mail.ru

ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НАДЕЖДЫ ИЛИ ИЛЛЮЗИИ?

Л. Н. Федотова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 31 декабря 2021 г.

Аннотация: статья посвящена становлению общественного мнения как феномена Новейшего времени. В начале человеческой цивилизации существовало единообразное отношение к миру. Полифония голосов появилась позднее, в результате изменений модернизационного характера. Перечислены источники информации для отдельной личности о социальном многоголосье. Обсуждаются факторы несовпадения результатов профессиональных опросов общественного мнения и предполагаемого исходного: методические, методологические, связанные с социально-политическими характеристиками социума «здесь и сейчас».

Ключевые слова: единообразное отношение к миру, полифония голосов, модернизационное общество, становление общественного мнения, источники информации о социальном многоголосье, несовпадения результатов опросов и исходного общественного мнения, методические факторы, методологические факторы, роль социально-политических характеристик социума.

Abstract: the article is devoted to the formation of public opinion as a phenomenon of modern times. At the beginning of human civilization, there was a uniform attitude towards the world. Polyphony of voices appeared later, as a result of modernization changes. Sources of information for an individual about social polyphony are listed. The factors of discrepancy between the results of professional public opinion polls and the presumed baseline are discussed: methodological, associated with the socio-political characteristics of the society «here and now».

Keywords: uniform attitude to the world, polyphony of voices, society of a modernizing nature, the formation of public opinion, sources of information about social polyphony, discrepancy between poll results and initial public opinion, methodological factors, the role of socio-political characteristics of society.

*Только человеческому поведению присущи такие связи и регулярность, которые могут быть поняты истолкованы.
М. Вебер. О некоторых категориях понимающей социологии*

ЧАСТЬ 1

В политическом дискурсе нынешнего электорального цикла в России довольно часто употребляется словосочетание *общественное мнение*. Приводятся результаты опросов, рейтинги по основным субъектам политического поля, по ходу дела выставляются оценки за качество продукции исследовательским центрам, полно намеков на их ангажированность. Не сказать, что это исключительно российская ситуация, но все же в этих обвинениях есть что-то несправедливое — имея в виду хотя бы, что вся история профессионального изучения общественного мнения в СССР и в России насчитывает чуть более полувека [1].

При этом под общественным мнением понимается *совокупность, сумма мнений членов общества по самым разнообразным темам, проблемам, которые существуют в этом обществе*. Оно совершенно нейтрально по отношению к обвинениям, которые часто звучат сегодня в адрес центров по изучению

этого феномена. Но оно, как надводная часть айсберга, наслаивается на понимание того, *в какой стране оно изучается; давно ли изучающие структуры работают в этом профессиональном поле; в какой мере их исследования репрезентируют все общество; каков вопрос, который задается людям и который предшествует их ответу; как людские мнения (а иногда и знания) сопрягаются с общими культурными, религиозными и т.п. матрицами данного общества; какими информационно-коммуникационными институтами обеспечивается циркуляция в обществе этих матриц и многое другое*. Так есть ли надежды выйти с помощью опросов на общественное мнение социума или это только иллюзия?

Отвечая на него, надо понять, на каком этапе развития цивилизации возник этот исторический продукт — общественное мнение. *Начало человеческой цивилизации — единообразное отношение к миру*. На первых порах развитие социального организма может быть представлено как некая пирамида. Вершину олицетворяла собой Власть. В родо-общинном строе это был Вождь, достаточно

сильный, и главное, обладающий некоторыми знаниями. Именно это сочетание силы и знаний помогало ему объединять усилия членов этого рода, племени для движения в определенном направлении. Для чего? Чтобы *выжить (!), сохранять некоторую стабильность (2)*, чтобы *существовать во времени и в пространстве (3)*.

Чтобы власть одного человека (группы, касты) доминировала, нужно было полное подчинение ему остального большинства. Карательные меры были недостаточны. Нужно было, чтобы остальные *добровольно* признавали доминирование меньшинства. Нужно было, чтобы в роли надзирателя выступала сила, не менее значимая для отдельной особи — *власть «других»*, таких же, как он, сцементированных нормами поведения, табу, верованиями, подчинением власти.

В итоге все подвластные Вожаку члены племени были не суммой отдельных социальных личностей (тогда личностей как таковых попросту не существовало), а неким целым, однородной совокупностью. Человеческая личность была опутана, пронизана традиционными нормами поведения, навыками, опытом рода, племени. Можно сказать, что это было монологичное, одинаковое — «как у всех», единообразное, монолитное отношение к миру.

Для человека традиционных обществ жить значило повторять традицию, заданную для него властью, следовать образцам, примерам, клише, заданным этой властью. Эти матрицы (*что делать можно и чего делать нельзя*) должны были отвечать некоторым условиям: они должны быть *ценны* в глазах сообщества, поскольку осеялись *авторитетом*, незыблемостью власти (1); осознавались как *святыи*, божественные (власть для придания себе особой миссии всегда апеллировала к высшим силам) (2); должно было существовать *что-то, что говорило бы большинству: «делай, как все»*. Ближайшая к человеку социальная ячейка контролировала его поведение, а со стороны последнего демонстрировалась готовность подчиняться правилам группового поведения (3). Ведь быть отторгнутым племенем означало для человека физическую смерть. Чувство самосохранения оказывалось надежнее, чем все возможные физические меры принуждения.

Это был длительный период, когда индивидуализированное мнение как отдельное, личностное не существовало.

Полифония голосов в духовной жизни человечества — явление Нового времени. Общественные связи усложнялись: появлялись новые социальные институты (религия, искусство, право, наука, семья). Они производили новые *картины мира*, новые оценки происходящего. Монополия власти была отчасти подорвана. Эти институты стали продуцировать информацию более многообразную, многозначную, иногда противоречащую той, которая исходила

из властных структур. Каждый из этих институтов вносил теперь уже свою лепту в ценностную картину мира того или иного общества.

Намечались возможности многоголосья. Информация становилась более сложной: к официальной все чаще присоединялась социальная — про социум, про людей: «здесь и сейчас», то, что мы называем оперативной информацией... Появившиеся впоследствии массовые информационные каналы подхватили эту тысячелетнюю установку на ценность оперативной информации.

Усложнялась коммуникационная структура цивилизаций: великие географические открытия давали представления о культуре *других стран и народов*; свою лепту вносили передвижения населения в результате войн, монастыри. Прибавим сюда роль устного народного творчества, мобильной формы коммуникации, роль народных празднеств карнавального типа и смеховой культуры, а М. Бахтин утверждает, что до трех месяцев в году (!!! — Л. Ф.) жители больших городов жили... карнавальной жизнью, где мир смеховых форм и проявлений *противостоял* (выделено мною. — Л. Ф.) официальной культуре церковного и феодального мировоззрения; он строился «как пародия на обычную», непререкаемую правду. Здесь торжествовала временная отмена всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов [2, 98–99]. Говоря о литературных вариантах карнавала, М. Бахтин выделяет пародию: «Это — *вторая правда о мире*» (выделено М. Бахтиным. — Л. Ф.) [2, 94]. Смех освобождал от внешней цензуры, от репрессий, от костра, но, прежде всего, от внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед авторитарным запретом, перед властью.

Это все весомые свидетельства, как в общественном сознании накапливались тенденции к развитию, взамен ориентации на традиционные ценности, опрокинутые в прошлое. Вопрос лишь в том, когда количество перешло в качество.

Роль изменений модернизационного характера Новейшего времени и становление общественно-го мнения. Принципиальные изменения произошли с появлением *капиталистических* отношений XVII в.

Здесь мы должны отметить три обстоятельства.

Появился человек как отдельная, осознающая себя в качестве индивидуальности социальная особь, участник массового производства (1); этот строй сделал человека свободным политически, предоставив ему возможность участия в выборе социально-политического сценария развития общества. С появлением парламента стали проходить дискуссии о социальном развитии с участием новых социальных субъектов — партий, общественных организаций, которые генерировали разные социально-политические, общественные программы (2); появилась пресса как институт, продуцирующий разнообразную

информацию, объективно предлагающую возможности выбора, поскольку это была информация о действительности, которая становится более многообразной, изменчивой, как изменчивы реакции на нее людей, их мнения по поводу происходящего, их вкусы, потребности, интересы, ценности (3); появилась личность как носитель индивидуального мнения (4).

Все это существенно важно для понимания возникновения общественного мнения.

Каковы были — и до сих пор остаются — источники информации для отдельной личности о социальном многоголосье? Для начала мы должны отдать должное традиционным видам коммуникации — это семья, школа, ближайшее окружение человека, религиозные институты, устное народное творчество (колыбельные, пословицы, поговорки, анекдоты).

Медиа. Здесь на первое место мы должны поставить по очередности в историческом процессе прессу, затем радио и телевидение и к концу XX в. — интернет. Для массы людей медиа (будем пользоваться термином, который на рубеже XX–XIX вв. получил права гражданства) — это полигон для ориентации в социо-, экономическом, политическом пространстве. Новые социальные группы и слои претендовали на то, чтобы их интересы влияли на стратегию и тактику социального развития. Одним из путей для этого было участие в представительной власти, другой — в том, чтобы актуализировать свои интересы в прессе, которая становилась силой, влияющей на общественное развитие.

С середины XIX в. в обществоведении стали возникать концепции, объясняющие процесс перехода от *традиционного* общества к непрерывно меняющемуся современному обществу. В контексте *модернизации* общества эти перемены были такими: моносистема была заменена плюралистической, многосубъектность которой все более и более принимает институциализированный характер — появился парламент; население оформилось в силу, имеющую реальный шанс и законодательные возможности для присутствия на политической арене; увеличился набор сил, участвующих в выработке стратегии и тактики социально-экономического и политического развития, а также *социальные возможности для актуализации их точек зрения*.

Появилось массовое производство, стремящееся к высокотехническому уровню, ускоренным темпам научно-технического прогресса, уровням эффективности, совпадающим с рыночными координатами, гибкими взаимоотношениями между бизнесом и государством. Происходит расширение национально-го рынка до общемирового, интегрированность национальных культур в общемировое гуманитарное сообщество, с сохранением ценности разнообразия в социокультурных образцах; проявляет себя стремление к идеалам гражданского общества; общество

исповедует приоритет общечеловеческих моральных норм; права и свободы личности осознаются как общественно значимая ценность с правовыми гарантиями; стремление к нововведениям и их информационному обеспечению проявляется в обществе как социальная потребность; со стороны личности — готовность адаптации к нововведениям.

Отсюда вытекает важность медиа. Мы вправе говорить об особом наборе функций этих средств, как обеспечивающем реализацию характеристик модернизационного общества. *Прежде всего, это обсуждение в СМК альтернатив развития, организация общественной экспертизы с помощью привлечения к дискуссии экспертов и адаптация населения к нововведениям.*

Развитие медиа должно было приобрести одно существенное качество: распространенность их в обществе должна была достичь такого уровня, чтобы обеспечить главное условие для реализации этих целей — их потребление должно было стать доступным для большой массы людей. Это произошло в конце XIX в. У населения появилась практически равновероятная возможность потребления контента этих информационных каналов. Сама система информационных каналов чрезвычайно диверсифицирована: предложение шло за разнообразным спросом и/или *vice versa*.

Но это лишь картина-реестр, картина объективных возможностей. Социолог должен поместить это описание в социополитические координаты социума с обозначением особой роли государства с его регулирующими мероприятиями: а они в диапазоне стран от тоталитарных до демократических могут быть как рекомендательными, так и репрессивными. И тогда мы получаем более стереоскопическое изображение информационного пространства.

Надо отдельно упомянуть тот факт, что медиа — это полигон для размещения там контента *специализированных корпоративных коммуникаций* — рекламы и связей с общественностью, которые функционально заточены на формирование определенных моделей мнений, оценок, поведения.

Интернет. Место интернета в общей системе медиа, мы, конечно, обособляем: из-за принципиально новых возможностей его для социальной коммуникации, из-за появления виртуального форума для простых людей — непроизводителей информации, но движимых интересом к себе подобным настолько, что они создают горизонтальные цепочки общения с бесчисленными контрагентами: от личных знакомых до анонимных.

Форматы массовой культуры. Мы говорим о явлении, чрезвычайно распространенном в современном обществе, вполне сопоставимом по параметрам потребления с медиа (а иногда вообще эти площадки пересекаются), выделяя в нем модели с большими потенциальными воздействиями на аудиторию. Выделим

в этом ряду кино, комиксы, телесериалы, телетрансляции спортивных мероприятий. Все они объединены генетической ценностью для социального человека — жадной зрелищ, борьбой эмоций. Неслучайно три телеформата возглавляют список самых потребляемых телепередач во всем мире — Олимпийские игры, мировой чемпионат по футболу, церемония награждения «Оскар», а в национальных рейтингах первенствуют телесериалы и кинофильмы.

Кинематограф вошел в число наиболее потребляемых форм развлечения населения. Желая прокламировать определенные духовные ценности, кино выдает их в знакомой аудитории оболочке повседневных моделей поведения, мышления, привычек, настроений, мотиваций, норм, ценностей, характерных для данного общества, и уже поэтому воспринимается аудиторией как *свое, близкое по мироощущениям*. В фильмах весьма близко расстояние между причиной и следствием: эта матрица делает мир более понятным, чаще всего приятным. Идеология Голливуда состоит в том, что наиболее преобладающий там сценарий — это счастливый конец. Уже одно это объясняет заполненные до отказа зрительные кинозалы в эпоху Великой депрессии в США. Прибавим сюда размышления культуролога Й. Хейзинги: «Кино исповедует солидную и популярную мораль, не колеблемую философскими либо какими-то иными сомнениями (выделено мною. — Л. Ф.)» [3, 310]. К художественному кинематографу приложим известный афоризм Ницше, что искусство «дает иллюзию упрощенного мира, сокращенного решения загадки жизни. Чем труднее познать законы жизни, тем пламеннее стремимся мы к иллюзии такого упрощения» [4, 366].

Эта матрица на сто процентов приложима и к ситуации с поведением масс в ходе опросов общественного мнения. Но к этому мы еще придем.

Социальные движения, публичные события. Конечно, прежде всего это относится к экстремальным событиям, бунтам, восстаниям и т.п. Их было немало в истории, но все же они происходили реже, чем в течение жизни одного поколения. Память о них становилась историей, близкой отдельному индивиду. История Древнего Рима, Греции, городов Средневековья говорит нам о том, что в этих городах существовали места, где разворачивались публичные события, где протекала ежедневная публичная жизнь: это был базар, бани, ярмарки с набором их *площадных* мероприятий, агора. Публичность повышала шансы стать таким мероприятием общеизвестной.

Но и в наше время такие формы коллективного поведения, происходящие в публичном пространстве, как митинги, демонстрации, пикеты, забастовки, *актуализируют то или иное мнение*, демонстрируют весь набор, отношений, оценок, способов решения проблемы и т.п., которые существуют в обществе.

Публичные события не ограничиваются форматом политических коммуникаций. Празднества,

маскарады в Венеции, карнавалы в Рио, движения болельщиков вокруг европейского чемпионата по футболу — это все явления сегодняшнего дня и они воссоздают атмосферу *единения, при-соединения*, вплоть до тактильных ощущений; они воспроизводят социогенетическую память, когда *быть со всеми* означало физическую безопасность. Вербальный вариант такой ситуации — распространение *слухов, молвы, анекдотов*.

Роль личностных характеристик и личного опыта для участия в массовых общественных коммуникациях. Насколько личность задействована в этих видах коммуникации и какую составляет для себя картину мира, свое отношение к его событиям, их оценки — это зависит от ряда характеристик.

Есть понятие — *жизненный опыт человека*: он зависит от пола, возраста, образования, рода занятий и др. И каждый из этих параметров по отдельности, и все они вместе формируют наши оценки происходящего. *Коммуникативный опыт человека* зависит от того, какие газеты он читает, какие радиостанции слушает, какие телепередачи смотрит, сколько времени проводит в интернете и на каких страницах. Но тут человек весьма активен — он *избегает когнитивного диссонанса*, он стремится к сохранению внутренней гармонии (Л. Фестингер). Имеет место ярко выраженная тенденция изменить либо оценку услышанного им мнения, либо оценку источника информации в направлении уменьшения диссонанса. Человек будет искать такие источники, которые уменьшают диссонанс. Люди склонны интерпретировать информацию, соответствующую их *уже существующим убеждениям*, люди склонны общаться с теми, кто разделяет их взгляды, или читать публикации, выражающие позиции, которых они сами придерживаются.

Один из важнейших механизмов приспособления человека к большому миру — *стереотип* (У. Липпман). Перед потоком обрушивающейся на него информации индивид вырабатывает *правила понимания* ситуации, чаще всего *упрощенного* понимания происходящего. Стереотип закладывается в сознание в процессе социализации; он помогает *классифицировать* новую информацию, служит ориентиром в поведении. Это стандарт, организующий единообразное отношение людей к действительности.

Лучшую иллюстрацию этого понятия, чем у нашего русского классика, найти трудно. У А. Н. Островского в пьесе «Гроза» мы находим такую реплику героини Феклуши: «Говорят, такие страны есть, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. И суд творят они надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. У нас закон праведный, а у них неправедный». Бессмертные слова! Феклуша точно не читала газет, но имела устойчивое мнение о других странах и, более того, транслировала это мнение в доступных ей средствах коммуникации.

Длительный период истории с развивающимися социально-личностными коммуникациями, в том числе с появившимися на определенном этапе массовыми коммуникациями, способствовал появлению нового социального субъекта — *массы* — в котором на первом месте признаки, объединяющие людей. Можно говорить и о массовом сознании как феномене, *результатирующем* все эти объективные признаки общественных перемен.

Отметим особый вклад в исследование этого феномена двух самых значимых фигур в лоне нарождающейся советской и российской социологии Б. А. Грушина и Ю. А. Левады. Именно им принадлежит методологическая разработка проблем массового сознания с учетом коммуникативных структур и реальных социально-политических практик общества [1; 6; 7; 8]. Особенно важно отметить, что их теоретические работы шли параллельно с деятельностью по организации первых структур по профессиональным опросам общественного мнения: Б. А. Грушина — с 1960 г. и Ю. А. Левады и команды его учеников — с 1987 г. и по сей день.

Как происходит переход от понятия массового (тоже, в общем-то, общественного) сознания к общественному мнению? Нужны всего лишь две дополнительные координаты — сакраментальное «здесь и сейчас» и конкретная тема, по поводу которой мы будем общаться с носителями этого общественного сознания. На два эти вопроса отвечает профессиональная деятельность по организации *опросов общественного мнения*, появились структуры, которые на регулярной основе,

профессиональными научными способами стали снимать картину мнений людей (отношений, оценок, предпочтений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова Л. Н. Юбилейная страница в истории изучения общественного мнения в СССР / Л. Н. Федотова // Социологические исследования. — 2021. — № 6. — С. 115–120.
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. — М., 1965.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинга. — М.: Прогресс, 1992.
4. Генис А. Последний византиец: Памяти Милорада Павича / А. Генис // Новая газета. — 2009. — 2 дек.
5. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Павича / Ф. Ницше. — СПб, 2011. — Т. 2.
6. Грушин Б. А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б. А. Грушин. — М.: Прогресс — Традиция, 2001.
7. Грушин Б. А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 1 / Б. А. Грушин. — М.: Прогресс — Традиция, 2003.
8. Грушин Б. А. Четыре жизни России: в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 2 / Б. А. Грушин. — М.: Прогресс — Традиция, 2006.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Федотова Л. Н., доктор социологических наук, профессор
E-mail: fedotova117437@mail.ru

Moscow State University

Fedotova L. N., Doctor of Sociology, Professor

E-mail: fedotova117437@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ, РОЛЬ И СТРАТЕГИИ МЕСТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯНЬ)

Хань Цзясин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 26 ноября 2021 г.

Аннотация: этнические средства массовой информации (СМИ) в Синьцзяне отражают местную демографическую специфику, локальную ментальность, интроверсивную рефлексивность. Этнические СМИ сформировали особое информационное пространство, отражающее интересы этнических меньшинств и в то же время активно создающее и распространяющее ключевые ценности китайской духовной идентичности. Миссия этнических СМИ — укреплять культурное самосознание и национальную идентичность населения Синьцзяна, формировать коллективную память. В новую эпоху этнические СМИ в Синьцзяне должны в первую очередь формировать чувство национальной общности, продвигать межэтнические обмены, став информационным окном для межэтнического взаимодействия. Необходимо интегрировать этнические средства массовой информации и создавать единые медиахолдинги для постоянного и эффективного содействия устойчивому развитию национального единства Китая в рамках реформ.

Ключевые слова: этническое единство; Синьцзян; этнические СМИ; этническая идентичность.

Abstract: ethnic mass media (mass media) in Xinjiang reflect local demographic specifics, local mentality, introversive reflexivity. Ethnic media have formed a special information space that reflects the interests of ethnic minorities and at the same time actively creates and distributes the key values of Chinese spiritual identity. The mission of ethnic media is to strengthen the cultural identity and national identity of the Xinjiang population, to form a collective memory. In the New era, ethnic media in Xinjiang should, first of all: form a sense of national community, promote interethnic exchanges, becoming an information window for interethnic interaction. It is necessary to integrate ethnic media and create unified media holdings to continuously and effectively promote the sustainable development of China's national unity within the framework of reforms.

Keywords: ethnic unity; Xinjiang; ethnic media; ethnic identity.

Французский ученый Эмиль Дюркгейм — основоположник социологии как науки — провел всестороннее исследование идеологических основ, исторически х типов, регуляторных функций, мотивирующих факторов, акторов такого важного явления, как социальная солидарность. Э. Дюркгейм предложил разделить социальную солидарность на механическую солидарность и органическую солидарность. По его мнению, основой социальной солидарности являются общие национальные ценности и этика, «коллективное сознание» и «коллективная совесть»; единство общества зависит от его органического единства [1, 71–89]. Поэтому межличностные отношения между представителями различных этнических групп находятся в центре внимания социологии, конфликтологии, политологии.

Среди теорий межличностного общения востребованными в заявленном проблемном поле представляются социальные теории немецкого ученого Юргена Хабермаса. Так, в выдвинутой им теории ком-

муникативного действия одним из главных тезисов является следующий: «Все внутренние мероприятия, которые позволяют участникам совместно составлять личные планы действий на основе единомысленных мнений после взаимодействия без оговорок» [2, 410]. Теория социальной эволюции Ю. Хабермаса, как известно, играет большую роль в современной социальной и политической жизни и способствует развитию современного общества. Очевидно, что теории Ю. Хабермаса представляют огромную ценность для развития и укрепления идеи национального единства в Китае.

В свете концепции национального единства профессор Чжэн Ханьшэн из Китайского университета Жэньминь отметил: «Особенность ситуации в Китае выражается в том, что национальное единство должно консолидировать 56 различных этнических групп в стране, сделать их органично взаимосвязанными; что в процессе здорового взаимодействия формируется более крупная этническая общность — китайская нация» [3, 5–10]. Фэй Сяотун выразил свое понимание концепции национального единства с точки

зрения этнологии: «... пятьдесят шесть этнических единиц разнообразны, а китайская нация едина». Интегрированная модель китайской нации состоит из множества разрозненных этнических единиц, которые так или иначе связаны, смешаны. Можно говорить о расколоте этнических групп внутренними противоречиями и в то же время об их стремлении к единству. Последнее обнадеживает: все-таки все этнические группы объединены идеей единства китайской нации, обмена между этническими группами являются тому доказательством [4, 1–19].

Единство — одно из основополагающих правил выживания и процветания, соблюдаемых и поощряемых человеческим обществом. Именно оно может стать связующим звеном, которое объединит отдельных людей, группы и весь многонациональный народ Китая. Единство вписано в конституции большинства стран мира. Для Китая «национальное единство — это спасательный круг для представителей всех этнических групп» [5]. Национальное единство является одним из важнейших идеологических конструктов теории и политики социализма с китайскими особенностями. Для многонациональных районов Китая идея национального единства является главной при выстраивании общественно-политического дискурса в средствах массовой информации.

Как известно, информационная эпоха чревата усложнением коммуникации в глобальном масштабе. Современное общество становится все более сложным. Из-за ограниченного объема фактической деятельности, энергии и внимания люди не могут поддерживать эмпирический контакт со всей внешней средой, и многие вещи, с которыми они связаны... могут быть поняты только через различные новостные агентства [6]. Средства массовой информации становятся средством пропаганды. «Человек не в состоянии проверить достоверность информации, получаемой через массмедиа, и вынужден ей доверять. Таким образом, массмедиа обладают возможностью представлять картину мира в сознании индивида, и эта картина является не отражением реальности, происходящей в мире, а конструктом, замещающим реальность» [7, 115–127]. Поэтому нельзя недооценивать значение средств массовой информации.

Основным объектом коммуникации этнических СМИ являются этнические меньшинства, для которых СМИ — основной источник информации. Благодаря точности, глубине содержания, эффективности методов коммуникации этнические СМИ в Синьцзяне усилили свое влияние на группы этнических меньшинств. СМИ стали важным проводником в деле продвижения идеи национального единства. Поэтому проблема исследования механизмов функционирования и стратегии конструктивного реформирования этнических СМИ в контексте национальной политики Китая представляется актуальной. В статье рассматриваются особенности, роль этнических

СМИ в Синьцзяне в рамках концепции национального единства, предлагается стратегия их развития, в том числе определяются направления реформы этнических СМИ.

С момента появления «Синьцзян жибао» в 1915 г. (первоначальное название «Синьцзян гунбао») журналистика Синьцзяна прошла более чем столетний путь развития. После основания Нового Китая 11 октября 1945 г. она стала быстро развиваться в разных направлениях сообразно развитию технических средств (радио-, телевидение, интернет, сотовая связь). В настоящее время синьцзянская журналистика добилась значительных успехов не только в традиционных средствах массовой информации, но и в новых средствах массовой информации, представленных интернет-СМИ. В Синьцзяне ежегодно публикуются десятки тысяч газет, книг, аудиовизуальных продуктов и электронных изданий, а также переводятся более 5000 эпизодов телевизионных фильмов и мультфильмов на языках этнических меньшинств [8]. К концу 2019 г. с точки зрения вещательного оборудования в Синьцзяне насчитывалось 99 радиостанций, 67 передающих станций и радиостанций на средних и коротких волнах и 749 передающих станций и радиостанций FM. В Синьцзяне насчитывается 163 радиопрограммы, производящие 254 216 часов программ, а охват населения вещанием составляет 98,3%. Что касается телевизионного оборудования, то в Синьцзяне имеется 83 радио- и телевизионных станции уездного уровня. В Синьцзяне в общей сложности 216 телевизионных программ, производящих 70659 часов телевизионных программ, а охват населения телевидением составляет 98,52% [9]. В дополнение к традиционным средствам массовой информации широкое распространение получили новые онлайн-СМИ. В настоящее время в Синьцзяне существуют специальные новостные сайты, представленные «Сетью Тяньшань», и сайты СМИ, управляемые различными традиционными средствами массовой информации. Для людей всех этнических групп интернет становится новым информационным пространством, где они могут учиться и работать, а также он (интернет) превращается в новую платформу для получения государственных услуг. В 2020 г. в Синьцзяне насчитывалось 9 318 веб-сайтов, 8 839 миллионов пользователей фиксированной широкополосной связи и 23,592 миллиона пользователей мобильного интернета [10]. Постоянное увеличение разных видов средств массовой информации, а также улучшение качества распространения информации в полной мере отражают позитивные сдвиги в развитии журналистики Синьцзяна. СМИ в Синьцзяне, многонациональном пограничном регионе, постепенно оформились как социально важная институция, с уникальными чертами.

Особенно бурное развитие СМИ этнических меньшинств началось после создания Нового Китая, по-

сле начала проведения политики реформ и открытости. Была сформирована более систематическая, многоязычная, многоуровневая и многоканальная система журналистики и коммуникации [11, 13–31]. С точки зрения вертикального развития средства массовой информации Синьцзяна претерпели переход от традиционных средств массовой информации к новым информационным формациям. В последнее время формы СМИ Синьцзяна стали более разнообразными. Они включают не только газеты, радио и телевидение, но и новые средства массовой информации, такие как мобильные средства массовой информации, социальные сети (WeChat, микроблоги), аудио- и видеоматериалы (короткие видео, VR, прямые трансляции); интеллектуальная платформа распространения контента (Тоутяо), встроенная во все средства массовой информации, которые представлены приложением «Гранатовые облака». С точки зрения горизонтального развития синьцзянские СМИ всегда находились в национальном поле, занимая разные позиции и играя разные роли в разные временные этапы. Идеология СМИ Синьцзяна соответствует курсу правительства, идеям национального единства, обладая при этом своими уникальными особенностями.

Одна из черт, присущих синьцзянским СМИ, — это четкая направленность на определенные группы населения. Каждое средство массовой информации имеет свою целевую аудиторию — конкретную этническую группу, свой собственный объект обслуживания. СМИ Синьцзяна свойственно разделять читателей и зрителей на «своих» и «чужих», что позволяет им достигать коммуникационной цели, актуализируя востребованное аудиторией содержание. СМИ Синьцзяна стали настоящим окном познания мира для групп этнических меньшинств, объединяющим и формирующим их коллективное сознание. С другой стороны, такая целевая направленность исключает использование этих СМИ другими этническими группами. Это, в свою очередь, не способствует увеличению экономической и символической капитализации этнических СМИ, а также дальнейшему обмену этнической культурой; а, напротив, мешает продвижению идеи национального единства. Согласно теории кодирования/декодирования Балтера, кодировщики и декодировщики принадлежат к одной и той же культурной группе, и общий культурный фон обеспечивает им общность сознания [12, 17]. Этнические меньшинства и основные этнические группы принадлежат к разным культурным группам, поэтому в процессе декодирования и расшифровки могут появиться культурные барьеры и даже возникнуть культурные столкновения и конфликты.

Другая отличительная черта синьцзянских СМИ — локальность. Локальность, с одной стороны, связана с распространением СМИ на определенных территориях; с другой стороны, — с актуализацией локально

значимых реалий при передаче информации. В настоящее время СМИ Синьцзяна часто имеют строгие региональные подразделения, такие как телевизионные станции провинциального, муниципального и уездного уровня и т.д. Контент, который они передают, в основном представляет собой информацию в рамках конкретных регионов. В эпоху новых медиа — персонализированных медиаплатформ, таких как «ТикТок» и «Куайшоу», которые устанавливаются в соответствии с региональными подразделениями, — появляются новые возможности для создания широкомасштабных информационных контентов, однако содержание коммуникации по-прежнему отражает местные особенности. Использование местных новостей, как правило, характерно для каждого средства массовой информации, но зачастую информация, передаваемая местными СМИ, основана на субъективном восприятии отдельных людей, имеет тенденциозный местный оттенок. Герц считает, что, с одной стороны, любой вид местных новостей обладает уникальной ценностью и значением, имеет информационное преимущество. Возможно, трудно понять и принять какую-либо культуру представителям других культур [13, 273].

Надлежащее использование местной специфики в средствах массовой информации отражает уважение по отношению к культуре меньшинств в Китае, ее защиту, что способствует реализации культурного разнообразия. С другой стороны, доминирование местной специфики заставляет этнические СМИ неосознанно затруднять участие иных групп в культурной коммуникации, не предусматривающей универсальную, интересную для всех, информацию. Когда читатели знакомятся с той или иной информацией, они воспринимают ее с точки зрения своей культурной специфики, и иногда бывает трудно найти отклик из-за отсутствия элементов универсального — общечеловеческого — содержания.

Следующая черта СМИ Синьцзяна — толерантность. Толерантность в основном отражается в содержании коммуникации. СМИ проявляют толерантное отношение к этническим проблемам, а также к табуированным элементам национальных культур. Китай является единой многонациональной страной, состоящей из 56 этнических групп. Между этническими группами иногда возникают конфликты и противоречия. В то же время возникают противоречия между нацией и государством, инициируемые западными силами. Кстати, синьцзянские СМИ всегда сохраняли высокую степень толерантности в решении этнических проблем. Что касается табу национальной культуры, то они носят оборонительный характер и являются своего рода способом самозащиты и сохранения этноса [14, 95–105]. Когда средства массовой информации освещают культуру этнических меньшинств, то всегда проявляют чуткость по отношению к ним, уважают и защищают

их культурное наследие, избегают возникновения и обострения этнических противоречий.

Синьцзянским СМИ свойственна интровертированность. Интроверсию можно трактовать как признак силы. Том Айзенке в работе «Личность» описывает интроверсию как стремление к тишине, некоторую замкнутость, одиночество, консервативность, определенное расстояние от людей (за исключением друзей и родных) [15, 114–117].

С точки зрения влияния структуры государственной власти на средства массовой информации в Синьцзяне необходимо отметить, что приоритетными в информационном поле являются государственные СМИ. Заметно желание СМИ Синьцзяна держаться на определенной дистанции. Часто они находятся в состоянии неуверенности или на грани, полагая, что их собственная культурная система имеет свои особенности, которые трудно интегрируются в другие культурные системы. В силу этого СМИ Синьцзяна часто не хватает пересечения, интеграции, взаимодействия с другими типами СМИ, самоанализа. В целом синьцзянские СМИ придерживаются линии партии и государства, всегда поддерживают соответствие основным ценностям; передают научную, культурную, экономическую, политическую и религиозную информацию группам этнических меньшинств; активно откликаются на призыв государства к национальному единству. Однако укоренившаяся интроверсия приводит к определенной степени однонаправленного вещания средств массовой информации в Синьцзяне.

Роль этнических СМИ в продвижении дела национального единства в Синьцзяне. Этнические СМИ Синьцзяна сформировали для групп этнических меньшинств особое информационное пространство, где они создают свой этнический имидж и укрепляют этническую идентичность. Этнические СМИ — это эффективное средство для продвижения дела национального единства, их основные функции заключаются в следующем.

Распространение основных ценностей и участие в создании духовной общности китайской нации. Ключевая функция средств массовой информации — распространение информации. Средства массовой информации являются рупором партии и правительства. Средства массовой информации несут ответственность за распространение и передачу основных духовно-нравственных ценностей общественности. Как утверждал Т. А. Ван Дейк в «Новостях как дискурсе», средства массовой информации, по сути, не являются нейтральным, здравомыслящим или рациональным координатором социальных событий, но помогают реконструировать заранее сформулированные идеологии [16]. Распространение основных ценностей этническими средствами массовой информации находит свое отражение в продвижении системы национального единства, основанной на ба-

зовых социалистических ценностях, измеряется «пятью идентичностями», а также «двумя общностями», которые образуют структуру «трех неделимости» и осуществляют достижение «пяти сохранений». Национальное единство достигается посредством утверждения основных фундаментальных ценностей, формирования духовной идентичности для представителей всех этнических групп. Без должного управления и мониторинга этнических СМИ невозможно распространение основных ценностей, невозможно обеспечение национального единства.

Формирование имиджа национальных средств массовой информации и укрепление культурного сознания. Этнические СМИ в основном распространяются среди этнических меньшинств. В качестве содержания материалов СМИ используется информация об этнических меньшинствах. Большинство созданных этнических образов являются позитивными образами, которые, как правило, несколько приукрашивают реальные факты. Воспроизведение фактов посредством медиа апеллирует к субъективной категории «символической реальности». Коммуникатор использует медиасимволы в качестве инструментов для того, чтобы охарактеризовать реальность на основе своей собственной позиции. Аудитория строит так называемую реальную картину на основе медийной картины и социальных сценариев [17, 74–76]. Поэтому, формируя медийный образ этнических меньшинств, этнические СМИ стимулируют группы этнических меньшинств правильно и всесторонне понимать свою собственную культуру, постепенно преодолевать привычные оковы стереотипов и стигматизации. Благодаря «зеркальному отражению» медийного образа люди сознательно корректируют аспекты, которые не соответствуют образу медийного «зеркала». В процессе позитивного восприятия собственного имиджа и постоянного самосовершенствования люди обретают культурную уверенность, активно интегрируются в большую семью китайской нации и добиваются успешного взаимодействия с основными культурными группами.

Формирование коллективной памяти и укрепление национальной идентичности. Ван Минке отметил, что люди интерпретируют сущность группы и поддерживают ее сплоченность с помощью структурной амнезии и коллективной памяти [18]. Люди формируют национальную идентичность через коллективную память. До того, как в Синьцзяне появились этнические СМИ, отношения национальных меньшинств и государства оставляли желать лучшего. В то время идентичность в основном базировалась на географической этнической идентичности, а понятие государственной идентичности было более расплывчатым. Этнические СМИ постепенно вошли в повседневную жизнь этнических меньшинств, создавая единство национального сообщества, формируя национальную картину мира и пробуждая

национальную идентичность. На практике этнические СМИ, во-первых, сформировали китайскую нацию посредством интеграции 56 этнических групп; во-вторых, посредством метафор, символов и метонимий сгенерировали коллективную память; в-третьих, создали единый большой контекст — новости о государственных и правительственных мероприятиях, церемониях, торжествах и важных событиях; постепенно ввели национальные меньшинства в орбиту общенациональных дел. Этнические СМИ визуализируют государство из абстрактной концепции посредством создания коллективной памяти, побуждая людей к дальнейшему укреплению национальной идентичности.

Стратегии этнических СМИ в Синьцзяне в новую эпоху для продвижения национального единства. В новую эпоху этнические СМИ в Синьцзяне претерпели большие изменения. Необходимо в полной мере использовать функции этнических СМИ, избегать всевозможных проблем в коммуникации, активно продвигать идею национального единства, содействовать реформе этнических СМИ и, наконец, построить социалистические этнические СМИ с китайской спецификой.

Чувство общности китайской нации. Формирование, становление и укрепление чувства китайской национальной общности является основной целью идеи национального единства. С целью формирования чувства китайской этнической общности этнические СМИ должны придерживаться линии партии и продвигать дело национального единения в Новую эпоху.

1. На протяжении тысячелетней истории развития китайской нации предки всех этнических групп совместно осваивали обширную территорию Китая и играли важную роль в управлении регионом Центральных равнин и в развитии приграничного региона. Этнические СМИ в Синьцзяне должны глубоко изучить историю совместного освоения обширных территорий различными этническими группами, вклад различных этнических групп в управление древними территориями и поддержание современного суверенитета.

2. История 5000-летней цивилизации китайской нации — это история формирования плюралистической и интегрированной модели, а также история обменов между различными этническими группами. Этнические СМИ в Синьцзяне должны активно содействовать совместному формированию национальной истории всеми этническими группами, содействуя признанию всеми этническими группами плюралистической и интегрированной модели китайской нации.

3. Китайская нация исторически проживала на побережье Восточной Азии, основывалась на сельском хозяйстве. Культуры различных этнических групп влияли друг на друга, совместно формируя древ-

нюю и разнообразную китайскую культуру. Этнические СМИ должны активно освещать эти культуры, изучать исторический и культурный опыт, а также укреплять национальную уверенность народа.

4. Земледельческая и скотоводческая цивилизация, особая природа, в которой сочетаются горы и моря, совместно способствовали формированию и развитию китайского национального духа, обладающего патриотизмом, единством и сплоченностью, миролюбием, трудолюбием и храбростью, а также стремлением к самосовершенствованию. Этнические СМИ должны продолжать распространять дух воспитания нации среди всех этнических групп и способствовать великому возрождению китайской нации.

Содействие межэтническим обменам и взаимодействию. Межэтнические обмены и взаимодействие являются важным способом и содержанием продвижения национального единства. Жители одного региона пользуются общими природными ресурсами, ведут общий производственный образ жизни и обладают общим гуманистическим характером. Люди одной этнической группы имеют одинаковое этническое происхождение, имеют схожие обычаи и привычки, имеют общие национальные праздники, а этнические группы, которые выходят за пределы региональных границ, совместно формируют национальную культуру.

В ходе развития и прогресса различные регионы делятся друг с другом ресурсами и инновациями, а разные народы делятся культурой. Этнические СМИ должны сосредоточить свое внимание на многовекторности содержания: передавать не только информацию о местном регионе и своем народе массам этнических меньшинств, но и информацию о разных регионах и разных этнических группах, а также о национальной и региональной политике. Кроме того, следует планировать и проводить просветительские мероприятия, привлекать людей к участию в построении общества национального единства. Этнические СМИ должны, во-первых, поощрять обмены с различными этническими группами в одном регионе для содействия внутриэтническому единству; во-вторых, следует поощрять обмены с различными этническими группами в рамках одного региона для содействия региональному единству; следует поощрять обмены с одной и той же этнической группой в разных регионах для содействия внутриэтническому единству в более широком смысле; и, наконец, следует поощрять обмены с различными этническими группами в разных регионах для содействия единству китайской нации на национальном уровне.

Интеграция средств массовой информации и создание средств массовой информации на уровне округа. Развитие интернета открыло новые возможности в области информации, привело к изменению структуры государственной власти, структуры этнических СМИ. Генеральный секретарь Си Цзинь-

пин на двенадцатом коллективном совещании Политбюро ЦК КПК отметил следующее: «Содействие интеграции и развитию средств массовой информации является неотложным вопросом, стоящим перед нами». Поэтому этнические СМИ должны интегрировать средства массовой информации и создавать средства массовой информации на уровне округов, чтобы идеи национального единства могли быть доступны по нескольким каналам и в разных формах.

Необходимо в первую очередь усилить интеграцию медиатехнологий, чтобы распространяемая информация имела различные формы, такие как графика, видео и AR. Во-вторых, для разных групп пользователей приложений типы мультимедиа органично интегрированы различные типы мультимедиа (WeChat, «Вэйбо», «ТикТок», «Куайшоу», новости Tencent и «Тоутяо»). Необходимо содействовать интеграции различных типов и уровней средств массовой информации и укреплять интеграцию центральных и местных средств массовой информации, вышестоящих и подчиненных средств массовой информации.

Усиление темпов строительства центров слияния средств массовой информации на уровне округов является важной задачей реформы, проводимой Центральным комитетом партии и возглавляемой Си Цзиньпином. Этот стратегический проект — по укреплению и улучшению массовой рекламы и идеологической работы, по содействию преобразованию и модернизации средств массовой информации на уровне округов — осуществляется с учетом новых реалий, новых требований к политической рекламе и идеологии. Если рассмотреть нынешнюю ситуацию с развитием средств массовой информации на уровне округов, то обнаруживаются такие проблемы, как единообразие форм, низкое качество новостей, низкая медиаграмотность, которые необходимо в кратчайшие сроки устранить. В настоящее время необходимо активизировать создание средств массовой информации на уровне округа. Важнейшими задачами являются: повышение грамотности работников средств массовой информации, предотвращение фейковых новостей, акцент на разнообразии форм контента, своевременность новостей, распространение новостей в режиме реального времени, а также воспитание группы работников средств массовой информации с этнологической грамотностью.

Заключение. Этнические СМИ Синьцзяна отличаются от других видов СМИ и обладают такими характеристиками, как эксклюзивность, локальность, толерантность и интроверсия. Они занимают особое положение и играют особую роль в системе китайских СМИ. Этнические СМИ строят общую духовную родину китайской нации, распространяя основные ценности, укрепляя культурную уверенность этнических меньшинств, формируя позитивный имидж национальных средств массовой информации.

Следует активно формировать чувства китайской

этнической общности, содействовать межэтническим обменам и взаимодействию, а также интегрировать средства массовой информации, создавать средства массовой информации на уровне округов в качестве канала продвижения идеи национального единства, содействовать устойчивому развитию политики национального единства.

В новую эпоху этнические СМИ претерпели большие изменения. Реформы этнических СМИ способствуют продвижению дела национального единства. Ключевой задачей является обучение и воспитание группы высококвалифицированных и профессиональных медиарботников, обладающих широким культурным кругозором, способных создавать точки роста этнического самосознания и национального единства в информационном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эмиль Д. О разделении общественного труда / Д. Эмиль. — Шанхай: Изд-во Книжный магазин Санлиан, 2000.
2. Юрген Х. Теория коммуникативного действия / Х. Юрген. — Чунцин: Изд-во Чунцина, 1994.
3. Чжэн Ханшэн. Национальное единство и построение гармоничного общества. Социологическая интерпретация / Ханшэн Чжэн // Инновация. — 2009. — № 12. — С. 5–10.
4. Фэй Сяотун. Диверсифицированная и интегрированная структура китайской нации / Сяотун Фэй // Вестник Пекинского университета. Серия: Философия и социальные науки. — 1989. — № 4. — С. 1–19.
5. Си Цзиньпин: Китайская нация — это семья, и мы будем работать вместе, чтобы построить китайскую мечту // Информационное агентство «Синьхуа». — Режим доступа: <http://www.neac.gov.cn/seac/c100561/201510/1085082.shtml> (дата обращения: 10.01.21).
6. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман. — М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004.
7. Киреев П. С. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве / П. С. Киреев // Научно-теоретический журнал. — 2010. — № 2. — С. 115–127.
8. Гарантия равных прав всех этнических групп в Синьцзяне // Информационное бюро Государственного совета. — Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/44691/Document/1708591/1708591.htm> (дата обращения: 14.07.2021).
9. Статистический ежегодник Синьцзяна за 2020 год // Национальное статистическое бюро Следственный корпус Синьцзяна. — Пекин: Изд-во Статистика Китая, 2020.
10. Гарантия равных прав всех этнических групп в Синьцзяне // Информационное бюро Государственного совета. — Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/44691/Document/1708591/1708591.htm> (дата обращения: 14.07.2021)
11. Бай Жуньшень. Несколько вопросов об исследовании новостей меньшинств / Жуньшень Бай // Сборник новостей учебных и научно-исследовательских работ. — 2010. — С. 13–31.

12. Ли Янь. Позиция, сфера охвата, предложение и метод критики средств массовой информации / Янь Ли.— Ханчжоу: Изд-во университета Чжэцзян, 2005.
13. Клиффорд Г. Местные знания: Дальнейшие очерки интерпретативной антропологии / Г. Клиффорд.— Пекин: Изд-во Центральная компиляция, 2000.
14. Чен Иру. Об атрибутах массовой коммуникации национальной культуры / Иру Чен, Инь Фу // Журнал педагогического университета Шэньси.— 2013.— № 4.— С. 95–105.
15. Ян Десен. Различия в личности и поведении / Десен Ян // Китайская поведенческая медицинская наука.— 2004.— № 1.— С. 114–117.
16. Чэнь Лидань. Познакомлю вас с классикой журналистики и коммуникации / Лидань Чэнь.— Пекин: Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2016.
17. Инь Янь. Воспроизведение образа этнических меньшинств в кино и телевизионных средствах массовой информации и культурная идентичность / Янь Инь // Современное телевидение.— 2017.— № 2.— С. 74–76.
18. Ван Минке. Историческая память и этническая идентичность на окраине Китая / Минке Ван.— Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2006.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Хань Цзясин, аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы

E-mail: jiaxing_han@mail.ru

*Lomonosov Moscow State University
Han Jiaxing, Postgraduate Student of the Foreign Journalism
and Literature Department
E-mail: jiaxing_han@mail.ru*

«НУВЕЛЛИСТ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

К. Б. Чайковская

Московский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.

Аннотация: данная статья посвящена изучению влияния деятельности известного российского нотного журнала на развитие отечественной музыкальной журналистики. На примере журнала «Нувеллист» и изданий, похожих на него, исследовано наполнение (рубрикатор, жанры материалов, авторы, иллюстрации) отечественных нотных журналов. Кроме того, в статье рассмотрена деятельность одного из первых музыкальных издательств в России — музыкально-издательской фирмы М. И. Бернарда.

Ключевые слова: «Нувеллист», музыкальная журналистика, история журналистики, нотные журналы, музыкальное издательство М. И. Бернарда.

Abstract: this article explains how the activities of the most famous Russian music magazine influenced the development of Russian music journalism. The content (rubricator, genres of materials, authors, illustrations) of domestic music magazines is studied on the example of the magazine *Nouvellist* and publications similar to it. And also briefly reviewed the activities of one of the first music publishers in Russia — the music publishing firm of M. I. Bernard.

Keywords: *Nouvellist*, music journalism, history of journalism, music magazines, M. I. Bernard music publishing house.

Музыкальная журналистика представляет интерес не только для профессиональных журналистов и музыкантов, но и для простых любителей музыки. Именно большой востребованностью можно объяснить сравнительно быстрое становление этого направления. Первым этапом формирования музыкальной журналистики как самостоятельного направления в нашей стране стала публикация отдельных статей о музыке в массовых изданиях, а также появление специальных журналов. В самом начале это были лишь нотные журналы, реализующие преимущественно развлекательную функцию и позволяющие непрофессиональным музыкантам, получавшим подобные издания по подписке, собрать собственную нотную библиотеку. Популярность нотных журналов в России была достаточно велика, так как необходимость собрать свой нотный архив являлась для музыкантов-любителей более насущной, чем может представить себе современный человек, имеющий доступ к Интернету и его возможностям.

Сегодня большая часть архивов библиотек доступна онлайн, также в любой момент, учитывая транспортную доступность, современный читатель может посетить библиотеку лично и получить доступ к необходимой информации. Первым фондом хранения нотных журналов стала Российская национальная библиотека, до революции 1917 г. называвшаяся Императорской публичной библиоте-

кой. Начиная с XVIII в. сюда поступали все образцы нотных изданий: «Печатные нотированные книги собрания датируются XV–XVI вв., они содержат музыкально-теоретические трактаты и богослужебную музыку» [1]. При Екатерине II нотные издания печатались только в Санкт-Петербурге и Москве. В последующие временные периоды, в связи со все возрастающим интересом читательской аудитории, стали выходить и областные издания.

Нотные издания имеют свою классификацию: они делятся на учебные, научные и концертные. Любое учебное нотное издание составляется исходя из учебной программы для конкретного предмета (сопрано, гармония, вокал, хор, игра на фортепиано, скрипке и т.д.) и содержит в первую очередь набор произведений, развивающих технические навыки игры на инструменте или подробную информацию по теории музыки. Таким образом, в учебных изданиях всегда будут присутствовать гаммы, этюды, диктанты, вокализы и прочее. Для научных нотных изданий характерен более высокий уровень сложности произведений, а также повышенная ответственность составителя. Научно-исследовательская работа крайне важна для теоретиков музыки и студентов высших учебных заведений. Неточности в научных нотных изданиях, конечно, случаются, но это, скорее, исключение, так как выходу такого сборника предшествует большая исследовательская и корректорская работа, позволяющая с наибольшей точностью передать идеи композитора. Подобного

типа издания всегда дополняются именными указателями, комментариями, необходимыми для более точного понимания контекста. В концертных нотных изданиях публикуются музыкальные произведения, исполнение которых предполагает наличие аудитории слушателей. В данных сборниках нет научных пояснений, биографических справок, каких-либо списков. Единственные комментарии, которые можно встретить здесь, касаются лишь исполнительского мастерства.

Стоит отметить, что концертные нотные издания могут наполняться, на первый взгляд, учебным материалом: этюды, упражнения, вокализы. Однако многие композиторы, среди которых Ференц Лист, Сергей Рахманинов, Фредерик Шопен, переосмыслили данный вид технических упражнений, написав их как самостоятельные художественные произведения. Достаточно вспомнить цикл этюдов-картин С. В. Рахманинова. Отмечал вниманием подобные произведения и великий русский поэт Б. Л. Пастернак в своей книге «Когда разгуляется»: «Так некогда Шопен вложил / Живое чудо / Фольварков, парков, рощ, могил / В свои этюды» [2, 359].

Деление на научные, учебные и концертные издания нельзя назвать окончательным. Есть также категория нотных изданий, в которых можно найти элементы всех трех основных категорий — это нотные сборники для любителей. Именно с этой категории и начиналась вся история классификации нотных журналов. Ведь в начале XVIII в. не существовало официальной музыковедческой науки, равно как и государственного музыкального образования, а большинство музыкантов были любителями. И среди ряда нотных журналов для любителей с течением времени в самостоятельное музыкально-журналистское издание с полноценным рубрикаторм, рецензиями, критическими статьями сумел развиваться популярный журнал «Нувеллист».

До «Нувеллиста» с 1774 г. в течение года в Москве издавался нотный журнал «Музыкальные увеселения», и именно это издание принято считать первым нотным в отечественной истории музыкальной журналистики. Выпуски «увеселений» назывались «тетрадами», их вышло всего четыре. Как и любой нотный журнал того времени, данный состоял из пьес для клавесина и клавикорда, а также камерных трио, квартетов, квинтетов разного состава инструментов, произведений для голоса а капелла, для хора, романсов. Музыкальные произведения были авторства как русских, так и зарубежных композиторов. Среди примеров можно назвать следующие: ария *Dignare* Г. Ф. Генделя, ария *Un certo non so che* А. Вивальди, *Tre giorni son che Nina* Дж. Б. Перголези, *O cessate di piegarmi* А. Скарлатти и другие.

«Нувеллист», или на старый манер — «Нувеллистъ», был основан в Петербурге в 1840 г. как ежемесячный сборник произведений для фортепиано

и голоса и издавался вплоть до 1906 г. Первым издателем стал К. Ф. Гольц, с 1842 г. журнал издавался и редактировался фирмой М. И. Бернарда, с 1872 г. — А. Л. Гензельтом, с 1875 г. журнал снова вернулся под начало фирмы Бернарда, а впоследствии в судьбе журнала участвовали и другие издатели и редакторы. В разное время к изданию выходил целый ряд приложений, охватывающих все интересы широкой аудитории музыкантов-любителей: «Альбом танцев», «Литературное прибавление», «Альбом салонных пьес», «Музыкально-театральная газета», «Русские песни, переложенные на фортепиано». В начальный период своего существования журнал не имел серьезного успеха у аудитории и, случалось, приносил материальные убытки издателю, но благодаря энтузиазму Бернарда со временем «Нувеллист» стал не только приносить прибыль, но и закрепился как знаковое издание в России.

Ближе к 50-м годам XIX в. в журнале вышли первые музыкально-журналистские материалы. В первую очередь это были перепечатки из зарубежных (*La Gazette musicale*, *Neue Zeitschrift für Musik* и др.) и русских («Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Русская музыкальная газета» и др.) музыкальных изданий. Постоянной рубрикой «Нувеллиста» стала хроника текущих событий культурной жизни, кроме того, в журнале публиковались биографии композиторов и исполнителей, педагогические и научные статьи. Вот лишь некоторые из них: «Воспоминания о Рубини» (В. А. Каратыгин), «Фестиваль в Лилле» (Гектор Берлиоз), «Итальянская опера и балет в России за 100 лет их существования», «По музыкальному вопросу» (Н. Кукольник), «Несколько слов о Балакиреве» (А. Серов). Педагогический раздел представлял собой тщательно продуманное с точки зрения технической сложности собрание произведений, например пояснения к пьесам и этюдам А. Гензельта, а также отдельных статей по теории музыки. Тему музыкального образования впоследствии развивали многие издания, в частности об этом было опубликовано много статей В. Серовой в журнале «Музыка и театр». Современные ученые подробно исследуют музыкально-педагогическую деятельность журналов. Так, доктор филологических наук Е. Ю. Коломийцева посвятила этому вопросу статью «Женские журналы начала XX века о музыкальном воспитании: на примере “Журнала для хозяек”» (1912–1926)» [3].

«Нувеллист» открывал своим читателям и новые имена (П. С. Федорова, М. Л. Яковлева), становился площадкой для премьер. Впервые публика увидела некоторые из романсов А. Г. Рубинштейна, М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского именно здесь. В нотном приложении публиковались уникальные примеры сотрудничества великих композиторов: романс Вагнера «К вечерней звезде» в переложении Ф. Листа, также в его переложении был опубликован

романс «Соловей» А. А. Алябьева. В музыкально-критическом разделе печатались выдающиеся критики: О. И. Сенковский (часто писавший под псевдонимом Барон Брамбеус), А. Д. Улыбышев (статьи о Моцарте и Бетховене).

Редактор журнала М. И. Бернард, видя огромную востребованность издания у читателей (в год выходило восемь и более выпусков, количество подписчиков составляло более трех тысяч человек), заказывал пьесы и даже циклы пьес композиторам. Самым известным примером являются «Времена года» («12 характерных картинок») Петра Ильича Чайковского. Известно, что название каждой из пьес Бернард предложил сам, и композитор с ними согласился, также к произведениям были отдельно написаны эпиграфы. Именно усилия Бернарда, его талант редактора и, пользуясь современными терминами, маркетолога позволили вывести «Нувеллист» на новый уровень популярности. В особенности журнал был востребован в провинции, так как зачастую становился единственным окном в современную культурную жизнь, кипящую в столице и за рубежом. Деятельность самого Бернарда, а также его сына и брата позволила фирме стать крупнейшим и влиятельнейшим издательством своего времени.

Помимо музыкально-издательской фирмы М. И. Бернарда в России успешно работал и ряд других издательств, чья продукция теперь находится в архивах библиотек: «Ноты дают представление о продукции большинства петербургских и ряда московских издателей и типографий XVIII — первой четверти XIX века. В Петербурге работали Б. Т. Брейткопф, И. Бриф, фирма «Герстенберг и Дитмар», О.-Ж. Дальмас, Ф. А. Дитмар, Ф. Заценхофен, И. К. Пец, типографии Императорской Академии Наук, Горного училища и Морского шляхетского кадетского корпуса. Несколько печатных сборников были опубликованы в Москве в издательстве «Кестнер и К^о», а также в Синодальной и Университетской типографиях» [4].

В рубрикаторе «Нувеллиста», как уже говорилось ранее, обязательно присутствовала хроника «Новости отовсюду», а помимо нее в каждом выпуске всегда можно было прочесть одну или две больших (до шести страниц) рецензии, три статьи и фельетон. Иллюстративное наполнение журнала состояло из портретов композиторов к очеркам о них, а также аккуратных иллюстраций к нотному материалу. Отдельного внимания заслуживает обложка: изящная узнаваемая графика с множеством мелких деталей, нарисованных с художественным вкусом. При-

мечательно, что уже в середине XIX в. в периодике активно использовалась реклама. В издании Бернарда реклама, а также объявления располагались, как правило, в начале и в конце. Журнал выпускался вплоть до 1906 г.

Как отмечал М. М. Иванов в своем очерке, посвященном пятидесятилетней деятельности журнала, самыми старейшими, кроме «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостей», отечественными периодическими журналами можно назвать «Сын Отечества» и «Нувеллист». Среди зарубежных изданий сходным долгожительством отмечены не многие: французская *Menestrel*, немецкая *Allgemeine Musikalische Zeitung* [5]. Пройдя путь от простого нотного журнала до полноценного музыкально-критического издания, «Нувеллист» стал первопроходцем отечественной музыкальной журналистики. В журнале публиковались выдающиеся музыкальные критики, нотная часть издания изобиловала редкими произведениями, педагогический раздел представлял своему читателю возможность учиться и совершенствовать свои исполнительские навыки. В провинции с нетерпением ждали каждого выпуска «Нувеллиста» как возможности узнать о появлении новых музыкальных течений, о культурных событиях в столице и новых именах в музыке. Традиции, заложенные журналом, продолжали реализовываться в деятельности его музыкально-журналистских последователей — создаваемых позже газетах и журналах о музыке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Птушко Л. А. Музыкальная журналистика: от теории к практике / Л. А. Птушко // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 117–121.
2. Пастернак Б. Л. Стихотворения / Б. Л. Пастернак. — М.: Эксмо, 2007. — 480 с.
3. Коломийцева Е. Ю. Женские журналы начала XX века о музыкальном воспитании: на примере «Журнала для хозяек» (1912–1926) / Е. Ю. Коломийцева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 3 (65). — С. 71–74.
4. Пуртов Ф. Э. Отечественные нотные издания XVIII — первой четверти XX века в фондах Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской Государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова / Ф. Э. Пуртов. — Режим доступа: <http://biblio.conservatory.ru/Today/Public/Purtov.htm> (дата обращения: 08.11.2021).
5. Иванов М. М. Исторический очерк пятидесятилетней деятельности музыкального журнала «Нувеллист» / М. М. Иванов. — СПб. — 1889.

Московский государственный институт культуры
Чайковская К. Б., старший преподаватель кафедры
журналистики
E-mail: Chaikovskaya.x@yandex.ru

Moscow State Institute of Culture
Chaikovskaya K. B., Senior Lecturer of the Journalism
Department
E-mail: Chaikovskaya.x@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТЕЛЕСЕРИАЛА «ИМЕНЕМ НАРОДА»

Чжу Бокунь

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 18 ноября 2021 г.

Аннотация: в 2017 г. по китайскому телевидению был показан сериал «Именем народа» (Жэньминь дэ мини, 人民的名义), признанный самой популярной телевизионной драмой последних десяти лет. Помимо актуальной для китайского общества темы борьбы с коррупцией и захватывающего сюжета, «Именем народа» отличает особый концептуальный язык, на котором общаются герои сериала. Речь действующих лиц богата метафорами, аллегориями, историческими и литературными аллюзиями, идиомами и арготизмами, связанными с современным общественным и политическим дискурсом Китая.

Ключевые слова: «Именем народа», Чжоу Мэй-сэнь, язык, идиомы, борьба с коррупцией, Китай, роман, сериал, телевидение, CCTV.

Abstract: in 2017, on Chinese television was shown the TV show «In the name of the people» (Renmin de mingyi 人民的名义), which was later recognized by experts as the most popular TV drama of the last ten years. In addition to the anti-corruption theme that is relevant to the Chinese society and an exciting plot, In the Name of the People is distinguished by a special conceptual language in which the characters of the series communicate. In addition to the anti-corruption theme that is relevant to the Chinese society and an exciting plot, In the Name of the People is distinguished by a special conceptual language in which the characters of the series communicate. The characters' speech is rich in metaphors, allegories, historical and literary allusions, argotisms and idioms, related to the current public and political discourse in China.

Keywords: «In the name of the people», Zhou Meisen, language, idioms, argotism, anti-corruption, China, novel, series, television, CCTV.

В ноябре 2012 г. в Пекине состоялся XVIII съезд КПК, на котором председатель КНР Си Цзиньпин объявил о начале беспрецедентной антикоррупционной кампании. С этого момента борьба с коррупцией становится главной повесткой дня в китайском медиапространстве. Через два года известный китайский писатель и сценарист Чжоу Мэйсэнь (周梅森) начинает работу над своим самым крупным антикоррупционным романом «Именем народа» (Жэньминь дэ мини, 人民的名义). В 2017 г. «Хунаньское телевидение» (Хунань вэйши, 湖南卫视), а затем и CCTV (Чжунго чжунян дяншитай, 中国中央电视台) транслирует основанный на этом романе одноименный сериал (52 серии), сценаристом которого выступает сам Чжоу Мэйсэнь. В официальном рейтинге CCTV (Чжунян шэнцзивэйши дяншитай, 中国省级卫视电视剧收视率排名表) в 2017 г. «Именем народа» был признан самой популярной китайской телевизионной драмой за последние десять лет.

Успех сериала был определен не только талантом, но и большим опытом Чжоу Мэйсэня. В 1990-х гг. автор «Именем народа» в течение года занимал должность заместителя генерального секретаря в муниципальном правительстве своего родного го-

рода Суйчжоу. Вскоре Чжоу Мэйсэнь завершил роман «Человеческое общество» (Жэньцзянь чжэндао, 人间正道), который в 1998 г. адаптировал под сценарий одноименного телесериала для CCTV. В романе Чжоу Мэйсэнь очень метко изобразил реальных чиновников, с которыми был знаком в годы своей службы. Особенно достоверными были взяточники и коррупционеры. Кроме того, во время работы над романом «Именем народа» Чжоу Мэйсэнь неоднократно посещал отделения следственного управления по борьбе с коррупцией и места заключения, где ему была предоставлена возможность брать интервью. Весь этот опыт помог Чжоу Мэйсэню наиболее точно отобразить характеры, особенности поведения и лексику государственных служащих, полицейских, прокуроров и чиновников-коррупционеров.

Действия сериала происходят в вымышленной провинции Ханьдун, куда из Пекина направляется новый директор бюро по борьбе с коррупцией и взяточничеством народной прокуратуры Хоу Лянпин (侯亮平). В этой должности он заменяет Чэнь Хая (陈海), который был сбит машиной в результате заговора коррупционеров. Перед Хоу Лянпином стоит непростая задача по борьбе с группой коррупционеров под руководством бывшего главы провинции Ханьдун Чжао Личуня (赵立春), живущего на пенсии в Пекине. Он собрал вокруг себя группу коррупционеров, куда

входили его сын Чжао Жуйлун (赵瑞龙), начальник управления общественной безопасности провинции Хандун Ци Тунвэй (祁同伟), и его любовница Гао Сяоцин (高小琴), возглавляющая компанию Shanshui Group, заместитель мэра города Цзинчжоу Дин Ичжэнь (丁义珍), который убежал в Америку, а затем в Африку в поисках золотой шахты (Цзинькуан, 金矿), где и был убит, и др. В конце концов оказывается, что идейным вдохновителем всех этих преступников являлся заместитель секретаря и секретарь политико-правового комитета провинции Ханьдун, наставник Хоу Лянпина Гао Юйлян (高育良).

Главные действующие герои «Именем народа» общаются на специальном «чиновничьем языке» (Гуаньхуа, 官话), распространенном среди китайских госслужащих. Их лексикон наполнен такими редко встречающимися в повседневной речи словами, как «товарищ» (Тунчжи, 同志), «доклад» (Хуэйбао, 汇报), «руководство» (Линдао, 领导), «заседать» (Кайхуэй, 开会), «допрашивать» (Шэньсюнь, 审讯), «поручать» (Цзяодай, 交代) и пр. С одной стороны, «чиновничий язык» ограничивает возможности госслужащих и полицейских открыто говорить обо всем, что они думают. Но, с другой стороны, такой прием вынуждает их обращаться к богатому миру иносказательного китайского языка. Рассмотрим наиболее характерные примеры использования метафор, аллегорий, аллюзий, фразеологизмов и идиом в сериале и объясним их роль в повествовании.

Большинство персонажей сериала называют центральным героем картины Хоу Лянпина «обезьяной» (Хоуцзы, 猴子). Такое прозвище, во-первых, объясняется одинаковым звучанием фамилии героя и иероглифа «обезьяны» (хоу), а во-вторых, особыми моральными качествами персонажа и его ролью в сериале. Называя Хоу Лянпина обезьяной, персонажи ссылаются на Сунь Укуна (孙悟空) — царя обезьян, главное действующее лицо знаменитого романа У Чэнэня (吴承恩; 1500–1583 гг.) «Путешествие на Запад» (Сиюцз, 西游记). Сунь Укун является выразителем таких качеств, как оптимизм, смелость, непреклонность и ловкость. Таким образом, сравнивая Хоу Лянпина с Сунь Укуном, персонажи имеют в виду его решительные методы ведения дел, которые воодушевляют друзей и союзников главного героя (например, Чэнь Хая и Ци Чанмина). Некоторые персонажи сериала также называют Хоу Лянпина «обезьяной Сун» (Суньхоуцзы, 孙猴子), а Гао Юй-лян (高玉良) порой называет его «детенышем обезьяны» (Хоуцзайцзы, 猴崽子; переносное значение — шалун). Отметим, лично к Хоу Лянпину никто не обращается по прозвищу — так его называют лишь другие персонажи в общении друг с другом, хотя слово «обезьяна» и не обладает какими-либо негативными коннотациями в китайской культуре.

«Путешествие на Запад» не единственный известный роман, отсылки к которому встречаются в се-

риале «Именем народа». Так, Хоу обращается к своей супруге Чжун Сяоай (钟小艾), которая руководит следственной группой центральной комиссии по проверке дисциплины: «Раз уж ты, Чжугэ Лян, и знаешь все в своем сердце, как ты можешь быть обманута?» (Цзижань нинь чжэвэй чжугэлян синьли шэньмэ доу чжидао, нацзэньмэ хайхуэй бэйжэньпянь нэ? 既然您这位诸葛亮心里什么都知道·那怎么还会被人骗呢). Чжугэ Лян (诸葛亮) — герой романа Ло Гуаньчжуна (罗贯中; 1330–1400 гг.) «Троецарствие» (Саньгоянь, 三国演义). Известный полководец и основатель царства Шу, Чжугэ Лян, считается олицетворением мудрости и ума, на что и намекает Хоу Лянпин своей жене.

Еще одну примечательную, в этот раз уже историческую аллюзию мы слышим из уст Тянь Гофу (田国富), члена постоянного провинциального партийного комитета Ханьдун: «Мы должны быть осторожными, чтобы не допустить ситуации, когда гарем правителя царства Чу умирал от голода из-за его любви к тонким талиям» (Вомэнь дэ цзинти а, фанчжи чуван хао сияо, хоугун доэсы дэ цинкуан чусянь. 我们得警惕啊·防止楚王好细腰·后宫多饿死的情况出现). Он ссылается на известную историю, описанную в философском трактате «Мо цзы» (墨子). Правитель царства Чу очень пристально следил за своей фигурой и любил худых слуг. По этой причине министры царства Чу, слуги и наложницы постоянно недоедали, пытаясь угодить своему правителю. Тянь Гофу вспоминает этот фрагмент из «Мо цзы», комментируя строительство баскетбольной площадки после назначения на должность секретаря провинциального комитета Ханьдун Ша Жуйцзиня (沙瑞金), который, как известно, любит этот вид спорта. Таким образом он призывает не лстить во всем начальству, а добросовестно выполнять свои обязанности.

В сериале Чжоу Мэйсэня также часто встречаются известные китайские идиомы (Чэньюй, 成语). Так, в одном из эпизодов Ша Жуйцзинь озвучивает следующую идиому: «Бей тигра, дави муху» (Лаоху цани ницида, 老虎苍蝇一起打). Под «тиграми» в данном контексте подразумеваются высшие партийные чиновники и бизнесмены, замешанные в коррупции, а под «мухами» — мелкие административные работники, пойманные на взяточничестве. Этой же идиомой председатель КНР Си Цзиньпин ознаменовал начало антикоррупционной кампании, которая должна была устранить от власти коррупционеров и вытравить любые признаки кумовства из жизни китайского общества. А Хоу Лянпин в одном из диалогов, предупреждая коллегу от необдуманных действий, употребляет идиому «Косил траву, спугнул змею» (Дацао цзиншэ, 打草惊蛇), что означает действовать неосторожно и спугнуть противника.

Характерную для мира юстиций идиому приводит главный прокурор народной прокуратуры Ханьдун Ци Чанмин (季昌明). Он рассказывает про случай в провинции Фуцзянь, где инвестор дает взятку

местному министру, чтобы тот одобрил добычу ископаемых в указанном руднике. Однако, взяв деньги, министр так и не выполняет свою часть сделки, из-за чего инвестор обращается в полицию. В этом фрагменте Цзи Чанмин говорит, что инвестор «вытащил репу вместе в грязью» (Бачу лобо дайчуни, 拔出萝卜带出泥). Это выражение означает, что пойманный на преступлении человек по ходу дела разоблачает и других преступников. Иными словами, рассказав о взятке полиции, инвестор «сдал» не только министра, но и самого себя.

Многие герои сериала «Именем народа» используют в своем лексиконе известные изречения действующих китайских политиков и государственных лидеров. Например, когда Хоу Лянпин ведет диалог с коррупционером, он вспоминает слова премьера Государственного совета КНР Ли Кэцяна (李克强; 1955 г.), произнесенные им в 2015 г. на третьей сессии XII Всекитайского собрания народных представителей: «Обладающим властью нельзя давать волю своему нраву» (Юцюань букэ жэньсин, 有权不可任性). Ли Кэцян употребил эту формулу в контексте борьбы с коррупцией, призывая партийцев уменьшить влияние бюрократического аппарата на принятие важных для общества решений, тем самым нивелируя одну из причин взяточничества.

«Чтобы ковать железо, нужно самому быть крепким» (Дате хайдэ цышэньин, 打铁还得自身硬) — такую фразу озвучивает в сериале секретарь горкома города Цзинчжоу Ли Дакан (李达康), тем самым ссылаясь на знаменитые слова Си Цзиньпина, произнесенные на XVIII съезде КПК. На пресс-брифинге Ли Дакан также вспоминает другое известное выражение Си Цзиньпина: «Необходимо бороться с коррупцией» (Юфубифань, 有腐必反).

Свое место в языковом наполнении сериала занимает и актуальная для китайского социума антикоррупционная лексика. «Чиновник не может спокойно жить» (Гуаньбуляошэн, 官不聊生) — не раз встречающаяся в диалогах формулировка является одним из примеров такой лексики. Эта идиома перефразирует известный фрагмент из труда китайского историографа Сыма Цяня (司马迁; 145–86 гг. до н.э.) «Исторические записки» (Шицзи, 史记) «Народ не может спокойно жить» (Миньбуляошэн, 民不聊生). Используя эту фразу, герои сериала напоминают, что чиновник должен не искать в своей профессии си-некуру, а отдавать всего себя на служение обществу, невзирая на любые сложности и даже страдания.

Во время встречи с журналистами Ша Жуйцзинь сказал, что многие кадры «оставались на службе, будучи больными» (Дайбинцзайган, 带病在岗), а некоторые даже «продвигались по службе, несмотря на болезнь» (Дайбинтиба, 带病提拔). Эти часто встречающиеся в китайском политическом дискурсе выражения обычно обращены к чиновникам («больным»), которые нарушают устав партии, совершают ошиб-

ки и не выполняют свои обязанности, но все равно остаются на своем месте, как в первом варианте, или продвигаются по службе, как во втором варианте. Иными словами, «болезнь» в данном контексте означает плохую работу чиновника.

С помощью арготизмов, используемых главными героями «Именем народа», Чжоу Мэйсэнь делит коррумпированных чиновников на четыре типа:

1. «Мелкий чиновник супервзяточник» (Сяогуаньцзюйтань, 小官巨贪) — госслужащий, занимающий незначительные должности, но имеющий огромное количество коррупционных активов. В начале сериала ловят такого чиновника-коррупционера — Чжао Дэханя (赵德汉), на даче которого было обнаружено 230 млн. юаней, спрятанных по разным комнатам.

2. «Способные чиновники-взяточники» (Нэнжэньфубай, 能人腐败) — таких госслужащих отличает то, что они добились реальных успехов на службе и пользуются популярностью в народе, но иногда тоже берут взятки, чтобы поднять свой статус и показать свою исполнительность. Таким чиновником в сериале считается Ли Вэйминь (李为民), заместитель мэра города Линьчжоу и директор зоны развития, отвечающий за привлечение инвестиций. Ли Вэйминь был очень способным работником, но из-за взяточничества он почти разрушил зону застройки, за которую нес прямую ответственность.

3. «Голоый чиновник» (Логуань, 裸官) — госслужащий, чья семья проживает за рубежом, и который сам готов быстро эмигрировать в другую страну в случае поимки его на взяточничестве. В сериале такой типаж был представлен Ли Даканом (李达康), членом постоянного комитета провинциального комитета партии в Ханьдун. Его дочь учится за границей, а жена собирается переехать к ней, при этом не оформляя развод с Ли Даканом.

4. «Жена сановника» (Гуаньгайттай, 官太太). Речь идет о женщинах, пользующихся государственным положением своих супругов для совершения коррупционных преступлений. В сериале Чжоу Мэйсэнь такой «женой сановника» является Оу Янцзин (欧阳菁) — вице-президент городского банка Цзинчжоу, супруга секретаря горкома Цзинчжоу Ли Дакана. Она воспользовалась авторитетом и статусом своего мужа, чтобы незаконно присваивать себе деньги, а также нелегально одалживать средства бизнесмену Цай Чэнгуну (蔡成功). В конце концов Оу Янцзин была арестована и приговорена к 10 годам лишения свободы.

Герои сериала периодически употребляют выражение «коррупционный клуб» (Хуэйсофубай, 会所腐败), имея в виду дома или другие помещения, где коррупционеры совершают свои преступления. В сериале таким «коррупционным клубом» считается усадьба «Гор и рек» (Шаньшуйчжуанюань, 山水庄园), принадлежащая руководительнице компании

Shanshui Group Гао Сяоцин (高小琴).

По итогам этого небольшого анализа мы можем увидеть, что роль языка (лексики) в сериале «Именем народа» сложно переоценить. Чжоу Мэйсэнь активно использует традиционные для классической литературы Китая метафоры и идиомы, а также часто обращается к распространенной среди китайских чиновников лексике и арготизмам. Таким образом,

автор, с одной стороны, значительно углубляет сюжет сериала, связывая главных героев со знаменитыми персонажами китайской классики и возводя конфликт картины на уровень дуалистической борьбы добра и зла, а с другой стороны, Чжоу Мэйсэнь актуализирует противостояние добропорядочных чиновников и взяточников современным антикоррупционным дискурсом.

*Российский университет дружбы народов
Чжу Бокунь, кандидат филологических наук, аспирант
кафедры теории и истории журналистики
E-mail: phil@pochta.rudn.ru*

*Peoples' Friendship University of Russia
Zhu Bokun, Candidate of Philology, Postgraduate
Student of the Theory and History of Journalism Department
E-mail: phil@pochta.rudn.ru*

ИСПРАВЛЕНИЯ

В №4 «Вестника ВГУ» в заглавии статьи А. В. Бакунцева, С. Н. Морозова (С.8–12) была допущена ошибка.

Следует читать:
Сборник критики и публицистики И. А. Бунина 1911–1953 гг. как научный проект. Часть 2. Структура и текстология

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вниманию иногородних авторов! Статьи, высланные по почте ценной бандеролью, к печати приниматься не будут. Статьи должны направляться простым письмом.

Журнал «Вестник Воронежского государственного университета» принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленных в виде полных статей, кратких сообщений, а также обзоры (по согласованию с редакцией). Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Полные статьи принимаются объемом до 40 000 символов с пробелами, краткие статьи – до 25 000 символов с пробелами.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

1) текст статьи, УДК, таблицы, рисунки и подписи к ним (на русском языке); аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах: инициалы и фамилии, их должности, ученые степени, телефоны и адреса электронной почты (на русском и английском языках) в распечатанном виде (в 2 экз.);

2) файлы всех представляемых материалов на электронном носителе или по электронной почте редакции.

Статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде (в 2 экз.) вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи необходимо приложить письмо от авторов, содержащее ответы на все замечания и поясняющее все изменения, сделанные в статье. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

Публикация статей, кратких сообщений и обзоров начинается с индекса УДК, затем следуют: заглавие статьи, инициалы и фамилии авторов, развернутые названия научных учреждений. Далее

приводятся: дата поступления материала в редакцию краткие аннотации и ключевые слова – на русском и английском языках.

Список использованной литературы озаглавляется словом «Литература», нумеруется в порядке цитирования (а не по алфавиту).

В конце статьи помещается информация об авторах (место работы, фамилии, инициалы, ученая степень, должность, контактные данные – на русском и английском языках).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСИ

Текст статьи должен быть напечатан через 1,5 интервала на белой бумаге формата А4, поля стандартные, размер шрифта – 14 (Times New Roman).

Все страницы рукописи следует пронумеровать. Формулы, рисунки, таблицы и ссылки на литературу нумеруются в порядке их упоминания в тексте. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках. Если ссылка на литературу есть в таблице или подписи к рисунку, ей дается порядковый номер, соответствующий расположению данного материала в тексте статьи. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Рисунки прилагаются отдельно. Формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей. Подрисуночная подпись должна быть самодостаточной, без апелляции к тексту. На обратной стороне рисунка следует указать его номер, фамилию первого автора, пометить, если требуется, «верх» и «низ». Полутонные фотографии (используются только при крайней необходимости) представляются на белой глянцевой бумаге, ксерокопии не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Основной текст статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word. Таблицы являются частью текста и не должны создаваться как графические объекты.

Электронная версия каждого рисунка должна быть оформлена как отдельный файл формата TIFF, JPEG, BMP, WMF, EPS с разрешением не менее 300 dpi. Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы было понятно, к какой статье они относятся и каким по порядку рисунком статьи являются. Каждый файл должен содержать один рисунок.